

2025 № 4 [17]

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ.**

**ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

.....
Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

Издается с 2009 г.

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Владивосток
2025

2025 № 4 [17]

**THE TERRITORY OF NEW
OPPORTUNITIES.**

**THE HERALD OF VLADIVOSTOK
STATE UNIVERSITY**

.....
Founder and publisher:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Vladivostok State University"

Published since 2009

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Vladivostok
2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Терентьева Татьяна Валерьевна	<i>председатель редакционной коллегии</i> , доктор экономических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» (г. Владивосток, Россия)
Мамычев Алексей Юрьевич	<i>заместитель председателя редакционной коллегии</i> , доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Латкин Александр Павлович	<i>главный редактор</i> , доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
<i>Члены редакционной коллегии:</i>	
Васильев Антон Александрович	доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)
Гвилия Наталья Алексеевна	доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры логистики и поставок, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (г. Москва, Россия)
Глазырина Ирина Петровна	доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Россия)
Гомбоева Маргарита Ивановна	доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)
Дорошенко Светлана Викторовна	доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором, Институт экономики УрО РАН, (г. Екатеринбург, Россия)
Ермакова Жанна Анатольевна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, Россия)
Зубарев Александр Евстратьевич	доктор экономических наук, профессор факультета экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)
Клещева Нелли Александровна	доктор педагогических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Кокурина Ольга Юрьевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Коноплева Нина Алексеевна	доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Кречетников Константин Геннадьевич	доктор педагогических наук, профессор, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (г. Владивосток, Россия)
Мазелис Лев Соломонович	доктор экономических наук, доцент, и.о. директора Института цифровой экономики и бизнес-аналитики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Мешанова Мария Валентиновна	доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)
Муртазозода Джамшед Саидали	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Найден Светлана Николаевна	доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН, (г. Хабаровск, Россия)
Овчинников Алексей Игоревич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Петрук Галина Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, директор департамента научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Семкин Сергей Викторович	доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смагин Виктор Павлович	доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смирнова Надежда Анатольевна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров, Костромской государственный университет (г. Кострома, Россия)
Солодухин Константин Сергеевич	доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Фоминская Марина Дмитриевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Ставрополь, Россия)
Чернявская Валентина Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Шеромова Ирина Александровна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна	доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Яроцкая Людмила Владимировна	доктор педагогических наук, профессор, доцент, ведущий эксперт Центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений ФГАОУ ВО НИЯУ «МИФИ» (г. Москва, Россия)
Park Nohyoung	доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа, Корейский университет (г. Сеул, Республика Корея)
Zhang Yuci	профессор, доктор экономических наук, директор международного департамента, Северо-Восточный университет финансов и экономики (г. Далянь, КНР)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

Tatiana V. Terentyeva	<i>Chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Economics, Professor, Rector, VVSU (Vladivostok, Russia)
Alexey Yu. Mamychnev	<i>Vice-chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Alexander P. Latkin	<i>Head Editor</i> , Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel, VVSU (Vladivostok, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anton A. Vasiliev	Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russia)
Natalia A. Gvilia	Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Logistics and Supplies, St. Petersburg State University of Economics (Moscow, Russia)
Irina P. Glazyrina	Doctor of Economics, Professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (Chita, Russia)
Margarita I. Gomboeva	Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Trans-Baikal State University (Chita, Russia)
Svetlana V. Doroshenko	Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
Zhanna A. Ermakova	Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University (Orenburg, Russia)
Alexander E. Zubarev	Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics and Management, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Nelly A. Kleshcheva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Olga Yu. Kokurina	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Nina A. Konopleva	Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Konstantin G. Krechetnikov	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S.O. Makarov Pacific Higher Naval School (Vladivostok, Russia)
Lev S. Mazelis	Doctor of Economics, Associate Professor, VVSU (Vladivostok, Russia)
Maria V. Meshchanova	Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Jamshed S. Murtazozoda	Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
Svetlana N. Nayden	Doctor of Economics, Professor, Institute of Economic Research FEB RAS (Khabarovsk, Russia)
Alexey I. Ovchinnikov	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Galina V. Petruk	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Department of Research, VVSU (Vladivostok, Russia)
Sergey V. Syomkin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, VVSU (Vladivostok, Russia)
Viktor P. Smagin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VVSU (Vladivostok, Russia)
Nadezhda A. Smirnova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Consumer Goods Expertise, Kostroma State University (Kostroma, Russia)
Konstantin S. Solodukhin	Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics and Modeling, VVSU (Vladivostok, Russia)
Marina D. Fominskaya	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol, Russia)
Valentina S. Chernyavskaya	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Irina A. Sheromova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Claudia G. Erdyneeva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Lydmila V. Yarotskaya	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor, Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow, Russia)
Park Nohyoung	Doctor of Law, Dean of the Law School, Director of the Cyber Law Center, Korea University (Seoul, Republic of Korea)
Zhang Yuci	Professor, Doctor of Economics, Director of the International Department, Northeastern University of Finance and Economics (Dalian, China)

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2025, № 4

[Том 17]

Научный журнал

Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
ФЗ № 436-ФЗ

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского
государственного университета» зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 15.12.2022 г.
(Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84186 от 05.12.2022 г. – печатное издание)
ISSN 2949-1258

Периодичность: 4 раза в год

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Сайт: <https://vvsu.ru>

Сайт: <https://science.vvsu.ru/scientific-journals/journal/>

Адрес издателя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, к. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас

Ответственный секретарь В. В. Шамаева

Редактор И. Г. Шабунина

Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 25.12.2025. Формат 70×100/16.

Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 18,34. Уч.-изд. л. 17,52

Тираж 300 [I–100] экз. Заказ

Цена на территории РФ свободная

Дата выхода в свет: 25.12.2025 г.

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Содержание

Региональная и отраслевая экономика

Поликарпов К.И., Ветрова Е.Н.

Оценка эффективности деятельности организации на основе анализа ее финансового состояния

7

Паришук Д.В.

Фискальная эффективность государственной поддержки сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе

23

Маюшкин А.В.

Роль государственно-частного партнерства в развитии моногородов

34

Белозерцева Н.П., Латкина А.А.

Перспективы и ограничения в развитии международного транспортного коридора «Северный морской путь»

46

Шичалина В.А., Латкин А.П., Сунь Лимэй

Восточноазиатский вектор выстраивания экономических границ

55

Мартынов Д.В., Красько А.А.

Структура портового грузооборота как фактор отраслевого и пространственного развития регионов

65

Менеджмент

Гомилевская Г.А.

Актуализация стандартов гостиничного обслуживания туристов из Китайской Народной Республики

79

Проскурякова А.А., Сайчук Д.С., Солодухин К.С.

Ранжирование компетенций сотрудников организации при формировании компетентностной модели с учетом интересов стейкхолдеров

92

Матвеева Е.В.

Анализ вовлеченности организаций агропромышленного комплекса в корпоративную социальную ответственность на основе данных по нефинансовой отчетности

104

Сайфуллина Л.Д.

Управление человеческими ресурсами в условиях трансформации регионального рынка труда

115

Contents

Regional and sectoral economy

Polikarpov K.I., Vetrova E.N.

Evaluation of an organization's performance based on an analysis of its financial condition

7

Parshukov D.V.

Fiscal efficiency of state support for agriculture in the Siberian Federal District

23

Mayushkin A.V.

The role of public-private partnership in the development of single-industry towns

34

Belozertseva N.P., Latkina A.A.

Prospects and limitations in the development of the «Northern Sea route» as an international transport corridor

46

Shichalina V.A., Latkin A.P., Limei Sun

East Asian vector of building economic bordersas

55

Martynov D.V., Krasko A.A.

Structure of port cargo turnover as a factor of industry and spatial development of regions

65

Management

Gomilevskaya G.A.

Updating hotel service standards for tourists from the People's Republic of China

79

Proskuryakova A.A., Saychuk D.S., Solodukhin K.S.

Ranking the competencies of the organization's employees when forming a competency model taking into account the interests of stakeholders

92

Matveeva E.V.

Analysis of the involvement of agro-industrial complex organizations in corporate social responsibility based on non-financial reporting data

104

Saifullina L.D.

Human resources management in the context of regional labor market transformation

115

Педагогика

Каменная Е.О., Коноплева Н.А.

Аксиосфера высшего учебного заведения как культурного института, репрезентирующего ценности современной российской молодежи

Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ярыгина М.М.

Искусственный интеллект в высшем образовании: опыт и ожидания преподавателей регионального университета

Борзова Т.А., Воронина О.А.

Роль учебной практики в формировании навыков социального взаимодействия в процессе адаптации иностранных студентов-первокурсников

Капустина Т.В., Алешина О.С., Черемискина И.И.

Психологическая коррекция кризисного состояния у студентов, связанного с учебно-профессиональной деятельностью

Чернявская В.С., Екинцев В.И.

Образное и знаково-символическое мышление в обучении математике: диагностика предпочтений и педагогические импликации

Данилина Е.К., Клещева Н.А., Зачиняева Е.Ф.

Информационно-коммуникативное сопровождение внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в процессе обучения физике

Гнитецкая Т.Н., Заболотский В.С.

Динамика содержания понятия метапредметности: от античности до наших дней

Юридические науки

Вережчагина А.В.

Заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним: некоторые вопросы регламентации и правоприменения

Варавенко В.Е., Ниязова М.В.

Пределы свободы сторон договора в установлении правил толкования его условий

Публикации 2025 года

Правила оформления статей

Pedagogy

Kamennaya E.O., Konopleva N.A.

The axiosphere of a higher educational institution as a cultural institution representing the values of modern Russian youth

Abrosimova E.E., Filipova A.G., Yarygina M.M.

Artificial Intelligence in higher education: the experiences and expectations of teachers of a regional university

Borzova T.A., Voronina O.A.

The role of educational practice in the formation of social interaction skills in the process of adaptation of international first-year students

Kapustina T.V., Alyoshina O.S., Cheremiskina I.I.

Psychological correction of the crisis state in students associated with educational and professional activities

Chernyavskaya V.S., Ekintsev V.I.

Figurative and symbolic thinking in teaching mathematics: diagnostics of preferences and pedagogical implications

Danilina E.K., Klescheva N.A., Zachinyaeva E.F.

Information and communication support for off-site independent students training in the process of teaching physics

Gnitetskaya T.N., Zabolotsky V.S.

Dynamics of the concept of meta-subjectivity: from antiquity to the present day

Law sciences

Vereshchagina A.V.

Detention and supervision of minors: some issues of regulation and law enforcement

Varavenko V.E., Niyazova M.V.

Limits of freedom of the parties to the contract in establishing rules for interpreting its terms

Publications of 2025

Rules of formatting articles

Научная статья
УДК 336.64 658.15
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/007-022>
EDN: <https://elibrary.ru/ZJEEOI>

Оценка эффективности деятельности организации на основе анализа ее финансового состояния

Поликарпов Константин Игоревич

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Академия промышленных технологий
Санкт-Петербург. Россия

Ветрова Елена Николаевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург. Россия

***Аннотация.** В сфере управления деятельностью организации огромную роль играет качественно проведенный анализ ее деятельности, по результатам которого определяются проблемы управления ее развитием, обеспечения эффективности, принимаются решения, разрабатываются проекты (в том числе связанные с осуществлением инноваций и инвестиций), направленные на устранение проблем, слабых сторон и т.д. Результаты проводимых аналитических исследований по вопросам финансового состояния организаций представляют интерес не только для внутренних пользователей, но и для внешних, среди которых: федеральная налоговая служба – при проведении мероприятий налогового мониторинга, финансово-кредитные организации – при оценке кредитоспособности организации, органы власти – при проработке мероприятий в сфере развития отраслей, регионов, программ поддержки бизнеса и предпринимательства. Немаловажную роль результаты анализа деятельности организаций играют при проведении научных исследований. Проведенное исследование позволило установить ряд проблем оценки отдельных показателей эффективности деятельности организаций, среди которых: недостаточная универсальность понятийно-категориального терминологического аппарата; различия в способах оценивания показателей, а также нормативных значениях отдельных показателей; различия величин одного и того же показателя за один и тот же период, опубликованные в отдельных источниках государственной статистики. Выявленные проблемы теории и практики оценки отдельных показателей эффективности финансово-хозяйственной деятельности организаций влекут за собой недостаточную результативность их применения, интерпретирования результатов полученных расчетов. В качестве направления повышения эффективности применения показателей финансового состояния организаций в практической деятельности, научных исследованиях целесообразна проработка и принятие нормативного документа, разработанного по результатам научных исследований и устанавливающего единую терминологию, методику оценивания показателей, их критические значения.*

Ключевые слова: коэффициенты ликвидности, коэффициенты рентабельности, коэффициенты финансовой устойчивости, финансовое состояние, эффективность деятельности организаций.

Для цитирования: Поликарпов К.И., Ветрова Е.Н. Оценка эффективности деятельности организации на основе анализа ее финансового состояния // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/007-022>. EDN: <https://elibrary.ru/ZJEEOI>

.....

Regional and sectoral economy

.....

Original article

Evaluation of an organization's performance based on an analysis of its financial condition

Konstantin I. Polikarpov

Saint Petersburg State University of economics

Academy of industrial technologies

Saint Petersburg, Russia

Elena N. Vetrova

Saint Petersburg State University of economics

Saint Petersburg, Russia

Abstract. *In the sphere of managing the organization's activities, a high-quality analysis of its activities plays a huge role, based on the results of which the problems of managing its development, ensuring efficiency are determined, decisions are made, and projects are developed (including those related to the implementation of innovations and investments), aimed at eliminating problems, weaknesses, ect. The result of the conducted analytical studies on the financial condition of organizations are of interest not only to internal users, but also to external ones, including: Federal Tax Service – when conducting tax monitoring activities, financial and credit organizations – when assessing the creditworthiness of an organization, government bodies – when developing activities in the area of development of industries, regions, business and entrepreneurship support programs. Our research allowed us to identify a number of problems in assessing individual performance indicators of companies, including: insufficient universality of the conceptual terminological apparatus; differences in the methods of assessing indicators, as well as the standard values of individual indicators; differences in the values of the same indicator for the same period, published in individual sources of state statistics. The problems we are have identified in the theory and practice of assessing individual performance indicators of financial and economic activities of organizations lead to insufficient effectiveness of their application and interpretation of the result of the calculations obtained. As a direction for increasing the efficiency of using indicators of the financial conditions of companies in practical activities and scientific research, it is advisable to develop and adopt a regulatory document developed based on the result of scientific research and establishing a uniform terminology, methodology of assessing indicators, and their critical values.*

Keywords: liquidity ratios, profitability ratios, financial stability ratios, business activity indicators, financial condition, efficiency of organizations.

For citation: Polikarpov K.I., Vetrova E.N. Evaluation of an organization's performance based on an analysis of its financial condition // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/007-022>. EDN: <https://elibrary.ru/ZJEEOI>

Введение

Актуальность. В сфере, как научных исследований, так и в практической деятельности, широкое распространение получили показатели, характеризующие эффектив-

ность деятельности организаций, ее финансовое состояние (положение). Особый интерес среди данных показателей представляют коэффициенты ликвидности, рентабельности, деловой активности и финансовой устойчивости. Оценка и сравнительный анализ данных показателей проводится как для целей идентификации проблем управления развитием деятельности организаций, так и в иных областях, среди которых: проведение отраслевых и межотраслевых сравнений, мониторинг, осуществляемый различными органами власти (ФНС, ФАГС и др.), оценка кредитоспособности организации.

Предмет исследования – отдельные показатели, характеризующие эффективность деятельности организаций, их финансовое состояние.

Противоречия и проблема. Отдельные нормативно-правовые, научно-публицистические и иные источники предлагают различные критические значения и способы оценки тех или иных показателей эффективности деятельности организаций, что создает искажения в обосновании их значений, принятии на их основе тех или иных управленческих решений.

Цель и задачи. Цель исследования состоит в определении проблем применения отдельных показателей финансового состояния в научных и практических исследованиях, определении направлений совершенствования методологического инструментария оценки финансового состояния организаций.

Для достижения данной цели необходимо решить совокупность следующих взаимосвязанных и взаимообусловленных задач:

- 1) провести обзор и критический анализ нормативных документов, статистических изданий и иных источников, раскрывающих методику проведения анализа финансового состояния;
- 2) выполнить сравнительный анализ данных, содержащихся в источниках официальной статистики;
- 3) определить направления развития методологического инструментария анализа финансового состояния организации в части показателей рентабельности, ликвидности и иных.

Методы исследования. При проведении исследования использован сравнительный и критический анализ отдельных нормативно-правовых и научно-публицистических источников, выполнен анализ отдельных показателей эффективности деятельности в разрезе отдельных отраслей и федеральных округов, проведены международные сравнения.

Информационно-статистическая база. Исследование основано на источниках, посвященных теме и проблеме данного исследования, среди которых: отдельные нормативные документы, научно-публицистические источники; сведения официальной государственной статистики России и стран – участниц ЕАЭС.

Основная часть

Вопросы оценки эффективности деятельности организации, ее финансового состояния широко освещены в научной литературе, нормативных документах. Финансовое состояние организации оценивается посредством расчета и анализа в динамике, а также в сравнении с нормативными значениями широкого спектра показателей, обобщенных по группам, среди которых выделяют следующие группы показателей финансового состояния организаций: рентабельность, деловую активность, финансовую устойчивость, ликвидность. Данное исследование охватывает наиболее распространенные показатели названных групп.

В отдельных источниках [1–4] содержатся сведения о показателях эффективности деятельности организаций как в целом по экономике, так и в детализации по видам экономической деятельности, регионам, отраслям, федеральным округам. В работе [1] отмечено, что рентабельность организаций характеризует эффективность их деятельности.

На наш взгляд, обозначенное определение группы показателей рентабельности является чрезмерно обобщенным.

Мы полагаем, что показатели финансового состояния организаций в том или ином аспекте характеризуют эффективность деятельности организаций:

- показатели рентабельности – с точки зрения эффективности деятельности организаций относительно прибыльности;
- показатели деловой активности – с точки зрения финансово-хозяйственного оборота;
- показатели финансовой устойчивости – с точки зрения структуры капитала;
- показатели ликвидности – с точки зрения способности организации своевременно рассчитываться по своим обязательствам.

В рамках данного исследования целесообразно провести сравнительный анализ содержания отдельных источников в отношении сущности и методики расчета рассматриваемых показателей.

В таблицах 1, 2 рассмотрены показатели, которые наиболее часто встречаются в первоисточниках. Например, наряду с показателями, проанализированными в указанных таблицах, в Методологических рекомендациях [5] среди показателей финансовой устойчивости обозначены: коэффициент маневренности, коэффициент обеспеченности собственными материальными оборотными активами и др. Первоисточник уделяет внимание показателям деловой активности, таким как: количество оборотов краткосрочной дебиторской задолженности за период, средний срок ее погашения, количество оборотов краткосрочной кредиторской задолженности, а также прочим показателям названной группы индикаторов финансового состояния; раскрывает порядок проведения структурно-временного анализа бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Таблица 1

Сравнение сущности и методики расчета отдельных показателей финансового состояния организации (показатели рентабельности)

Показатель	Источник			
	Центральный банк России [4]	Федеральное агентство государственной статистики [1]	Российский статистический ежегодник [3]	Методологические рекомендации по проведению АФХД [5]
Показатели рентабельности				
Рентабельность активов	ROA. Отношение чистой прибыли к сумме активов	Отношение сальдированного финансового результата (разность между прибылью и убытком) к стоимости активов организаций		Выделена общая рентабельность активов (на основе налогооблагаемой прибыли) и чистая (на основе чистой прибыли). Возможен расчет на основе всех активов либо того или иного раздела актива баланса

Показатель	Источник			
	Центральный банк России [4]	Федеральное агентство государственной статистики [1]	Российский статистический ежегодник [3]	Методологические рекомендации по проведению АФХД [5]
Рентабельность продукции (товаров, работ, услуг)	Показатель не раскрыт	В источниках показатель обозначен как рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг); определяется отношением сальдированного финансового результата (разность между прибылью и убытком) к себестоимости проданных товаров, продукции (работ, услуг). В статистическом ежегоднике обозначено уточнение «к себестоимости проданных товаров с учетом коммерческих и управленческих расходов»		Отношение прибыли / убытка от продаж к затратам на производство
Рентабельность продаж	Показатель обозначен как норма чистой прибыли (ROS); рассчитывается как отношение чистой прибыли к выручке	Показатель не раскрыт	Показатель не раскрыт	Отношение прибыли / убытка от продаж к выручке (общая рентабельность продаж) на основе чистой прибыли – чистая рентабельность продаж
Рентабельность капитала	ROE. Отношение чистой прибыли к сумме капитала и резервов	Показатель не раскрыт	Показатель не раскрыт	Показатель не раскрыт

Источник: сост. авторами по [1, 3–5].

Проводя сравнительный анализ первоисточников по проблеме сущности и методики расчета показателей рентабельности (см. табл. 1), следует выделить ряд замечаний. По данным сайта Федерального агентства государственной статистики [1], а также статистического ежегодника, издаваемого названным ведомством [3], предлагается осуществлять расчет рентабельности на основе сальдированного финансового результата, который определяется как разность между прибылью и убытком. Данная формулировка отличается неясностью. Возникает вопрос: какой из показателей прибыли следует взять за основу расчета. В соответствии со ст. 27 МСБУ [6] в отчете о финансовых результатах раскрываются итоговые показатели: валовая прибыль (убыток), прибыль (убыток) от продаж, прибыль (убыток) до налогообложения, чистая прибыль (убыток).

Следует отметить, что иные источники в качестве числителя формулы предлагают тот или иной показатель прибыли (убытка).

Таблица 2

Сравнение сущности и методики расчета отдельных показателей финансового состояния организации (показатели ликвидности и финансовой устойчивости)

Показатель	Источник		
	Центральный банк России [4]	Федеральное агентство государственной статистики [1]	Методологические рекомендации по проведению АФХД [5]
Показатели ликвидности			
Коэффициент абсолютной ликвидности	Коэффициент текущей ликвидности обозначен как коэффициент ликвидности; рассчитывается как отношение оборотных активов к краткосрочным обязательствам	Показатель не раскрыт	Отношение суммы денежных средств и краткосрочных финансовых вложений к величине краткосрочных обязательств. Рекомендуемое значение 20 %
Коэффициент быстрой (срочной) ликвидности		Показатель не раскрыт	Показатель обозначен как коэффициент ликвидности. Отношение суммы денежных средств, краткосрочных финансовых вложений и дебиторской задолженности к величине краткосрочных обязательств. Рекомендуемое значение 80–100 %
Коэффициент текущей ликвидности		Отношение оборотных активов к краткосрочным обязательствам	Отношение краткосрочных активов к величине краткосрочных обязательств. Рекомендуемое значение 200 %
Показатели финансовой устойчивости			
Коэффициент финансового левериджа	Отношение остатка всех заемных средств к величине капитала и резервов	Показатель не раскрыт	Показатель обозначен как коэффициент соотношения заемных и собственных средств; рассчитывается тем же способом, как обозначает ЦБР (см. гр. 1 данной строки данной таблицы)
Индикатор стоимости финансирования	Отношение процентов к уплате к сумме всех заемных средств	Показатель не раскрыт	Показатель не раскрыт

Показатель	Источник		
	Центральный банк России [4]	Федеральное агентство государственной статистики [1]	Методологические рекомендации по проведению АФХД [5]
Коэффициент автономии	Показатель не раскрыт	Доля собственных средств (капитал и резервы. – <i>Прим. авт.</i>) в общей величине источников средств организации. Определяет степень независимости от кредиторов	Рассчитывается тем же способом, как обозначает ФАГС (см. гр. 2 данной строки данной таблицы). Рекомендуемое значение 50 %
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Показатель не раскрыт	Отношение собственных оборотных средств к фактической стоимости всех оборотных активов, находящихся в наличии у организации	Показатель обозначен как коэффициент обеспеченности собственными оборотными активами; рассчитывается тем же способом, как обозначает ФАГС (см. гр. 2 данной строки данной таблицы). Рекомендуемое значение 10 %

Источник: сост. авторами по [1, 4, 5].

Показатели эффективности деятельности организаций раскрыты в ряде нормативных документов: Методологических рекомендациях [5], Правилах проведения арбитражными управляющими финансового анализа [7], Методике проведения Федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платежеспособности стратегических предприятий и организаций [8], Методических указаниях по проведению анализа финансового состояния организаций [9] – документе, утратившем силу по причине реформирования сферы банкротства организаций: введением в действие нормативного документа [10].

Нормативные документы [7–9] содержат методику проведения оценки финансового состояния организаций, однако не раскрывают критические / рекомендуемые / нормативные значения показателей эффективности деятельности организаций. Методологические рекомендации [5], в свою очередь, раскрывают рекомендуемые значения показателей, например в отношении показателей рентабельности обозначено: положительное значение показателя, их положительная или стабильная динамика.

Отдельными источниками (например, [11]) предложены методики расчета коэффициентов ликвидности и финансовой устойчивости без умножения на 100 (формулы расчета соответствующих показателей с умножением на 100 опубликованы в Методологических рекомендациях [5]). Обзор указанных источников позволяет провести сравнительный анализ критических значений исследуемых показателей (табл. 3).

**Сравнительный анализ критических значений отдельных показателей
финансового состояния организации**

Показатель	Источник				
	Веб-сервис Контур. Эксперт [11]	Методологические рекомендации по проведению АФХД [5]	Веб-сервис Контур.Эксперт [11] (ана- лиз кредитоспособности) со ссылкой на локальный акт Сбербанка от 2006 г.		
			категория 1	категория 2	категория 3
Коэффициент абсолютной лик- видности	>0,15, >15 %	0,2, 20 %	>0,1, >10 %	0,05–0,1, 5–10 %	<0,05, <5 %
Коэффициент быстрой (срочной ликвидности) / коэффициент про- межуточной (срочной ликвид- ности)	>0,9, >90 %	0,8–1, 80–100 %	>0,8, >80 %	0,5–0,8, 50–80 %	<0,5 <50 %
Коэффициент текущей ликвид- ности	>1,8, >180 %	2, 200 %	>1,5, >150 %	1–1,5, 100–150 %	<1,00, <100 %
Рентабельность продукции	Нет данных	>0, положитель- ная или стабиль- ная динамика	>0,1, >10 %	<0,1, <10 %	<0 <0
Рентабельность деятельности предприятия	Нет данных	>0, положитель- ная или стабиль- ная динамика	>0,06, >6 %	<0,06, <6 %	<0 <0
Коэффициент финансового ле- вериджа / коэф- фициент соотно- шения заемных и собственных средств	<1,22 (122 %). Оптимально 0,43–0,82 (43–82 %)	≤1, ≤100	Нет дан- ных	Нет дан- ных	Нет дан- ных
Коэффициент автономии	>0,45 (45 %). Оптимально 0,55–0,70 (55–70 %)	0,5, 50 %	Нет дан- ных	Нет дан- ных	Нет дан- ных
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными сред- ствами	≥0,1, ≥10 %	0,1, 10 %	Нет дан- ных	Нет дан- ных	Нет дан- ных

Источник: сост. авторами по [5, 11].

Характеризуя результаты проведенного сравнительного анализа (см. табл. 1–3), следует заключить: по причине неоднозначности формулировок, расхождений в названиях отдельных показателей, способов их оценки, величин их критических значений, использование рассматриваемых, а также ряда иных показателей является затруднительным в различных областях их применения. Среди отдельных показателей можно выделить: проведение перспективной и ретроспективной оценки эффективности деятельности организаций, их финансового состояния (положения); проведение научных исследований; осуществление различного рода мониторинга органами власти.

Неоднозначность формулировок, различия в способе оценки показателей, а также иных их характеристиках влекут за собой расхождения: при их сравнении, сопоставлении, толковании и трактовке; в формулировке выводов, формируемых на основании результатов соответствующих расчетов. Данная проблема носит концептуальный характер и требует научного подхода при ее разрешении. К возможным способам решения проблемы следует отнести разработку и принятие единого стандарта оценки эффективности деятельности организаций, их финансового состояния, содержащего методику расчета соответствующих показателей, их критические значения. Проблемы оценки финансового состояния организаций, управления им рассматривались нами ранее [12, 13]. В работе [12] исследован авторский подход к выполнению отдельных аналитических процедур при проведении оценки финансового состояния организации.

В Методологических рекомендациях [5] рассмотрены отдельные показатели, рассчитываемые на основе показателя «собственные оборотные средства»: коэффициент обеспеченности собственными материальными оборотными активами, коэффициент обеспеченности собственными оборотными активами. При этом указанный источник не раскрывает порядок расчета собственных оборотных средств. В соответствии с данными веб-сервиса Контур.Эксперт [11] возможно несколько способов оценки показателя «собственные оборотные средства»: без учета долгосрочных и краткосрочных пассивов, с учетом долгосрочных пассивов (равен чистому оборотному капиталу – Net Working Capital), с учетом как долгосрочных пассивов, так и краткосрочной задолженности по кредитам и займам.

Аналитическое исследование

Характеризуя данные, представленные на рис. 1, следует отметить, что в первоисточниках представлена разная детализация показателя: в данных ФНС [14] содержится детализированная информация по разным видам деятельности в соответствии с классификатором ОКВЭД-2 [15], а также разделам названного классификатора; на сайте ЦБР [4] рассматриваемый показатель детализирован только по разделам названного классификатора в части организаций, не являющихся финансовыми; данные ФАГС [1], в свою очередь, раскрывают обобщенное значение показателя рентабельности активов в целом по российским организациям и содержат уточнение о том, что при оценке показателя охвачены не все регионы страны; Федеральное агентство публикует данные о рассматриваемом показателе как обобщенно [1], так и детализированно [3].

Сравнительный анализ значений показателя рентабельности активов за 2015–2024 гг. позволяет установить расхождение в значениях показателя, представленных в отдельных рассматриваемых первоисточниках. К причинам расхождений можно отнести: применение различных способов сбора и обработки исходной информации, широту охвата статистического наблюдения (в том числе фактор учета показателей деятельности малых организаций) и др. Однако в 2023 г. значение показателя, по данным ФАГС и ФНС, сблизилось; по результатам деятельности организаций в 2024 г. значения показателей, по данным названных первоисточников, стали идентичными.

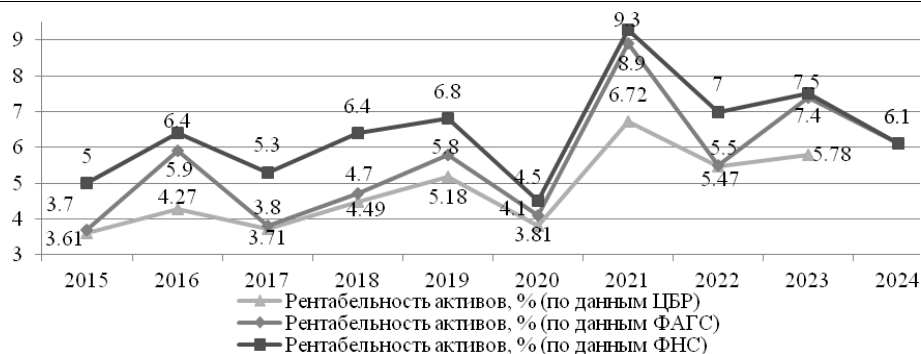

Рис. 1. Значение показателя рентабельности активов в целом по российским организациям на основе данных отдельных источников

Источник: сост. авторами по [1, 4, 14].

Отдельно следует отметить, что, по данным ЦБР [4], рассматриваемый показатель и иные показатели, представленные в том же разделе сайта, обозначены по состоянию на 1 января каждого года, однако сопоставление значений и динамики показателей с иными источниками, содержащими сведения об аналогичных показателях, позволили установить, что значения показателей, опубликованные на сайте ЦБР, соответствуют предыдущему году.

Положительные и отрицательные направления динамики значения показателя рентабельности активов совпадают по данным всех трех рассматриваемых первоисточников. Существенное снижение значения показателя в 2020 г. связано с господством различных ограничений, вводимых как в России, так и иностранных государствах по причине распространения COVID-19. Снижение уровня рентабельности активов в 2022 г. обусловлено применением (по причине обострения международной напряженности и геополитической обстановки) международных ограничений в отношении России, отраслей ее экономики, организаций, продукции, государственных финансов, иных объектов, а также использованием российскими органами власти ответных мер, что в совокупности существенно изменило условия осуществления финансово-хозяйственной предпринимательской деятельности.

Расхождение значений одного и того же показателя за один и тот же период, опубликованных в разных первоисточниках, влечет за собой проблемы при дальнейшем использовании данного показателя в сфере принятия управленческих решений по отдельным вопросам государственного регулирования экономики, в исследовательской и иных сферах деятельности.

В соответствии с данными (см. рис. 1) можно отметить существенное превышение значения рассматриваемого показателя по данным ФНС за 2015–2022 гг. Обозначенное ведомство использует данные о значении рассматриваемого, а также ряда иных показателей при проведении наблюдений за деятельностью организаций, в том числе для целей отбора организаций, осуществления камеральных и выездных налоговых проверок. В соответствии с работой [16] результаты опросов, проводимых в 2021–2022 гг. среди предпринимателей, руководителей малого и среднего бизнеса, позволили установить высокую степень недоверия представителей названных субъектов экономики к деятельности ФНС.

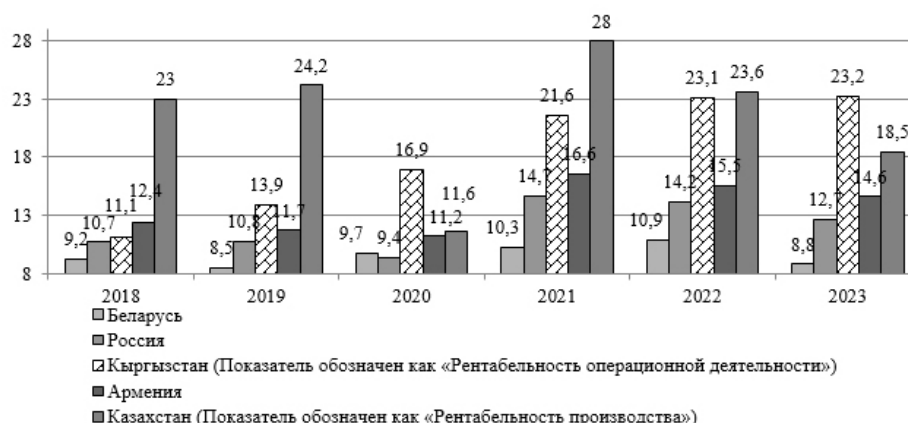

Рис. 2. Динамика значений показателя рентабельности проданных товаров (продукции, работ, услуг) в отдельных странах – участницах ЕАЭС за 2018–2023 гг.

Источник: сост. авторами по [2, 19–22].

Нами проводились неоднократные исследования в области регионального управления, развития национальной экономики, проблем развития государств, пребывающих в составе межгосударственных объединений [17, 18]. В работе [17] по результатам рассмотрения ряда финансовых и социально-экономических показателей сделан вывод о существенном различии ресурсной базы отдельных стран – участниц ЕАЭС.

В рамках данного исследования актуально провести сравнительный анализ состояния и динамики показателей рентабельности активов в отдельных государствах ЕАЭС. За рассматриваемый период (2018–2023) российские и белорусские организации демонстрируют меньший уровень рентабельности проданных товаров по сравнению с организациями иных стран – участниц ЕАЭС (рис. 2).

При подготовке рис. 2 мы столкнулись с расхождением в применяемой терминологии относительно показателя рентабельности проданных товаров (продукции, работ, услуг). В российских статистических ежегодниках [2, 3], статистическом ежегоднике Республики Беларусь [20] данный показатель представлен в схожих формулировках и способах расчета. В сборнике Республики Армения [19] показатель обозначен как «рентабельность продукции» (орфография сохранена), в сборнике Кыргызской Республики [22] – «рентабельность операционной деятельности»; первоисточник содержит уточнение «прибыль от реализации в процентах к расходам на производство». Возможно, данная формулировка является следствием некорректного перевода, однако в целом по смыслу порядок расчета схож с алгоритмом оценки показателя, представленным в российских и белорусских статистических ежегодниках. Следует отметить, что источники рассматриваемой статистической информации [20–22] выполнены в формате билингва (на национальном и русском языках), российский статистический ежегодник [2] – на русском и английском языках; статистическое издание Армении [19] – в формате трилингва (армянский, русский и английский). Следует также уточнить: при подготовке данного исследования наряду с обозначенными источниками статистической информации по странам – участницам ЕАЭС задействованы аналогичные статистические публикации более ранних годов издания.

В статистическом ежегоднике Республики Казахстан [21] порядок расчета показателя не раскрыт; мы приняли данный показатель к рассмотрению, основываясь на предположении, что он рассчитан по методике расчета рентабельности проданных товаров (продукции, работ, услуг), применяемой в иных рассматриваемых государствах. Следует заключить, что, несмотря на актуальность и широкое распространение аналитических исследований, основанных на международных сравнениях показателей, можно столкнуться с проблемами различия в применении понятийного аппарата, расхождении в методике оценки показателей, обозначаемых в отдельных первоисточниках одними и теми же терминами.

В таблице 3 представлены нормативные показатели коэффициента текущей ликвидности; по данным веб-сервиса Контур.Эксперт [11], значение показателя должно быть не ниже 1,8, в соответствии с Методологическими рекомендациями по проведению АФХД [5] – не менее 2. Сбербанку, в свою очередь, для присвоения организации высшего кредитного рейтинга достаточно значения показателя, превышающего 1,5.

В работе [23] раскрыты результаты мониторинга, проводимого с 2014 г. путем опросов представителей промышленных предприятий. В соответствии с содержанием источника можно заключить, что к ключевым проблемам развития промышленных предприятий относятся: инфляция издержек, ограниченность доступа к финансированию, рост закредитованности. Данные, представленные на рис. 3, свидетельствуют о высокой степени динамичности рассматриваемых показателей, что можно оценить как проявление нестабильности их финансового состояния (положения). По нашему мнению, нормативное значение показателя «коэффициент текущей ликвидности», равное 2 (200%), является явно чрезмерным. В соответствии с данными, представленными на рис. 3, за весь исследуемый период (2014–2023) указанное значение было достигнуто и превышено лишь единожды: российскими организациями добывающей промышленности в 2023 г. 1,8 является достаточно критическим значением показателя «коэффициент текущей ликвидности». Данное значение было достигнуто в целом российскими нефинансовыми организациями в 2021–2023 гг., организациями обрабатывающей промышленности – в 2022–2023 гг.

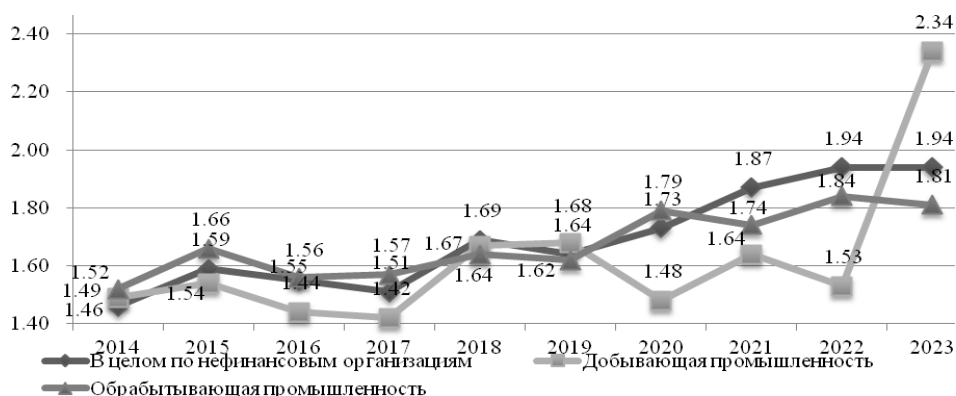

Рис. 3. Значение показателя текущей ликвидности российских организаций за 2014–2023 гг.

Источник: сост. авторами по [4].

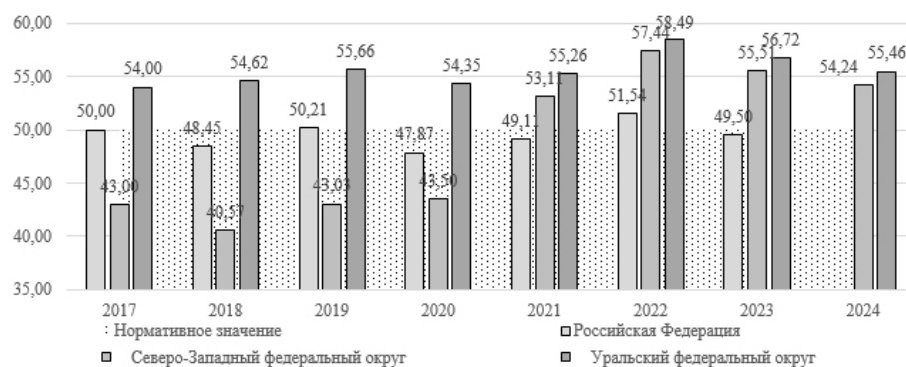

Рис. 4. Значение и динамика показателя «коэффициент автономии» в отдельных федеральных округах России

Источник: сост. авторами по [24].

Данные, представленные на рис. 4, позволяют установить, что финансовое состояние организаций в части их финансовой устойчивости в отдельных рассмотренных федеральных округах отличается неоднородностью с точки зрения коэффициента автономии. В последнем рассмотренном периоде (в 2024 г.) наблюдается укрепление финансовой устойчивости организаций СЗФО; данные в целом по стране за тот же период не опубликованы в первоисточнике. На протяжении всего периода организации Уральского федерального округа демонстрируют устойчивое финансовое состояние: значение показателя автономии превышает его критическое значение на протяжении всего рассматриваемого периода.

Заключение

В рамках данного исследования проведены обзор и анализ содержания нормативных документов, статистических ресурсов и публикаций, раскрывающих теоретико-методологический базис и значения отдельных показателей финансового состояния организаций. К основным результатам, полученным в рамках исследования, следует отнести:

- обзор нормативных документов позволил установить наличие в их содержании погрешностей в применении отдельных элементов понятийно-категориального терминологического аппарата, а также в методиках оценки отдельных показателей. Рассмотрение некоторых статистических изданий иностранных государств также продемонстрировало расхождения в применяемой терминологии и способах оценки показателей;
- сравнение содержания отдельных источников статистической информации на примере общероссийского показателя рентабельности активов позволило выявить расхождения в значении названного показателя;
- сопоставление значений показателя текущей ликвидности на примере отдельных сфер российской промышленности и в целом по стране с нормативным значением показателя, обозначенного в нормативном документе [5], позволило выдвинуть предположение о чрезмерно высоком значении его норматива.

В целом следует заключить: несмотря на широкое применение в научных исследованиях и практической деятельности инструментария оценки финансового состояния организаций, данная сфера аналитической деятельности требует научно обоснованной

доработки по вопросам терминологии, методики и методологии, ранжирования рекомендуемых, нормативных и критических значений.

Список источников

1. Федеральное агентство государственной статистики: [сайт]. 1999–2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 11.08.2025).
2. Российский статистический ежегодник. 2021 / Росстат. Москва, 2021. 692 с.
3. Российский статистический ежегодник. 2024 / Росстат. Москва, 2024. 630 с.
4. Центральный банк Российской Федерации: [сайт]. Москва. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 11.08.2025).
5. Российская Федерация. Нормативные документы. Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций: методические рекомендации (утв. Госкомстатом России 28.11.2002) // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2025).
6. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность»: приказ Минфина России от 04.10.2023 № 157н (зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2024 № 77591) // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
7. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
8. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении Методики проведения Федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платежеспособности стратегических предприятий и организаций: приказ Минэкономразвития РФ от 21.04.2006 № 104 (ред. от 13.12.2011) (зарегистрировано в Минюсте РФ 21.06.2006 № 7953) // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
9. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении Методических указаний по проведению анализа финансового состояния организаций: приказ ФСФО РФ от 23.01.2001 № 16 // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
10. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
11. Контур.Эксперт. Веб-сервис проведения финансового анализа деятельности организаций: [сайт]. Екатеринбург. URL: <https://expert.kontur.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
12. Поликарпов К.И. О диалектике отдельных показателей эффективности деятельности организаций // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3 (72). С. 77–80.
13. Ветрова Е.Н., Камалиев Р.Р. Разработка методического подхода к процессу управления оборотным капиталом на сервисных предприятиях нефтяной и газовой отраслей промышленности // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1. С. 1–9.
14. Федеральная налоговая служба: [сайт]. 2005–2025. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 11.08.2025).
15. Российская Федерация. Нормативные документы. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 09.04.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. Москва, 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
16. Ткаченко Е.А. Проблемы совершенствования политики поддержки малых и средних предприятий в целях импортозамещения // Известия СПбГЭУ. 2022. № 6 (138). С. 107–113.

17. Поликарпов К.И. Управление реорганизационными и интеграционными процессами в рамках предприятий и комплексов в условиях ЕАЭС // ЭВР. 2018. № 3 (57). С. 133–143.
18. Рохчин В.Е., Ветрова Е.Н. Разработка сценарных условий долгосрочного развития региона // Вопросы территориального развития. 2014. № 6 (16). С. 1–10.
19. Статистический ежегодник Армении. 2024 / Армстат. Ереван, 2024. 626 с.
20. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2024 / НСК РБ. Минск, 2024. 317 с.
21. Казахстан в 2023 году / Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Астана, 2024. 273 с.
22. Финансы предприятий Кыргызской Республики в 2019–2023 / Нацстатком Кыргызской Республики. Бишкек, 2024. 228 с.
23. Ткаченко Е.А. Состояние и проблемы промышленных предприятий в контексте структурной трансформации российской экономики // Известия СПбГЭУ. 2023. № 6-1 (144). С. 107–114.
24. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): [сайт]. 1999–2025. URL: <https://fedstat.ru/opendata> (дата обращения: 12.08.2025).

References

1. Federal Agency for State Statistics: [site]. 1999–2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
2. Russian statistical yearbook. 2021 / Rosstat. Moscow; 2021. 692 p.
3. Russian statistical yearbook. 2024 / Rosstat. Moscow; 2024. 630 p.
4. Central Bank of the Russian Federation: [site]. Moscow. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/> (accessed date: 11.08.2025).
5. Russian Federation. Regulatory documents. Methodological recommendations for the analysis of financial and economic activities of organizations: methodological recommendations (approved by Goskomstat of Russia 28.11.2002). *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
6. Russian Federation. Regulatory documents. On approval of the Federal Accounting Standard FSBU 4/2023 "Accounting (financial) reporting": order of the Ministry of Finance of Russia dated 04.10.2023 No. 157n (registered with the Ministry of Justice of Russia 21.03.2024 No. 77591). *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
7. Russian Federation. Regulatory documents. On approval of the Rules for conducting financial analysis by the arbitration manager: Decree of the Government of the Russian Federation of 25.06.2003 No. 367. *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
8. Russian Federation. Regulatory documents. On approval of the Methodology for the Federal Tax Service to conduct accounting and analysis of the financial condition and solvency of strategic enterprises and organizations: order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of 21.04.2006 No. 104 (as amended by 13.12.2011) (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 21.06.2006 No. 7953). *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
9. Russian Federation. Regulatory documents. On approval of the Methodological Guidelines for the analysis of the financial condition of organizations: order of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation dated 23.01.2001 No. 16. *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
10. Russian Federation. Laws. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended 31.07.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 11.08.2025). *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
11. Contour.Expert. Web service for conducting financial analysis of organizations: [site]. Yekaterinburg. URL: <https://expert.kontur.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
12. Polikarpov K.I. On the dialectics of individual performance indicators of organizations. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2018; 3 (72): 77–80.

13. Vetrova E.N., Kamaliev R.R. Development of a methodological approach to the working capital management process at service enterprises of the oil and gas industries. *Scientific Journal of NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*. 2016; (1): 1–9.
14. Federal Tax Service: [site]. 2005–2025. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (accessed date: 11.08.2025).
15. Russian Federation. Regulatory documents. OK 029-2014 (NACE Rev. 2). All-Russian classifier of economic activities (approved by order of Rosstandart dated 31.01.2014 No. 14-st) (as amended by 09.04.2025). *ConsultantPlus*: [site]. Moscow; 1990–2025. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed date: 11.08.2025).
16. Tkachenko E.A. Problems of improving the policy of supporting small and medium-sized enterprises in order to import substitution. *Izvestia SPbSEU*. 2022; 6 (138): 107–113.
17. Polikarpov K.I. Management of reorganization and integration processes within enterprises and complexes in the EAEU. *EVR*. 2018; 3 (57): 133–143.
18. Rokhchin V.E., Vetrova E.N. Development of scenario conditions for the long-term development of the region. *Issues of territorial development*. 2014; 6 (16): 1–10.
19. Statistical Yearbook of Armenia. 2024 / Armstat. Yerevan; 2024. 626 p.
20. Statistical yearbook of the Republic of Belarus. 2024 / NSC RB. Minsk; 2024. 317 p.
21. Kazakhstan in 2023 / Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Astana; 2024. 273 p.
22. Finances of enterprises of the Kyrgyz Republic in 2019–2023 / National Committee of the Kyrgyz Republic. Bishkek; 2024. 228 p.
23. Tkachenko E.A. State and problems of industrial enterprises in the context of the structural transformation of the Russian economy. *Izvestia SPbSEU*. 2023; 6-1 (144): 107–114.
24. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS): [website]. 1999–2025. URL: <https://fedstat.ru/opendata> (accessed date: 12.08.2025).

Информация об авторах:

Поликарпов Константин Игоревич, специалист по учебно-методической работе, каф. экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург; преподаватель высшей квалификационной категории, методист, учебно-цикловая комиссия экономики и управления, СПб ГБПОУ «Академия промышленных технологий», г. Санкт-Петербург, polikarpovk@bk.ru

Ветрова Елена Николаевна, профессор, д-р экон. наук, профессор каф. экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, vetrovael3@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/007-022>

EDN: <https://elibrary.ru/ZJEEOI>

Дата поступления:
25.08.2025

Одобрена после рецензирования:
03.09.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 338.432:336.14

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/023-033>

EDN: <https://elibrary.ru/AXRWCN>

Фискальная эффективность государственной поддержки сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе

Паршуков Денис Викторович

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы фискальной политики России, реализуемой в регионах. Целью исследования является определение и сравнительная оценка фискальной эффективности государственной поддержки сельского хозяйства в субъектах Сибирского федерального округа (СФО). Сравнительная оценка осуществлена путем анализа временной динамики и межрегиональных сопоставлений таких показателей, как: объем субсидий, величина налоговых поступлений и фискальная эффективность. Определение фискальной эффективности в данном исследовании основывается на показателе фискальной отдачи, рассчитываемой как отношение налоговых поступлений к сумме субсидий. Использованы данные Федеральной налоговой службы России, Министерств сельского хозяйства регионов СФО и Росстата за 2020–2024 гг. Результаты выявили структурный дисбаланс: при доле федерального бюджета в налоговых поступлениях до 70–83 % основная нагрузка по финансированию сельского хозяйства лежит на регионах. Установлено, что регионы с меньшим объемом поддержки (Алтайский край, Омская область) демонстрируют более высокую фискальную эффективность, в то время как регионы с наибольшими размерами субсидирования (Красноярский край, Иркутская область, Томская область) имеют наименьшие значения этого показателя. Автор делает вывод о необходимости перехода от экстенсивной модели субсидирования к целевой поддержке. Предложены меры по повышению фискальной эффективности субсидирования сельского хозяйства: дифференциация механизмов поддержки, внедрение проектного финансирования и корректировка налоговых ставок в пользу региональных бюджетов.

Ключевые слова: фискальная эффективность, государственные субсидии, сельское хозяйство, межбюджетные отношения, бюджетная отдача, налоговые поступления, Сибирский федеральный округ.

Для цитирования: Паршуков Д.В. Фискальная эффективность государственной поддержки сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 23–33. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/023-033>. EDN: <https://elibrary.ru/AXRWCN>

Original article

Fiscal efficiency of state support for agriculture in the Siberian Federal District

Denis V. Parshukov

Krasnoyarsk State Agrarian University

Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article is devoted to topical issues of Russia's fiscal policy implemented in the regions. The purpose of the study is to determine and compare the fiscal effectiveness of state support for agriculture in the subjects of the Siberian Federal District (SFD). The comparative assessment was carried out by analyzing the

time dynamics and inter-regional comparisons of such indicators as: the amount of subsidies, the amount of tax revenues and fiscal efficiency. The definition of fiscal efficiency in this study is based on the fiscal return indicator, calculated as the ratio of tax revenues to the amount of subsidies. Data from the Federal Tax Service of Russia, the Ministries of Agriculture of the Siberian Federal District and Rosstat for 2020–2024 were used. The results revealed a structural imbalance: with the federal budget's share of tax revenues up to 70–83 % the regions bear the main burden of financing agriculture. It was found that regions with a lower amount of support (Altai Territory, Omsk Region) demonstrate higher fiscal efficiency, while regions with the largest amounts of subsidies (Krasnoyarsk Territory, Irkutsk Region, Tomsk Region) have the lowest values of this indicator. The author concludes that it is necessary to move from an extensive subsidy model to targeted support. Measures to increase the fiscal efficiency of agricultural subsidies are proposed: differentiation of support mechanisms, introduction of project financing and adjustment of tax rates in favor of regional budgets.

Keywords: *fiscal efficiency, government subsidies, agriculture, inter-budgetary relations, budget returns, tax revenues, Siberian Federal District.*

For citation: *Parshukov D.V. Fiscal efficiency of state support for agriculture in the Siberian Federal District // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 23–33. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/023-033>. EDN: <https://elibrary.ru/AXRWCN>*

Введение

Механизм субсидирования остается одним из ключевых для поддержания темпов роста сельского хозяйства. Так, объемы субсидирования отрасли из федерального и региональных бюджетов в рамках реализации политики импортозамещения и Государственной программы развития сельского хозяйства Российской Федерации сохраняются на уровне свыше 540 млрд руб. ежегодно в 2022–2024 гг. Вместе с тем в современной экономической парадигме акцент смещается с вопроса о достаточности выделяемых средств к проблеме их эффективности, в том числе фискальной. Под фискальной эффективностью государственной поддержки в данном исследовании понимается способность бюджетных субсидий стимулировать прирост налоговых поступлений от сельскохозяйственных товаропроизводителей в бюджеты всех уровней. По мнению автора, базовой должна быть модель государственной поддержки, которая формирует такую систему бюджетных взаимоотношений, при которой трансферты «сверху» (субсидии) генерируют встречные финансовые потоки «снизу» (налоги). Экономическая логика предлагаемой модели состоит в следующем: предоставление субсидий способствует повышению прибыльности предприятий, что стимулирует расширение их имущественных комплексов, развитие логистической инфраструктуры, увеличение числа рабочих мест и рост фонда заработной платы. Данные факторы ведут к расширению налогооблагаемой базы, обеспечивая прирост налоговых поступлений без нарушения финансовой стабильности хозяйствующих субъектов. В этой связи оценка степени сбалансированности указанных встречных финансовых потоков и определение реальной отдачи на каждый бюджетный рубль определяют актуальность настоящего исследования.

Объектом исследования выбран Сибирский федеральный округ (СФО), который характеризуется пространственной и климатической неоднородностью, разнообразием сельскохозяйственной специализации и выраженной дифференциацией уровней бюджетной обеспеченности субъектов. Указанные особенности создают репрезентативную основу для проведения сравнительного межрегионального анализа и выявления региональных моделей фискальной эффективности.

Обзор литературы по проблеме исследования

Фундаментальные исследования формируют общий контекст для анализа механизмов государственной поддержки. Работы таких авторов, как О.В. Шик [1], А.И. Алтухов [2] и И.Г. Ушачев [3], раскрывают макроэкономические тенденции и стра-

тегические приоритеты аграрной политики России, акцентируя внимание на значимости объемов финансирования. Непосредственно к вопросу эффективности субсидий обращается И.А. Минаков с соавторами [4], дифференцируя понятия «результативности» (степень достижения целевых показателей) и «экономической эффективности» (соотношение достигнутого результата и произведенных затрат). Методическую основу для оценки общей эффективности государственной поддержки сельского хозяйства формируют также исследования М.Е. Рассудимова и В.А. Сологуба [5], А.И. Тихомирова и А.А. Фомина [6], А.В. Колесникова [7].

Существенный вклад в разработку методологического инструментария для оценки возвратности бюджетных ассигнований внесли Д.Ю. Самыгин и Н.Г. Барышников [8], обосновавшие концепцию окупаемости поддержки. Их ключевой тезис заключается в том, что создание благоприятных условий хозяйствования формирует предпосылки для возврата средств в бюджетную систему через обязательные платежи. Конкретные методические решения предложены в исследованиях И.Н. Рыковой и соавторов [9]. Их подход, базирующийся на сопоставлении динамики налоговых поступлений с объемом произведенных ассигнований, может быть охарактеризован как классический. Он позволяет получить обобщенную оценку эффективности затрат для консолидированного бюджета. Аналогичную логику, использующую сравнение бюджетных затрат и налоговых поступлений в качестве критерия, применяют И.В. Павленко [10], М.А. Кухтин и А.Л. Полтарыхин [11].

Более сложный, многофакторный подход демонстрируют А.А. Брылев с соавторами [12], предлагая систему показателей, учитывающих отраслевую специфику и мультипликативные эффекты. Учет данных факторов представляется важным, поскольку фискальная эффективность от поддержки сельского хозяйства может проявляться не только непосредственно в налогах сельхозпроизводителей, но и в смежных отраслях (переработка, логистика, торговля), при этом генерируемые налоговые доходы могут распределяться между разными уровнями бюджетной системы. Принципиально значимым для данного исследования является введенное А.М. Калинин и В.А. Самохваловым понятие «межбюджетный эффект» государственной поддержки [13]. Авторы не только констатируют его наличие, но и предлагают методику оценки, демонстрируя, что эффективность поддержки с позиций федерального центра и региональных властей может кардинально различаться.

Проведенный анализ позволяет заключить, что проблематика оценки фискальной эффективности государственной поддержки является разработанной, однако требует дальнейших научных изысканий. Наиболее актуальными направлениями представляются проведение межрегиональных сопоставлений с учетом межбюджетного аспекта, а также разработка решений по совершенствованию механизмов и принципов поддержки сельского хозяйства на основе оценки их комплексной эффективности.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является определение и сравнительная оценка фискальной эффективности государственной поддержки сельского хозяйства в субъектах Сибирского федерального округа.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать динамику показателей, определяющих фискальную эффективность субъектов СФО, за период 2020–2024 гг.;
- 2) провести анализ различий в фискальной эффективности государственной поддержки сельского хозяйства по регионам Сибирского федерального округа.

Методы и материалы исследования

Основным методом исследования выступил сравнительный анализ, направленный на выявление дифференциации субъектов Сибирского федерального округа по следующим показателям: объему предоставляемых субсидий, величине налоговых отчислений

в бюджетную систему разных уровней, фискальной эффективности. Материалами исследования послужили официальные данные Федеральной налоговой службы РФ (ФНС) о начисленных и поступивших налогах и сборах по видам экономической деятельности, статистическая информация Федеральной службы государственной статистики (Росстат) об основных показателях деятельности сельскохозяйственных организаций и аналитические отчеты Министерства сельского хозяйства РФ. Период исследования: 2020–2024 гг. (для выявления трендов и нивелирования краткосрочных конъюнктурных колебаний).

Основная часть

По объемам субсидирования сельского хозяйства регионы сильно дифференцированы, а объем и межбюджетная структура не коррелируют с масштабами отрасли в регионах (рис. 1).

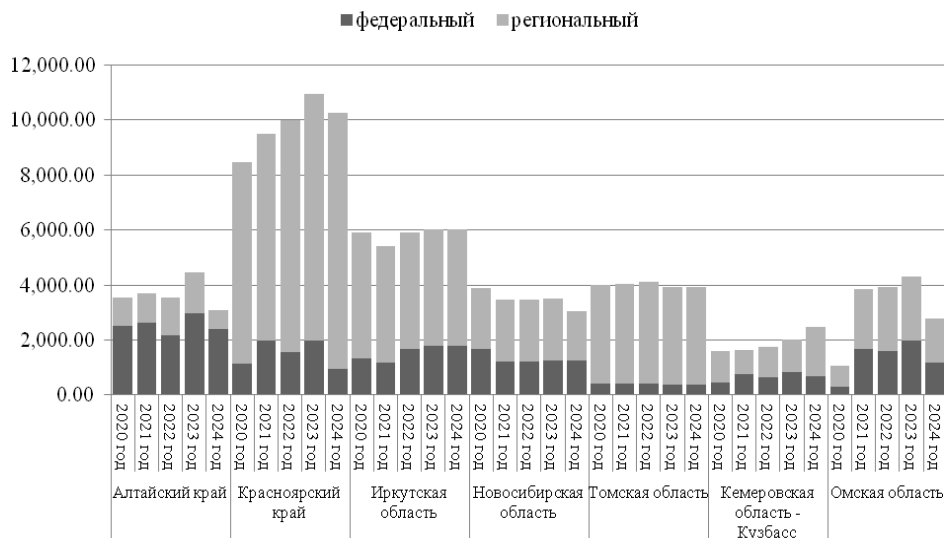

Рис. 1. Объем государственной поддержки сельского хозяйства в отдельных регионах Сибирского федерального округа, млн руб.

Источник: сост. автором.

Лидером в СФО по объемам субсидий является Красноярский край, ежегодный объем государственной поддержки в котором превышал в 2022–2024 гг. 10 млрд руб., а общая сумма за пять лет составила 49 млрд руб. Далее следует Иркутская область со значением в 5,5–6,2 млрд руб. в год и суммой в 29 млрд руб. за период. Лидеры округа по объемам и стоимости продукции (Алтайский край, Новосибирская и Омская области) имеют более низкие абсолютные показатели государственной поддержки в пределах 3–4,2 млрд руб. в год. В таких же интервалах субсидируется сельское хозяйство Томской области. Аутсайдером в этом списке числится Кемеровская область с поддержкой в 1,8–2,1 млрд руб. ежегодно.

Анализ структуры государственной поддержки сельского хозяйства по источникам финансирования выявил доминирующую роль региональных бюджетов в большинстве субъектов Сибирского федерального округа. Исключением из данной тенденции является

Алтайский край. Преобладание регионального финансирования наблюдается в Красноярском крае, где его доля увеличилась с 86,4 % в 2020 г. до 90,9 % в 2024 г. Аналогичная модель характерна для Томской области, где на протяжении всего анализируемого периода средства регионального бюджета обеспечивали от 88 до 91 % общего объема субсидий агропромышленному комплексу. В Кемеровской области после снижения доли регионального финансирования с 70,4 % в 2020 г. до 52,8 % в 2021 г., в последующий период (2022–2024) был зафиксирован восстановительный рост данного показателя до уровня 73,0 % (2024). В Новосибирской и Омской областях доля регионального бюджета также оставалась преобладающей, составляя в отдельные годы 57–65 и 51–75 % соответственно. Заметное отличие от общей по СФО структуры демонстрирует Алтайский край, в котором государственная поддержка формируется преимущественно за счет средств федерального бюджета, доля которого на протяжении 2020–2024 гг. колебалась в диапазоне от 61 до 76 %, достигая максимальных значений в 2020, 2021 и 2024 гг. (свыше 70 %).

Отличия по объемам налоговых поступлений в бюджеты по регионам определены как различиями в масштабах сельскохозяйственного производства, так и параметрами результативности, т.е. извлекаемой прибыли и рентабельности по основным видам деятельности. В большинстве регионов отмечается рост поступлений в региональные бюджеты, что указывает на перераспределение налоговых потоков (табл. 1).

Таблица 1

**Налоговые поступления и страховые взносы от сельского хозяйства
в Сибирском федеральном округе**

Регион	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Сумма	Среднее	Прирост, %
Федеральный бюджет, млн руб.								
Алтайский край	2093	2630	1182	694	871	7470	1494	–58,37
Красноярский край	1348	1248	649	864	1243	5352	1070	–7,82
Иркутская область	1237	1191	1800	1594	1256	7078	1416	1,55
Новосибирская область	–178	879	–62	1475	1738	3852	770	97,86
Томская область	482	672	796	478	1472	3900	780	205,04
Кемеровская область	273	–393	–96	–114	–634	–963	–193	–331,98
Омская область	1408	1664	1461	1617	1167	7317	1463	–17,12
Региональный бюджет, млн руб.								
Алтайский край	666	958	1170	945	1097	4836	967	64,67
Красноярский край	199	301	304	254	392	1449	290	96,77

Регион	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Сумма	Среднее	Прирост, %
Иркутская область	206	239	294	283	349	1370	274	69,68
Новосибирская область	473	559	744	828	848	3452	690	51,54
Томская область	1294	65	66	66	83	1574	315	–93,61
Кемеровская область	130	204	258	171	362	1125	225	177,43
Омская область	368	510	622	499	535	2 534	507	45,54

Источник: сост. автором по данным ФНС.

Наибольший совокупный объем налоговых поступлений в консолидированный бюджет среди регионов Сибирского федерального округа зафиксирован в Алтайском крае – более 12,1 млрд руб. за период 2020–2024 гг. При этом наблюдается разнонаправленная динамика по уровням бюджетной системы: поступления в федеральный бюджет сократились на 58,4 %, а их доля в общей структуре снизилась с 76 % в 2020 г. до 44,3 % в 2024 г. В то же время поступления в региональный бюджет продемонстрировали рост на 64,7 %, превысив 1 млрд руб. в 2024 г. Важной тенденцией стало превышение доли региональных налогов над федеральными в 2023–2024 г., что свидетельствует о структурном сдвиге в налоговых потоках.

Омская область занимает вторую позицию в СФО по совокупному объему налоговых поступлений (9,8 млрд руб.), при этом 74,3 % данной суммы направлено в федеральный бюджет. Динамика федеральных отчислений характеризуется отрицательным трендом (–17,12 % за период), в то время как региональные поступления демонстрируют волатильность с пиковым значением в 2022 г. и общим приростом на 45,5 % за пятилетний период.

Иркутская область генерирует третий по величине объем налоговых поступлений (8,45 млрд руб.) с максимальной в СФО долей федеральных налогов (83 %). Наблюдается стабильный рост поступлений в оба бюджета, однако более выраженная положительная динамика зафиксирована в региональном бюджете (прирост 69,7 % против 1,55 % в федеральный бюджет).

Новосибирская область демонстрирует наиболее высокий рост поступлений в федеральный бюджет среди всех регионов СФО (+97,86 % за период) при общем объеме 3,85 млрд руб. Поступления в региональный бюджет составили 3,45 млрд руб. с приростом 51,54 %. Данная динамика может свидетельствовать об увеличении налоговой базы и повышении эффективности налогового администрирования.

Для Красноярского края характерна выраженная асимметрия в распределении налоговых потоков: 68–87 % поступлений направлялось в федеральный бюджет. Совокупный объем поступлений составил 6,8 млрд руб. (79 % – федеральный бюджет, 21 % – региональный). Наблюдается дивергентная динамика: сокращение федеральных платежей на 7,8 % при росте региональных на 96,8 %, что может отражать изменение структуры налоговых отчислений.

Томская область показывает самый высокий темп роста поступлений в федеральный бюджет (более чем в 3 раза) при резком сокращении региональных налогов. Так, налоговые платежи после пиковых значений в 1,2 млрд руб. в 2020 г., сократились 28

до 65–83 млн руб. ежегодно в последующие периоды. Общая доля федерального бюджета в налоговых поступлениях составила 71,2 %.

Кемеровская область является единственным субъектом СФО с отрицательными значениями поступлений в федеральный бюджет (–963 млн руб. за пятилетие), что может быть обусловлено масштабными налоговыми возвратами или особенностями налоговой отчетности. При этом зафиксирован рост поступлений в региональный бюджет (+177,43 %) с общим объемом 1,125 млрд руб.

Несмотря на общий рост налоговых поступлений по СФО на 11 % в 2024 г., агропромышленный сектор демонстрирует разнонаправленную динамику, что актуализирует необходимость разработки дифференцированных подходов к налоговой политике в аграрном секторе.

Различия в объемах субсидирования, масштабах экономической деятельности в сельском хозяйстве между регионами, а также межбюджетном распределении налоговых платежей приводят к дифференциации фискальной эффективности (табл. 2).

Таблица 2

Фискальная (налоговая) эффективность субсидий по регионам СФО, руб.

Показатель	Период	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская область	Новосибирская область	Томская область	Кемеровская область	Омская область
Всего налоговых платежей на 1 руб. всех субсидий, млн руб.	2020	0,776	0,183	0,245	0,076	0,444	0,252	1,639
	2021	0,975	0,163	0,264	0,414	0,182	–0,115	0,563
	2022	0,66	0,095	0,353	0,197	0,21	0,093	0,528
	2023	0,369	0,102	0,312	0,655	0,139	0,028	0,491
	2024	0,635	0,159	0,266	0,847	0,396	–0,109	0,613
	Среднее	0,68	0,14	0,29	0,44	0,27	0,03	0,77
	Прирост, %	81,8	86,9	108,6	1114,5	89,2	–143,3	37,4
Налоговые платежи в федеральный бюджет на 1 руб. федеральных субсидий	2020	0,835	1,175	0,926	–0,107	1,164	0,577	4,955
	2021	1,00	0,627	1,003	0,718	1,667	–0,505	0,986
	2022	0,544	0,416	1,073	–0,051	1,826	–0,15	0,918
	2023	0,233	0,435	0,897	1,166	1,258	–0,139	0,821
	2024	0,362	1,33	0,704	1,374	3,753	–0,944	0,979
	Среднее	0,59	0,80	0,92	0,62	1,93	–0,23	1,73
	Прирост, %	43,4	113,2	76,0	–1284,1	322,4	–163,6	19,8
Налоговые платежи в региональный бюджет на 1 руб. региональных субсидий	2020	0,635	0,027	0,045	0,212	0,361	0,115	0,46
	2021	0,912	0,04	0,057	0,249	0,018	0,234	0,234
	2022	0,842	0,036	0,069	0,331	0,018	0,233	0,265
	2023	0,647	0,028	0,067	0,368	0,019	0,143	0,213
	2024	1,59	0,042	0,082	0,474	0,023	0,199	0,337
	Среднее	0,93	0,03	0,06	0,33	0,09	0,18	0,30
	Прирост, %	250,4	155,6	182,2	223,6	6,4	173,0	73,3

Источник: сост. автором.

Фискальная эффективность бюджетных субсидий, измеряемая как объем налоговых поступлений на 1 руб. выделенных средств, выступает ключевым индикатором результативности государственной поддержки. Среди субъектов Сибирского федерального округа наибольшее значение показателя демонстрируют Омская область (0,77 руб.) и Алтайский край (0,68 руб.). Однако в динамике наблюдается снижение эффективности: в Омской области показатель уменьшился на 62,6%, в Алтайском крае на 18,2%. В Новосибирской области при относительно невысоком абсолютном значении (0,44 руб.) зафиксирован максимальный темп роста эффективности (+1114,5%), свидетельствующий о кардинальном улучшении использования субсидий. Следует также отметить низкое значение для Красноярского края (0,14 руб.), которое выше только в сравнении с Кемеровской областью. Учитывая сравнительно большой масштаб отрасли в этом регионе, а также наибольшие объемы субсидирования среди всех регионов СФО, такие низкие значения указывают на необходимость пересмотра направлений и механизмов государственной поддержки.

Анализ в разрезе уровней бюджетной системы выявил дифференциацию в налоговых поступлениях. В части федерального бюджета наивысшие результаты демонстрируют Томская (1,93 руб. на 1 руб. субсидий) и Омская (1,73 руб. на 1 руб. субсидий) области. При этом Томская область показывает наибольший рост эффективности (+322,4%), тогда как в Кемеровской области зафиксированы отрицательные значения (–0,23 руб.) на фоне регрессивной динамики (–163,6%). В контексте региональных бюджетов максимальная эффективность достигнута в Алтайском крае (0,93 руб.) с высокими темпами роста (+250,4%), в то время как в Красноярском крае и Томской области отдача остается минимальной (0,03 и 0,09 руб. соответственно).

Проведенный анализ выявил закономерность: регионы с меньшим объемом бюджетной поддержки (Алтайский край, Омская область) демонстрируют относительно высокую фискальную эффективность, несмотря на наличие отрицательной динамики. Напротив, субъекты с максимальным объемом субсидирования (Красноярский край, Иркутская и Томская области) характеризуются низкими показателями эффективности. На уровне СФО наблюдается устойчивая тенденция концентрации налоговых поступлений в федеральном бюджете (в среднем 65–70% от общего объема), тогда как основная нагрузка по финансированию отрасли ложится на региональные бюджеты субъектов. Данный дисбаланс находит подтверждение в материалах по ключевым аграрным регионам округа. Так, в Красноярском крае доля федерального бюджета в налоговых поступлениях достигает 76%, при этом объем федеральных субсидий не только уступает региональным ассигнованиям, но и имеет отрицательную динамику. Аналогичная ситуация фиксируется в Новосибирской области (69% поступлений в федеральный бюджет) и Кемеровской области (83%). Наиболее репрезентативным является пример Томской области, где при высокой эффективности федеральных субсидий (3,75 руб. на 1 руб. затрат в 2024 г.) региональный бюджет демонстрирует минимальную эффективность (0,023 руб.).

Таким образом, можно констатировать, что существующая система поддержки сельского хозяйства в СФО характеризуется рассогласованием интересов разных уровней бюджетной системы. Низкая фискальная эффективность региональных субсидий (от 0,03 руб. в Красноярском крае до 0,93 руб. в Алтайском крае) на фоне высокой эффективности федеральной поддержки может свидетельствовать о наличии проблем в механизме бюджетного регулирования. Для повышения общей эффективности государственной поддержки представляется целесообразным рассмотреть возможность корректировки налоговых полномочий и усиления стимулирующей функции региональных субсидий, что повысит фискальную заинтересованность субъектов Федерации в развитии агропромышленного комплекса. Особое внимание следует уделить разработке дифференцированных подходов к субсидированию с учетом специализации и приоритетов развития территорий.

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд вопросов, требующих научного осмысления в контексте совершенствования механизмов государственной поддержки

сельского хозяйства. Основной задачей здесь представляется необходимость трансформации сложившейся модели субсидирования, ориентированной на экстенсивное наращивание объемов финансирования, в систему, нацеленную на достижение конкретных бюджетных и экономических результатов. В рамках научной дискуссии предлагается обсудить следующие направления совершенствования региональной фискальной политики:

1. Внедрение принципа бюджетной эффективности как системного критерия распределения субсидий. Установленная дифференциация фискальной эффективности между регионами СФО обосновывает необходимость разработки методики оценки эффективности бюджетных расходов на поддержку сельского хозяйства, предусматривающей применение корректирующих коэффициентов для регионов с устойчиво низкими показателями (например, Красноярский край, Кемеровская область).

2. Поэтапный переход от прямых дотационных механизмов к проектному финансированию. Перспективным направлением является разработка системы предоставления государственной поддержки под инвестиционные проекты, предусматривающие достижение количественных показателей роста налоговых поступлений, производительности труда и фондоотдачи. Данный подход позволит реализовать принцип обусловленности предоставления бюджетных средств.

3. Дифференциация механизмов поддержки по типам экономической деятельности. По мнению автора, требуется разработка отдельных подходов к субсидированию высокорентабельных (экспортно-ориентированных и перерабатывающих) и социально значимых, но низкорентабельных сельскохозяйственных подотраслей. Для первых приоритетом является стимулирование инвестиционной активности, для вторых – обеспечение продовольственной безопасности и занятости в сельской местности.

Отдельного обсуждения заслуживает выявленный структурный дисбаланс в бюджетных отношениях, при котором регионы несут основную нагрузку по финансированию сельского хозяйства, тогда как значительная часть фискальных доходов аккумулируется на федеральном уровне. В качестве возможных направлений решения данной проблемы предлагается рассмотреть:

- корректировку механизма зачисления налога на прибыль для сельскохозяйственных организаций в пользу региональных бюджетов для повышения финансовой заинтересованности субъектов Федерации в развитии отрасли;
- внедрение целевых механизмов софинансирования, при которых доля федерального участия определяется достижением регионами целевых показателей по росту налоговых поступлений в оба уровня бюджетной системы;
- разработку системы межбюджетных трансфертов, увязанных с динамикой налоговой базы и показателями создания рабочих мест в сельской местности, а не исключительно с объемами производства.

Предлагаемые направления реформирования системы государственной поддержки сельского хозяйства требуют дополнительной научной проработки, но могут стать основой для формирования более сбалансированной и результативной модели бюджетного регулирования агропромышленного комплекса.

Заключение

Проведенное исследование отражает элементы несбалансированности механизмов государственной поддержки сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе, выражающейся в несоответствии между объемом субсидирования и фискальной эффективностью, а также в структурном дисбалансе распределения финансовой нагрузки между федеральным и региональными бюджетами. Результаты работы представляют практическую ценность для органов государственной власти при формировании бюджетной и аграрной политики, а также для научного сообщества, исследующего проблемы межбюджетных отношений. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методики оценки

полной бюджетной эффективности субсидий с учетом мультипликативных эффектов, а также сравнительный анализ моделей поддержки сельского хозяйства в других федеральных округах для выявления универсальных закономерностей и региональных особенностей.

Список источников

1. Шик О.В., Янбых Р.Г. Оценка уровня государственной поддержки АПК и предложения по повышению ее эффективности // АПК: экономика, управление. 2023. № 4. С. 3–16. DOI: 10.33305/234-3. EDN GYGUPW
2. Алтухов А.И. Достижение продовольственной независимости страны на основе новой государственной аграрной политики // Региональный вестник. 2016. № 2. С. 2–5.
3. Ушачев И.Г. Долгосрочная аграрная политика России: вызовы и стратегические приоритеты // АПК: экономика, управление. 2021. № 1. С. 3–17.
4. Минаков И.А., Куликов А.Н. Результативность и эффективность государственной поддержки аграрного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2024. № 1. С. 11–17. URL: <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-1-11-17>. EDN JDIJCZ
5. Рассудимов М.Е., Сологуб В.А. Анализ эффективности государственной поддержки агропромышленного комплекса в Российской Федерации и ее влияние на устойчивое развитие перерабатывающих отраслей // Хлебопечение России. 2024. Т. 68, № 2. С. 143–151.
6. Тихомиров А.И., Фомин А.А. Государственная поддержка АПК России: основные тенденции и социально-экономическое значение // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. № 2. С. 121–125.
7. Колесников А.В., Зигаева И.А. Эффективность государственной поддержки АПК // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3, № 1. С. 32–38. EDN MAMRIT
8. Самыгин Д.Ю., Барышников Н.Г. Окупаемость бюджетной поддержки сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 6. С. 26–30. URL: <https://doi.org/10.32651/206-26>. EDN QONJWТ
9. Рыкова И.Н., Губанов Р.С., Морина В.А. Методика рейтинговой оценки эффективности государственной поддержки сельского хозяйства как инструмент обзора бюджетных расходов // Вестник НГИЭИ. 2022. № 6 (133). С. 81–103. URL: <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-6-81-103>. EDN HVENZN
10. Павленко И.В. Эффективность государственной поддержки сельского хозяйства // Развитие цифровой экономики: теоретическая и практическая. 2019. С. 241–244.
11. Кухтин М.А., Полтарыкин А.Л. Оценка эффективности государственной поддержки сельского хозяйства России по показателям относительного (условного) перерасхода (экономии) // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1 (Киров, 07 июня 2021 г.). Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2021. С. 130–134. EDN VWHUKT
12. Брылев А.А., Турчаева И.Н. Методическое сопровождение государственной поддержки сельского хозяйства // АПК: экономика, управление. 2023. № 11. С. 90–100. URL: <https://doi.org/10.33305/2311-90> EDN XHNYEU
13. Калинин А.М., Самохвалов В.А. Эффективность финансовой поддержки сельского хозяйства: общая оценка и межбюджетный эффект // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (182). С. 142–152. URL: <https://doi.org/10.1134/S1075700720050081>. EDN DFAUKW

References

1. Shik O.V., Yanbykh R.G. Assessment of the level of state support for the agro-industrial complex and proposals for improving its effectiveness. *Agro-industrial complex: economics, management*. 2023; (4): 3–16. DOI: 10.33305/234-3. EDN GYGUPW
2. Altukhov A.I. Achieving the country's food independence on the basis of a new state agrarian policy. *Regional Bulletin*. 2016; (2): 2–5.
3. Ushachev I.G. Russia's long-term agricultural policy: challenges and strategic priorities. *Agroindustrial complex: economics, management*. 2021; (1): 3–17.
4. Minakov I.A., Kulikov A.N. Efficiency and effectiveness of state support for agricultural production. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2024; (1): 11–17. URL: <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-1-11-17>. EDN JDIJCZ

5. Rassudimov M.E., Sologub V.A. Analysis of the effectiveness of state support for the agro-industrial complex in the Russian Federation and its impact on the sustainable development of processing industries. *Bakery of Russia*. 2024; 68 (2): 143–151.
6. Tikhomirov A.I., Fomin A.A. State support for the Russian agro-industrial complex: main trends and socio-economic significance. *International Agricultural Journal*. 2024; (2): 121–125.
7. Kolesnikov A.V., Zigaeva I.A. The effectiveness of state support for agriculture. *Russian Economic Bulletin*. 2020; 3 (1): 32–38. EDN MAMRIT
8. Samygin D.Y., Baryshnikov N.G. Payback of budget support for agriculture. *The economics of agriculture in Russia*. 2020; (6): 26–30. URL: <https://doi.org/10.32651/206-26> EDN QOHJW
9. Rykova I.N., Gubanov R.S., Morina V.A. Methodology for rating the effectiveness of state support for agriculture as a tool for reviewing budget expenditures. *Bulletin of the NGIEI*. 2022; 6 (133): 81–103. URL: <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-6-81-103>. EDN HVENZ
10. Pavlenko I.V. Effectiveness of state support for agriculture. *The development of the digital economy: theoretical and practical*. 2019: 241–244.
11. Kukhtin M.A., Poltarykhin A.L. Assessment of the effectiveness of state support for agriculture in Russia by indicators of relative (conditional) overspending (economy). *New science: history of formation, current state, development prospects : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts, Vol. 1 (Kirov, June 07, 2021). Ufa: OMEGA SCIENCES Limited Liability Company, 2021. pp. 130–134. EDN VWHUKT.
12. Brylev A.A., Turchaeva I.N. Methodological support for state support of agriculture. *Agroindustrial complex: economics, management*. 2023; (11): 90–100. URL: <https://doi.org/10.33305/2311-90>. EDN XHNYEU
13. Kalinin A.M., Samokhvalov V.A. Effectiveness of financial support for agriculture: general assessment and inter-budgetary effect. *Problems of forecasting*. 2020; 5 (182): 142–152. URL: <https://doi.org/10.1134/S1075700720050081>. EDN DFAUKW

Информация об авторе:

Паршуков Денис Викторович, канд. экон. наук, доцент каф. организации и экономики сельскохозяйственного производства, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, parshukov83@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/023-033>

EDN: <https://elibrary.ru/AXRWCN>

Дата поступления:
25.09.2025

Одобрена после рецензирования:
05.11.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 334.7, 335.14

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/034-045>

EDN: <https://elibrary.ru/BDXDPI>

Роль государственно-частного партнерства в развитии моногородов

Маюшкин Алексей Викторович

Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна

Санкт-Петербург. Россия

Аннотация. Проведен анализ взаимодействия частного сектора и власти в контексте обновления и диверсификации экономики одноотраслевых городов. Освещена динамика партнерских отношений между государственным и частным сектором и их влияние на социально-экономическое преобразование моногородов. В рамках анализа предложены стратегии оптимизации этого сотрудничества, а также рассмотрено воздействие инвестиций частного сектора на устойчивое развитие одноотраслевых урбанизированных территорий. Тезисно обозначены некоторые ключевые проблемы государственно-частного партнерства и предложены направления развития с целью повышения эффективности и комплексности подхода к развитию моногородов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, моногорода, стратегии, инвестиции, проблемы, инициативы.

Для цитирования: Маюшкин А.В. Роль государственно-частного партнерства в развитии моногородов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/034-045>. EDN: <https://elibrary.ru/BDXDPI>

Original article

The role of public-private partnership in the development of single-industry towns

Alexey V. Mayushkin

Saint Petersburg State university of industrial technologies and design

Saint Petersburg. Russia

Abstract. The article analyzes and studies the interaction of the private sector and government in the context of the renewal and diversification of the economy of single-industry towns. The dynamics of partnerships between the public and private sectors and their impact on the socio-economic transformation of single-industry towns are highlighted. The analysis proposes strategies for optimizing this cooperation, and also examines the impact of private sector investments on the sustainable development of single-industry urbanized areas. The key problems of public-private partnerships are briefly outlined and innovative solutions are proposed to improve the efficiency and complexity of the approach to the development of single-industry towns.

Keywords: public-private partnership, single-industry towns, strategies, investments, problems, initiatives.

For citation: Mayushkin A.V. The role of public-private partnership in the development of single-industry towns // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/034-045>. EDN: <https://elibrary.ru/BDXDPI>

Введение

Государственно-частное партнерство (ГЧП) выступает одним из ключевых стратегических инструментов при стимулировании роста и инновационного развития моногородов. В рамках синергии между государственными институтами и частными инвесторами формируются эффективные механизмы для экономической трансформации и социального укрепления таких населенных пунктов [1]. При изучении воздействия ГЧП на динамику развития моногородов анализ направлен на то, чтобы раскрыть потенциал данного взаимодействия в стимулировании диверсификации местной экономики, привлечении внешних инвестиций и создании новых рабочих мест. Это, в свою очередь, может стать значительным катализатором для повышения уровня качества жизни граждан и общей благополучности моногородов. Данная перспектива подразумевает акцент на анализе приоритетных аспектов интеграции частных инициатив и ресурсов государственных учреждений в рамках устойчивого и динамичного развития, присущего моногородам в современном экономическом пространстве.

Научная новизна исследования заключается в выявлении комплексного подхода к применению механизма ГЧП в моногородах, сочетающего анализ практик территорий опережающего развития (ТОР), государственных программ и инновационных проектов («Умный город»), а также в выявлении условий для устойчивого развития монотерриторий через партнерство государства и бизнеса. Проведен анализ эффективности ГЧП в контексте моногородов, включая оценку реализованных программ («Комплексное развитие моногородов», «Развитие моногородов»). Доказано, что ТОР являются ключевым инструментом привлечения инвестиций в моногорода: на начало 2023 г. 92 ТОР обеспечили 250 млрд руб. инвестиций и создали 80 тыс. рабочих мест.

Выявлены два перспективных направления ГЧП:

- партнерство с градообразующими предприятиями для предотвращения их банкротства и диверсификации экономики;
- кооперация в сфере инфраструктуры, ЖКХ и инноваций.

Проанализированы новации в законодательстве (Постановление Правительства № 1186), расширившие возможности Фонда развития моногородов, включая льготное кредитование бизнеса и поддержку концессий. Эти меры способствуют модернизации инфраструктуры, но их эффективность варьируется в зависимости от категории моногорода («зеленые», «желтые», «красные» зоны).

В исследовании активно использовано многообразие методических подходов. Основополагающими стали общепринятые инструменты анализа: индукция и дедукция, синтез и сравнение, логика в изложении мысли. Эти инструменты, совмещенные с такими конкретными для отрасли методами, как системный и статистический анализ, способствовали разработке актуальных выводов и стратегических рекомендаций.

Вектор исследования направлен на выявление механизмов, обуславливающих повышение эффективности инфраструктурной и производственной среды в пределах агломераций. При этом особое внимание уделено оптимизации внешних и внутренних процессов развития, детализации финансовых и экономических инструментов, применяемых в ходе ГЧП.

Синергетический эффект от взаимодействия субъектов ГЧП разбирается через призму инновационных направлений, целевых программ устойчивого развития и повышения конкурентоспособности монопрофильных образований. Центральное место в исследовании занимает оценка вклада ГЧП в трансформацию экономического ландшафта моногородов.

Основная часть

Муниципальные единицы, известные как моногорода, определяют свое социально-экономическое процветание на основе деятельности одной или более компаний, которые

играют роль в создании и формировании городской структуры [2]. Первопричиной зарождения таких населенных пунктов была необходимость поддержки функционирования основных предприятий, чьи потребности стали основополагающими для жизни населения. Это обусловило факт экономической уязвимости населенных пунктов, ограничивая их способность к независимому и самодостаточному развитию.

В контексте экономической стратегии России издавна внимание привлекала проблема однопрофильной зависимости муниципалитетов от ключевых предприятий. Реакцией на этот вызов стали государственные инициативы, оформившиеся в программы, нацеленные на диверсификацию экономической структуры данных населенных пунктов. В 2016 и 2019 гг. внедрены стратегии, известные как «Комплексное развитие моногородов» и «Развитие моногородов» [3]. Назначенные на период 2016–2025 гг. задачи в рамках инициативы «Комплексное развитие моногородов», предложенной Министерством экономического развития Российской Федерации, отличались значительной масштабностью: их исполнение предусматривало вовлечение федеральных ведомств, муниципальных властей, представителей банковского сектора, а также разнообразных некоммерческих структур [4]. Однако, согласно аналитическому докладу Счетной палаты, цели программы реализованы не были. Установлено, что данная инициатива была прекращена и аннулирована до установленного срока и закончила свое существование в начале 2019 г. [5].

Другая государственная инициатива «Развитие моногородов» (2019–2024) по содействию развитию и экономическому росту многопрофильных образований значительно отличается от предшествующей ей программы «Комплексное развитие моногородов», которая закончилась до установленного срока в силу вновь поставленных целей [4]. Среди ключевых задач программы «Развитие моногородов» значится улучшение инвестиционного климата в моногородах. Иной аспект концепции – притяжение капиталных вложений. Помимо этого, программа призвана стимулировать рост численности населения, которое выражает удовлетворение социоэкономическими условиями своих городов. Еще один приоритет – создание обширного спектра рабочих мест.

В рамках аналитического исследования эффективности программы развития моногородов использование коэффициента, отражающего долю безработных среди экономически активного населения, встретило критику со стороны Росстата. Обосновывая свою позицию, контролирующий орган указал на неточность применяемой методики, так как она позволяла проводить расчеты лишь для городов с населением, превышающим 900 тыс. человек. Кроме того, Росстат выразил сомнения в экономической целесообразности программы, подчеркнув требование ежегодных ассигнований в размере около 300 млн руб. – сумму, которую они считали значительной [6]. Таким образом, показатель создания новых рабочих мест, несмотря на его значимость, не является исключительным критерием оценки результата масштабной инициативы по стимулированию экономической активности в моногородах.

На рисунке 1 демонстрируются ключевые метрики, по которым производится оценка прогресса в монофункциональных городских образованиях [5].

Исходя из данного аспекта в контексте ГЧП, вводятся экономические стимулы государственного уровня в целях повышения бизнес-проектов среди жителей моногородов, поддерживая таким образом частный сектор. Специализированные меры учитывают особенности, которые затрудняют развертывание предпринимательских усилий в данных населенных пунктах. В частности, в таких городах долгое время преобладает менталитет, при котором основным двигателем экономики выступает крупное градообразующее предприятие, что у многих снижает интерес к самостоятельной предпринимательской деятельности.

Рис. 1. Критерии экономического прогресса монофункциональных населенных пунктов

Чтобы активизировать экономический рост в пределах монопрофильных муниципалитетов, внедряется ключевой инструмент – так называемые территории опережающего развития, играющие существенную роль в поддержке инновационного развития. Суть данных территориальных единиц заключается в предоставлении специфических финансовых льгот, которые направлены на субъектов, ведущих бизнес-деятельность. Обычно эти территориальные зоны синхронизированы с границами соответствующих моногородов для устранения экономических слабостей и способствования предпринимательской активности [7].

На начало 2023 г. в границах моногородов была организована сеть из 92 ТОР; всего же, по данным ВЭБ, в РФ насчитывается порядка 321 моногорода [8]. Это пространство стало базой для фирм-резидентов в количестве 1100 компаний. Стоит заметить, что их деятельность привела к созданию примерно 80 тыс. новых рабочих мест. Успех проектов ТОР также отражается в финансовых показателях: инвестиции достигли отметки в 250 млрд руб., а общая выручка превысила 760 млрд руб. Экономическое оживление моногородов нашло отражение в сокращении уровня безработицы до показателя в 0,86 %, согласно отчету Министерства труда РФ, опубликованному в 2023 г. [9].

Моногород Тольятти лидирует в качестве городской территории опережающего развития, подтверждая это привлекательными показателями: количество активных резидентов в нем достигло 69 единиц [10]. Этот образец городской политики демонстрирует эффективное использование ТОР, обеспечивая динамичный рост экономической активности на современном этапе.

Ключевым компонентом стратегии улучшения инфраструктуры и экономического прогресса моногородов стало пересмотренное Постановление Правительства № 1186, касающееся оказания финансовой поддержки Фонду развития моногородов из федерального бюджета [11]. Новациями Постановления стали расширенные полномочия Фонда по предоставлению долгосрочного финансирования на условиях предельно сниженных процентных ставок. Среди предлагаемых мер – выдача кредитов представителям бизнес-среды для осуществления инвестиционных начинаний. Помимо этого, займы от Фонда, варьирующиеся в размере от 5 млн до 1 млрд руб. с периодом погашения до 15 лет, ориентированы на обновление городской инфраструктуры и транспортной системы, включая предоставление финансирования на условиях ГЧП. Эти меры предусматривают стимулирование развития лизинговых компаний и поддержку концессионных проектов с процентными ставками, максимально урезанными вплоть до нуля.

Государственная корпорация развития ВЭБ.РФ придерживается стратегии многоаспектного прогресса городских территорий. Основываясь на этой стратегии, финансовая поддержка выделяется не исключительно для крупномасштабных промышленных комплексов и инфраструктурных проектов. Важную роль играет и стимулирование формирования инновационной городской среды, которая изначально подразумевает обновление муниципального транспорта, эволюцию предпринимательского сектора, а также модернизацию коммунальной инфраструктуры. Будущее расширение полномочий Фонда открывает перспективу для реализации вышеупомянутых направлений в городах с монопрофильной экономикой [12].

ВЭБ.РФ принимает на себя роль катализатора в вопросах экономического становления и социального укрепления моногородов через серию действий, направленных на улучшение условий для инвесторов и повышение качества жизни граждан. К данным инициативам относятся [8]:

- 1) софинансирование затрат, которые понесут органы государственной власти различного уровня с целью возвести и/или модернизировать инфраструктуру, неотъемлемую для запуска и продвижения инвестиционных инициатив как частными, так и корпоративными игроками в данных населенных пунктах;
- 2) активное участие фонда в формировании и финансовой поддержке инвестиционных концепций, что становится локомотивом для всестороннего развития моногородов;
- 3) функционирование проектного офиса, который занимается координацией инициатив, направленных на проработку и реализацию программ по расцвету этих урбанизированных территорий. Эффективное руководство проектами предполагает сбор профессиональных команд и их последующее обучение с целью достижения максимально результативной реализации задуманных мероприятий;
- 4) содействие поднятию социально-экономического уровня моногородов. Имеется в виду широкий комплекс мер, который касается не только экономической составляющей, но и улучшения общего качества жизни горожан.

Сотрудничество представителей бизнеса и государственных структур выразилось в разработке и внедрении ряда совместных проектов на территории монопрофильных образований. Осуществление совместных инициатив стало ключевым фактором для успешной реализации совместных программ развития, что демонстрирует наличие устойчивого партнерского потенциала между различными секторами экономики. Следующие проекты являются иллюстрацией подобного рода синергии:

1. Для функционирования тепличного комплекса «Агропарк Урал», находящегося в Усть-Катаве Челябинской области, была разработана и введена в эксплуатацию инженерно-транспортная инфраструктура. Сооружение, эксплуатируемое ООО «Агропарк Урал», специализируется на масштабном процессе выращивания зеленых культур и овощей, гарантируя постоянный вывод продукции объемом до 33 000 т. Важность инфраструктурного проекта подчеркивается значительным количеством вложений, достигающих цифры в 5,8 млрд руб., и созданием 720 новых рабочих позиций. Дополнительно для усиления финансового потенциала и обеспечения развития предусмотрено софинансирование из фонда расходов регионального бюджета на сумму в 1,5 млрд руб. [13].

2. На территории Чувашской Республики, в г. Новочебоксарске, располагается передовой завод «Хевел», специализирующийся на выпуске солнечных модулей. Из «недр» этого предприятия ежегодно выходит продукция общей мощностью более 300 МВт, обеспечивая значимый вклад в развитие отрасли возобновляемой энергетики России. Завод, функционируя как экспортно-ориентированное предприятие, направляет свои изделия в различные уголки мира, включая страны Европы, также достигая рынков Казахстана, Индии, США, Японии, Перу и Австралии. Благодаря огромному вкладу капитала в размере 3,18 млрд руб., в том числе 0,86 млрд руб. от фонда ВЭД, заводу удалось достичь впечатляющих объемов генерации, равных 1000 МВт, тем самым укрепив свои лидирующие позиции на российском рынке. Дополнительно плодотворная деятельность предприятия способствовала созданию 164 новых рабочих мест. Собственный научно-технический центр, функционирующий в компании, играет ключевую роль в сфере исследований, разработок и улучшения качества продукции, поддерживая высокие стандарты производства и подтверждая репутацию компании-лидера в сфере солнечной энергетики на домашнем рынке [14].

3. «Хольц Хаус», базирующийся в г. Луза Кировской области, осуществляет переработку лесных ресурсов и выпуск клееного бруса. Имея 20-летний опыт, данный производитель утвердился в качестве ведущего домостроителя из дерева и рыночного лидера в секторе клееной продукции, включая балки, на российском пространстве. Благодаря эффективному вложению капитала, сумма которого достигает 0,8 млрд руб., из которых 0,17 млрд руб. – это вклад финансового фонда, предприятие смогло создать 274 рабочих места, значительно расширить свое производство и оснастить его современным оборудованием европейского уровня. Достижения в области качества подтверждены европейской сертификацией. Ежегодный оборот продукции достиг 25 тыс. м³, что сопутствовало трансформации «Хольц Хаус» из предприятия среднего бизнеса в статус магната региональной экономики. Не ограничиваясь внутренним рынком, фирма реализует экспортную деятельность, направляя товары в страны Содружества Независимых Государств, а также далеко за его пределы – в Израиль, Китай, Германию, Египет, Ирак, Иорданию и Шри Ланку, демонстрируя глобальный характер своего влияния [15]. Фактической предпосылкой для такой географии стало наличие у компании собственных участков лесных массивов.

4. В рамках модернизации тепличного агрокомплекса, расположенного в г. Кадошкино Республики Мордовии, осуществляется специализированная реконструкция, направленная на культивирование роз. В силу проведенных преобразований ожидается, что объем производства достигнет цифры в 14 млн цветочных экземпляров ежегодно. Уровень финансирования проекта стал возможен благодаря привлечению инвестиций, суммарный объем которых равен 516 млн руб., при этом доля фонда составила 250 млн руб. В ходе преобразования организационных и производственных аспектов в данной индустрии было сформировано 40 новых рабочих мест, что способствует улучшению социальной структуры местного населения [16].

Не менее важными реализациями стали ГЧП-проекты по направлению «Умный город». В перечень пилотных площадок для реализации проекта «Умный город» Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ были включены 6 моногородов: Котовск, Елабуга, Тольятти, Сатка, Глазов и Сарапул. В общем составе, утвержденном Минстроем России, участвуют 25 населенных пунктов. Данная инициатива способствует улучшению стандартов городской жизни через использование передовых технологий и рациональное, природосберегающее управление городскими ресурсами [17]. Интеграция энергосберегающих технологий в городские инфраструктуры, благодаря этому проекту, может стать шаблоном для последующего внедрения в муниципальные структуры, способствуя распространению накопленного опыта и знаний. В первую очередь, «умные решения» оказывают влияние на сферы благоустройства, жилищно-коммунального хозяйства, урбанистики, обеспечения безопасности, а также на регулирование транспортных и пешеходных потоков.

В контексте динамического развития моногородов ГЧП является ключевым инструментом, открывающим новые возможности. Однако стоит осознать, что наряду с многочисленными преимуществами существуют определенные сложности. Рассмотрение этих проблем необходимо для формирования объективной картины и выработки эффективной направленности развития данных городских образований.

Моногородское экономическое пространство, витально связанное с одиночной или ключевой отраслью, демонстрирует повышенную уязвимость перед переменами рыночной ситуации, неминуемо повлекшую за собой флуктуации стабильности таковых корпоративных структур. Это приводит к ряду серьезных последствий: усиление безработицы, снижение финансовых вознаграждений граждан, волны ухода квалифицированных рабочих, а также утечка капитала. Несомненно, экономический дисбаланс, образующийся в ситуации, когда преобладающее положение занимает лишь один производитель, существенно усиливает проявление социально-экономических вызовов, особенно в периоды структурных изменений рынка и вероятных шоковых воздействий на экономику. В подобных обстоятельствах доминирование одной хозяйствующей единицы становится фактором, способным многократно увеличить уязвимость системы перед лицом любых трансформаций рыночного характера, а также при возникновении экономических потрясений [18].

Степень процветания моногородов является критерием, согласно которому правительственные структуры классифицируют их на три категории. Деление на группы проводится путем присвоения им статусов из спектра цветов: «зеленого», символизирующего стабильность, «желтого», указывающего на вероятность осложнения социально-экономической географии, и «красного», обозначающего нестабильное экономическое положение.

Статистические данные за 2022 г. в рассмотрении стабильности моноградообразующих центров наглядно показывают (рис. 2), что 94 населенных пункта пребывают в состоянии, которое можно охарактеризовать как борьбу с серьезными общественно-хозяйственными проблемами, обозначаемыми условным знаком «красной» зоны. Моногорода, оказавшиеся под угрозой усугубления неустойчивого социально-экономического положения, составляют 154 единицы, классифицируемые в качестве «желтой» зоны. В то же время отмечены 73 населенных пункта, демонстрирующих относительную стабильность в общественно-хозяйственной сфере, внесенных в категории «зеленой» зоны [19].

Данные, предоставленные Росстатом, свидетельствуют о том, что население моногородов, отнесенных к красной зоне социально-экономического благополучия, достигает показателя в 3,217 млн жителей. Города, попадающие в категорию с желтой маркировкой, имеют население порядка 5,620 млн, в то время как территории, отнесенные к зеленой зоне, насчитывают 4,188 млн человек.

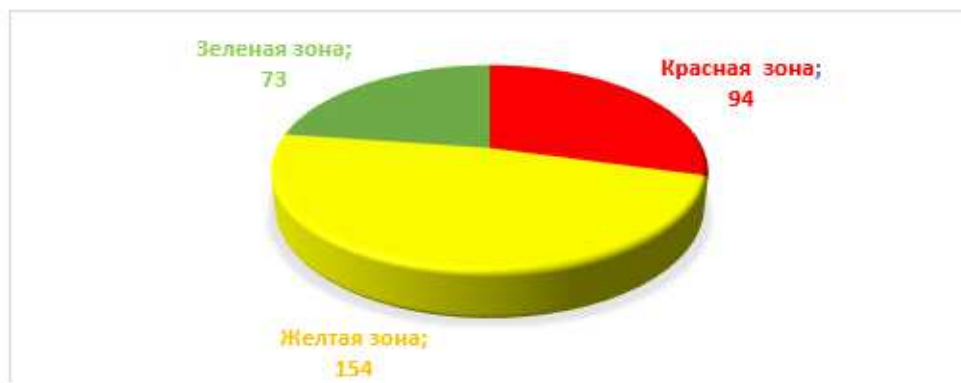

Рис. 2. Показатели количества моногородов по социально-экономическим зонам

Источник: сост. авторами на основе статистических данных.

Исходя из приведенной статистики можно констатировать, что порядка 70 % населения моногородов в пределах РФ находится в локациях, где социально-экономическая обстановка находится в состоянии сложности или подвержена острым рискам ее ухудшения.

Несмотря на активные усилия малых и средних бизнес-корпораций, подкрепленные мощной поддержкой государственных структур, все еще остаются весомые барьеры, которые влияют на стабильность развития экономических субъектов в рамках одноотраслевых городов и районов. Эти трудности связаны с необходимостью балансировки между экономическими интересами, экологической безопасностью и социальным благополучием населения, что требует тщательной проработки стратегии управления.

Взаимодействие между государством и частным сектором, ориентированное на поддержку ключевого предприятия, формирующего городскую структуру, представляет собой одну из значимых сторон инновационной стратегии реформирования. Параллельно столь же важной является кооперация данных субъектов в процессе стимулирования прочих направлений, способствующих прогрессу моногорода. Подобные методы поддержки несут в себе потенциал для решения актуальных задач, стоящих перед упомянутым городским образованием, предполагая наличие особенного арсенала адаптивных инструментов [20].

Первый вариант ГЧП представляет собой координированное взаимодействие органов управления и лидерства ключевой промышленной единицы, направленное на преодоление критической фазы, носящей характер, предшествующий ликвидации данного предприятия, целью которого является минимизация утрат, влекущих за собой последствия для будущего потенциала регионального развития.

Интерес государственных структур к динамике развития градообразующих компаний является неотъемлемым для повышения конкурентоспособности региона [21]. Параметры этого сотрудничества чаще всего зависят от экономической стабильности предприятия, которое, в зависимости от своих финансовых возможностей, рассматривает стратегии активного роста, диверсификации бизнес-направлений, изменения специализации или в крайнем случае локальное или полное прекращение деятельности. Функции властных институтов ограничиваются обеспечением опоры избранному курсу действий в рамках ресурсов, предоставляемых муниципальными распределениями.

Градообразующее предприятие моногорода и государство должны стремиться к сотрудничеству, которое опирается на ряд ключевых директив. В основу такого партнерства положен баланс, где учитываются и гармонируют интересы обеих сторон. Немаловажно также сосредоточение на объективном мониторинге с последующей оценкой эффективности решений, что поддерживает стремление к постоянному развитию. Отличительной чертой взаимодействия является социальная ответственность вместе с уважением к надлежащему выполнению возложенных обязательств. Исполнение данных обязательств скреплено добросовестностью. В адрес управления финансовыми активами предъявляются требования к аккуратности и результативности их применения, как и к справедливой природе распределения рисков, возникающих в процессе коммерческой деятельности.

При инициации сотрудничества между государством и частным сектором в контексте моногородов важное значение имеет выявление экономических сфер, где данный симбиоз будет особенно результативен. Это является первоочередным шагом в развертывании стратегии межсекторального взаимодействия, относящегося ко второму направлению ГЧП.

Повышение потенциала для исполнения инициатив, связанных с транспортом, коммунальным хозяйством, инфраструктурой и экологическими мерами, становится заметным под влиянием особенностей моногородов [20]. В таких условиях важно подчеркнуть, что реализация проектов требует взаимовыгодной кооперации между органами власти и представителями предприятий, основываясь на понимании общих и частных аспектов устойчивого развития. Доказательством этого служит успешный опыт некоторых моногородов в воплощении государственно-частных партнерств, которые акцентируются на инновационных и наукоемких отраслях. Ключевым аспектом здесь является взаимодействие, сосредоточенное на согласованной и продуктивной инвестиционной политике, нацеленной на развитие местных территорий.

Инициативы ГЧП в монопрофильных образованиях не всегда распределяются равномерно, что коррелирует с различной степенью развития самих территорий. Действительно, большинство таких городов свидетельствует о заметном дефиците продвижения проектов ГЧП, что во многом связано с проблемами в рамках институциональной структуры, отсутствием моделей успешного внедрения инициатив и, как следствие, с ограниченными инвестиционными возможностями данных регионов.

Стремление муниципальных властей к реализации проектов ГЧП требует применения комплексной методики оценки результативности этих инициатив. Соответствующая методика должна охватывать анализ экономических, финансово-бюджетных и социальных аспектов деятельности. Рационально структурированное сотрудничество представителей бизнеса и городских органов достигается путем поощрения их интереса к предпринимательству, сокращения бюрократических препятствий и минимизации управленческих рисков, особенно в правовом поле.

Содействие различным бизнес-инициативам и инвестиционным проектам стоит выделить среди прочих, наиболее значимых курсов развития. Текущий момент подчеркивает необходимость увеличения прерогатив, связанных с налогообложением, предоставляемым муниципальным структурам. Эта реформа означала бы передачу источников с высоким доходным потенциалом к ведению местных администраций. Подобные изменения обеспечат возможности для муниципалитетов оперативно и адаптивно применять экономические рычаги, что особенно ценно в контексте изменяющейся социально-экономической среды.

Заключение

Государственно-частное партнерство представляет собой императивную стратегию развития моногородов, и в этом контексте необходимо акцентировать его значимость.

Динамическое и эффективное взаимодействие между государственными учреждениями и частными инвесторами способно кардинально решить существующие проблемы и преобразовать экономическую и социальную сферы этих уникальных населенных пунктов. Инновационные подходы и финансовые инвестиции со стороны частных компаний при правильном регулировании и поддержке со стороны государственных органов могут внести значительный вклад в улучшение инфраструктуры и повышение качества жизни жителей моногородов. Следовательно, актуализация и глубокое изучение такого рода партнерства окажут позитивное влияние на целостное развитие данных территорий.

Следует отметить, что синергетическая коллаборация между государством и частными инвесторами способствует реализации многочисленных инициатив, улучшающих ситуацию в данных поселениях. Механизм государственно-частного взаимодействия, известный как ТОР, становится особенно важным в организации экономической взаимосвязанности. Не менее важной является концепция «Умный город», с помощью которой внедряются передовые технологии благодаря сотрудничеству государственного и частного бизнес-сектора. Понимание этой связи принципиально необходимо для продвижения стратегий устойчивого развития данных городских формаций. Территории моногородов представляют собой привлекательные зоны для инвестиций, которые способствуют активизации экономики и создают новые рабочие места, что в значительной степени обуславливает развитие однопрофильных городов. Привлечение частных инвестиций через инструментарий ГЧП является залогом успешного функционирования и диверсификации моногородов, партнерских отношений между государственным и частным секторами.

Инициативы такого ГЧП могут быть различны, однако предпочтение отдается двум ключевым направлениям: во-первых, сотрудничество, ориентированное на градообразующие предприятия; во-вторых, кооперация, охватывающая прочие области стимулирования городской инфраструктуры и экономики.

Список источников

1. Лебеденко О.С. Анализ пространственного развития: специфика моногородов России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 3 (53). С. 10.
2. Николаев В.А., Саргиджан М.С. Проблемы модернизации экономики моногородов: монография. Москва: Макс Пресс, 2019. 88 с.
3. Цай Е.Л. Экономическое развитие моногорода: диверсификация экономики городской системы. Санкт-Петербург: Инфо-да, 2019. 14 с.
4. Пузанов А. Институт экономики города. «Список моногородов пересмотреть будет сложно». URL: <https://urbaneconomics.ru/en/node/19735>
5. Новости РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2019/5d0cbafc9a7947af87e8c419>
6. Моногорода в России и проблемы их развития / Д.А. Ермилина, М.С. Санталова, И.В. Соклакова, В.Н. Бор // Российский экономический интернет-журнал. 2023. № 2. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/e32/702k3wcldx017e1wgfa7pyhxl53e2ay6.pdf>
7. Мельникова Л.А. Основные меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в целях их ускоренного развития в моногородах // Экономические науки. 2023. № 1. С. 175–177. URL: <http://elib.fa.ru/art2023/bv561.pdf>
8. ВЭБ.РФ. Поддержка моногородов. URL: <https://вэб.рф/podderzhka-monogorodov/>
9. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/razvitie_gorodov/monogoroda/
10. ТОСЭР «Тольятти» – лидер страны по числу резидентов. URL: <https://economy.-samregion.ru/press-center/sobytiya/toser-tolyatti-lider-strany-po-chislu-rezidentov/>
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.11.2014 № 1186. URL: <http://government.ru/docs/all/93575/>

12. С марта 2020 года Фонд развития моногородов финансирует концессионные, ГЧП и МЧП-проекты проектов, выдает займы индивидуальным предпринимателям (ИП), лизинговым компаниям, софинансированием строительства и реконструкции социальной инфраструктуры. URL: <https://решение-верное.пф/fund-monotown-ppp-2020>
13. Тепличному комплексу в Усть-Катаве быть! URL: <https://sv-uk.ru/poleznoe/teplichnomu-kompleksu-v-ust-katave-byt/>
14. Хевел продолжит реализацию проектов на Дальнем Востоке, в Арктической зоне и Сибири в сотрудничестве с ВЭБ.РФ. URL: https://www.ruscable.ru/news/2022/09/07/-Xevel_prodolzhit_realizatsiu_proektov_na_Dalynem_V/
15. Кировский деревопереработчик «Холыц Хаус» вложил более 200 млн руб. в расширение производства. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/news/kirovskiy-derevopererabotchik-holc-haus-vlozil-bolee-200-mln-rub-v-rasshirenie-proizvodstva>
16. На средства группы ВЭБ.РФ расширили тепличный комплекс по выращиванию роз в Мордовии. URL: <https://вэб.пф/press-tsentr/54315/>
17. Шесть моногородов станут пилотной площадкой проекта «Умный город». URL: <https://veb.ru/press-tsentr/24559>
18. Новая парадигма экономического развития в эпоху трансформаций: монография / Ю.В. Вертакова, Т.Н. Бабиц, М.Г. Клевцова [и др.]. Курск: Университетская книга, 2022. 140 с.
19. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2022: стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. 460 с.
20. Тюрина Ю.Г. Механизмы инновационного развития моногородов в современных условиях // Журнал вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9, № 1. С. 230–232.
21. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации / под ред. О.Н. Валентик. Москва: Институт экономики РАН, 2019. С. 12.

References

1. Lebedenko O.S. Spatial development analysis: specifics of single-industry towns in Russia. *Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies*. 2022; 3 (53): 10.
2. Nikolaev V.A., Sargidzhyan M.S. Problems of modernization of the economy of single-industry towns: monograph. Moscow: Max Press; 2019. 88 p.
3. Tsai E.L. Economic development of a single-industry town: diversification of the economy of the urban system. St. Petersburg: Info-da; 2019. 14 p.
4. Puzanov A. Institute of Urban Economics. "The list of single-industry towns will be difficult to revise". URL: <https://urbaneconomics.ru/en/node/19735>
5. RBC News. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2019/5d0cbafc9a7947af87e8c419>
6. Monotowns in Russia and the problems of their development / D.A. Ermilina, M.S. Santalova, I.V. Soklakova, V.N. Bor. *Russian Economic Internet Magazine*. 2023; (2). URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/e32/702k3wcldx0l7e1wgfa7pyxl53e2ay6.pdf>
7. Melnikova L.A. The main measures of state support for small and medium-sized businesses in order to accelerate their development in single-industry towns. *Economic Sciences*. 2023; (1): 175–177. URL: <http://elib.fu.ru/art2023/bv561.pdf>
8. ВЭБ.РФ. Support for single-industry towns. URL: <https://вэб.пф/podderzhka-monogorodov/>
9. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/razvitie_gorodov/monogoroda/
10. TOSER "Togliatti" – the leader of the country in the number of residents. URL: <https://economy.samregion.ru/press-center/sobytiya/toser-tolyatti-lider-strany-po-chislu-rezidentov/>
11. Decree of the Government of the Russian Federation of 11.11.2014 No. 1186. URL: <http://government.ru/docs/all/93575/>
12. Since March 2020, the Monotown Development Fund has been financing concession, PPP and MCHP projects, issuing loans to individual entrepreneurs (IE), leasing companies, co-financing the construction and reconstruction of social infrastructure. URL: <https://решение-верное.пф/fund-monotown-ppp-2020>

13. Greenhouse complex in Ust-Katava to be! URL: <https://sv-uk.ru/poleznoe/teplichnomu-kompleksu-v-ust-katave-byt/>
14. Hevel will continue to implement projects in the Far East, the Arctic zone and Siberia in collaboration with the ВЭБ.РФ. URL: https://www.ruscable.ru/news/2022/09/07/Xevel_prodlzhit_realizatsiu_proektov_na_Dalynem_V/
15. Kirov woodworker "Holz House" invested more than 200 million rubles. in the expansion of production. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/news/kirovskiy-derevopererabotchik-holc-haus-vlozhil-bolee-200-mln-rub-v-rasshirenie-proizvodstva>
16. At the expense of the group, ВЭБ.РФ expanded the greenhouse complex for growing roses in Mor-dovia. URL: <https://вэб.рф/press-tsentr/54315/>
17. Six single-industry towns will become a pilot site for the Smart City project. URL: <https://veb.ru/press-tsentr/24559>
18. A new paradigm of economic development in the era of transformation: monograph / Yu.V. Ver-takova, T.N. Babich, M.G. Klevtsova [et al.]. Kursk: University Book; 2022. 140 p.
19. Regions of Russia. Main socio-economic indicators of cities. 2022: stat. Sat / Rosstat. Moscow; 2022. 460 p.
20. Tyurina Yu.G. Mechanisms of innovative development of single-industry towns in modern condi-tions. *Journal issues of innovative economy*. 2019; 9 (1): 230–232.
21. Buchwald E.M., Kolchugina A.V. Small and single-industry towns in the Spatial Development Strat-egy of the Russian Federation / ed. O.N. Valentik. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2019. P. 12.

Информация об авторе:

Маюшкин Алексей Викторович, аспирант, Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург.

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/034-045>

EDN: <https://elibrary.ru/BDXDPI>

Дата поступления:
25.06.2025

Одобрена после рецензирования:
08.09.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 656.2

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/046-054>

EDN: <https://elibrary.ru/BFPTPQ>

Перспективы и ограничения в развитии международного транспортного коридора «Северный морской путь»

Белозерцева Наталья Петровна

Латкина Анастасия Александровна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. В условиях санкционных ограничений Россия активно перестраивает логистические маршруты, смещая грузопотоки на восточное направление. Дальний Восток России обладает уникальным географическим положением, выступая связующим звеном между странами АТР и европейской частью России. Исследуется потенциал Северного морского пути (СМП) в качестве глобальной транспортной альтернативы в условиях меняющейся геополитической и экономической реальности. Теоретической основой работы выступают положения новой экономической географии, подчеркивающей системообразующую роль коммуникаций. Методология включает общенаучный подход и анализ экспертных оценок. Проведено детальное сравнение СМП и традиционного маршрута через Суэцкий канал, выявившее существующие преимущества арктического маршрута, подтверждением которых служит активность китайских судоходных компаний. Наряду с преимуществами систематизированы основные вызовы: суровые климатические условия, зависимость от ледокольного флота и недостаточное развитие портовой и спасательной инфраструктуры. В качестве ключевых направлений развития рассматриваются масштабные инфраструктурные проекты России (расширение атомного ледокольного флота, модернизация портов) и цифровая интеграция транспортно-логистических платформ России и Китая («ГосЛог» и LOGINK), что в совокупности способно превратить СМП в полноценную трансконтинентальную магистраль.

Ключевые слова: Северный морской путь, международные транспортные коридоры, транзитные контейнерные перевозки, цифровизация, портовая инфраструктура, ледокольный флот.

Для цитирования: Белозерцева Н.П., Латкина А.А. Перспективы и ограничения в развитии международного транспортного коридора «Северный морской путь» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 46–54. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-3/046-054>. EDN: <https://elibrary.ru/BFPTPQ>

Original article

Prospects and limitations in the development of the «Northern Sea route» as an in-ternational transport corridor

Natalya P. Belozertseva

Anastasia A. Latkina

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Белозерцева Н.П., 2025

© Латкина А.А., 2025

Abstract. *In the context of sanctions restrictions, Russia is actively reshaping its logistics routes, shifting cargo flows to the Eastern direction. The Russian Far East has a unique geographical location, serving as a link between the countries of the Asia-Pacific region and the European part of Russia. This article explores the potential of the Northern Sea Route (NSR) as a global transportation alternative in the context of the changing geopolitical and economic reality. The theoretical framework of the study is based on the principles of new economic geography, which emphasizes the systemic role of communications. The methodology includes a general scientific approach and an analysis of expert assessments. The paper provides a detailed comparison of the NSR and the traditional route through the Suez Canal, highlighting the existing advantages of the Arctic route, which are supported by the activity of Chinese shipping companies. Along with the advantages, the paper also identifies the main challenges, including harsh climatic conditions, dependence on icebreaking fleets, and insufficient development of port and rescue infrastructure. Russia's large-scale infrastructure projects (expansion of the nuclear icebreaker fleet and modernization of ports) and the digital integration of Russia's and China's transport and logistics platforms (GosLog and LOGINK) are considered key areas of development, which together have the potential to transform the Northern Sea Route into a full-fledged transcontinental highway.*

Keywords: *Northern Sea Route, international transport corridors, transit container transportation, digitalization, port infrastructure, icebreaker fleet.*

For citation: *Belozertseva N.P., Latkina A.A. Prospects and limitations in the development of the «Northern Sea route» as an international transport corridor // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 46–54. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/046-054>. EDN: <https://elibrary.ru/BFPTPQ>*

Введение

В условиях глобальной перестройки логистических цепочек и смещения торговых потоков на восток развитие Северного морского пути (СМП) приобретает ключевую актуальность для России и международной торговли. СМП перестает быть просто внутренней арктической трассой, превращаясь в стратегический трансконтинентальный коридор, связывающий Азию и Европу. Однако масштабное освоение СМП сопряжено с комплексом вызовов, включая суровые климатические условия, необходимость ледокольного сопровождения и недостаточное развитие инфраструктуры. В данной статье проведен комплексный анализ возможностей и ограничений СМП как драйвера новой логистической реальности и дана оценка определения перспектив его трансформации в полноценную глобальную артерию.

В основе данной работы лежат принципы новой экономической географии, согласно которым коммуникации играют ключевую роль в формировании региональных рынков и освоении территорий как целостных систем. Теоретический фундамент исследования составили общая теория систем и теория пространственного развития. Методология исследования опирается на общенаучный подход и включает анализ экспертных оценок российских и зарубежных ученых и специалистов.

Применительно к суровым природно-климатическим условиям Арктики данная методология обоснована потенциальным экономическим эффектом. Этот эффект связан с диверсификацией транспортной системы для поставок арктических энергоресурсов на внутренний и международные рынки. Указанная перспектива обуславливает необходимость комплексного научного и управленческого изучения проблем освоения Арктики, учитывающего географическую и экономическую взаимосвязь с использованием Северного морского транспортного коридора (СМТК).

Информационную базу исследования составили законодательные и нормативные акты РФ, а также открытые публикации, посвященные перспективам и проблемам развития Арктики в контексте круглогодичного использования Северного морского пути как альтернативного южным маршрутам транспортного коридора между Азией и Европой.

Основная часть

Эволюция Северного морского пути: от арктической трассы к Трансарктическому транзитному коридору

Формируемая на Дальнем Востоке России система МТК включает в себя Северный морской путь в рамках Северного морского транзитного коридора. По административным данным, протяженность СМП считается от Карских Ворот до бух. Провидения; составляет 5600 км. Однако исторически СМП всегда рассматривали и развивали как единую транспортную коммуникацию по Северному Ледовитому океану от северных портов Мурманск и Архангельск до порта Владивосток (рис. 1). Поэтому сейчас в правительстве обсуждается концепция Большого Северного морского пути под названием «Северный морской транзитный коридор» или «Трансарктический транзитный коридор», который начинается в Санкт-Петербурге и заканчивается во Владивостоке. Его протяженность составит 14 280 км.

Рис. 1. Северный морской путь на карте

Растущая роль СМП подтверждается увеличивающимися показателями грузоперевозок (рис. 2). Если в 2015 г. объем грузов по маршруту находился в пределах 5,39 млн т в год, то к 2020 г. он уверенно перешел отметку 32 млн т. В 2023 г. общий грузопоток составил 36,25 млн т, в 2024 г. объемы выросли до 37,89 млн т. Прогноз на 2025 г. составляет более 40 млн т [1].

Показанный на рис. 2 рост грузоперевозок стал возможен благодаря увеличению доли промышленного экспорта, прежде всего энергоресурсов, и активному расширению флота судов ледового класса.

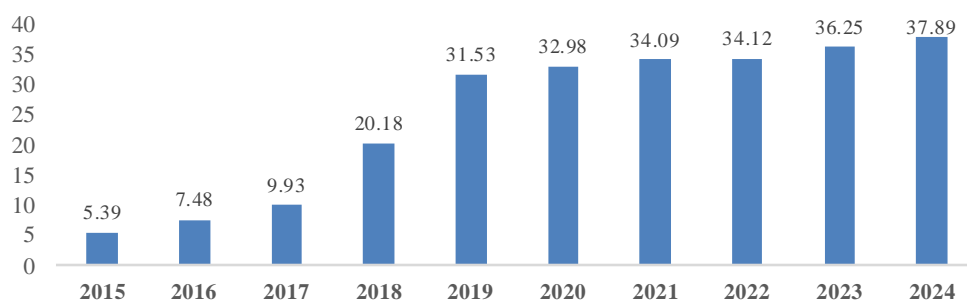

Рис. 2. Фактический объем грузоперевозок по Северному морскому пути в 2015–2024 гг., млн т

Основные направления перевозок по СМП связаны с добычей и транспортировкой природных ресурсов из арктических регионов. В 2024 г. структура грузов выглядела следующим образом:

- СПГ (сжиженный природный газ) – около 58 % общего объема;
- нефть и нефтепродукты – свыше 20 %;
- оборудование, контейнеры, строительные материалы – 12 %;
- прочее: уголь, продовольствие, техника – менее 10 %.

Важно отметить, что основной объем приходится на восточные порты, такие как Сабетта, Певек и Анадырь, откуда экспортные партии направляются в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Одним из факторов, обеспечивших рост грузооборота, стало расширение транзитных перевозок. В 2024 г. было выполнено 92 транзитных рейса – это абсолютный рекорд в истории СМП. В 2023 г. их было 37, а до этого – менее 30 ежегодно. Суда начали проходить по маршруту не только под российским флагом. Активно растет участие иностранных перевозчиков. Учитывая, что путь от Европы до Китая через Арктику на 30–40 % короче, чем через Индийский океан, коммерческий интерес к использованию СМП продолжает усиливаться.

Способ доставки за счет активного использования арктического маршрута позволяет обойти транспортные задержки на Транссибирской магистрали, перенаправив часть грузов севером, сократив общее время доставки и уменьшив нагрузку на российские железные дороги на период их модернизации. Дальний Восток и северные регионы получают шанс на устойчивое экономическое развитие за счет транспортной связки с центральной частью страны и внешними рынками. В 2030 г. планируется увеличить пропускную способность СМП до 110 млн т, а транзит по СМП к 2025–2030 гг. может увеличиться до 50–70 млн т в год.

Результаты исследования и их обсуждение

Северный морской путь предлагает странам Азии стратегическую альтернативу традиционным маршрутам, сочетая экономическую эффективность, безопасность и сокращение времени доставки (рис. 3, табл. 2). Протяженность СМП между европейскими и азиатскими портами – в среднем 13 500 км, что на 40 % короче пути через Суэцкий канал, который составляет 22–23 тыс. км. Это сокращает время транспортировки грузов на 10–14 суток.

Безопасность – ключевое преимущество СМП; он проходит по внутренним водам России, что гарантирует соблюдение единой юрисдикции, централизованное управление движением судов (включая ледокольное сопровождение) и отсутствие угроз со стороны третьих стран или пиратов. Это делает арктический маршрут не только предсказуемым, но и защищенным от геополитической нестабильности.

Рис. 3. Северный морской путь и Южный морской путь на карте

Экономическая выгода также очевидна. Проход через Суэцкий канал обходится судовладельцам в 300–700 тыс. долл. США за рейс в зависимости от тоннажа. На СМП отсутствуют аналогичные транзитные платежи: затраты сводятся к портовым сборам и услугам ледоколов, что в совокупности делает арктический маршрут более привлекательным.

Таблица 1

Сравнительные характеристики Северного морского пути и Южного морского пути

Критерии	СМП	ЮМП
Время прохождения (маршрут Китай – Европа)	20–30 дней	40–50 дней
Средний расход топлива при преодолении маршрута из Китая в Европу	625 т	875 т
Период активной навигации	4–6 месяцев	Круглогодично
Экономические потери из-за пиратства	–	80 %, до 1 млрд долл.
Стоимость прохода по каналу	Не имеет прямых сборов	300–700 000 долл.
Затраты на специальное сопровождение	Ледоколы – 380 000 долл.	Военное сопровождение – около 520 000 долл. США

Логистический выигрыш, показанный в табл. 1, непосредственно используется в действиях китайского бизнеса (табл. 2). Ярким примером является компания «Newnew Shipping», которая первой среди иностранных компаний в 2025 г. открыла навигацию по Северному морскому пути. Ее судно Newnew Polar Bear вместимостью 1620 TEU отправилось из Шанхая 16 июля и прибыло в Архангельск 14 августа. Судно доставило товары промышленного назначения для российских предприятий, а на обратный путь было загружено экспортной продукцией лесопромышленного комплекса. Этот успешный рейс знаменует

начало работы расширенной линии Arctic Express № 1, что свидетельствует о переходе от планов к практике и укрепляет транспортно-логистическое сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике [2].

Таблица 2

**Сравнение маршрутов грузоперевозок через Северный морской путь
и Южный морской путь**

Маршрут	Скорость транспортировки по СМП	Скорость транспортировки по ЮМП
Newnew Polar Bear Шанхай – Архангельск	29 дней	40–50 дней
Newnew Star Тяньцзинь – Санкт-Петербург	36 дней	

Другой контейнеровоз, принадлежащий данной компании, Newnew Star вместимостью 3534 TEU 20 июля отправился из Тяньцзиня и 25 августа прибыл в Санкт-Петербург.

Однако, несмотря на интерес международных игроков к СМП, у маршрута остаются существенные ограничения (табл. 3), наиболее значимые из которых – суровый арктический климат и отсутствие на трассе крупных портов.

Период полной навигации без ледокольного сопровождения длится 4–6 месяцев в году, а изменчивая ледовая обстановка вынуждает суда постоянно менять маршруты, увеличивая время и стоимость перевозок. Критически важным элементом становится ледокольное сопровождение, требующее привлечения мощных атомных ледоколов, что значительно удорожает логистику и создает зависимость от их расписания и доступности. Кроме того, вдоль трассы СМП большинство пунктов не способны принимать крупнотоннажные суда.

Дополнительные сложности создает слабое развитие спасательной инфраструктуры: подразделения, обеспечивающие безопасность морской деятельности в Арктической зоне, недостаточно оснащены. В арктической зоне сосредоточены восемь аварийно-спасательных пунктов, в то время как нужно намного больше. По сравнению с западной частью СМП, где действуют арктические центры МЧС в Архангельске, Мурманске, Нарьян-Маре, Воркуте и Дудинке, в восточной части Арктики подобные подразделения еще находятся на стадии проектирования [3].

Таблица 3

Сравнение ограничений Северного морского пути и Южного морского пути

Южный морской путь	Северный морской путь
1. Длительность пути. 2. Пиратство. 3. Высокая стоимость прохода по Суэцкому каналу + затраты на военное сопровождение. 4. Угроза блокировок и заторов в Суэцком канале	1. Короткий период активной навигации. 2. Отсутствие крупных портов на маршруте. 3. Необходимость ледокольного сопровождения. 4. Слабое развитие спасательной инфраструктуры

Следует учитывать, что СМП – это часть стратегического проекта России по освоению и развитию Арктики. Государство вкладывает значительные ресурсы в модернизацию существующих и строительство новых портов, организацию спасательной инфраструктуры, а также в развитие крупнейшего в мире атомного ледокольного флота (рис. 4) [4].

По состоянию на 2025 г. в составе ледокольного флота РФ 42 ледокола: 34 дизель-электрических и восемь атомных ледоколов (из них четыре – нового проекта 22220). Новый ледокол – «Якутия» – вошел в состав флота в марте 2025 г. Заложены еще три ледокола: «Чукотка» и «Ленинград» проекта 22220, а также атомный головной ледокол «Россия» проекта «Лидер».

Рис. 4. Атомный ледокольный флот России

Были предприняты меры, связанные с улучшением аварийно-спасательной инфраструктуры, запланировано двухэтапное увеличение аварийно-спасательного флота для Арктики. В портах Тикси и Диксон оформлены участки под строительство объектов, все готово для проектирования и к последующим работам. Китайская компания «Newnew Shipping» планирует инвестировать около 2,5 млрд долл. в расширение и модернизацию порта Архангельск, чтобы увеличить его пропускную способность до 25 млн т.

В перспективе новые ледоколы в совокупности с модернизацией существующих терминалов, строительством глубоководных портов и увеличением аварийно-спасательного флота обеспечат надежное круглогодичное сообщение по всему Северному морскому пути, что превратит арктический маршрут в полноценную глобальную транспортную артерию [5, 6].

Перспективы развития МТК связаны также с созданием единого цифрового пространства путем интеграции национальных транспортно-логистических платформ НЦТЛП «ГосЛог» (Россия) и LOGINK (Китай). Российская платформа «ГосЛог» – единая платформа взаимодействия для всех участников логистики грузов. Она объединяет цифровые сервисы, которые обеспечивают взаимодействие между участниками логистического рынка и государственными структурами. Работы по настройке полноценного функционала платформы будут производиться с 2025 по 2030 г. [7].

Китайская национальная информационная платформа по транспорту и логистике (LOGINK), в свою очередь, уже приобретает глобальный характер: она объединяет логистические данные из различных источников, включая внутренние и зарубежные порты, зарубежные логистические сети, сотни тысяч пользователей в Китайской Народной Республике и другие публичные базы данных, чтобы предоставить наиболее полную картину мировой логистической деятельности [8].

Интеграция платформ позволит автоматизировать документооборот, сократив количество бумажных документов до единого цифрового формата. Это ускорит таможенные процедуры на пунктах пропуска. Платформа обеспечит отслеживание грузов в реальном времени, что критически важно для мультимодальных перевозок, сочетающих морские и сухопутные маршруты. Синхронизация «ГосЛог» с LOGINK создаст единое цифровое пространство для российско-китайских перевозок. Это упростит оформление грузов для китайских экспортеров и сделает маршруты через Дальний Восток более конкурентоспособными по сравнению с альтернативными маршрутами [9].

Заключение

Международный транспортный коридор «Северный морской путь» в условиях глобальных интеграционных процессов и изменившейся геополитики может стать драйвером роста для торговли с азиатскими экономическими партнерами. Он важен и для внутренней части России – с его помощью оживится экономика и транспортная система Дальнего Востока. Несмотря на сохраняющиеся трудности, реализуемые меры (строительство ледоколов, модернизация портов, объединение цифровых платформ) способны превратить эти проблемы в конкурентные преимущества. Успех зависит от согласованного внедрения инфраструктурных и цифровых решений, а также от глубины сотрудничества с основными партнерами из Азиатско-Тихоокеанского региона. Если еще несколько десятилетий назад Северный морской путь был сезонным маршрутом для внутрироссийских перевозок, то сегодня он становится не просто логистическим решением, а важнейшей частью экономической и геополитической стратегии России.

Список источников

1. Ерохин В.Л. Динамика грузоперевозок по Северному морскому пути (2013–2023 гг.) // Маркетинг и логистика. 2023. № 6 (50). С. 14–23.
2. Ерохин В.Л. Международные перевозки по Северному морскому пути: роль Китая // Маркетинг и логистика. 2022. № 1 (39). С. 17–29.
3. Журавель В.П., Назаров В.П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2020. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (дата обращения: 12.10.2025).
4. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 206 (ред. от 05.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть 1). С. 2136.
5. Латкин А.П., Кузьмина С.В. Государственная стратегия хозяйственно-транспортного освоения российской арктической зоны: проблемы реализации среднесрочной перспективы // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4, вып. 4. С. 436–443. URL: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-4-436>
6. Григорьев Н.Н. Грузопоток и судопоток в акватории Северного морского пути в 2022 году // Арктические ведомости. 2022. № 1 (33). С. 10–23.
7. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Совет безопасности Российской Федерации: от 12.11.2021 № 651; от 27.02.2023 № 126.

8. Гаврилов В.В. Концепция международного сотрудничества в бассейне реки Туманная в контексте развития инфраструктуры Северного морского пути: НИР: грант № 25-28-20456. Российский научный фонд. 2025.
9. Сизов А.Д. Крупнотоннажные перевозки по Северному морскому пути: имеющийся опыт, проблемы и пути решения // Развитие инфраструктуры внутреннего водного транспорта: традиции, инновации (РИВВТ-2024): сб. тр. межвузовской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 2025. С. 102–105.

References

1. Erokhin V.L. Dynamics of cargo transportation along the Northern Sea Route (2013–2023). *Marketing and Logistics*. 2023; 6 (50): 14–23.
2. Erokhin V.L. International transportation along the Northern Sea Route: the role of China. *Marketing and Logistics*. 2022; 1 (39): 17–29.
3. Zhuravel V.P., Nazarov V.P. The Northern Sea Route: Present and Future. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2020; 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (accessed date: 12.10.2025).
4. On the Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 206 dated 02.05.2014 (as amended on 05.03.2020). *Collection of Laws of the Russian Federation*. 2014; 18 (part 1): 2136.
5. Latkin A.P., Kuzmina S.V. State Strategy for Economic and Transport Development of the Russian Arctic Zone: Problems of Implementing the Medium Term. *Corporate Governance and Innovative Development of the North Economy. Bulletin of the Scientific and Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2024; 4 (4): 436–443. URL: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-4-436>
6. Grigoriev N.N. Cargo and Ship Traffic in the Northern Sea Route in 2022. *Arctic News*. 2022; 1 (33): 10–23.
7. Strategy for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring National Security for the period up to 2035. *Security Council of the Russian Federation*: No. 651 dated 12.11.2021; No. 126 dated 27.02.2023.
8. Gavrilov V.V. Concept of International Cooperation in the Tumannaya River Basin in the context of the development of the infrastructure of the Northern Sea Route: Research and Development: grant No. 25-28-20456. Russian Science Foundation. 2025.
9. Sizov A.D. Large-tonnage transportation along the Northern Sea Route: existing experience, problems and solutions. *Development of the Inland Water Transport Infrastructure: Traditions, Innovations (RIVVT-2024). Collection of papers of the interuniversity scientific and practical conference of students, post-graduate students and young scientists*. St. Petersburg; 2025. P. 102–105.

Информация об авторах:

Белозерцева Наталья Петровна, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Латкина Анастасия Александровна, студентка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/046-054>

EDN: <https://elibrary.ru/BFPTPQ>

Дата поступления:
12.11.2025

Одобрена после рецензирования:
27.11.2025

Принята к публикации:
28.11.2025

Научная статья

УДК 332, 339

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>

EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>

Восточноазиатский вектор выстраивания экономических границ

Шичалина Валерия Алексеевна

Сахалинский государственный университет

Южно-Сахалинск. Россия

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток. Россия

Латкин Александр Павлович

Сунь Лимэй

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассматривается проблема формирования и утверждения понятия «экономическая граница» с целью приведения международного сообщества к единому мнению, акцентирования внимания на юридических и финансовых аспектах межстрановых взаимоотношений. Авторами устанавливается высокая активность поискового запроса на словосочетание «экономические границы» в международной поисковой платформе за последние 5 лет. Определяется влияние экономических зон на международную политическую и экономическую дипломатию. Приводятся результаты анализа успешности развития особых экономических зон в КНР, Монголии, КНДР, Японии и Южной Кореи, а также новых инициатив и проектов этих стран в аспекте реализации экономико-гуманитарной повестки ШОС и БРИКС. Используются методы анализа поисковых запросов, инфографика, методы аналогии и исторической ретроспективы.*

***Ключевые слова:** Восточная Азия, экономическая дипломатия, экономическая граница, поисковый запрос, анализ, инфографика, экономическое зонирование, институциональные условия, государственные инициативы, политические повестки, экономические решения.*

***Для цитирования:** Шичалина В.А., Латкин А.П., Сунь Лимэй. Восточноазиатский вектор выстраивания экономических границ // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>. EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>*

Original article

East Asian vector of building economic borders

Valeriia A. Shichalina

Sakhalin State University

Yuzhno-Sakhalinsk. Russia

Far Eastern Federal University

Vladivostok. Russia

© Шичалина В.А., 2025

© Латкин А.П., 2025

© Сунь Лимэй, 2025

Aleksandr P. Latkin**Limei Sun**

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article examines the problem of the formation and approval of the concept of "economic border" in order to bring the international community to a common opinion, focusing on the legal and financial aspects of inter-country relations. The authors establish a high activity of the search query for the phrase economic borders in the international search platform over the past 5 years. The influence of economic zones on international political and economic diplomacy is determined. The article presents the results of an analysis of the success of the development of special economic zones in China, Mongolia, North Korea, Japan and South Korea, as well as new initiatives and projects of these countries in the implementation of the economic and humanitarian agenda of the SCO and BRICS. The methods of search query analysis, infographics, methods of analogy and historical retrospect were used in this study.

Keywords: East Asia, economic diplomacy, economic border, search query, analysis, infographics, economic zoning, institutional conditions, government initiatives, political agendas, economic decisions.

For citation: Shichalina V.A., Latkin A.P., Limei Sun. East Asian vector of building economic borders // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>. EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>

Введение

Современная политическая дипломатия находится на пороге структурных трансформаций. Переломным в классической консервативной дипломатии последних лет, когда до этого международную повестку преимущественно формировали страны запада, стал 2023 г., после которого председателем G20 становится Бразилия, с передачей в последующем этого права Южно-Африканской Республике. Наряду с происходящими переменами параллельно китайской инициативе «Пояс и путь» формируется российская инициатива «Большого Евразийского партнерства», которая объединяет ЕАЭС и ШОС [1]. Восточный экономический форум (ВЭФ) в 2023, 2024 и 2025 гг. во Владивостоке проходит под лозунгом «на Восток» и демонстрирует основную повестку, направленную на интеграцию экономико-политических трендов, которую можно охарактеризовать высказыванием В.И. Ленина: «Политика – концентрированное выражение экономики» [2].

Происходящие политические процессы инициируют исследования проблемы сложившегося противоречия между ключевыми положениями теоретических концепций и реалиями реализации в сфере публичной дипломатии; наблюдается появление нового феномена, такого как «экономическая граница». В отличие от теорий XX столетия, в которых граница с точки зрения «экономического разграничения привилегий» не рассматривалась, с появлением новых потребностей и условий предпринимательства данный феномен приобретает статус самостоятельного термина.

Исходя из этого целью данного исследования является определение на основе анализа поисковых запросов потребности и актуальности феномена «экономической границы» в развитии современной международной политической и экономической дипломатии.

Гипотеза исследования заключается в том, что существующие экономические режимы, такие как «экономические зоны», образуют «экономические границы», которые имеют административные ресурсы над государственным (национальным) уровнем. С политической точки зрения подобные экономические границы объединяют страны в сообщества типа БРИКС, ШОС и др. С экономической точки зрения приобщение к какому-либо политическому режиму предоставляет экономические бонусы и права, которые распространяются только на страны – участники альянсов.

Основная часть

Нередко политики в публичных выступлениях упоминают феномен «экономические границы». Эксперты отождествляют его: с восточноазиатским направлением, например «укреплять экономические границы с Китаем» [1], «...Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента...» [3]; с международными экономическими интеграциями, такими как Таможенный союз, например «ТС – это союз тех, кто ориентирован на реиндустриализацию, кому нужен расширенный рынок и общие экономические границы для увеличения масштабов своей экономики» [2]. Данную точку зрения также подтверждают ученые авторитетного Института международных отношений (МГИМО, Москва), опубликовавшие доклад на тему академического исследования экономики и политики глобализации: «Концептуальные границы экономики и политики глобальных процессов» [3].

Проведенный авторами настоящей статьи анализ поисковых запросов на международной поисковой платформе в Google Trends показал, что на русском языке словосочетание «экономические границы» за последние пять лет в мировом поиске было активным. Самые активные точки: 2–8 июня 2019 г. – 75 запросов, апрель – август 2020 г. – 76 запросов, 20–26 ноября 2022 г. – 100 запросов, 27 августа – 2 сентября 2023 г. – 59 запросов. Результат инфографики представлен на рис. 1 [4].

Рис. 1. Инфографика поискового запроса словосочетания на русском языке «экономические границы» Google Trends за последние 5 лет

Авторы обращают внимание на то, что абсолютным регионом поискового запроса является страна Казахстан в аспекте тем: 1) Экономика – Наука; 2) Китай – Страна, Восток, Азия. Похожие запросы со сверхпопулярностью: 1) субъект права; 2) периферия; 3) экономические партнеры Казахстана. Объективный вывод заключается в том, что в Казахстане значительная часть населения владеет русским языком, а также в страну переместилась большая часть предпринимательских активностей бизнеса для избежания санкций.

При изменении языка поиска на английский язык словосочетание “economic borders” за последние пять лет в мировом поиске было более активным, так как количество запросов меньше опускалось на нулевой уровень за весь выбранный период. Самые активные точки: 27 марта – 2 апреля 2022 г. – 92 запроса; 24–30 апреля 2022 г. – 97 запросов; 11–17 декабря 2022 г. – 100 запросов; 26 февраля – 6 марта 2023 г. – 91 запрос; 23–29 апреля 2023 г. – 97 запросов; 12–18 ноября 2023 г. – 93 запроса; 10–16 декабря 2023 г. – 95 запросов. Обращаем внимание на то, что абсолютными регионами поискового запроса являются три страны: 1) Филиппины; 2) Соединенные Штаты Америки; 3) Индия, где значительное количество англоговорящего населения. Информация представлена на рис. 2 [5].

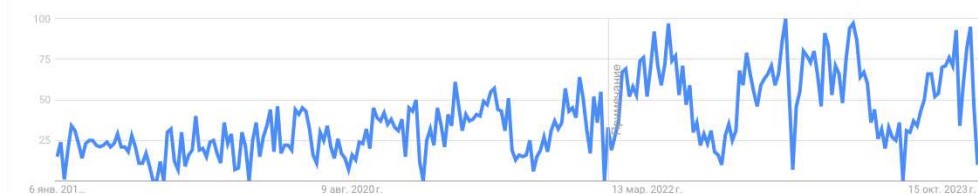

Рис. 2. Инфографика поискового запроса словосочетания на английском языке «economic borders» Google Trends за последние 5 лет

Похожие запросы в тренде “economic borders” со сверхпопулярностью были сформулированы на английском языке:

– “Which was not a challenge faced by America during the start of the WWI? Establishing borders with Canada and Mexico recovering from economic problems building economic ties to Latin America trading with member of both the allied and central powers” (перевод на русский: «С какой проблемой не столкнулась Америка в начале Второй мировой войны? Установление границ с Канадой и Мексикой, восстановление экономических проблем, построение экономических связей с Латинской Америкой, торговля с членами как союзных, так и центральных держав»);

– “Which trade organization is responsible for 90 % of the worlds trade? The EU ASEAN the WTO NAFTA” (перевод на русский: «На какую торговую организацию приходится 90 % мировой торговли? ЕС АСЕАН ВТО НАФТА»);

– “How can a nation benefit from effectively exporting its goods? Its citizens can buy cheaper goods. Its businesses can invest in the future. Its domestic spending increases. Its citizens have more money” (перевод на русский: «Какую выгоду может получить нация от эффективного экспорта своих товаров? Ее граждане могут покупать более дешевые товары. Ее предприятия могут инвестировать в будущее. Ее внутренние расходы увеличатся. У ее граждан больше денег»).

Большинство исследователей и последователей «эпидемии бордеритис» (borderitis), или теории исследования границ, сходятся во мнении о том, что экономические границы можно отождествлять через отношения (производственные) [4]. Благодаря отношениям границы формируются над пространственным уровнем, а производственные отношения строятся на основании нужд и потребностей бизнеса, которые выстраиваются в цепи, что также соответствует концепции трансграничных инвестиционных стратегий [5]. Пограничные противоречия удастся преодолеть благодаря разделению экономических и идеологических функций границы [6].

Вследствие вышесказанного феномену экономической границы можно дать определение: это формирование самостоятельной экономической среды на определенной географической территории, обособленной зоны (одной или нескольких), позволяющей получать выгоду на отличных от других законных основаниях. Эксперты выделяют зоны в качестве институциональных норм и ограничений, например экономические зоны: зоны свободной торговли, зоны специальной торговли, специальные экономические зоны. Данная форма реализации экономических границ, по нашему мнению, является современным инструментом реализации экономической дипломатии. Похожее мнение мы находим у L. Soproni [7]: «экономическое пространство, ограниченное границей, характеризуется отношениями, которые устанавливаются между экономическими субъектами, а также между ними и государственными институтами, которые устанавливают и обеспечивают соблюдение экономических правил, управляющих обществом».

Вместо разработки однозначного принципа разделения границ для их демаркации было бы более уместно взглянуть на положительную сторону границ как на источник социально-экономических возможностей или как привлечение инвестиций в принимающую экономику (прямые иностранные инвестиции – ПИИ), в экономические зоны [8].

Контроль, защита прав и ответственность за передвижение инвестиций и инвесторов на международных границах стали возможными во второй половине XX в. при заключении Вашингтонской конвенции об урегулировании инвестиционных споров (1965) и Саульской конвенции об учреждении многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (1985). Гарантированная безопасность инвесторов позволила реализовывать креативные политические решения для развития региональных экономик.

Регион Восточной Азии (Китай, Монголия, КНДР, Южная Корея, Япония) будет первым в реализации повестки мирового экономического зонирования. В последние годы КНР стала безусловным лидером в экономическом зонировании: специальные экономические зоны (4); зоны по технико-экономическому развитию (90); зоны внедрения новых и высоких технологий (54); свободные таможенные зоны Китая (13); особые региональные зоны приграничного сотрудничества (14); Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли [9].

В настоящее время на территории Японии выделяется несколько отличных от традиционных экономических зон типов, а именно: национальные стратегические специальные зоны (10); особые зоны международного значения (7) и особые зоны регионального значения (41); инновационные промышленные кластеры (технопарки) (18) [6].

На территории Корейской Народно-Демократической Республики действуют зоны экономического развития, являющиеся аналогом китайских «реформ открытости»: на сегодняшний день функционируют 23 зоны [10]. На территории Южной Кореи специализированные экономические зоны создаются с 1970-х гг. В настоящее время они разделяются на три типа: зоны иностранных инвестиций, зоны свободной торговли и свободные экономические зоны (СЭЗ). Всего в Южной Корее действует 8 СЭЗ [11].

В настоящее время в Монголии существует четыре свободные зоны, из которых активно действуют зоны Цагааннуур, Алтанбулаг и Замын-Ууд. Согласно постановлению от 2022 г. № 10 Великого Государственного хурала Монголии под эгидой нового международного аэропорта имени Чингисхана в Сергелен Сум, Тув Аймак была создана экономическая свободная зона в долине Хушиг.

Экономические зоны являются предложениями для потенциальных инвесторов, содержат инструменты стимулирования финансовых вложений в бизнес. Вследствие этого вводится финансовая политика: налоговые льготы и вычеты, пользование промышленными землями, облегченная миграционная политика, что способствует развитию местной экономики [12]. Подобные экономические решения диктуются политическим влиянием.

С 1979 г. Дэн Сяопином были инициированы экономические реформы: курс на открытость, заимствование инноваций (имитация инноваций), обновление промышленности и др. [13]. Правительство Китая выступило с креативным предложением на мировом рынке для привлечения иностранных денежных потоков: они определили географические территории (на 1980 г.: Шэньчжэн, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь в южных приморских провинциях Гуандун и Фуцзянь) и установили там административные налоговые преференции, которые стали привлекательными для иностранных инвесторов, при этом протекционистскими для региональной экономики.

Япония стала использовать экономические зоны для достижения внутренних целей с середины XX в. С целью развития экономики, в частности стимулирования импорта, с 1991 г. правовым обоснованием стал закон «О валютных операциях и внешней торговле», который позволил действовать экономическим зонам в портах и аэропортах [14].

Общепринятая практика показывает, что политика и экономика взаимодействуют в зонах, как и везде, и что политические силы оказывают решающее влияние на развитие экономических зон [15].

Перспективы развития торгово-экономических отношений на основе экономических зон способствовали улучшению международного сотрудничества Монголии с зарубежными странами: создание совместной свободной зоны с Китаем в Замын-Ууде, инвестиции Польши в Алтанбулаг [16], сотрудничество в экономических проектах ШОС. СЭЗ «Алтанбулаг» стала интересна российскому бизнесу в первую очередь как транспортно-логистический центр, который позволит рассмотреть возможность строительства здесь складских помещений для накопления продукции как для дальнейшего экспорта в Монголию, так и ввоза товаров в Россию. Прямые иностранные инвестиции способствуют развитию туристического потока и увеличению заинтересованности в Монголии на мировой арене. Государственная программа «Visit Mongolia» распространяет режим «без виз» для 62 государств; с ее помощью до 2025 г. планируется привлечь около 1 млрд долл. туристической отрасли.

Монголия является страной-наблюдателем в ШОС и сознательно выбирает такую позицию, чтобы укреплять двусторонние отношения со всеми сторонами, не вступать в геополитические конфликты и не тратить ограниченные ресурсы на их решение [17]. Важным моментом является то, что Китай как лидер ШОС проводит мощную трансформационную логистическую кампанию «Пояс и путь», продвигая стратегию транспортно-логистических (экономических) коридоров. В контексте политико-экономического взаимодействия наблюдается стабильная центрально-азиатская триада: «Китай – Монголия – Россия» под единым транспортным коридором. В рамках этого трехстороннего сотрудничества планируется разработка и строительство газопровода, который является второй крупной инфраструктурой, соединяющей наши три страны с 1955 г. Кроме того, Монголия планирует стать полноправным членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В связи с этим экономические зоны должны способствовать достижению критериев, необходимых для членства в ЕАЭС, что было закреплено в Меморандуме о сотрудничестве между ЕАЭС и Монголией [7].

Актуальный проект Правительства КНР «Один пояс, один путь» (или «Пояс и путь», в зависимости от стиля перевода) заявляет о себе как о строителе новой архитектуры международных отношений и всемирного управления. Инициатива реализуется за счет формирования экономических коридоров, экономических зон, приграничного сотрудничества и прочих экономических интеграций во множестве областей и производственных сфер, а не за счет «регулируемой либерализации и приватизации в однополярном мире». Как отмечают Dunford & Liu, приветствуется «двустороннее, трехстороннее, региональное и многостороннее сотрудничество, при котором страны делают упор на искоренение нищеты, создание рабочих мест, устранение последствий международных финансовых кризисов, содействие устойчивому развитию и продвижение рыночной трансформации промышленности и диверсификации экономики» [18]. Это подтверждается документом «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» [8], согласно которому «страны, расположенные вдоль «Пояса и пути», обладают ресурсными преимуществами, а их экономики дополняют друг друга» [19].

Инициатива «Один пояс, один путь» – это инновационная теория региональной экономической интеграции [20]. Несмотря на то, что правительство Китая сотрудничает с Азиатским банком развития, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Европейским инвестиционным банком, отмечается, что финансовая кооперация «Пояса и пути»

осуществляется не на уровне наднациональных финансовых институтов, а на микро- и макроуровне. Особенность таких инвестиционных инициатив заключается в том, что их осуществление производится в странах, продольных «Поясу и пути», следовательно, экономический рост будет равносторонний и зеркальный.

«Пояс и путь» могут стать самой длинной экономической границей, которая поддерживается «мягкой» силой КНР для стран на маршрутном пути в аспекте реализации экономико-гуманитарной повестки ШОС и БРИКС. Благодаря такой масштабной инициативе Китай готов к технологическому построению инфраструктурных связей с остальной частью Азии, Европой и Африкой [21]. Россия и Монголия выступают ближайшими соседями и партнерами в реализации этой миссии.

Япония является третьей экономической державой в мире после США и Китая и второй по объемам взносов в бюджеты международных организаций ООН и МВФ после США. Внешние ориентиры Японии направлены больше в сторону Вашингтона и европейских стран и поддержку ВТО. В противовес «Поясу и пути» в 2018 г. было подписано масштабное соглашение между Европейским союзом и Японией – соглашение о зоне свободной торговли стран ЕС и Японии (Japan-EU Free Trade Agreement, JEFTA), что также будет способствовать притоку в Японию ПИИ и обеспечит ее необходимыми прямыми иностранными инвестициями. Вследствие этого необходимые денежные потоки обеспечиваются особыми нетрадиционными экономическими зонами [9].

Заключение

Согласно отчету о мировых инвестициях рейтинг стран мира по уровню притока прямых иностранных инвестиций, составленный группой Всемирного банка, МВФ и ЮНКТАД, выглядит следующим образом: Китай занимает 2-е место, Гонконг – 3-е место, Бразилия – 6-е место, Российская Федерация – 9-е место [10]. Первое место отдано США, что вполне справедливо.

Следовательно, допустимо сделать вывод о формировании второго «восточно-БРИКСного» лагеря распределения экономико-политического потенциала, обоснованного притоком иностранных инвестиций для формирования инфраструктурных проектов, повестки международных деловых отношений. В частности, Китайская инициатива «Пояса и пути», благодаря протяженности проекта и включения в него продольных стран-участниц, формирует фактическую экономическую границу, обоснованную «мягкой» силой донора инвестиций в принимающие страны, таким образом, конструируя модернизируемую экономическую карту Евразии.

Однако направление экономических границ заставляет задуматься о национальной безопасности. Государство в обмен на пользование экономическими ресурсами территорий получает прямые иностранные инвестиции. Спрос рождает предложение, но в реалиях турбулентного настоящего времени на мировом рынке экономических зон мы наблюдаем «торговлю экономическими границами» различных государств.

Список источников

1. Сафранчук И.А. Глобализация в головах. Центральная Азия и евразийская интеграция // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 120–126. URL: https://mgimo.ru/library/publications/1013294/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
2. Сафранчук И.А. Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст // Записка Аналитического центра Обсерво. 2014. № 8. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/1011359/>
3. Олейнов А.Г. Концептуальные границы экономики и политики глобальных процессов // «25 лет внешней политике России»: сб. матер. X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 4. Россия и современный мир: экономика и право. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Малыгина; [науч. ред.:

- И.Н. Платонова и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований. Москва: МГИМО – Университет, 2017. С. 350–359. URL: https://mgimo.ru/library/publications/25let_vneshnei_politike_rossii_sb_materialov_kh_konventa_rami_moskva_8_9_dekabrya_2016_g_v_5_t_t_4_r/
4. Орлов А.В. Общесоциологическое понятие – базовая основа современной политической экономики // Евразийский международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 38–40. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4515>
 5. Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. 502 с.
 6. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатров. Москва: КомКнига, 2005. 432 с. URL: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/titul.htm
 7. Soproni L. The economic borders in the age of globalization. The frontier worker – new perspectives on the labor market in the border regions. С.Н. BECK Bucharest, 2013. P. 53–62.
 8. Arieli T. Borders, conflict and security // Int J Conflict Manag. 2016. № 27 (4). P. 487–504.
 9. Аршинов В.М. Свободные экономические зоны Китая: опыт интеграции финансовых, научно-производственных и человеческих ресурсов // Журнал прикладных исследований. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-kitaya-opyt-integratsii-finansovyh-nauchno-proizvodstvennyh-i-chelovecheskih-resursov>
 10. Демина Я.В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6, № 4. С. 64–75. DOI: 10.14530/reg.2019.4.64
 11. Special economic zones of the Republic of Korea: the mechanism and features of functioning / A.Yu. Zorina, V.A. Egorichev, P.I. Malyarchuk [и др.] // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2019. 9 (6A). P. 158–164.
 12. Chuanmin Zhao, Xi Qu. Place-based policies, rural employment, and intra-household resources allocation: Evidence from China's economic zones // Journal of Development Economics. 2024. Vol. 167. ISSN 0304-3878. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2023.103210>
 13. Wang Xizhe. Free economic zones of China: the history & present // Information and Innovations. 2020. Т. 15, No 4. P. 84–90. DOI: 10.31432/1994-2443-2020-15-4-84-90
 14. Зименков Р.И. Свободные экономические зоны в Японии // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-yaponii>
 15. George T., Armonk C. The political economy of China's special economic zones // Journal of Comparative Economics. 1992. Vol. 16, Iss. 1. P. 172, 173. ISSN 0147-5967. URL: [https://doi.org/10.1016/0147-5967\(92\)90123-O](https://doi.org/10.1016/0147-5967(92)90123-O)
 16. Дэлгэрцэцэг Унубилэгт. Состояние свободных экономических зон Монголии на примере свободной экономической зоны Замын-Ууд // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 55–65. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.55>
 17. Bolor Lkhaajav. Why Mongolia Is Steering Clear of Full Membership in the SCO // The Diplomat. 2022. September 16. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/why-mongolia-is-steering-clear-of-full-membership-in-the-sco/>
 18. Dunford M. & Liu W. Chinese perspectives on the Belt and Road Initiative // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2019. № 12. P. 145–167. URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy032>
 19. Liu W., Dunford M., Gao B. The discursive construction of the Belt and Road Initiative: From neo-liberal to inclusive globalization // Journal of Geographical Sciences. 2018. № 28 (9). P. 1199–1214. URL: <https://doi.org/10.1007/s11442-018-1520-y>
 20. Li X. The absence of Asian regional economic integration and the development orientation of the Belt and Road // Soc. Sci. China. 2019. № 40 (1). P. 132–147. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02529203.2019.1556484>
 21. Xue L. & Weng L. Connecting hearts before connecting roads. In Common prosperity global views on belt and road initiative. China Intercontinental Press, 2019. P. 96–101.

References

1. Safranchuk I.A. Globalization in the heads. Central Asia and Eurasian integration. *Russia in global politics*. 2015; (1): 120–126. URL: https://mgimo.ru/library/publications/1013294/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
2. Safranchuk I.A. Russian policy in Central Asia. Strategic context. *Note by Observo Analytical Center*. 2014; (8). URL: <https://mgimo.ru/library/publications/1011359/>
3. Oleinov A.G. Conceptual boundaries of the economy and the policy of global processes. "25 years of Russian foreign policy": *Sat. mater. X Convention RAMI (Moscow, December 8–9, 2016)*. In 5 vol. 4. *Russia and the modern world: economy and law. At 2 h. Part 1/under the general. ed. A.V. Malgin; [scientific. ed.: I.N. Platonova et al.]; Mosk. State Institute of International Relations (un-t) Foreign del Ros. Federations, Ros. Association of International Studies*. Moscow: MGIMO – University; 2017. P. 350–359. URL: https://mgimo.ru/library/publications/25let_vneshnei_politike_rossii_sb_materialov_kh_konventa_rami_moskva_8_9_dekabrya_2016_g_v_5_t_t_4_r/
4. Orlov A.V. Sociological concept – the basic basis of modern political economy. *Eurasian International Scientific and Analytical Journal. Problems of the modern economy*. 2013; 2 (46): 38–40. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4515>
5. Spatial development of modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutions / ed. E.A. Kolomak. Novosibirsk: Publishing House IEOPP SB RAS; 2020. 502 p.
6. World politics: theory, methodology, applied analysis / resp. ed. A.A. Kokoshin, A.D. Bogaturov. Moscow: KomKniga; 2005. 432 p. URL: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/titul.htm
7. Soproni L. The economic borders in the age of globalization. The frontier worker – new perspectives on the labor market in the border regions. C.H. BECK Bucharest; 2013. P. 53–62.
8. Arieli T. Borders, conflict and security. *Int J Conflict Manag.* 2016; 27 (4): 487–504.
9. Arshinov V.M. Free economic zones of China: experience in the integration of financial, scientific, production and human resources. *Journal of Applied Research*. 2019; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-kitaya-opyt-integratsii-finansovyyh-nauchno-proizvodstvennyh-i-chelovecheskih-resursov>
10. Dyomina Y.V. Zones of economic development of the DPRK: prospects for functioning under sanctions. *Regionalism*. 2019; 6 (4): 64–75. DOI: 10.14530/reg.2019.4.64
11. Special economic zones of the Republic of Korea: the mechanism and features of functioning / A.Yu. Zorina, V.A. Egorichev, P.I. Malyarchuk [et al.]. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2019; 9 (6A): 158–164.
12. Chuanmin Zhao, Xi Qu. Place-based policies, rural employment, and intra-household resources allocation: Evidence from China's economic zones. *Journal of Development Economics*. 2024; (167). ISSN 0304-3878. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2023.103210>
13. Wang Xizhe. Free economic zones of China: the history & present. *Information and Innovations*. 2020; 15 (4): 84–90. DOI: 10.31432/1994-2443-2020-15-4-84-90
14. Zimenkov R.I. Free economic zones in Japan. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2006; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-yaponii>
15. George T., Armonk C. The political economy of China's special economic zones. *Journal of Comparative Economics*. 1992; 16 (1): 172, 173. ISSN 0147-5967. URL: [https://doi.org/10.1016/0147-5967\(92\)90123-O](https://doi.org/10.1016/0147-5967(92)90123-O)
16. Delgärcätäg Unubilägt. The state of the free economic zones of Mongolia on the example of the free economic zone Zamyn-Uud. *Izvestia Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2023; (46): 55–65. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.55>
17. Bolor Lkhaajav. Why Mongolia Is Steering Clear of Full Membership in the SCO. *The Diplomat*. 2022; September 16. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/why-mongolia-is-steering-clear-of-full-membership-in-the-sco/>
18. Dunford M. & Liu W. Chinese perspectives on the Belt and Road Initiative. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2019; (12): 145–167. URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy032>
19. Liu W., Dunford M., Gao B. The discursive construction of the Belt and Road Initiative: From neo-liberal to inclusive globalization. *Journal of Geographical Sciences*. 2018; 28 (9): 1199–1214. URL: <https://doi.org/10.1007/s11442-018-1520-y>

20. Li X. The absence of Asian regional economic integration and the development orientation of the Belt and Road. *Soc. Sci. China*. 2019; 40 (1): 132–147. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02529203.2019.1556484>
21. Xue L. & Weng L. Connecting hearts before connecting roads. In *Common prosperity global views on belt and road initiative*. China Intercontinental Press; 2019. P. 96–101.

Информация об авторах:

Шичалина Валерия Алексеевна, канд. экон. наук, начальник отдела международных связей Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск; доцент Департамента информационной безопасности Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, e-mail: lerashichalina@ya.ru

Латкин Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, e-mail: aleksandr.latkin@vvsu.ru

Сунь Лимэй, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, e-mail: 350260918@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>

EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>

Дата поступления:
24.06.2025

Одобрена после рецензирования:
14.11.2025

Принята к публикации:
17.11.2025

Научная статья

УДК 330.55

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/065-078>

EDN: <https://elibrary.ru/BXPBNN>

Структура портового грузооборота как фактор отраслевого и пространственного развития регионов

Мартынов Дмитрий Валерьевич

Красько Андрей Александрович

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена разработке и апробации метода оценки влияния структуры портового грузооборота на социально-экономическое развитие регионов России с учетом запросов ключевых стейкхолдеров – региональной власти и общества. Исследование охватывает 23 российских региона, где функционируют 55 морских грузовых портов, и базируется на данных за 2015–2023 гг. Для анализа применяются методы градиентного бустинга и Шепли, что позволяет выявлять нелинейные зависимости и синергетические эффекты, возникающие между типами переваливаемых грузов и показателями занятости, вкладом сопутствующих отраслей в валовый региональный продукт, а также уровнем освоённости территории. Морские порты рассматриваются как важнейшие элементы производственно-логистической системы, оказывающие косвенное влияние на энергетический сектор, сферу информации и связи, обрабатывающую промышленность, транспортировку и хранение, а также торговлю. Полученные результаты показывают, что структура грузооборота является значимым фактором формирования социально-экономического развития регионов, сопутствующих отраслей и их пространственного развития. В регионах с низкой портовой активностью влияние носит локальный и разрозненный характер. В регионах со средней активностью выявляется четкая зависимость отдельных отраслей от определенного типа грузопотоков. В более крупных портовых регионах формируется интегрированная логистическая система, где различные виды грузов обеспечивают усиление мультипликативного эффекта портовой инфраструктуры. Разработанный метод позволяет выделять типы грузов по их косвенному влиянию, повышению эффективности регионального планирования и устойчивости социально-экономических систем; может быть использован для стратегического управления развитием территории с учетом специализации портов.*

***Ключевые слова:** морские порты, структура грузооборота, региональное развитие, ВРП, бюджетные доходы, кластерный анализ.*

***Для цитирования:** Мартынов Д.В., Красько А.А. Структура портового грузооборота как фактор отраслевого и пространственного развития регионов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/065-078>. EDN: <https://elibrary.ru/BXPBNN>*

Structure of port cargo turnover as a factor of industry and spatial development of regions

Dmitry V. Martynov

Andrey A. Krasko

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article is devoted to the development and testing of a method for assessing the impact of port cargo traffic structure on the socio-economic development of Russian regions taking into account the requests of key stakeholders – regional authorities and society. The study covers 23 Russian regions with 55 seaports in operation and relies on data from 2015 to 2023. Gradient boosting and Shapley methods are used for analysis, which allow identifying nonlinear dependencies and synergistic effects between types of transshipped goods and employment indicators, contributions of related industries to gross regional product, as well as land use levels. Seaports are considered crucial elements of production-logistics systems that indirectly influence energy sectors, information and communication fields, manufacturing industry, transportation and storage, as well as trade. The results obtained by the authors demonstrate that the cargo turnover structure is a significant factor shaping the socio-economic development of regions, related industries, and their spatial evolution. In regions with low port activity, this effect is local and fragmented. In regions with medium-level activity, clear dependence of specific industries on certain types of freight flows is identified. In larger port regions, an integrated logistics system emerges where different types of cargo enhance the multiplicative effect of port infrastructure. The developed methodology allows classifying cargo types based on their indirect influence and can be applied for strategic territorial management considering port specialization, improving efficiency of regional planning, and enhancing sustainability of socio-economic systems.

Keywords: sea ports, cargo traffic structure, regional development, GRP, budget revenues, cluster analysis.

For citation: Martynov D.V., Krasko A.A. Structure of port cargo turnover as a factor of industry and spatial development of regions // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/065-078>. EDN: <https://elibrary.ru/BXPBNN>

Введение

Современные морские порты следует рассматривать как неотъемлемые элементы производственно-логистической системы, формирующие пространственные узлы концентрации экономической активности и обеспечивающие интеграцию экономики региона в цепочки поставок. Их значение выходит далеко за рамки транспортной функции: порты становятся точками роста, способными определять отраслевую структуру регионального хозяйства и стимулировать развитие территорий. Именно через порты реализуются значительные объемы экспортно-импортных операций, формируются межотраслевые связи, обеспечивается трансфер технологий и инвестиционных потоков в смежные отрасли – от промышленности и энергетики до торговли и информационных услуг. Таким образом, влияние портов на региональную экономику проявляется не только через прямые транспортные эффекты, но и через создание мультипликативных связей в сопутствующих отраслях. Кроме того, в последние годы усиливается интерес к исследованию портов как пространственных драйверов, способных изменять уровень и структуру освоенности территории. Развитие портов влечет за собой расширение инфраструктуры, повышение плотности хозяйственной деятельности, рост урбанизации и транспортной связанности регионов.

Все это обуславливает необходимость комплексного понимания роли морских портов в системе регионального развития и определяет актуальность изучения косвенного

влияния портовой инфраструктуры как на отраслевые, так и на пространственные показатели социально-экономического развития.

В научной литературе много внимания уделяется данному вопросу. В работе [1] утверждается, что порты выходят за пределы своей транспортной функции и становятся актором развития промышленных отраслей. Их влияние особенно заметно в отраслях с высокой зависимостью от логистики, таких как перерабатывающая промышленность и торговля. В исследовании [2] показано, что порты способствуют росту локальной экономики не только за счет прямых инвестиций, но и через кооперацию с производственным сектором, оказывая непосредственное влияние на них. Авторы работы [3] выявляют, что развитие портов имеет положительное влияние на сельское хозяйство, розничную торговлю и малые промышленные предприятия за счет снижения логистических издержек и расширения рынков сбыта.

В исследовании [4] подчеркивается значимость развития портовой инфраструктуры, особенно контейнерных терминалов для роста значимости отраслей торговли и промышленности. При этом делается вывод о том, что порты с развитой специализированной направленностью (по типу груза) оказывают селективное влияние на отрасли – от нефтехимии до высокотехнологичных производств.

На примере Африки ученые доказывают, что улучшение портовой и железнодорожной инфраструктуры приводит к развитию промышленных отраслей [5]. В исследовании И.В. Рожкова [6] подчеркивается, что порты способны создавать мультипликативные эффекты для развития смежных отраслей экономики. Н.К. Семенова обращает внимание на китайский опыт, где порты стали триггером реиндустриализации и обновления производственных мощностей [7]. Это подтверждает роль портов как драйвера развития отрасли обрабатывающего производства. Е.А. Заостровских на примере Приморского края демонстрирует связь портов с экспортно-ориентированными отраслями, промышленной переработкой и торговлей [8]. В работе [9] показано, что портовая инфраструктура как часть общей логистической системы при наличии межрегиональных связей оказывает эффект на индустриальные сектора даже вне зоны прямой доступности. Д.В. Мартынов, изучая влияние портового хозяйства на экономику регионов путем построения корреляционной модели, делает вывод о том, что влияние развития портовой индустрии на экономику региона может непосредственно распространяться на транспортную сферу, промышленное производство, сельское хозяйство, строительство, туризм [10]. Он также отмечает различия значимости отдельных отраслей в зависимости от специфики региона.

Стоит отметить, что в современных исследованиях большое значение приобретают вопросы перехода управления портом на концепцию «Порт 4.0», что, несомненно, сказывается на деятельности сектора связи и информационных технологий. Так, Г.И. Шепелин с соавторами исследуют технологии цифровизации современного порта, состоящие из разработки интеллект-инфраструктуры, создания программно-аппаратных комплексов в терминалах на базе «умных» технологий, что резко расширяет региональные транспортные возможности [11]. Д.В. Гельфонд рассматривает преимущества и ограничения цифровой трансформации морских портов с учетом сложностей взаимодействия со всеми стейкхолдерами, определяя источники главных барьеров, сдерживающих максимальный эффект цифровой трансформации [12]. И.В. Зуб с соавторами исследуют внедрение в управление порта информационных систем, которые позволяют упорядочить процессы перемещения грузов, осуществлять работу порта на определенном периоде планирования и оперативно принимать решения при возникновении нестандартных ситуаций [13].

При этом важным аспектом социально-экономического развития территории является не только развитие отдельных отраслей, но и освоенность территории как базы,

на которой протекают экономические процессы роста и развития [14]. В связи с этим имеет смысл изучать влияние объема и структуры грузооборота портов на этот показатель.

В работе В.В. Жуковой [14] рассматривается концепция освоенности территории как ключевого фактора, определяющего возможности и ограничения для устойчивого экономического развития. В исследовании [15] определяется уровень освоенности территории, который включает в себя развитие инфраструктуры, плотность населения, интенсивность использования ресурсов и другие факторы, напрямую влияющие на экономический потенциал региона. В работе Д.В. Мартынова [16] изучается влияние объема грузооборота на освоенность территории крупнейших портовых регионов и делается вывод об их взаимосвязи.

При этом, во-первых, вопрос влияния структуры грузооборота на основные показатели развития отдельных отраслей остается малоизученным; во-вторых, практически не рассматривается косвенное влияние функционирования портов на социально-экономическое развитие (СЭР) в виде повышения освоенности территории; в-третьих, структура грузооборота не анализируется с точки зрения удовлетворения запросов ключевых стейкхолдеров – «региональная власть», «общество». Стоит отметить, что ранее авторами в работе [17] уже рассматривались методические вопросы оценки эффективности работы морских портов Дальневосточного бассейна, основанные на стейкхолдерском подходе, но не учитывались кластеризация морских портов всех бассейнов и структура их грузооборота. Все вышесказанное подтверждает наличие научной проблемы, состоящей в отсутствии метода ранжирования типов перерабатываемых портами грузов по степени косвенного влияния на отраслевое и пространственное развитие регионов.

Таким образом, целью исследования является разработка и апробация метода оценки влияния структуры портового грузооборота на отдельные показатели социально-экономического развития регионов, характеризующие удовлетворение запросов стейкхолдеров порта через сопутствующие отрасли и повышение освоенности территории.

Гипотеза исследования заключается в том, что различные типы переваливаемых портами грузов оказывают разное по значимости влияние на удовлетворение запросов стейкхолдеров – «региональная власть», «общество».

Основная часть

Эмпирическая база исследования охватывает все регионы Российской Федерации, на территории которых функционируют морские грузовые порты: 23 субъекта с 55 действующими портами. При этом из выборки были исключены 12 пассажирских портов ввиду их иной функциональной направленности и отсутствия сопоставимых статистических данных по структуре грузооборота. Временной охват исследования составил период с 2015 по 2023 г., что позволило проанализировать динамику влияния портовой активности на ключевые отраслевые и пространственные показатели социально-экономического развития регионов.

Статистические данные для построения базы получены из официальных источников: информационно-аналитического агентства ПортНьюс (для структуры грузооборота портов по типам продукции) и Федеральной службы государственной статистики (для показателей СЭР).

Для обеспечения сопоставимости результатов и учета пространственных различий регионы были разделены на три кластера по степени портовой активности. При кластеризации в качестве критерия использовалась доля регионального грузооборота в общем объеме морских перевозок России.

В результате были сформированы следующие кластеры:

– кластер 0 ($k = 0$) – регионы с низким уровнем портовой активности (доля грузооборота – менее 1,5 %);

- кластер 1 ($k = 1$) – регионы со средней активностью (доля грузооборота – до 8 %);
- кластер 2 ($k = 2$) – регионы с высокой портовой активностью (доля грузооборота – до 28 %).

Такое деление отражает не только количественные различия в объемах грузопотоков, но и качественные особенности пространственного развития: от локализованных, преимущественно снабженческих портов, до крупных экспортно-ориентированных логистических хабов.

Структура портового грузооборота каждого кластера представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура портового грузооборота кластера

Кластер	Прочие сухо- грузы, %	Уголь, кокс, %	Грузы в контейнерах, %	Нефть и неф- тепродукты, %	Прочие наливные, %
$k = 0$	59	4	12	22	3
$k = 1$	26	23	10	32	9
$k = 2$	16	21	4	58	1

Источник: сост. авторами.

Рассмотрим каналы влияния функционирования морских портов на удовлетворение запросов таких значимых стейкхолдеров, как «региональная власть» и «общество». В качестве эндогенных факторов при построении каналов влияния были выбраны:

- показатели вклада каждой сопутствующей отрасли в валовый региональный продукт;
- показатели численности занятых в соответствующих секторах экономики;
- показатель освоенности территории.

Показатели, связанные с объемом производства, отражают эффективность и вклад отраслей в формирование экономической базы региона, что имеет первостепенное значение для органов государственной власти и инвесторов. В то же время показатели занятости позволяют оценить социальный эффект функционирования портовой индустрии и сопутствующих отраслей, что критически важно для населения региона. Показатель освоенности территории характеризует уровень социально-экономического состояния регионов.

Выделим следующие сопутствующие отрасли:

- производство и распределение электроэнергии, газа и воды;
- транспортировка и хранение;
- обрабатывающие производства;
- торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов;
- деятельность в области информации и связи.

Для построения моделей все типы грузов, представленные в статистических источниках и вошедшие в сформированную базу данных, были агрегированы в 5 групп исходя из их характеристик, что позволило существенно уменьшить количество независимых переменных и избавиться от мультиколлинеарности факторов.

Введем следующие обозначения переменных:

1. Эндогенные переменные (объясняемые):

Y1 – численность занятых в отрасли «производство и распределение электроэнергии, газа и воды»;

Y2 – численность занятых в отрасли «транспортировка и хранение»;

- Y3 – численность занятых в отрасли «обрабатывающие производства»;
Y4 – численность занятых в торговле оптовой и розничной; ремонте автотранспортных средств и мотоциклов;
Y5 – численность занятых в области информации и связи;
Y6 – вклад в ВРП от производства и распределения электроэнергии, газа и воды (млн руб.);
Y7 – вклад в ВРП от транспортировки и хранения (млн руб.);
Y8 – вклад в ВРП от обрабатывающих производств (млн руб.);
Y9 – вклад в ВРП от деятельности торговли оптовой и розничной; ремонта автотранспортных средств и мотоциклов (млн руб.);
Y10 – вклад в ВРП от деятельности в области информации и связи (млн руб.);
Y11 – освоенность территории.
2. Экзогенные переменные (объясняющие):
X1 – объем переваливаемых сухогрузов (зерно, сахар, металл и др.), тыс. т;
X2 – объем переваливаемого угля и кокса, тыс. т;
X3 – объем переваливаемых грузов в контейнерах, тыс. т;
X4 – объем переваливаемой нефти и нефтепродуктов, тыс. т;
X5 – объем переваливаемых наливных грузов (кроме нефти и нефтепродуктов), тыс. т.

При моделировании влияния структуры и объема грузооборота портов на макроэкономические показатели развития регионов и удовлетворение запросов стейкхолдеров «региональная власть», «общество» будем использовать метод машинного обучения – градиентный бустинг и метод Шепли, позволяющие выявлять и оценивать в том числе нелинейные синергетические эффекты, которые характерны для сложных социально-экономических процессов, таких как связь между логистической активностью и изменением основных макроэкономических показателей.

Градиентный бустинг (Gradient Boosting Regression) является ансамблевым алгоритмом, представляющим собой древовидную модель и выполняющим на каждом итерационном шаге минимизацию следующей наибольшей ошибки, что позволяет достигнуть более высокой общей точности модели. Для каждой объясняющей переменной находится Feature Importance (важность переменной); представляет собой усредненное по всем деревьям уменьшение функции потерь за счет данного признака, т.е. показывает, как часто и насколько эффективно признак используется в модели.

Метод Шепли, концептуально базирующийся на алгоритме Шепли из кооперативной теории игр, позволяет определить вклад каждого признака в предсказание конкретного наблюдения на основе среднего значения добавленной полезности признака при всех возможных вариантах перестановок признаков в последовательном добавлении признаков в общий полный ансамбль.

Для выборки в целом, каждого кластера в отдельности и объединенной выборки по кластерам 1 и 2 градиентным бустингом и методом Шепли были построены два типа моделей.

Результаты

Результаты проведенного исследования показали, что градиентный бустинг обеспечивает высокую объяснительную силу моделей (коэффициент детерминации R^2 для всех моделей – от 0,85 до 0,97), а также позволяет выделить важность отдельных типов грузов (X1–X5) в формировании экономического эффекта. В каждой модели значения коэффициентов при неизвестных, показывающие величину изменения эндогенной переменной при изменении экзогенной переменной на 1 единицу (1 тыс. т), демонстрируют, что величины вкладов различных типов грузов в экономический эффект существенно различаются.

Рассмотрим подробно результаты анализа моделей, построенных для фактора численность занятых в отрасли «производство и распределение электроэнергии, газа и воды». Для данного фактора количественные результаты моделирования приведены в табл. 2, в которой для каждого кластера указаны значения метрики качества R^2 , векторы коэффициентов для моделей градиентного бустинга и значения коэффициентов по методу Шепли.

Таблица 2

**Параметры моделей градиентного бустинга и Шепли для фактора
«численность занятых в отрасли “производство и распределение
электроэнергии, газа и воды”»**

Кластер	R^2	Градиентный бустинг					Метод Шепли				
		X1	X2	X3	X4	X5	X1	X2	X3	X4	X5
$k = 0$	0,87	0,858	0,026	0,058	0,036	0,021	0,606	0,059	0,109	0,086	0,049
$k = 1$	0,84	0,916	0,027	0,003	0,040	0,013	0,747	0,046	0,027	0,071	0,031
$k = 2$	0,86	0,482	0,112	0,081	0,089	0,237	0,447	0,066	0,058	0,127	0,239
$k = 1 + k = 2$	0,91	0,715	0,123	0,064	0,051	0,046	0,624	0,124	0,066	0,058	0,046

Источник: сост. авторами.

В регионах с низкой портовой активностью ($k = 0$) наибольшее влияние на численность занятых в энергетике оказывает объем переваливаемых сухогрузов (0,858 по градиентному бустингу и 0,606 по методу Шепли) при их доминировании в структуре оборота (58 %). Возможно, это объясняется тем, что перевалка сухих грузов является более энергоемким видом портовой деятельности, требующим значительных объемов электроэнергии для перегрузочных, складских и вспомогательных операций, по сравнению с другими видами грузов. Следует также отметить, что структура грузооборота значительно способствует повышению уровня занятости в энергетической сфере.

В регионах со средней портовой активностью ($k = 1$), где грузопотоки становятся более диверсифицированными (сухогрузы – 25 %, нефть – 31 %, уголь – 23 %), сохраняется доминирующее влияние сухогрузов (0,916 / 0,747). Это указывает на то, что, даже несмотря на значительное падение доли сухогрузов в структуре, рост производственно-инфраструктурной активности усиливает зависимость энергетического сектора от портовых операций, связанных с переработкой сухих грузов.

В регионах с высокой портовой активностью ($k = 2$) наблюдается переход к комбинированной энергетической зависимости, где значимыми оказываются сразу несколько типов грузов: сухогрузы (0,482 / 0,447), наливные (0,237 / 0,239) и нефтяные (0,089 / 0,127). При этом нефть и нефтепродукты составляют 57 % грузооборота; именно сухие и наливные грузы формируют основное влияние на занятость в энергетике. Это отражает структурную специфику крупнейших портовых узлов, где энергетическая инфраструктура обслуживает не только топливные потоки, но и многоотраслевые, технологически сложные процессы перевалки, хранения и переработки, требующие значительных энергетических ресурсов.

В целом результаты показывают, что влияние сухогрузов на занятость в энергетической отрасли связано не только с их объемом, но и высокой энергоемкостью, определяемой характером логистических операций и интенсивностью инфраструктурного использования. С ростом уровня портовой активности происходит переход от прямой зависи-

мости энергетического сектора от снабженческих потоков ($k = 0$) к многофакторной зависимости от энергоемких технологических процессов ($k = 2$).

Агрегированные выводы на основе построенных моделей машинного обучения по влиянию портового грузооборота на численность занятых для остальных отраслей представлены ниже.

В кластере $k = 0$ (низкая портовая активность) влияние портовой отрасли на сопутствующие отрасли носит различный характер. Так, в торговле и обрабатывающих производствах ключевым фактором выступают контейнерные грузы (X3), отражающие снабженческую и перерабатывающую специфику портов. Для транспортировки и хранения характерна многокомпонентная структура, где значимыми оказываются контейнеры (X3), уголь (X2) и нефть (X4). В энергетике доминирует влияние сухогрузов (X1), тогда как в сфере информации и связи фиксируется сочетание сухогрузов и угля. Таким образом, в регионах с низкой портовой активностью влияние на количество занятых в сопутствующих отраслях определяется различными видами грузов, что указывает на косвенную взаимосвязь портовой специфики с показателями связанных с портовой деятельностью отраслей.

В кластере $k = 1$ (средняя портовая активность) наблюдается более выраженная зависимость численности занятых в выделенных отраслях от структуры грузооборота. Для торговли, обрабатывающих производств и энергетики определяющим является сухогрузный поток (X1), тогда как транспортировка и хранение, а также информационно-коммуникационная деятельность демонстрируют устойчивую зависимость от угля (X2) и контейнеров (X3). Такая структура указывает на поляризацию отраслей: одни формируются на базе массовых сухих грузов, другие – на угольной и контейнерной логистике.

В кластере $k = 2$ (высокая портовая активность) прослеживается тенденция к сближению отраслей. Для торговли, транспортировки и хранения, информационной сферы, обрабатывающих производств и энергетики характерно доминирование комбинации сухогрузов (X1) и наливных грузов (X5) при умеренном вкладе других переменных. Это свидетельствует о формировании в регионах с высокой портовой активностью интегрированной мультиструктурной логистической базы, которая оказывает универсальное воздействие на занятость в различных отраслях.

Сравнительный анализ кластеров позволяет выделить ключевую закономерность. В кластере $k = 0$ влияние портовой логистики на занятость в отраслях носит разрозненный характер и определяется, главным образом, локальными снабженческими потребностями. В кластере $k = 1$ проявляется структурная дивергенция: одна часть отраслей зависит от сухогрузного трафика, другая – от угольного и контейнерного. В кластере $k = 2$, напротив, сухогрузы и наливные грузы формируют единую основу занятости.

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что при увеличении уровня портовой активности происходит постепенный переход от фрагментарного и поляризованного влияния отдельных видов грузов на отрасли ($k = 0$, $k = 1$) к интегрированному воздействию универсальных типов грузопотоков ($k = 2$), что усиливает мультипликативный эффект портовой инфраструктуры на этот аспект социально-экономического развития регионов и удовлетворение запроса стейкхолдера «общество».

Аналогичным образом были построены модели влияния структуры портового грузооборота на валовую добавленную стоимость, создаваемую в выделенных сопутствующих отраслях. Ниже представлены агрегированные выводы, отражающие общие закономерности, выявленные для региональных кластеров.

В кластере $k = 0$ (низкая портовая активность) наблюдается преимущественно неоднородный характер влияния. Так, в торговле ключевым фактором выступают контейнерные грузы (X3), поддерживаемые нефтяными поставками (X4), что отражает ресурсно-снабженческую специфику портов данной группы. В транспортировке и хранении

доминируют сухогрузы (X1) и нефть (X4), подтверждая ориентацию на внутренние логистические цепочки и обеспечение базовых потребностей региона. В информационной сфере значимую роль играют сухогрузы (X1) и контейнеры (X3), что указывает на зависимость сектора информации и связи от базовой инфраструктурной активности. В целом для кластеров с низкой активностью характерно слабое взаимное переплетение отраслей и высокая зависимость ВРП от отдельных, преимущественно снабженческих видов грузов.

В кластере $k = 1$ (средняя портовая активность) выявляется структурная дифференциация отраслей в зависимости от типа грузопотоков. Для торговли и сектора информации и связи доминирует влияние угольных грузов (X2), что отражает индустриально-сырьевой характер логистических процессов. Для обрабатывающих производств и энергетики решающую роль играют сухогрузы (X1), обеспечивающие приток массового сырья и материалов. В транспортно-логистическом секторе фиксируется двойная специализация – уголь (X2) и контейнеры (X3), что указывает на формирование комбинированных экспортно-распределительных цепочек. В целом в регионах средней активности наблюдается поляризация по видам логистических потоков: одна часть отраслей ориентирована на массовые грузы, другая – на перерабатываемые и контейнерные направления.

В кластере $k = 2$ (высокая портовая активность) проявляется тенденция к интеграции отраслей вокруг универсальных типов грузов. Для большинства направлений – торговли, транспортировки и хранения, энергетики, а также информационно-коммуникационной деятельности – определяющим является сочетание сухогрузных (X1), наливных (X5) и частично контейнерных (X3) потоков. Это свидетельствует о формировании в высокоактивных портах сложных, мультимодальных логистических систем, способных обеспечивать добавленную стоимость в разных секторах экономики. Здесь вклад отраслей в ВРП формируется на основе взаимодействия нескольких типов грузов, что отражает высокий уровень интеграции портовой и региональной экономик.

Сравнительный анализ трех кластеров показывает различие влияния:

- при низкой активности ($k = 0$) вклад отраслей в ВРП формируется за счет фрагментарных, снабженческих потоков;
- при средней активности ($k = 1$) усиливается дифференциация и отраслевое разделение по видам грузов;
- при высокой активности ($k = 2$) происходит формирование единой, мультиструктурной системы, где универсальные типы грузопотоков обеспечивают рост добавленной стоимости одновременно в нескольких отраслях.

Таким образом, увеличение портовой активности сопровождается переходом от изолированного и отрасле-специфического воздействия к интегрированному влиянию универсальных типов грузов (сухогрузов, наливных и контейнерных), что усиливает мультипликативный эффект портовой инфраструктуры на формирование валовой добавленной стоимости и способствует комплексному социально-экономическому развитию регионов.

Рассмотрим влияние структуры портового грузооборота на показатель «освоенность территории». Уровень освоенности территории будем оценивать с использованием интегрального индекса, построенного на основе исследования [15] и модифицированного добавлением показателя «доля ВРП от деятельности в области информации и связи». Показатели, входящие в интегральный индекс:

- плотность населения – количество человек на 1 км^2 ;
- фондооснащенность территории – стоимость основных производственных фондов на единицу площади региона, тыс. руб./ км^2 ;
- плотность железных дорог, км/10 000 км^2 ;
- плотность автомобильных дорог, км/100 км^2 ;
- доля ВРП от деятельности в области информации и связи.

Интегральный индекс учитывает совокупность инфраструктурных, экономических и демографических характеристик регионов, при этом для учета современных тенденций был добавлен показатель «доля ВРП от деятельности в области информации и связи».

Для обеспечения сопоставимости данных все показатели были нормированы по отношению к максимальному значению каждого показателя по всем исследуемым регионам. Таким образом, значение каждого нормированного показателя находилось в диапазоне от 0 до 1. Интегральный индекс освоенности территории рассчитывался как среднее арифметическое нормированных значений всех шести показателей для каждого региона (табл. 3).

Таблица 3

Количественные результаты моделирования методами градиентного бустинга и Шепли

Кластер	R ²	Градиентный бустинг					Метод Шепли				
		X1	X2	X3	X4	X5	X1	X2	X3	X4	X5
$k = 0$	0,89	0,545	0,046	0,179	0,199	0,031	0,385	0,078	0,283	0,172	0,051
$k = 1$	0,87	0,441	0,249	0,165	0,069	0,076	0,590	0,306	0,289	0,129	0,122
$k = 2$	0,84	0,205	0,513	0,077	0,095	0,110	0,229	0,236	0,072	0,126	0,108
$k = 1 + k = 2$	0,92	0,187	0,265	0,132	0,339	0,077	0,185	0,192	0,173	0,260	0,068

Источник: сост. авторами.

Анализ моделей показал, что структура грузооборота портов оказывает заметное влияние на уровень освоенности территории во всех выделенных региональных кластерах.

В кластере $k = 0$ наибольшее значение имеют сухогрузы (X1 – 0,545 по градиентному бустингу и 0,385 по методу Шепли), что указывает на базовую роль массовых сухих грузов в формировании транспортной инфраструктуры и стимулировании плотности хозяйственной активности. Дополнительный вклад вносят контейнеры (X3 – 0,179 / 0,283) и нефть (X4 – 0,199 / 0,172), что отражает значимость снабженческих и энергетических поставок для пространственного развития таких регионов.

В кластере $k = 1$ ключевым фактором является уголь (X2 – 0,513 / 0,236), дополняемый сухогрузами (X1 – 0,205 / 0,229). Это свидетельствует о промышленно-сырьевой основе освоенности территории, где угольная логистика играет ведущую роль в развитии транспортных узлов и обеспечении ресурсной базы.

В кластере $k = 2$ (высокая портовая активность) приоритет сохраняется за сухогрузами (X1 – 0,441 / 0,590) и углем (X2 – 0,249 / 0,306), а также фиксируется значимое влияние контейнеров (X3 – 0,165 / 0,289). Такая комбинация указывает на диверсифицированную логистическую структуру, способную одновременно поддерживать промышленное производство, экспорт и развитие сопутствующей инфраструктуры.

Агрегированные данные по объединению кластеров $k = 1$ и $k = 2$ демонстрируют более сбалансированное распределение влияния: нефть (X4 – 0,339 / 0,260) и уголь (X2 – 0,265 / 0,192) оказывают сопоставимое воздействие с сухогрузами (X1 – 0,187 / 0,185) и контейнерами (X3 – 0,132 / 0,173). Это отражает сложный характер освоенности в развитых портовых регионах, где пространственное развитие обеспечивается сочетанием топливно-энергетических и массовых сухих грузопотоков.

В целом результаты подтверждают, что освоенность территории в портовых регионах формируется под влиянием разных типов грузов в зависимости от уровня портовой

активности: от доминирования сухогрузов и контейнеров в слабо развитых кластерах до более сложных мультимодальных конфигураций в регионах с высокой нагрузкой.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать структуру портового грузооборота как один из ключевых факторов, определяющих отраслевую специализацию и развитие регионов. В отличие от большинства предыдущих исследований, где основное внимание уделялось прямым транспортным эффектам портов, проведенный анализ показывает наличие косвенного влияния на социально-экономические процессы.

Во-первых, выявленная зависимость между типами переваливаемых грузов и показателями занятости подтверждает, что порты формируют разнонаправленные траектории отраслевого роста. В регионах с низкой портовой активностью (кластер $k = 0$) влияние носит фрагментарный характер: каждая отрасль реагирует на определенный тип грузопотока, что отражает снабженческую роль портов и слабую интеграцию с региональной экономикой. Это согласуется с выводами Е.В. Рожкова [6] и Д.В. Мартынова [10] о преимущественно обеспечивающем характере портов периферийных регионов.

Во-вторых, для регионов средней портовой активности ($k = 1$) зафиксирована структурная дифференциация: промышленно-ориентированные отрасли (обрабатывающая промышленность, энергетика) зависят от сухогрузных потоков, тогда как транспортировка, хранение и сектор информации и связи – от угольных и контейнерных грузов. Подобные эффекты подтверждают гипотезу авторов работ [1, 2] о том, что развитие портовой инфраструктуры способствует специализации региональных экономик и формированию отраслевых кластеров вокруг портовых хабов.

В-третьих, для регионов с высокой портовой активностью ($k = 2$) наблюдается интеграция отраслей и выравнивание структуры влияния. Здесь универсальные виды грузопотоков (сухогрузные и наливные) одновременно обеспечивают рост занятости и ВРП во множестве отраслей. Такой эффект можно трактовать как проявление «портовой мультипликации»: логистическая инфраструктура становится ядром синергетической системы, генерирующей экономический рост в различных отраслях. Этот результат созвучен выводам, сделанным в работе [4], а также подтверждает концепцию «многофункционального порта» (multi-purpose port), активно обсуждаемую в зарубежной литературе.

Особый интерес представляет выявленная взаимосвязь между структурой грузооборота и освоенностью территории. Результаты моделирования показали, что при росте портовой активности повышается интегральный уровень освоенности, включающий плотность инфраструктуры, интенсивность хозяйственной деятельности и информационно-коммуникационную связанность. Влияние различных типов грузов на освоенность оказалось неоднородным: в слабоактивных по портовому грузообороту регионах доминируют сухогрузы и контейнеры, а в развитых – комплексное сочетание угольных, нефтяных и наливных потоков. Это позволяет говорить о формировании пространственно-инфраструктурных зон роста, где развитие портов выступает не только экономическим, но и территориальным драйвером.

С практической точки зрения результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий пространственного планирования и управления портовыми комплексами. Для регионов с низкой портовой активностью целесообразно развитие контейнерных и снабженческих направлений, которые формируют первичные связи с местной экономикой; для регионов со средней активностью – поддержка отраслевой диверсификации и интеграция угольных и сухогрузных потоков в промышленные цепочки; для наиболее активных портовых регионов ключевым направлением становится цифровизация логистических процессов и развитие мультимодальной инфраструктуры, обеспечивающей синхронный рост нескольких отраслей и повышение освоенности территории.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что порт выступает системным элементом регионального развития, влияя как на отраслевую структуру экономики, так и на пространственные характеристики территории. Полученные результаты показывают, что различные типы переваливаемых портами грузов оказывают разное по значимости влияние на отдельные показатели социально-экономического развития региона, характеризующие удовлетворение запросов стейкхолдеров порта «региональная власть» и «общество», что подтверждает сформулированную гипотезу.

Заключение

В работе предложен метод оценки влияния структуры портового грузооборота на отдельные показатели СЭР, характеризующие удовлетворение запросов стейкхолдеров порта. Разработанный метод позволяет ранжировать типы перерабатываемых портами грузов по степени косвенного влияния через сопутствующие отрасли на удовлетворение запросов стейкхолдеров «региональная власть» и «общество».

Приводятся результаты, показывающие, что структура портового грузооборота, связанная с географическим расположением и экономической специализацией региона, является фактором пространственного развития регионов России и зависит от их специфики. Установлено, что типы переваливаемых грузов по-разному влияют на численность занятых и вклад сопутствующих отраслей в ВРП, а также на уровень освоенности территории. При этом ранжированная структура воздействия варьируется в зависимости от степени портовой активности региона.

В регионах с низкой портовой активностью портовая логистика носит локальный, снабженческий характер, обеспечивая базовую связанность экономики. В регионах со средней активностью влияние становится более дифференцированным, а с высокой активностью – формируется мультиструктурная система, связанная в том числе с экспортно-импортной спецификой.

Теоретическая значимость представленных результатов состоит в расширении инструментария, позволяющего на основе методов машинного обучения (градиентный бустинг и метод Шепли) выявлять нелинейные взаимосвязи между логистическими и социально-экономическими процессами и обоснованно подтверждать, что порты выступают не только транспортными узлами, но и драйверами комплексного регионального роста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать разработанные инструменты при стратегическом управлении структурой грузооборота портов и выборе приоритетных направлений портовой специализации для повышения эффективности территориального развития и устойчивости региональных экономических систем. Дальнейшие исследования в данной области могут быть связаны с развитием предложенного метода, в частности с рассмотрением более широкого набора факторов и заинтересованных сторон.

Список источников

1. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development // *Maritime Policy & Management*. 2005. Vol. 32, No. 3. P. 297–313.
2. Ferrari C. Port and Local Economic Development: Evidence from Italy // *Advanced Engineering Forum*. 2019. Vol. 30. P. 6–10. DOI: 10.19272/201906704002
3. Wu Z., Liu Z., Zhang Q. Inland ports, logistics and regional development: Empirical evidence from China // *Transport Policy*. 2022. Vol. 119. P. 79–89. DOI: 10.1016/j.tranpol.2022.08.012
4. Munim Z.H., Schramm H.-J. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: the mediating role of seaborne trade // *Journal of Shipping and Trade*. 2018. Vol. 3, No. 1. P. 1–19. DOI: 10.1186/s41072-018-0027-0

5. Sun B., Kauzen A. Infrastructure investment and port development in East Africa: A catalyst for regional industrial growth // *SAGE Open*. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 1–14. DOI: 10.1177/21582440221145894
6. Рожков Е.В. Современные тенденции развития морских портов Российской Федерации // *Вестник Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского*. 2022. № 1 (61). С. 44–50.
7. Семенова Н.К. Особенности китайской модели развития портовой логистики в условиях трансформации глобальных цепочек поставок // *Региональная экономика: теория и практика*. 2023. Т. 21, № 2. С. 336–350.
8. Заостровских Е.А. Влияние деятельности морских портов на экономику Приморского края // *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 4 (150). С. 31–36. DOI: 10.18324/2224-1833-2023-4-31-36
9. Cohen J.P., Monaco K. Spillovers and Agglomeration in Logistics: Evidence from California // *International Regional Science Review*. 2008. Vol. 31, No. 2. P. 139–158. DOI: 10.1177/0160017608318946
10. Мартынов Д.В. Рост портового грузооборота в развитии Приморского края и других портовых регионов // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2018. № 9. С. 56–65.
11. Шепелин Г.И., Чижанькова И.В., Ниязбекова Ш. Проблематика цифровой и интеллектуальной трансформации в деятельности российских морских портов // *Управленческий учет*. 2023. № 6. С. 320–325. DOI: 10.25806/uu62023320-325
12. Гельфонд Д.В. Эффекты и ограничения цифровой трансформации экономической деятельности морских портов // *Экономика. Право. Инновации*. 2025. № 1. С. 4–12. DOI: 10.17586/2713-1874-2025-1-4-12
13. Зуб И.В., Ежов Ю.В., Анголенко Т.С. Информационные системы как инструмент повышения производительности морских портов // *Вестник Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова*. 2022. Т. 14, № 2. С. 218–229. DOI: 10.21821/2309-5180-2022-14-2-218-229
14. Жукова В.В. Уровень освоенности территории как база устойчивого развития экономики региона // *Региональная экономика: теория и практика*. 2012. № 42. С. 50–55.
15. Смагин Б.И., Неуймин С.К. Освоенность территории региона: теоретические и практические аспекты. Мичуринск: Изд-во Мич. гос. агр. ун-та, 2007. 152 с.
16. Мартынов Д.В. Взаимовлияние развития портовых хозяйств российских регионов с величиной ВРП и уровень их освоенности // *Экономика и управление*. 2019. № 1 (159). С. 53–60.
17. Мартынов Д.В., Мазелис Л.С. Анализ эффективности морских портов Дальневосточного бассейна на основе стейкхолдерского подхода // *Национальная безопасность / nota bene*. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.73011

References

1. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development. *Maritime Policy & Management*. 2005; 32 (3): 297–313.
2. Ferrari C. Port and Local Economic Development: Evidence from Italy. *Advanced Engineering Forum*. 2019; (30): 6–10. DOI: 10.19272/201906704002
3. Wu Z., Liu Z., Zhang Q. Inland ports, logistics and regional development: Empirical evidence from China. *Transport Policy*. 2022; (119): 79–89. DOI: 10.1016/j.tranpol.2022.08.012
4. Munim Z.H., Schramm H.-J. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: the mediating role of seaborne trade. *Journal of Shipping and Trade*. 2018; 3 (1): 1–19. DOI: 10.1186/s41072-018-0027-0
5. Sun B., Kauzen A. Infrastructure investment and port development in East Africa: A catalyst for regional industrial growth. *SAGE Open*. 2023; 13 (1): 1–14. DOI: 10.1177/21582440221145894
6. Rozhkov E.V. Current trends in the development of seaports of the Russian Federation. *Bulletin of the Marine State University named after admin. G.I. Nevelsky*. 2022; 1 (61): 44–50.
7. Semenova N.K. Features of the Chinese model for the development of port logistics in the context of the transformation of global supply chains. *Regional economy: theory and practice*. 2023; 21 (2): 336–350.

8. Zaostrovskikh E.A. Impact of seaports on the economy of Primorsky Krai. *Economy and entrepreneurship*. 2023; 4 (150): 31–36. DOI: 10.18324/2224-1833-2023-4-31-36
9. Cohen J.P., Monaco K. Spillovers and Agglomeration in Logistics: Evidence from California. *International Regional Science Review*. 2008; 31 (2): 139–158. DOI: 10.1177/0160017608318946
10. Martynov D.V. Growth of port cargo turnover in the development of the Primorsky Territory and other port regions. *Intellect. Innovation. Investments*. 2018; (9): 56–65.
11. Shepelin G.I., Chizhankova I.V., Niyazbekova Sh. Problems of digital and intellectual transformation in the activities of Russian seaports. *Management accounting*. 2023; (6): 320–325. DOI: 10.25806/uu62023320-325
12. Gelfond D.V. Effects and limitations of the digital transformation of the economic activities of seaports. *Economics. Right. Innovation*. 2025; (1): 4–12. DOI: 10.17586/2713-1874-2025-1-4-12
13. Zub I.V., Yezhov Yu.V., Angolenko T.S. Information systems as a tool for increasing the productivity of seaports. *Bulletin of the State University of the Sea and River Fleet named after Admiral S.O. Makarov*. 2022; 14 (2): 218–229. DOI: 10.21821/2309-5180-2022-14-2-218-229
14. Zhukova V.V. Level of development of the territory as a basis for sustainable development of the region's economy. *Regional economy: theory and practice*. 2012; (42): 50–55.
15. Smagin B.I., Neuymen S.K. Development of the region: theoretical and practical aspects. Michurinsk: Publishing House Mich. state agr. University; 2007. 152 p.
16. Martynov D.V. The mutual influence of the development of port facilities in Russian regions with the value of GRP and the level of their development. *Economics and Management*. 2019; 1 (159): 53–60.
17. Martynov D.V., Mazelis L.S. Analysis of the efficiency of seaports in the Far Eastern basin based on a stakeholder approach. *National security/nota bene*. 2025; (1). DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.73011

Информация об авторах:

Мартынов Дмитрий Валерьевич, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, graduate-2023@bk.ru

Красько Андрей Александрович, канд. экон. наук, доцент каф. математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Россия, andrey.krasko@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/065-078>

EDN: <https://elibrary.ru/BXPBNN>

Дата поступления:
17.11.2025

Одобрена после рецензирования:
30.11.2025

Принята к публикации:
31.11.2025

Научная статья

УДК 338.486

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/079-091>

EDN: <https://elibrary.ru/FEPRYN>

Актуализация стандартов гостиничного обслуживания туристов из Китайской Народной Республики

Гомилевская Галина Александровна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассматривается процесс формирования гостиничных услуг в Российской Федерации с точки зрения системы стандартизации при приеме и обслуживании иностранных туристов. Целью работы является выявление актуальных направлений совершенствования стандартов гостиничного обслуживания иностранных туристов на примере туристов из Китайской Народной Республики (КНР) как особого потребительского сегмента туристского рынка. В дополнение к государственной системе классификации гостиниц, принятой в Российской Федерации, одним из элементов стандартизации для обслуживания китайских туристов могут стать нормы программы «China Friendly». Результатами работы являются: анализ систем стандартизации в гостиничных предприятиях различных стран при размещении иностранных туристов; систематизация требований к обслуживанию иностранных туристов по стандартам обслуживания Friendly; детализация требований к гостиничным предприятиям при обслуживании китайских туристов в России. Элементом научной новизны является авторский подход к формированию внутренних стандартов и процедур для отечественных гостиничных предприятий. Практическая значимость исследования заключается в актуализации возможности применения стандартов программы «China Friendly» в приграничных территориях Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** стандартизация гостиничных услуг, обслуживание иностранных туристов, китайские туристы, гостиничные предприятия, классификация гостиничных предприятий, программа «China Friendly».*

***Для цитирования:** Гомилевская Г.А. Актуализация стандартов гостиничного обслуживания туристов из Китайской Народной Республики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/079-091>. EDN: <https://elibrary.ru/FEPRYN>*

Original article

Updating hotel service standards for tourists from the People's Republic of China

Galina A. Gomilevskaya

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article examines the process of forming hotel services in the Russian Federation from the point of view of the standardization system for the reception and service of tourists from China as a special consumer segment of the tourism market. In addition to the state system of hotel classification, the standards of the China friendly program can be used as one of the elements of standardization for tourists from China. The purpose of this work is to identify the current areas for improving the standards of hotel services for tourists from China as a special consumer segment of the tourism market. The results of the work include: analysis of the standardization systems in hotel enterprises in various countries when accommodating foreign tourists; systematization of the requirements for servicing foreign tourists according to the Friendly service standards; detailing the requirements for hotel enterprises when servicing Chinese tourists in the Russian Federation. The scientific novelty of the study is the author's approach to the formation of internal standards and procedures in a hotel enterprise. The practical significance lies in the actualization of the application of the China Friendly program standards in the border territories of the Russian Federation.

Keywords: hotel enterprises, standardization of hotel services, classification of hotel enterprises, foreign tourists, China friendly program.

For citation: Gomilevskaya G.A. Updating hotel service standards for tourists from the People's Republic of China // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/079-091>. EDN: <https://elibrary.ru/FEPRYN>

Введение

Ключевые тенденции развития туризма в мире в целом определяются выбранными для каждой отдельной страны направлениями туристских потоков. Весомое значение в данном контексте играет въездной туризм, роль которого определяется рядом факторов, в том числе притоком валюты в страну, перспективным развитием инфраструктуры в туристских территориях, созданием новых рабочих мест, формированием системы качества гостиничного продукта. В Российской Федерации въездной поток из КНР занимает особое место, объем которого в 2024 г. составил 1120 тыс. чел. [1], что составляет 12,3 % от общего въездного потока и 41,5 % в структуре турпотока из дальнего зарубежья.

Растущий спрос на посещение китайскими туристами туристских регионов России требует от организаторов особого внимания к качеству приема и обслуживания с учетом действующих в отрасли стандартов и потребительских требований. В ряду туристских продуктов гостиничные услуги играют существенную роль, поскольку закрывают базовые туристские потребности в размещении. Многие гостиницы используют систему стандартизации как основное конкурентное преимущество, что оказывает существенное влияние на показатель качества предоставления гостиничных услуг и экономическую эффективность.

Вопросы управления качеством гостиничных услуг и организации системы стандартизации и сертификации гостиничных предприятий рассматриваются авторами Л.А. Скабеевой, А.С. Макаровой, Д.А. Конашиной, М.В. Арифуллиной и др. [2–4], в работах которых исследуются вопросы эффективного использования гостиничных стандартов с точки зрения различных технологий гостиничного менеджмента, в том числе при взаимодействии персонала с гостями и учете потребительских особенностей гостей.

Ряд авторов, в том числе О.Е. Щербакова, О.Н. Шепеленко, М. Осипова и др. [5–7], уделяют особое внимание системе сертификации Friendly, включающей организацию условий для пребывания граждан из отдельных стран: Китая, Японии, Кореи, Индии, стран Ближнего Востока. При проектировании туристских пакетов учитываются специфические запросы туристов по экскурсионным и развлекательным программам, информационному сопровождению, транспортному обслуживанию, условиям оплаты, питанию, обслуживанию корпоративных и семейных групп. Одними из наиболее важных аспектов являются не только условия проживания, но и весь спектр услуг, которые предоставляет гостиница.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости учета специфики обслуживания китайских туристов и формирования клиенто-ориентированных стандартов на основе существующих международных и российских норм, а также разработки внутренних гостиничных правил предоставления услуг.

Целью работы является выявление актуальных направлений совершенствования стандартов гостиничного обслуживания иностранных туристов на примере туристов из КНР как особого потребительского сегмента туристского рынка.

В процессе исследования использованы следующие методы: сравнительный анализ, статистический анализ, систематизация и классификация, методы социологического опроса и математического анализа.

Основная часть

Управление гостиничным предприятием – это сложный процесс, который требует учета множества факторов и характеристик, оказывающих влияние на формирование внутренней среды, содержание гостиничного продукта, стратегию развития предприятия. Среди целого ряда моделей управления гостиничным предприятием, к которым относятся различные типы (процессный, технологический, ситуационный, системный, открытый, маркетинговый и др. [8]), заслуживает особого внимания модель управления на основе учета различных факторов и создание системы управления качеством на основе внедрения стандартов обслуживания.

Следует отметить, что формирование стандартов обслуживания определяется специфическими свойствами гостиничной услуги, к которым относятся: высокий коммуникативный уровень между производителем и потребителем гостиничной услуги, одновременность процесса производства и потребления, высокий уровень сезонности, высокая доля трудовых затрат в общей себестоимости, колебание качества, рост технологичности производства и реализации гостиничного продукта [9, 10]. Требования к гостиничным услугам определяются условиями договора между гостиничным предприятием и размещенным лицом в соответствии с Правилами предоставления гостиничных услуг [11].

Стандартизация услуг в гостиничном предприятии оказывает существенное влияние на соответствие основным критериям позиционирования гостиничного продукта (гарантии надежности предоставления услуги, критерии гостеприимства, доступность и информированность, адаптивность). Эффективное применение стандартов имеет также прямую корреляцию с эффективностью гостиничного продукта в целом при расчете ключевых показателей [10]:

- процента загрузки по категориям номеров OCC (Occupancy);
- средней цены номеро-дня ADR (Average daily room rate);
- дохода с одного доступного места RevPAR (Revenue per available room per day);
- валовой прибыли на один доступный номеро-день GopPAR (Gross operating profit per available room).

Стандартизация в гостиничном секторе при приеме иностранных туристов требует особого внимания к внедрению в правила гостиничного обслуживания учета национальных и культурных особенностей гостей. На основе ряда исследовательских материалов в работе систематизированы подходы в организации обслуживания приема иностранных туристов в различных странах (табл. 1).

Модели гостиничного обслуживания иностранных туристов в различных странах

Страна	Система классификации	Выбор туристами гостиницы
Республика Корея	Отсутствует единая система классификации	Гостиница с европейским стилем; ханок – традиционное корейское жилье; кондоминимумы, гестхаусы, мотели
Япония	Отсутствует единая система классификации	Рекан – городской отель в японском стиле; клубный курорт; пансионат с онсеном (баней); капсульный отель
Испания	Существенное отличие уровня сервиса в одной категории гостиницы	Городские отели; курортные отели не имеют собственных пляжей; апартаменты в исторических зданиях; шведский стол
Франция	Единая классификация утверждена Министерством по туризму	Отели категории Palace; отели 4* Luxe и отели 4*; отели 3*Super и отели 3*; отель 2* SUP и отели 2*; практика оплаты отелей по депозитам; континентальный завтрак
Австрия	Единая классификация существенно отличается от российской	Заниженные требования к уровню оснащённости номеров: в категории 3* может отсутствовать санитарная комната
Египет	Единая классификация	Курортные гостиницы различных категорий (luxury-отели, эко-отели, бутики апарт-отели и т.п.); обслуживание «все включено»; в категорийных гостиницах обязательный Wi-Fi
Таиланд	Программа стандартизации Trusted Thailand (2025 г.) от Министерства туризма и спорта	Система видеонаблюдения в гостиницах; использование удобных платежных систем; полиязычность обслуживания; открытие туристско-информационных центров
Россия	Единая государственная система классификации. Внедрение систем сертификации Friendly для туристов из Индии, Китая, Японии, мусульманских стран	Типологизация гостиниц по звездам; требования прохождения классификации всех средств размещения; выбор отелей, поддерживающих программу «Friendly»; развитие сетевых отелей

Источник: сост. автором по [5, 6, 10, 11].

Согласно данным [10], в мировой практике используются различные подходы к стандартизации гостиничных предприятий с позиции применения единой или смешанной системы классификации гостиниц: предложения иностранным туристам типов гостиниц, адаптированных под запросы туристов, или, напротив, традиционных для данной страны; использование инновационных технологий или занижение требований по сравнению со средними стандартами, принятыми в отрасли.

В Российской Федерации применяются две процедуры классификации коллективных средств размещения, в том числе гостиничных предприятий на выбор [12]:

- классификация непосредственного средства размещения по системе звезд из 6 категорий в отношении номерного фонда с установлением категорий номеров от высшей до 5 категории с выдачей сертификата сроком на 3 года;
- прохождение предприятием процедуры самооценки с внесением данных о гостинице на сайт Национальной системы аккредитации.

Помимо вышеобозначенной системы классификации, гостиничные предприятия осуществляют свою деятельность в соответствии с Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации [11], регулирующими требования при бронировании номеров, заезда и выезда, по представлению цен на услуги, перечню услуг, технике безопасности, антитеррористической защищенности, обслуживанию маломобильных категорий гостей и т.д.

Комплексный подход к управлению стандартами в гостиничном предприятии требует также внедрения собственных стандартов, которые соответствуют непосредственно концепции того или иного гостиничного предприятия и учитывают все аспекты, влияющие на создание и поддержание качественного гостиничного продукта.

Внутренние стандарты, как правило, детально разрабатываются в гостиничных сетях при использовании системы франчайзинга в крупных гостиничных предприятиях. Исследователи выделяют группы внутренних гостиничных стандартов, к основным из которых можно отнести: поведенческие и операционные [2]; общие трудовые и стандарты работы персонала по категориям служб [13]; корпоративной культуры и этики поведения; стандарты безопасности [3].

Рис. 1. Авторский подход к формированию внутренних гостиничных стандартов и процедур

Источник: сост. автором.

На рисунке 1 представлен авторский подход к формированию внутренних стандартов и процедур в гостиничном предприятии, согласно которому ключевыми группами ресурсов в качестве объекта гостиничных стандартов выбраны: трудовые, материальные и нематериальные.

Согласно предложенному подходу для каждой группы ресурсов предлагается целый ряд показателей, в том числе показатели уровня загруженности персонала, использования оборудования, качества и порядка распределения расходных средств, порядка использования нематериальных активов и т.д. На наш взгляд, четкое определение групп ресурсов позволяет оценить результативность проводимых мер и выявить резервы повышения эффективности гостиничного предприятия, что отражено в блоке выявления отклонений, анализа соответствия принятым стандартам и возможным изменениям в системе стандартов либо в процедуре их выполнения.

Помимо государственных стандартов и правил в гостиничных предприятиях для повышения качества обслуживания иностранных туристов в настоящее время получают развитие Friendly программы, которые, несмотря на рекомендательный характер, дают четкие ориентиры при формировании и предоставлении гостиничных услуг в зависимости от страны пребывания гостя. Наибольшее распространение получили программы: «India Friendly», «China Friendly», «Japan Friendly», «Halal Friendly» (табл. 2).

Таблица 2

**Требования к организации гостиничных услуг для иностранных туристов
по программам «Friendly»**

Параметр	Содержание
Информация	На языке гостя; дублирование всей информации; персонал контактной зоны говорит; телевизионные каналы; использование международной знаковой системы; система оповещения при возникновении ЧС
Питание	Учет гастрономических предпочтений и культуры питания; возможность доставки блюд из национальных ресторанов
Религия	Предоставление Библии, Корана, Талмуда, других элементов ритуалов, возможных в стенах гостиницы
Культура взаимодействия и коммуникации	Стиль одежды; этика поведения, приветствия и прощания; жесты, мимика
Прием платежей	Применение международных платежных систем для расчетов с гостями
Интеграция продвижения	Получение статуса дружественного предприятия
Оборудование и оснащение	Стандарт электричества и электророзеток; нумерация без цифры 4 (страны СВА); номера с двумя кроватями (twin); оснащение санузла под требования для мусульман; идеальная чистота; магазины и киоски с сувенирами; услуги развлечения под запросы гостей; бесплатный Wi-Fi

Источник: сост. автором по [14–16].

В каждой из программ есть специфические требования, например для гостей из Ближнего Востока – размещение всех туристов в группе на одном этаже, поскольку чаще всего это родственники; организация экскурсий и других мест посещения от консьержа отеля, особое оборудование санузлов, предложение халяльной еды. Для гостей из Индии рекомендуется на завтрак предлагать минимум 5 вегетарианских блюд, адаптеры для радиоприборов, горячие напитки круглосуточно и др. Для японских туристов, помимо перечисленного в табл. 2, – передача предмета (подарка, визитки) двумя руками, ванна в санузле, японская пресса.

Особое значение для российского туристского рынка имеет присоединение национальных гостиниц к стандартам «China Friendly», что подтверждается динамикой туристских потоков из КНР (табл. 3, рис. 2).

Таблица 3

Объем потока китайских туристов в Российскую Федерацию в динамике за 2019–2024 гг., тыс. чел.

Период, годы	Въезд иностранных туристов в РФ		Туристы из дальнего зарубежья		Китайские туристы	
	Тыс. чел.	Отклонение, %, к предыдущему году	Тыс. чел.	Отклонение, %, к предыдущему году	Тыс. чел.	Отклонение, %, к предыдущему году
2019	26 100	+20,5	9300	+19,8	1200	+2,9
2023	8250	–68,3	1770	–80,9	199,8	–83,3
2024	9100	+10,3	2700	+58,8	1120	+560,5
2024 к 2019	–17 000	–65,1	–6600	–70,9	–80,0	–6,7

Источник: сост. автором по [1].

Рис. 2. Объем потока китайских туристов в Российскую Федерацию в динамике за 2019–2024 гг., тыс. чел.

Источник: сост. автором по [1].

Согласно статистическим данным, в общей структуре въездного туристского потока в 2024 г. доля туристов из КНР составила 12,3 %, среди туристов из дальнего зарубежья этот показатель достиг 41,5 %, что на 30,2 пункта выше по сравнению с 2023 г. В 2024 г. поток китайских туристов практически сравнялся с допандемийным 2019 г. и достиг 1120 тыс. чел.

Основными федеральными округами, размещающими китайских туристов в гостиничных предприятиях, являются ЦФО, СЗФО, ДФО, доля которых в общем объеме размещения составляет 78 % (рис. 3).

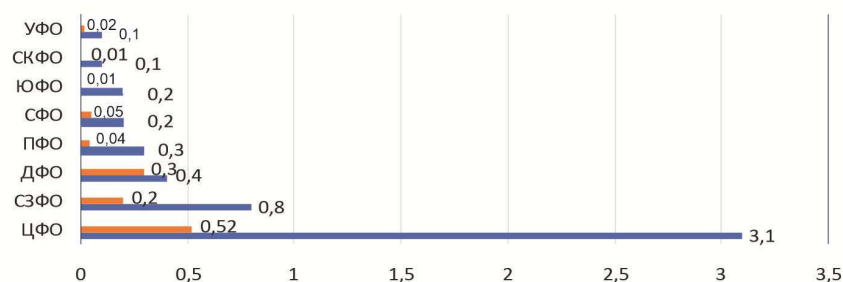

Рис. 3. Объем туристского потока из КНР по федеральным округам в 2023–2024 гг., млн чел.

Источник: сост. автором по [1].

В дополнение следует отметить: во-первых, практически все китайские туристы останавливаются в сертифицированных гостиничных предприятиях в отличие от других категорий туристов, среди которых только 55 % выбирают гостиницы в качестве места размещения; во-вторых, на приграничный туристский поток приходится 62,5 % от общего объема размещения китайских туристов в стране.

Относительно высокая доля въездного туристского рынка из КНР; стабильные тенденции роста потока китайских туристов в приграничные территории Российской Федерации, а также выбор китайскими туристами преимущественно гостиничных предприятий, прошедших государственную классификацию, обуславливают необходимость более детального исследования требований со стороны китайских туристов при размещении в гостиницах для дальнейшего включения в систему формирования внутренних гостиничных стандартов. Так, согласно нормативам программы «China Friendly», к основным требованиям соответствия средства размещения относятся критерии, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Критерии соответствия средства размещения нормативам программы China Friendly

Информация о средстве размещения	Услуги в отеле	Оплата	Обслуживающий персонал
На китайском языке: – дублирование сайта гостиницы; – навигация; – информация на ресепшен; – визитные и гостевые карты; – пресса. Отсутствие в нумерации помещений цифры 4. Размещение объекта на карте «Байду»	На китайском языке: – информационная папка; – телевизионные каналы; – меню ресторана. Бесплатный Wi-Fi. Чайник или горячая вода для чая. Тапочки в номере. Адаптер или розетки по стандартам КНР. Китайские палочки в ресторане	POS-терминалы с возможностью оплаты картами платежной системы China Union Pay. Банкомат, принимающий платежную систему China Union Pay карты. Возможность оплаты посредством систем WeChat Pay, AliPay	Сотрудник отеля, владеющий китайским языком. Возможность оперативного перевода китайской речи

Источник: сост. автором по [14].

Согласно представленной оценке к одному из основных требований относится максимальное владение китайским языком персонала гостиницы, в отличие от туристов из других стран, которым, как правило, достаточно английского языка. Важными требованиями являются: информационное обеспечение всех этапов обслуживания, специфические требования к питанию, высокий уровень поддержки интернет-связи, возможность использовать доступные для китайских туристов платежные системы.

В дополнение к параметрам, отмеченным в программе «China Friendly», необходимо учитывать факторы китайского туристского сегмента:

- активное использование цифровых технологий, туристских сайтов, а также платформы WeChat и социальных сетей при выборе маршрутов;
- высокая покупательная способность брендовых товаров;
- выбор ресторанов с локальной и национальной кухней в соответствии со вкусами китайских гостей.

Безусловно, ориентированность на конкретный сегмент китайских туристов – стратегический выбор гостиницы, который определяется показателями доли заселения данного сегмента в отеле, рентабельностью продаж и возможностью перекрестного заселения других сегментов. Одной из существенных проблем одновременного заселения китайских и российских туристов является порой специфическое поведение китайских туристов, нарушение правил пребывания, например курение в номерах, шумное поведение, что требует внимательного отношения персонала при решении конфликтных ситуаций.

Для выявления критических элементов предоставления гостиничных услуг с целью дальнейшей их стандартизации для туристов из КНР был проведен опрос 108 респондентов, в том числе 34,3% участников опроса – представители турфирм г. Владивостока, 65,7% – граждане КНР, размещенные в гостиницах г. Владивостока.

Доля выборки в общем размере генеральной совокупности по первой страте составила 10,9%; расчет произведен на основании данных сводного федерального реестра туроператоров и турагентов, согласно которым общая численность турфирм в Приморском крае, осуществляющих деятельность по въездному туризму, на 01.11.2025 г. составил 339 единиц. Доля выборки по второй страте составляет 2,84%; расчет произведен на основании данных Министерства туризма Приморского края, согласно которым объем въездного потока из КНР в регион за 1-е полугодие 2025 г. составил порядка 140 тыс. чел. При проведении опроса использовалась шкала оценки от «не важно» (коэффициент 0) до «очень важно» (коэффициент 0,25). Результаты исследования представлены в табл. 5 и на рис. 4.

Таблица 5

Результаты опроса представителей турфирм и гостей – граждан КНР, %

Элемент услуги	Турфирмы (ряд 1)	Гости (ряд 2)	Среднее арифме- тическое	Стандартное отклонение
Вода питьевая, кипяток круглосуточно	27,45	21,32	24,38	3,01
Размещение в номерах TWIN	30,71	15,28	22,99	7,72
Места для курения	15,31	5,85	10,58	4,73
Электророзетка по стандартам КНР	5,34	2,34	7,68	1,50
Информационная папка и все тексты на китайском языке	10,60	3,42	7,01	3,59

Элемент услуги	Турфирмы (ряд 1)	Гости (ряд 2)	Среднее арифме- тическое	Стандартное отклонение
Ежедневная смена белья	5,10	8,31	6,71	1,61
Караоке	3,63	8,22	5,93	2,30
Прием оплаты по картам UnionPay, WeChat	1,15	4,36	2,76	1,61
Информация о ресторанах	0,11	9,18	4,64	4,53
Личные рекомендации сотрудников отеля о городе	0,08	7,56	3,82	3,74
Информация о магазинах	0,04	4,85	2,63	2,40
Информация о туристских объектах	0,05	6,14	2,45	3,04
Несколько блюд на завтрак, привычных туристам	0,5	3,45	1,98	1,48
Организация транспорта по городу	0,01	2,97	1,49	1,48
Сотрудник, говорящий на китайском языке	0,5	1,89	1,20	0,69
Другое	0,9	1,12	1,01	0,11

Источник: сост. автором.

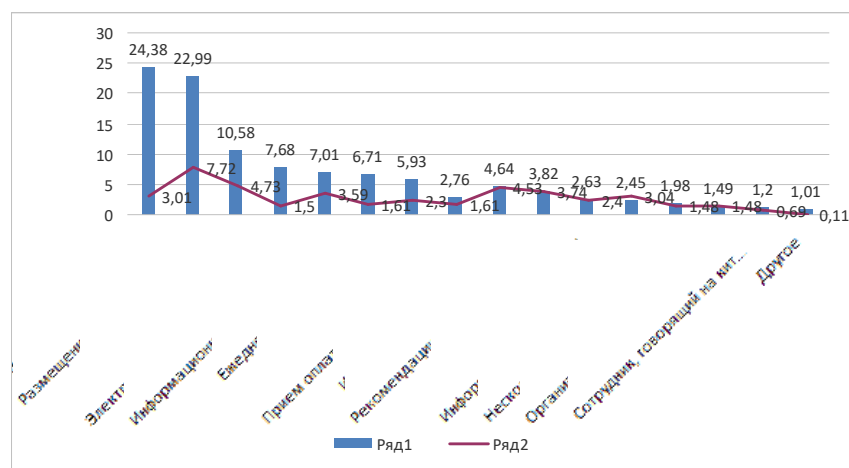

Рис. 4. Средний показатель выбора гостиничных услуг для китайских туристов и стандартное отклонение между группами респондентов: представители турфирм, китайские туристы

Источник: сост. автором.

Согласно данным опроса к наиболее важным факторам обслуживания китайских туристов относятся (топ-5): предоставление кипятка для чая, размещение в номерах TWIN, выделение мест для курения, предоставление розетки по стандартам КНР и информационной папки

на китайском языке. Важными для турфирм факторами являются быстрое оформление постановки на миграционный учет, предоставление дополнительного места для детей, организация места для сбора группы в холле гостиницы, предоставление сейфа в номере. В свою очередь, для туристов наиболее важным показателем является разнообразная информация на китайском языке, что подтверждает основные требования программы «China Friendly».

Наиболее высокие данные стандартного отклонения при ответе представителей турфирм и китайских гостей наблюдаются по элементам услуг: размещение в номерах TWIN (7,72), организация мест для курения (4,73), информация о ресторанах (4,53), рекомендации сотрудников отеля по посещению города (3,74), информационная папка на китайском языке (3,59). Полученные в ходе опроса показатели означают, что по представленным элементам услуг наблюдаются максимальные расхождения в понимании их важности со стороны представителей турфирм и туристов. К примеру, информация о ресторанах для туристов имеет весьма высокое значение, в то время как сотрудники туркомпаний считают для туриста это не так важно.

Полученные в ходе опроса результаты в качестве актуализации и дополнения к имеющимся требованиям необходимо включить в систему China Friendly либо отражать в системе внутренних стандартов гостиничного предприятия при обслуживании туристов из КНР. На наш взгляд, особого внимания для стандартизации заслуживают требования по внедрению в гостиницах номеров TWIN, выделению мест для курения, возможности организации караоке (по усмотрению гостиницы, но это повышает ее востребованность среди китайских туристов), предоставлению устной информации от персонала ресепшн, в том числе информации о ресторанах, магазинах и объектах туристского показа.

Заключение

В ходе исследования проведена актуализация стандартов гостиничного обслуживания туристов из КНР. Выбор в качестве объекта исследования стандартов гостиничного обслуживания при приеме китайских туристов обусловлен устойчивыми тенденциями роста туристского потока из КНР в Российскую Федерацию, относительно высокой долей рынка в общей структуре въездного туризма и высокими показателями выбора китайскими туристами для посещения приграничных территорий, в том числе ДФО и Приморского края.

Автором проведен анализ систем стандартизации обслуживания в гостиничных предприятиях иностранных туристов в различных странах, который показал подходы в этой области как с позиции применения единой или смешанной системы классификации гостиниц, так и предложения иностранным туристам различных типов гостиниц, использования широкого спектра технологий обслуживания.

Общий анализ стандартов обслуживания иностранных туристов по программам «Friendly» проведен на примере туристов из Индии, Японии, Ближнего Востока. Систематизированы и детализированы требования к гостиничным предприятиям при обслуживании китайских туристов по программе «China Friendly». В ходе исследования выявлены основные принципы обслуживания: языковое сопровождение, информативность, питание в соответствии с национальными предпочтениями, активное использование цифровых технологий, в том числе удобных для туристов систем оплаты, и др.

Научная новизна исследования заключается в разработанном авторском подходе к формированию внутренних стандартов и процедур в гостиничном предприятии. При внедрении стандартов рекомендуется распределить их на группы используемых ресурсов и ввести показатели для оценки результативности использования стандартов на основе выявления отклонений и анализа соответствия принятым стандартам.

Практическая значимость заключается в актуализации применения стандартов программы «China Friendly» и подтверждается результатами опроса представителей турист-

ских компаний и китайских туристов, размещенных в гостиницах г. Владивостока. В рекомендациях подчеркивается внесение выявленных в ходе опроса требований в стандарты обслуживания гостиниц, расположенных в приграничных территориях РФ, специализирующихся на приеме китайских туристов из КНР.

Список источников

1. Туризм в России: итоги 2024 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.turizm_v_rossii_itogi_2024_goda.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
2. Скабеева Л.А. Аспекты разработки стандартов операционных процедур гостиничного предприятия // Сервис +. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-razrabotki-standartov-operatsionnyh-protsedur-gostinichnogo-predpriyatiya> (дата обращения: 16.11.2025).
3. Макарова А.С., Конашина Д.А. Формирование комплекса стандартов гостиничного предприятия в современных условиях // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2020. № 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovani-e-kompleksa-standartov-gostinichnogo-predpriyatiya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 16.11.2025).
4. Арифуллин М.В. Современные технологии управления качеством гостиничных услуг: теоретические и практические аспекты // Инновационные технологии управления и стратегии территориального развития туризма и сферы гостеприимства: матер. IV Междунар. научно-практ. конф. Москва, 2021. С. 51–62. URL: https://elibrary.ru/keyword_items.asp?id=5142911 (дата обращения: 16.11.2025).
5. Щербакова О.Е. Классификация гостиниц в Японии // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2022. Т. 16, № 1. С. 145–157.
6. Шепеленко О.Н. Особенности гостиничного сервиса в некоторых странах // Евразиятревел. URL: <https://www.eurasiatravel.kz/for-tourists/features-of-hotel-service-in-some-countries.html> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Осипова М. Нихао, или тонкости приема зарубежных гостей в российских отелях // ЯндексПутешествия. URL: <https://travel.yandex.ru/pro/nihao-ili-tonkosti-priyoma-zarubezhnyh-gostey-v-rossijskih-otelyah/> (дата обращения: 25.05.2025).
8. Никольская Е.Ю. Современные технологии управления в индустрии гостеприимства // Современные технологии управления – 2014: сб. матер. междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 июля 2014 г.). Киров: МЦНИП, 2014. 2153 с.
9. Николенко П.Г., Шамин Е.А., Ключева Ю.С. Организация гостиничного дела. Москва: Юрайт, 2025. 531 с.
10. Гомилевская Г.А., Машинина Д.Г. Продуктовый стандарт в гостиничных сетях в системе франчайзинга // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2022. № 1. С. 80–92. URL: <https://portfolio.vvsu.ru/publications/articles/details/tid/3560/material/2149394953> (дата обращения: 12.04.2025).
11. Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 (ред. 27.12.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368292/ (дата обращения: 12.04.2025).
12. Об утверждении Положения о классификации гостиниц. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1860 // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74857806/> (дата обращения: 17.09.2025).
13. Хатикова З.В. Внутренние стандарты обслуживания в индустрии гостеприимства // Ученые записки (АГАКИ). 2017. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-standarty-obsluzhivaniya-v-industrii-gostepriimstva> (дата обращения: 16.11.2025).
14. Программа «China Friendly»: [сайт]. URL: <https://chinafriendly.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
15. Роскачество выдало первый сертификат Indian friendly одной из гостиниц в Москве: [сайт]. URL: <https://mag.russpass.ru/business/rubric/novosti-1/roskachestvo-vydalo-pervyj-sertifikat-india-friendly-odnoj-iz-gostinic-v-moskve> (дата обращения: 15.08.2025).
16. В России начнется сертификация гостиничных и туристических услуг по стандарту Muslim Friendly: [сайт]. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/news/v-rossii-nachnetsya-sertifikatsiya-gostinichnykh-i-turisticheskikh-uslug-po-standartu-muslim-friendly/> (дата обращения: 15.08.2025).

References

1. Tourism in Russia: Results of 2024. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. URL: http://www.turizm_v_rossii_itogi_2024_goda.pdf (accessed date: 12.09.2025).
2. Skabeeva L.A. Aspects of Developing Standards for Hotel Operational Procedures. *Service +*. 2020; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-razrabotki-standartov-operatsionnyh-protsedur-gostinichnogo-predpriyatiya> (accessed date: 16.11.2025).
3. Makarova A.S., Konashina D.A. Formation of a Complex of Standards for a Hotel Enterprise in Modern Conditions. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*. 2020; (2-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovaniye-kompleksa-standartov-gostinichnogo-predpriyatiya-v-sovremennyh-usloviyah> (accessed date: 16.11.2025).
4. Arifullin M.V. Modern Technologies of Quality Management in the Hotel Industry: Theoretical and Practical Aspects. *Innovative Technologies of Management and Strategies for the Territorial Development of Tourism and Hospitality. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*. Moscow; 2021. P. 51–62. URL: https://elibrary.ru/keyword_items.asp?id=5142911 (accessed date: 11.16.2025).
5. Shcherbakova O.E. Classification of hotels in Japan. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*. 2022; 16 (1). P. 145–157.
6. Shepelenko O.N. Features of Hotel Service in Some Countries. *Eurasiatravel*. URL: <https://www.eurasiatravel.kz/for-tourists/features-of-hotel-service-in-some-countries.html> (accessed date: 25.05.2025).
7. Osipova M. Niharao, or the Subtleties of Receiving Foreign Guests in Russian Hotels: Electronic Text. *YandexTravel*. URL: <https://travel.yandex.ru/pro/nihao-ili-tonkosti-priyoma-zarubezhnyh-gostey-v-rossiyskih-otelyah/> (accessed date: 25.05.2025).
8. Nikolskaya E.Yu. Modern Management Technologies in the Hospitality Industry. *Modern Management Technologies – 2014: Collection of Materials of the International Scientific Conference (Moscow, July 14–15, 2014)*. Kirov: MCNIP; 2014. 2153 p.
9. Nikolenko P.G. Shamin E.A., Klyueva Yu.S. Organization of Hotel Business. Moscow: Yurayt Publishing House; 2025. 531 p.
10. Gomilevskaya G.A., Mashinina D.G. Product Standard in Hotel Chains in the Franchise System. *The Territory of New Opportunities. Herald of VVSU*. 2022; (1). P. 80–92. URL: <https://portfolio.vvsu.ru/publications/articles/details/tid/3560/material/2149394953> (accessed date: 12.04.2025).
11. On Approval of the Rules for Providing Hotel Services in the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1853 dated November 18, 2020 (as amended on December 27, 2024). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368292/ (accessed date: 12.04.2025).
12. On Approval of the Regulations on Hotel Classification. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1860 dated November 18, 2020. *GARANT.RU*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74857806/> (accessed date: 17.09.2025).
13. Khatikova Z.V. Internal Service Standards in the Hospitality Industry. *Scientific Notes (AGAKI)*. 2017; 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-standarty-obsluzhivaniya-v-industrii-gostepriimstva> (accessed date: 16.11.2025).
14. Official website of the China Friendly program: [website]. URL: <https://chinafriendly.ru/> (accessed date: 15.05.2025).
15. Roskachestvo issued the first Indian friendly certificate to a hotel in Moscow: [website]. URL: <https://mag.russpass.ru/business/rubric/novosti-1/roskachestvo-vydalo-pervyj-sertifikat-india-friendly-odnoj-iz-gostinich-v-moskve> (accessed date: 15.08.2025).
16. Russia will begin certifying hotel and tourism services according to the Muslim Friendly standard: [website]. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/news/v-rossii-nachnetsya-sertifikatsiya-gostinichnykh-i-turisticheskikh-uslug-po-standartu-muslim-friendly/> (accessed date: 15.08.2025).

Информация об авторе:

Гомилевская Галина Александровна, канд. экон. наук, директор Института туризма и креативных индустрий, доцент каф. туризма и гостинично-ресторанного бизнеса, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3517-2112>, gag17@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/079-091>

EDN: <https://elibrary.ru/FEPRYN>

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
17.10.2025	13.11.2025	17.11.2025

Научная статья

УДК 658.336

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/092-103>

EDN: <https://elibrary.ru/EIFFOA>

Ранжирование компетенций сотрудников организации при формировании компетентностной модели с учетом интересов стейкхолдеров

Проскурякова Анастасия Александровна

Сайчук Денис Сергеевич

Солодухин Константин Сергеевич

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Рассмотрена проблема ранжирования компетенций сотрудников организации (или ее отдельного подразделения) с точки зрения запросов релевантных групп заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Предполагается, что различные запросы внешних и внутренних стейкхолдеров порождают необходимость выполнения разнообразных задач, решаемых сотрудником в процессе профессиональной деятельности. Необходимость ранжирования компетенций в рамках разработки компетентностной модели сотрудника связана с развитием наиболее важных компетенций в условиях ограниченных ресурсов. В рамках существующих методов ранжирования компетенций задачи сотрудников и необходимые для их выполнения компетенции не соотносятся с интересами различных групп стейкхолдеров. Предложен метод ранжирования компетенций сотрудников, позволяющий определить сравнительную важность компетенций по отношению к запросам каждой группы внутренних и внешних стейкхолдеров в отдельности и в целом для всех групп заинтересованных сторон. Приводятся результаты апробации предложенного метода на примере одного из подразделений крупного регионального университета. Показано, что сравнительная важность компетенций может значительно отличаться для разных групп стейкхолдеров. Полученные результаты вносят вклад в развитие инструментария построения компетентностных моделей сотрудников. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенного метода при построении компетентностных моделей сотрудников подразделений произвольных организаций.

Ключевые слова: компетентностная модель, теория заинтересованных сторон, ранжирование компетенций, метод анализа иерархии, региональный университет

Для цитирования: Проскурякова А.А., Сайчук Д.С., Солодухин К.С. Ранжирование компетенций сотрудников организации при формировании компетентностной модели с учетом интересов стейкхолдеров // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 92–103. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/092-103>. EDN: <https://elibrary.ru/EIFFOA>

© Проскурякова А.А., 2025

© Сайчук Д.С., 2025

© Солодухин К.С., 2025

Original article

Ranking the competencies of the organization's employees when forming a competency model taking into account the interests of stakeholders

Anastasia A. Proskuryakova

Denis S. Saychuk

Konstantin S. Solodukhin

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of ranking the competencies of employees of an organization (or its separate department) in terms of the requests of relevant groups of stakeholders. It is assumed that various requests from external and internal stakeholders generate the need to perform various tasks performed by an employee in the course of professional activity. The need to rank competencies within the framework of developing an employee's competence model is related to the need to develop the most important competencies in the context of limited resources. Within the framework of the existing methods of competence ranking, the tasks of employees and the competencies necessary for their implementation do not correlate with the interests of various groups of stakeholders. The paper proposes a method for ranking employee competencies, which makes it possible to determine the comparative importance of competencies in relation to the needs of each group of internal and external stakeholders in particular and for all groups of stakeholders in general. The results of the approbation of the proposed method are given on the example of one of the departments of a large regional university. It is shown that the comparative importance of competencies can vary significantly for different groups of stakeholders. The results obtained contribute to the development of tools for constructing competence models of employees. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed method in constructing competency models of employees of departments of arbitrary organizations.

Keywords: competency model, stakeholder theory, competence ranking, analytic hierarchy process, regional university.

For citation: Proskuryakova A.A., Saychuk D.S., Solodukhin K.S. Ranking the competencies of the organization's employees when forming a competency model taking into account the interests of stakeholders // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, №4. P. 92–103. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/092-103>. EDN: <https://elibrary.ru/EIFFOA>

Введение

Результативность деятельности сотрудника организации в значительной степени определяется набором компетенций (личностных, социальных, организационных, административных, технических), которыми он обладает [1, 2]. Совокупность компетенций, необходимых сотруднику для успешного выполнения поставленных перед ним задач, обычно называют компетентностной моделью. Некоторые авторы рассматривают компетентностную модель более широко, включая в нее технологию оценки компетенций и программу их развития [3]. При этом под оценкой компетенций зачастую понимается не сравнительная оценка самих компетенций с точки зрения их важности для успешной работы сотрудника, а оценка развитости компетенций у конкретного сотрудника [3, 4].

Развитие компетенций сотрудников достигается в том числе соответствующими управленческими воздействиями, требующими значительных затрат различных ресурсов. Ограниченность ресурсов порождает необходимость приоритизации (ранжирования) компетенций. Возникает вопрос: с точки зрения кого или чего должна определяться сравнительная важность компетенций?

В процессе профессиональной деятельности сотрудник решает разнообразные задачи, связанные со взаимодействием с различными внешними и внутренними стейкхолдерами [5]. Решение разных задач обеспечивается наличием (развитостью) разных компетенций. В этой связи важной проблемой является ранжирование компетенций, входящих

в компетентностную модель сотрудника, по отношению к каждой отдельной группе стейкхолдеров (и ее запросам).

Вопросам ранжирования компетенций посвящено значительное количество научных работ, в которых используются самые различные методы: от простого экспертного опроса в некоторой порядковой (ранговой) шкале с последующим усреднением [6–10] до таблицы IPA (таблицы анализа важности и эффективности) [11], матрица соответствия требований [12], метод развертывания функций качества [13], байесовский метод «лучшего-худшего» (байесовский BWM) [14] и нечеткий метод TOPSIS [15]. Используется даже метод частичных наименьших квадратов в моделях структурных переменных, позволяющий при необходимости получить веса компетенций [16].

В то же время наиболее распространенными методами, применяемыми для решения данной задачи, является метод Дельфи с разным количеством раундов и точек оценки и различным набором статистических инструментов [17–22] и метод анализа иерархий (четкий или нечеткий), в том числе в сочетании с другими методами [23–26].

При этом следует отметить, что практически во всех упомянутых работах ранжирование компетенций явно или неявно осуществлялось с точки зрения интересов какой-то одной группы заинтересованных сторон (реже – двух). Отдельно стоит исследование [27], в котором выделено значительное количество стейкхолдеров, играющих важную роль в формировании и развитии компетенций работников (в данном случае фермеров). В то же время и в этом исследовании не учитываются интересы многих значимых групп стейкхолдеров.

Все вышесказанное подтверждает наличие *научной проблемы*, состоящей в отсутствии методов ранжирования компетенций сотрудников организации (или ее отдельного подразделения) с точки зрения одновременного учета интересов различных релевантных внутренних и внешних групп заинтересованных сторон.

Целью исследования является разработка и апробация метода ранжирования компетенций сотрудника организации (или подразделения организации) с точки зрения групп заинтересованных сторон и их запросов.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что компетенции сотрудников организации (или ее подразделения) имеют разную значимость для решения профессиональных задач, связанных с удовлетворением запросов различных стейкхолдеров.

Основная часть

В основе предложенного в данной работе метода ранжирования компетенций лежит классический метод анализа иерархий (МАИ) Т. Саати, предполагающий попарное экспертное сравнение элементов одного уровня иерархии в заданной шкале с последующим расчетом приоритетов элементов соответствующего уровня иерархии (для всех уровней иерархии, кроме нулевого) [28]. Предполагается, что один из уровней иерархии образуют альтернативы, которые необходимо приоритизировать. Другой уровень иерархии составляют критерии, с точки зрения которых оцениваются (попарно сравниваются) альтернативы. Допускается наличие других уровней, например групп альтернатив или групп критериев. Важным достоинством метода является возможность проверки согласованности суждений экспертов.

Выбор МАИ обусловлен также следующими причинами. Как было показано выше, данный метод, с одной стороны, широко используется при решении задачи ранжирования компетенций, с другой – он хорошо зарекомендовал себя при решении задачи оценки значимости заинтересованных сторон и их запросов [29–31]. Важным достоинством данных моделей является возможность определения значимости и самих групп заинтересованных сторон, и их запросов к организации. При этом в ходе экспертного опроса имеется возможность выставления и учета внешней оценки компетентности каждого эксперта, а также его самооценки при ответе на отдельные вопросы.

В рамках предложенного метода ранжирования компетенций предлагается построение нескольких иерархий, соответствующих релевантным группам стейкхолдеров подразделения организации, в котором работает сотрудник. В каждой иерархии на нулевом уровне находится группа заинтересованных сторон, на первом уровне – ее запросы к подразделению, на втором уровне – группы компетенций (группы альтернатив), на третьем уровне – сами компетенции (альтернативы).

МАИ обеспечивает получение весовых коэффициентов, отражающих сравнительную важность (приоритетность) компетенций сотрудника относительно запросов каждой группы стейкхолдеров.

Имея весовые коэффициенты групп заинтересованных сторон, отражающие их значимость для подразделения (или конкретного сотрудника подразделения), нетрудно получить (как взвешенную сумму) весовые коэффициенты компетенций сотрудника относительно всех стейкхолдеров в целом. При этом веса групп стейкхолдеров могут быть получены двумя способами. Во-первых, все иерархии могут быть объединены в одну иерархию, в которой группы заинтересованных сторон перейдут с нулевого уровня на первый. В этом случае будет осуществлено попарное экспертное сравнение групп с точки зрения их значимости для организации (или подразделения) и, соответственно, рассчитаны их веса. Во-вторых, как было отмечено выше, могут быть применены методы, специально разработанные для оценки важности стейкхолдеров (и их запросов) [29–31].

Предложенный метод был апробирован на примере отдела экономики и планирования (ОЭП) крупного регионального вуза – Владивостокского государственного университета (ВВГУ).

На первом этапе были определены группы заинтересованных сторон ОЭП. Внешним стейкхолдером является Минобрнауки России, внутренними стейкхолдерами – топ-менеджмент вуза (ректор, проректоры, директора департаментов); руководители структурных подразделений вуза (директора институтов, филиалов, заведующие кафедрами); сотрудники вуза (преподаватели, научные сотрудники, обслуживающий персонал).

На втором этапе были определены запросы данных стейкхолдеров к подразделению (табл. 1).

Таблица 1

Запросы стейкхолдеров к ОЭП

Стейкхолдеры	Запросы
Минобрнауки России	Своевременная сдача отчетов; бюджетное планирование и прогнозирование; соблюдение законодательства; эффективное и целевое использование ресурсной базы; выполнение финансовых показателей
Топ-менеджмент вуза	Анализ и предоставление отчета по достижению целевых значений финансово-экономических показателей; разработка проекта плана финансово-хозяйственной деятельности (ПФХД) на основе предложений структурных подразделений; формирование проекта штатного расписания и организационной структуры с учетом выставленных показателей; изменение организационной структуры для выполнения поставленных целей и задач; мониторинг выполнения и корректировка ПФХД

Окончание табл. 1

Стейкхолдеры	Запросы
Сотрудники вуза	Своевременное информирование о заработной плате; сопровождение проектов (в том числе научных)
Руководители структурных подразделений вуза	Распределение поступивших денежных средств; анализ движения денежных средств по сметам подразделений; сопровождение процесса согласования заявок на расходы и счетов; сопровождение процесса согласования договоров гражданско-правового характера (ДГПХ); сопровождение процесса согласования тарификационных списков; сопровождение процесса согласования единовременных приказов на оплату труда; внесение изменений в оплату труда сотрудников подразделения

На третьем этапе были определены компетенции, необходимые сотрудникам для удовлетворения выявленных запросов стейкхолдеров, а также их распределение по видам (табл. 2).

Таблица 2

Компетенции сотрудников ОЭП

Виды компетенций	Компетенции
Личностные	Стрессоустойчивость; внимательность; обучаемость; ответственность
Социальные	Коммуникабельность; способность к адаптации
Технические	Знание правовой базы; способность ориентироваться в законодательстве; способность формировать отчетность; знание пакета программ MS Office (Excel, Word, Power Point); уверенный пользователь ПК; знание программы «1С: Предприятие» (бухгалтерия государственного учреждения (БГУ), зарплата и кадры государственного учреждения (ЗКУ), документооборот государственного учреждения (ДГУ)); знание основ бухгалтерского учета; знание управленческого учета; навыки по автоматизации и цифровизации бизнес-процессов
Организационные	Способность управлять временем; умение работать в команде
Административные	Способность принимать решения

Далее были построены иерархические структуры для выделенных групп стейкхолдеров. Поскольку эти структуры отличаются только двумя верхними уровнями, приведем для примера лишь две иерархии из четырех (рис. 1, 2).

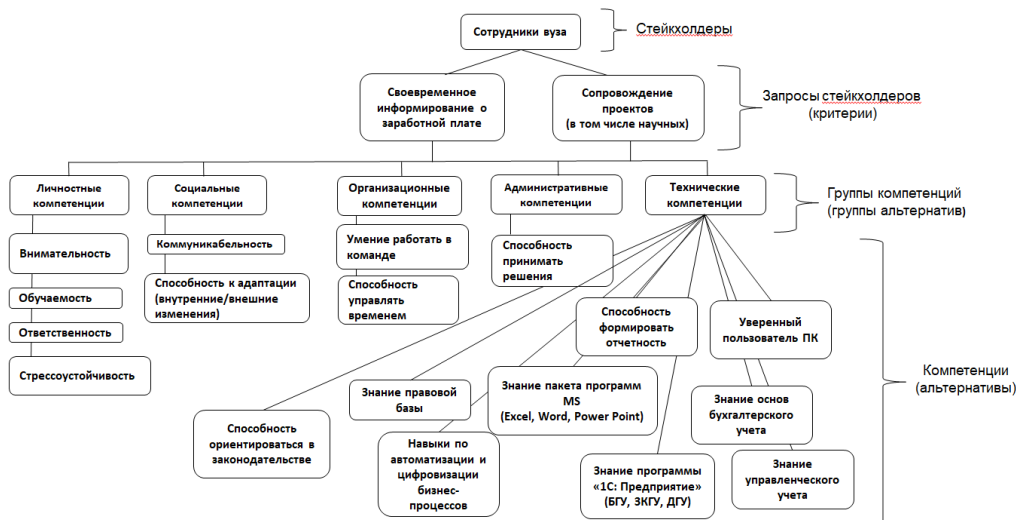

Рис. 1. Иерархическая структура компетенций сотрудников ОЭП с точки зрения запросов сотрудников вуза

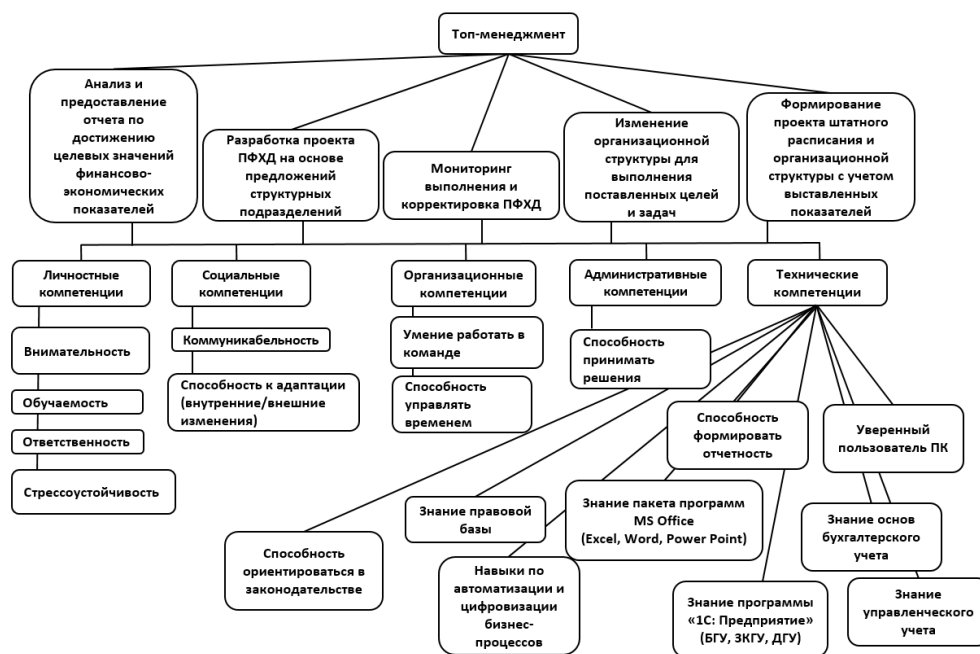

Рис. 2. Иерархическая структура компетенций сотрудников ОЭП с точки зрения запросов топ-менеджмента вуза

Для каждой иерархии на основе опроса экспертов были сформированы матрицы попарных сравнений для различных уровней иерархии. В качестве экспертов выступили сотрудники ОЭП и директор департамента экономики и финансов. Экспертам были назначены веса в зависимости от занимаемой ими должности и опыта взаимодействия с конкретной группой стейкхолдеров. Кроме того, в качестве экспертов были привлечены представители внутренних стейкхолдеров.

По каждой матрице попарных сравнений вычислялись приоритеты элементов соответствующего уровня иерархии. После этого стандартным образом проверялась согласованность суждений экспертов [32]. Рассчитанные отношения согласованности ни в каком случае не превысили допустимое значение 0,2.

В результате проведения иерархического синтеза были получены веса компетенций сотрудников ОЭП с точки зрения запросов каждой группы стейкхолдеров и всех групп в целом (табл. 3).

Таблица 3

Веса компетенций сотрудников ОЭП с точки зрения запросов групп заинтересованных сторон

Компетенции	Весовые коэффициенты компетенций с точки зрения запросов группы стейкхолдеров				Весовые коэффициенты компетенций с точки зрения запросов всех групп стейкхолдеров
	Сотрудники вуза	Минобрнауки	Топ-менеджмент вуза	Руководители структурных подразделений вуза	
Способность управлять временем	0,20	0,10	0,13	0,08	0,11
Способность к адаптации (внутренние/внешние изменения)	0,16	0,10	0,11	0,23	0,11
Внимательность	0,14	0,11	0,10	0,14	0,11
Знание управленческого учета	0,09	0,16	0,15	0,11	0,15
Ответственность	0,06	0,05	0,04	0,06	0,05
Знание программы «1С: Предприятие» (БГУ, ЗКГУ, ДГУ)	0,05	0,09	0,08	0,06	0,09
Знание пакета программ MS Office (Excel, Word, Power Point)	0,04	0,08	0,07	0,05	0,07
Способность принимать решения	0,03	0,05	0,06	0,05	0,05
Стрессоустойчивость	0,03	0,03	0,02	0,03	0,03
Умение работать в команде	0,03	0,02	0,02	0,01	0,02

Компетенции	Весовые коэффициенты компетенций с точки зрения запросов группы стейкхолдеров				Весовые коэффициенты компетенций с точки зрения запросов всех групп стейкхолдеров
	Сотрудники вуза	Минобрнауки	Топ-менеджмент вуза	Руководители структурных подразделений вуза	
Навыки по автоматизации и цифровизации бизнес-процессов	0,03	0,05	0,05	0,04	0,05
Знание основ бухгалтерского учета	0,03	0,05	0,05	0,03	0,05
Коммуникабельность	0,03	0,02	0,02	0,04	0,02
Знание правовой базы	0,02	0,03	0,03	0,02	0,03
Обучаемость	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Способность формировать отчетность	0,01	0,02	0,02	0,01	0,02
Уверенный пользователь ПК	0,01	0,02	0,02	0,01	0,02
Способность ориентироваться в законодательстве	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01

Наиболее значимой компетенцией с точки зрения запросов всех групп заинтересованных сторон в целом оказалось (причем со значительным отрывом от остальных) «Знание управленческого учета». При этом с точки зрения интересов только двух групп стейкхолдеров из четырех данная компетенция также является наиболее значимой. Для группы «Руководители структурных подразделений вуза» она находится на третьем месте по важности, а для группы «Сотрудники вуза» – только на четвертом.

Места со второго по четвертое с равной значимостью с точки зрения запросов всех групп заинтересованных сторон занимают (опять же с некоторым отрывом от остальных) компетенции «Способность управлять временем», «Способность к адаптации» и «Внимательность». Можно заметить, что все эти компетенции (в разном порядке) входят в четверку наиболее важных компетенций с точки зрения запросов каждой группы стейкхолдеров в отдельности.

Важно отметить, что небольшие веса большинства остальных компетенций не означают их ненужность или неважность для сотрудников подразделения. С точки зрения экспертов, обладание данными компетенциями является необходимым условием работы в подразделении («входным барьером»). Что касается компетенций, получивших большие веса, то их развитость имеет критическое значение для результативности работы сотрудников. Соответственно, в развитие именно этих компетенций необходимо вкладывать наибольшие ресурсы.

Заключение

В работе предложен метод ранжирования компетенций сотрудников подразделения организации, позволяющий определить сравнительную важность компетенций по отношению к запросам каждой группы внутренних и внешних стейкхолдеров в отдельности и в целом для всех групп заинтересованных сторон.

Приводятся результаты апробации предложенного метода на примере одного из подразделений крупного регионального университета. Показано, что сравнительная важность компетенций может значительно отличаться для разных групп стейкхолдеров.

Теоретическая значимость представленных результатов состоит в расширении инструментария построения компетентностных моделей сотрудников.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенного метода при построении компетентностных моделей сотрудников подразделений произвольных организаций.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть связаны с развитием предложенного метода, в частности с использованием МАИ в сочетании с другими методами поддержки управленческих решений, в том числе нечеткими.

Список источников

1. Мазелис Л.С., Гренкин Г.В., Лавренюк К.И. Моделирование влияния компетенций сотрудника на его результативность с учетом выгорания // *Journal of Applied Economic Research*. 2024. Т. 23, № 1. С. 227–250. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.1.010
2. Разработка экономико-математических методов и моделей развития регионального человеческого капитала / Л.С. Мазелис, К.И. Лавренюк, Е.Д. Емцева [и др.]. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2020. 152 с.
3. Шингаев С.М., Ходова Е.А. Формирование компетенций сотрудников вневедомственной охраны Росгвардии РФ // *Психология человека в образовании*. 2022. Т. 4, № 1. С. 91–100. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-91-100
4. Ходова Е.А., Шингаев С.М. Оценка уровня развития должностных компетенций сотрудников Росгвардии // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 4 (100). С. 237–246. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-237-246
5. Рахманова М.С., Солодухин К.С. Инновационный стратегический анализ вуза на основе теории заинтересованных сторон: монография. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2010. 151 с.
6. Досымова М.В., Жданова Е.А. Разработка информационной системы содействия трудоустройству выпускников вуза на примере Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета // *Науковедение: Интернет-журнал*. 2015. Т. 7, № 6 (31). С. 104. DOI: 10.15862/47TVN615
7. Wiśniewska S., Wiśniewski K., Szydło R. Competency ranking of generation NEET representatives (Ranking kompetencji przedstawicieli generacji NEET) // *Edukacja Ekonomistów i Menedżerów*. 2019. Vol. 51, No. 1. P. 181–192. DOI: 10.5604/01.3001.0013.2367
8. Nair S., Nair P., Nair D. Understanding students' perspectives on global competencies: A comprehensive analysis // *Journal of Information Systems Engineering and Management*. 2025. Vol. 10, No. 41s. P. 763–773. DOI: 10.52783/jisem.v10i41s.7999
9. Sannikova A., Titko J., Kudiņš J. The role of networking competencies in social enterprise performance // *Business Management and Economics Engineering*. 2025. Vol. 23, No. 1. P. 1–13. DOI: 10.3846/bmee.2025.21468
10. Romanian physical education teachers' perception of formative feedback on their professional competencies / S. Drugau, D. Badau, F. Nechita [et al.] // *Revista Românească pentru Educație Multidimensională*. 2025. Vol. 17, No. 1. P. 91–115. DOI: 10.18662/rrem/17.1/942
11. Main competencies of future coaches: investigation and effectiveness of development within the tuning project in higher education in China / Y. Jia, X. Zheng, Z. Peng, S. Xia // *BMC Medical Education*. 2024. Vol. 24, No. 899. DOI: 10.1186/s12909-024-05906-0
12. Ковалева А.М., Хаймович А.И., Колеганова Е.А. Разработка методики построения иерархии компетенций инженера-технолога на базе матрицы соответствия // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2023. Т. 25, № 2 (112). С. 72–78. DOI: 10.37313/1990-5378-2023-25-2-72-78
13. Ковалева А.М., Хаймович А.И., Колеганова Е.А. Разработка методики построения иерархии компетенций инженера-технолога на базе метода разворачивания функций качества // *Известия Тульского государственного университета. Технические науки*. 2024. № 2. С. 566–570. DOI: 10.24412/2071-6168-2024-2-566-567
14. A hybrid model for fitness influencer competency evaluation framework / C.C. Yang, W.C.J. Hsu, C.S. Yeh Y.S. Lin // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, Iss. 3. P. 1279. DOI: 10.3390/su16031279

15. The human element in autonomous shipping: a study on skills and competency requirements WMU / M. Belabyad, C. Kontovas, R. Pyne [et al.] // *Journal of Maritime Affairs*. 2025. DOI: 10.1007/s13437-025-00366-9
16. Examining the mediating role of personality on the relationship between talent, technology systems, and employee competency / D. Fitri, S.L. Ratnasari, Z. Suyanto, Z. Sultan // *JKBM (Jurnal Konsep Bisnis dan Manajemen)*. 2024. Vol. 11, No.1. P. 27–40. DOI: 10.31289/jkbm.v11i1.12844
17. A modified delphi study to establish essential clinical pharmacology competencies / B. Johnson-Williams, K. Reynolds, J. Gobburu, A. Rundio // *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*. 2024. Vol. 58, No. 3. P. 473–482. DOI: 10.1007/s43441-023-00609-y
18. An international competency framework for high-quality workforce development in integrated care (IC): A modified Delphi study among global participants / F. Barraclough, J. Smith-Merry, V. Stein, S. Pit // *International Journal of Integrated Care*. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 11. DOI: 10.5334/ijic.8258
19. Disaster medicine core competencies: comparative analysis of emergency medicine residency training in Taiwan and the United States / J. Tay, W.-K. Chou, M.-T. Cheng [et al.] // *Western Journal of Emergency Medicine: Integrating Emergency Care with Population Health*. 2024. Vol. 26, No. 4. P. 1095–1104. DOI: 10.5811/westjem.24961
20. Identification of core competencies for exercise oncology professionals: A Delphi study of United States and Australian participants / M.A. Kennedy, K.C. Wood, A. Campbell [et al.] // *Cancer Med*. 2024. Vol. 13, No. 14. P. e70004. DOI:10.1002/cam4.70004
21. Genetic counseling program director competencies as proposed by the program leadership development subcommittee of the Genetic Counselor Educators Association / M.L. Marvin, D.S. Allain, E.P. Carmany [et al.] // *Journal of Genetic Counseling*. 2025. Vol. 34, No. 3. P. e70044. DOI: 10.1002/jgc4.70044
22. Драпкина О.М., Астанина С.Ю., Шепель Р.Н. Результаты исследования приоритетности компетенций в профессиональной деятельности врачей общей практики (семейных врачей) // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2024. Т. 23, № 2S. С. 67–82. DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4153
23. Ковалева А.М., Колеганова Е.А., Хаймович А.И. Разработка методики квалиметрической оценки компетенций на базе метода анализа иерархий // *Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: матер. VI Всерос. нац. науч. конф. молодых ученых. В 3 ч (Комсомольск-на-Амуре, 10–14 апреля 2023 г.)*. 2023. Ч. 3. С. 74–76. DOI: 10.17084/978-5-7765-1487-6-2023-74
24. Core competency assessment model for entry-level air traffic controllers based on international civil aviation organization document 10056 / Y. Hu, H. Shen, B. Wang [et al.] // *Aerospace*. 2025. Vol. 12, Iss. 6. P. 486. DOI: 10.3390/aerospace12060486
25. Solving the problem of ranking applicants for a project team with fuzzy assessment of competencies and requirements / I. Kononenko, H. Sushko, I. Babayev, R. Abdullayev // *Radioelectronic and Computer Systems*. 2024. Vol. 2, No. 110. P. 230–243. DOI: 10.32620/reks.2024.2.18
26. Evaluation and improvement of nursing undergraduates' informatics competencies using a hybrid multi-criteria decision-making model / C. Liu, Y.Y. Hong, W.-L. Hu [et al.] // *BMC Medical Education*. 2024. Vol. 24, No. 1. P. 1514. DOI: 10.1186/s12909-024-06444-5
27. Investigating stakeholders – farmer competencies nexus: evidence from mactor analysis and analytic hierarchy process in Magelang and Pati regencies / E. Widiyanti, M. Cahyadin, D. Padmaningrum [et al.] // *Agrisocionomics: Jurnal Sosial Ekonomi dan Kebijakan Pertanian*. 2024. Vol. 8, No. 3. P. 865–876. DOI: 10.14710/agrisocionomics.v8i3.22082
28. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. Москва: Радио и связь, 1993. 320 с.
29. Солодухин К.С. Модель оценки значимости заинтересованных сторон стейкхолдер-компаний // *Интеграл*. 2009. № 3 (47). С. 104–107.
30. Солодухин К.С. Стратегическое управление вузом как стейкхолдер-компанией: монография. Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. 290 с.
31. Луговой Р.А., Солодухин К.С. Модель оценки значимости стейкхолдеров университета и их запросов. // 1-я Международная конференция по бизнес-информатике: тр. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.В. Никитина (Звенигород, 9–11 октября 2007 г.). Звенигород, 2007. С. 275–286.
32. Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Анализ, синтез, планирование решений в экономике. Москва: Изд-во «Финансы и статистика», 2000. 368 с.

References

1. Mazelis L.S., Grenkin G.V., Lavrenyuk K.I. Model of the influence of employee competencies on performance considering burnout. *Journal of Applied Economic Research*. 2024; 23 (1): 227–250. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.1.010

2. Development of economic and mathematical methods and models for the development of regional human capital / L.S. Mazelis, K.I. Lavrenyuk, E.D. Emtseva [et al.]. Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service; 2020. 152 p.
3. Shingaev S.M., Khodova E.A. Formation of competencies of employees of non-departmental security of the Rosgvardiya of the Russian Federation. *Psychology in Education*. 2022; 4 (1): 91–100. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-91-100
4. Khodova E.A., Shingaev S.M. Assessment of the level of development of job competencies of Rosguard employees. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023; (4 (100)): 237–246. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-237-246
5. Rakhmanova M.S., Solodukhin K.S. Innovative strategic analysis of the university based on the theory of stakeholders: monograph. Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service; 2010. 151 p.
6. Dosymova M.V., Gdanova E.A. Developing information system of graduates' employment on the example of Rubtsovsk institute (branch) of Altay state university. *Internet Journal "Naukovedenie"*. 2015; 7 (6 (31)): 104. DOI: 10.15862/47TVN615
7. Wiśniewska S., Wiśniewski K., Szydło R. Competency ranking of generation NEET representatives (Ranking kompetencji przedstawicieli generacji NEET). *Edukacja Ekonomistów i Menedżerów* 2019; 51 (1): 181–192. DOI: 10.5604/01.3001.0013.2367
8. Nair S., Nair P., Nair D. Understanding students' perspectives on global competencies: A comprehensive analysis. *Journal of Information Systems Engineering and Management*. 2025; 10 (41s): 763–773. DOI: 10.52783/jisem.v10i41s.7999
9. Sannikova A., Titko J., Kudrins J. The role of networking competencies in social enterprise performance. *Business Management and Economics Engineering*. 2025; 23 (1): 1–13. DOI: 10.3846/bmee.2025.21468
10. Romanian physical education teachers' perception of formative feedback on their professional competencies / S. Drugau, D. Badau, F. Nechita [et al.]. *Revista Românească pentru Educație Multidimensională*. 2025; 17 (1): 91–115. DOI: 10.18662/rrem/17.1/942
11. Main competencies of future coaches: investigation and effectiveness of development within the tuning project in higher education in China / Y. Jia, X. Zheng, Z. Peng, S. Xia. *BMC Medical Education*. 2024; 24 (899). DOI: 10.1186/s12909-024-05906-0
12. Kovaleva A.M., Khaimovich A.I., Koleganova E.A. Development of a methodology for building a hierarchy of competencies of a process engineer on the basis of a traceability matrix. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2023; 25 (2 (112)): 72–78. DOI: 10.37313/1990-5378-2023-25-2-72-78
13. Kovaleva A.M., Khaimovich A.I., Koleganova E.A. Development of a methodology for building a hierarchy of competencies of a process engineer on the basis of the quality function deployment. *Izvestia Tula State University. Technical sciences*. 2024; (2): 566–570. DOI: 10.24412/2071-6168-2024-2-566-567
14. A hybrid model for fitness influencer competency evaluation framework / C.C. Yang, W.C.J. Hsu, C.S. Yeh, Y.S. Lin. *Sustainability*. 2024; 16 (3): 1279. DOI: 10.3390/su16031279
15. The human element in autonomous shipping: a study on skills and competency requirements WMU / M. Belabyad, C. Kontovas, R. Pyne [et al.]. *Journal of Maritime Affairs*. 2025. DOI: 10.1007/s13437-025-00366-9
16. Examining the mediating role of personality on the relationship between talent, technology systems, and employee competency / D. Fitri, S.L. Ratnasari, Z. Suyanto, Z. Sultan. *JKBM (Jurnal Konsep Bisnis dan Manajemen)*. 2024; 11 (1): 27–40. DOI: 10.31289/jkbm.v11i1.12844
17. A modified delphi study to establish essential clinical pharmacology competencies / B. Johnson-Williams, K. Reynolds, J. Gobburu, A. Rundio. *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*. 2024; 58 (3): 473–482. DOI: 10.1007/s43441-023-00609-y
18. An international competency framework for high-quality workforce development in integrated care (IC): A modified Delphi study among global participants / F. Barraclough, J. Smith-Merry, V. Stein, S. Pit. *International Journal of Integrated Care*. 2024; 24 (2): 11. DOI: 10.5334/ijic.8258
19. Disaster medicine core competencies: comparative analysis of emergency medicine residency training in Taiwan and the United States / J. Tay, W.-K. Chou, M.-T. Cheng [et al.]. *Western Journal of Emergency Medicine: Integrating Emergency Care with Population Health*. 2024; 26 (4). P. 1095–1104. DOI: 10.5811/westjem.24961

20. Identification of core competencies for exercise oncology professionals: A Delphi study of United States and Australian participants / M.A. Kennedy, K.C. Wood, A. Campbell [et al.]. *Cancer Med.* 2024; 13 (14): e70004. DOI:10.1002/cam4.70004
21. Genetic counseling program director competencies as proposed by the program leadership development subcommittee of the Genetic Counselor Educators Association / M.L. Marvin, D.S. Allain, E.P. Carmany [et al.]. *Journal of Genetic Counseling.* 2025; 34 (3): e70044. DOI: 10.1002/jgc4.70044
22. Drapkina O.M., Astanina S.Yu., Shepel R.N. Priority of competencies in the professional activities of general practitioners (family doctors). *Cardiovascular Therapy and Prevention.* 2024; 23 (2S): 67–82. DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4153
23. Kovaleva A.M., Koleganova E.A., Khaimovich A.I. Development of a methodology for qualimetric evaluation of competences on the basis of a hierarchy analysis method. *Youth and science: actual problems of fundamental and applied research: Proceedings of the VI All-Russian National Scientific Conference of Young Scientists. In 3 parts (Komsomolsk-on-Amur, April 10–14 2023).* 2023; (3): 74–76. DOI: 10.17084/978-5-7765-1487-6-2023-74
24. Core competency assessment model for entry-level air traffic controllers based on international civil aviation organization document 10056 / Y. Hu, H. Shen, B. Wang [et al.]. *Aerospace.* 2025; 12 (6): 486. DOI: 10.3390/aerospace12060486
25. Solving the problem of ranking applicants for a project team with fuzzy assessment of competencies and requirements / I. Kononenko, H. Sushko, I. Babayev, R. Abdullayev. *Radioelectronic and Computer Systems.* 2024; 2 (110): 230–243. DOI: 10.32620/reks.2024.2.18
26. Evaluation and improvement of nursing undergraduates' informatics competencies using a hybrid multi-criteria decision-making model / C. Liu, Y.Y. Hong, W.-L. Hu [et al.]. *BMC Medical Education.* 2024; 24 (1): 1514. DOI: 10.1186/s12909-024-06444-5
27. Investigating stakeholders – farmer competencies nexus: evidence from MACTOR analysis and Analytic Hierarchy Process in Magelang and Pati regencies / E. Widiyanti, M. Cahyadin, D. Padmaningrum [et al.]. *Agrisocionomics: Jurnal Sosial Ekonomi dan Kebijakan Pertanian.* 2024; 8 (3): 865–876. DOI: 10.14710/agrisocionomics.v8i3.22082
28. Saati T. Decision-making. Hierarchy analysis method. Moscow: Radio and communications, 1993. 320 p.
29. Solodukhin K.S. Model for assessing the significance of stakeholders in a stakeholder company. *Integral.* 2009; (3 (47)): 104–107.
30. Solodukhin K.S. Strategic management of the university as a stakeholder company: monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University; 2009. 290 p.
31. Lugovoy R.A., Solodukhin K.S. Model for assessing the significance of university stakeholders and their requests. In: Nikitin V.V. (ed.) 1st International Conference on Business Informatics. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Zvenigorod, October 9–11, 2007). Zvenigorod; 2007. P. 275–286.
32. Andreichikov A.V., Andreichikova O.N. Analysis, synthesis, decision planning in economics. Moscow: Publishing House "Finance and Statistics"; 2000. 368 p.

Информация об авторах:

Проскурякова Анастасия Александровна, экономист отдела экономики и планирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Proskuryakova.A@vvsu.ru

Сайчук Денис Сергеевич, директор департамента экономики и финансов, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Denis.Saychuk@vvsu.ru

Солодухин Константин Сергеевич, д-р экон. наук, профессор каф. математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Konstantin.Solodukhin@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/092-103>

EDN: <https://elibrary.ru/EIFFOA>

Дата поступления:
17.10.2025

Одобрена после рецензирования:
20.11.2025

Принята к публикации:
22.11.2025

Научная статья

УДК 33

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/104-114>

EDN: <https://elibrary.ru/DRUTGY>

Анализ вовлеченности организаций агропромышленного комплекса в корпоративную социальную ответственность на основе данных по нефинансовой отчетности

Матвеева Елена Владимировна

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** В контексте повышения значения агропромышленного комплекса Российской Федерации в обеспечении продовольственной безопасности страны и усиления роли внешних вызовов, затрагивающих устойчивое развитие данного сектора, проведен анализ вовлеченности организаций в корпоративную социальную ответственность (КСО). Для исследования уровня вовлеченности были проанализированы данные по опубликованной нефинансовой отчетности. Целью исследования является обоснование необходимости разработки системы мониторинга как информационно-методической основы для оценки вовлеченности компаний АПК в корпоративную социальную ответственность. Результаты исследования показали, что отчетность по КСО является растущим трендом, разделяемым крупнейшими компаниями различных секторов экономики. При этом на фоне незначительного и устойчивого сокращения занятости в сельском и лесном хозяйстве, охоте и рыболовстве компании – лидеры данной отрасли находятся на разных стадиях внедрения практик устойчивого развития и отчетности.*

***Ключевые слова:** корпоративная социальная ответственность, нефинансовая отчетность, устойчивое развитие, агропромышленный комплекс.*

***Для цитирования:** Матвеева Е.В. Анализ вовлеченности организаций агропромышленного комплекса в корпоративную социальную ответственность на основе данных по нефинансовой отчетности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/104-114>. EDN: <https://elibrary.ru/DRUTGY>*

Original article

Analysis of the involvement of agro-industrial complex organizations in corporate social responsibility based on non-financial reporting data

Elena V. Matveeva

Far Eastern Federal University

Vladivostok. Russia

***Abstract.** In the context of increasing the importance of the agro-industrial complex of the Russian Federation in ensuring the country's food security and strengthening the role of external challenges affecting the sustainable development of this sector, an analysis of the involvement of organizations in corporate social responsibility has been conducted. To study the level of engagement, data on published non-financial*

statements were analyzed. The purpose of the study is to substantiate the need to develop an engagement monitoring system and a methodological framework for assessing the involvement of agribusiness companies in corporate social responsibility. The results of the study showed that CSR reporting is a growing trend shared by the largest companies in various sectors of the economy, while, against the background of a significant and steady decline in employment in agriculture, forestry, hunting and fishing, leading companies in this industry are at different stages of implementing sustainable development and reporting practices.

Keywords: corporate social responsibility, non-financial reporting, sustainable development, agro-industrial complex.

For citation: Matveeva E.V. Analysis of the involvement of agro-industrial complex organizations in corporate social responsibility based on non-financial reporting data // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 4. P. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/104-114>. EDN: <https://elibrary.ru/DRUTGY>

Введение

Деятельность современных организаций характеризуется повышением уровня их социальной ответственности. Масштаб, ресурсный и человеческий потенциал, технологическое развитие крупных организаций позволяют им не только адаптироваться к вызовам внешней среды, но и осуществлять проактивное влияние, целенаправленно формируя параметры этой среды и создавая ее в целом. Данное формирование реализуется в различных направлениях, включая: развитие человеческого капитала в качестве основы для обеспечения высококвалифицированными трудовыми ресурсами, реализацию социальных инициатив, направленных на устойчивое развитие общества, и осуществление инфраструктурных проектов, конструирующих непосредственную среду функционирования.

Подобная активность основывается на принципах корпоративной социальной ответственности (КСО). Однако сложность научного осмысления КСО обусловлена отсутствием универсального понятия данного концепта и единой методики оценки действий организаций, вовлеченных в КСО, с учетом влияния на регион функционирования. В этом контексте настоящее исследование на эмпирическом уровне демонстрирует влияние внутренних социально-экономических факторов на степень развития практик корпоративной социальной ответственности, применяемых компаниями конкретной страны.

Основная часть

Зарождение современной концепции корпоративной социальной ответственности связывают с работой американского экономиста Г. Боуэна «Социальная ответственность бизнесмена», которая положила начало систематическому изучению данной проблематики в научной литературе [1]. Боуэн определял социальную ответственность как обязанность бизнесменов реализовывать такую политику и принимать такие управленческие решения, которые были бы созвучны целям и ценностям общества.

Теоретическую линию Боуэна развивали такие исследователи, как К. Дэвис, Дж. МакГайр, С. Сети и А. Кэрролл. К. Дэвис впервые поместил проблему социальной ответственности в управленческий контекст, постулируя, что последняя проявляется в действиях, мотивы которых частично лежат вне плоскости непосредственного экономического или технологического интереса компании [2].

Существенный вклад в развитие понятия внес Дж. МакГайр, конкретизировавший спектр корпоративных обязательств. Он утверждал, что корпорации несут не только экономическую и юридическую ответственность, но и определенные обязательства перед обществом, выходящие за эти рамки [3]. Впоследствии данная дефиниция была дополнена Д. Вотоу и С. Сети, интегрировавшими в нее аспекты, связанные с социальными ценностями, нормами и ожиданиями стейкхолдеров [4].

Наиболее значимым вкладом в структурирование концепции стала модель А. Кэрролла, который предложил трактовать КСО как «соответствие экономическим, правовым, этическим и дискреционным (филантропическим) ожиданиям, предъявляемым обществом к организации в данный период времени» [5]. Предложенная Кэрроллом иерархическая модель обеспечила переход от теоретического осмысления КСО к ее практическому внедрению. Благодаря детальной проработке структуры и взаимосвязи элементов его подход получил широкое распространение и во многом определил методологические рамки последующих исследований в данной области.

Современный этап развития концепции характеризуется ее дальнейшей конкретизацией и адаптацией к актуальным общественным запросам. Так, С.П. Роббинс и М. Коултер определяют КСО как обязательство организации преследовать долгосрочные, общественно-полезные цели, действуя в рамках правового поля и учитывая экономические реалии. В свою очередь, Т. Хайнс рассматривает КСО в качестве обязательства предпринимать действия, направленные на защиту и улучшение общественного благосостояния в целом, при условии их согласования с корпоративными интересами [6].

Таким образом, эволюция теоретической мысли в области КСО демонстрирует переход от общих дефиниций к построению комплексных структурных моделей, обеспечивающих интеграцию данного концепта в систему корпоративного управления [7].

Однако, несмотря на возрастающий интерес научного сообщества к исследованию проблематики КСО, в настоящее время в российской системе управления предпринимательством ощущается недостаток в разработке методического обеспечения оценки вовлеченности предпринимательских структур в КСО для целей совершенствования государственной поддержки предпринимательских структур [8]. Данный фактор влияет на интенсивность публикаций отчетности организаций по деятельности в рамках КСО и на единообразие в составлении отчетов предприятиями из разных сфер и отраслей.

Проведение анализа отчетности по корпоративно-социальной ответственности российских организаций имеет ключевое значение для выявления текущего состояния вовлеченности бизнеса в КСО.

По состоянию на ноябрь 2025 г. в Национальном регистре нефинансовых отчетов выделяется 19 отраслей принадлежности компаний, в которые входит 298 компаний, действующих на территории Российской Федерации; зарегистрировано 1780 отчетов, выпущенных в период с 2001 г. Распределение отчетов по отраслевой принадлежности компаний представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение отчетов в области КСО по отраслевой принадлежности компаний
в ноябре 2025 г.**

Отраслевая принадлежность	Число компаний	ИО	ОУР	СО	ЭО	Итого
Нефтегазовая	26	26	160	9	33	228
Энергетика	62	224	107	47	41	419
Металлургическая и горнодобывающая	29	50	112	64	3	229
Производство машин и оборудования	8	24	7	1	0	32

Отраслевая принадлежность	Число компаний	ИО	ОУР	СО	ЭО	Итого
Химическая	16	52	47	15	20	134
Деревообрабатывающая	6	8	7	4	18	37
Производство пищевых товаров	18	7	49	26	0	82
Телекоммуникационная	17	16	44	28	0	88
Финансы и страхование	37	29	101	69	0	199
ЖКХ	5	4	5	14	1	24
Транспорт	15	29	32	10	6	77
Строительство	11	15	15	0	1	31
Сельское и лесное хозяйство	1	0	0	0	0	0
Торговля	8	18	25	0	0	43
Здравоохранение и спорт	5	1	10	3	0	14
Прочие виды производства	13	0	26	18	0	44
Образование, здравоохранение	7	0	2	11	0	13
Некоммерческие организации	10	1	8	43	0	52
Отраслевые отчеты	4	0	1	33	0	34

Источник: сост. автором по [9].

Отметим, что в Национальном реестре нефинансовых отчетов не содержится информации об отчетности организаций агропромышленного комплекса Российской Федерации (АПК РФ), что является сигналом наличия проблем с вовлеченностью данного сектора в КСО. Выдвинем ряд гипотез о причинах, которые влияют на этот процесс.

Гипотеза 1. Отчетность компаний по КСО не является растущим трендом, и отсутствие компаний определенной сферы не является критичным сигналом.

Гипотеза 2. Сфера АПК не имеет существенных проблем с привлечением и развитием человеческого капитала, задействованного в обеспечении функционирования данного сектора.

Гипотеза 3. Организации АПК имеют разрозненные индивидуальные отчеты по деятельности, которую можно охарактеризовать как КСО.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу 1, проанализируем массив статистики по нефинансовым отчетам компаний за период с 2000 по 2024 г. (рис. 1).

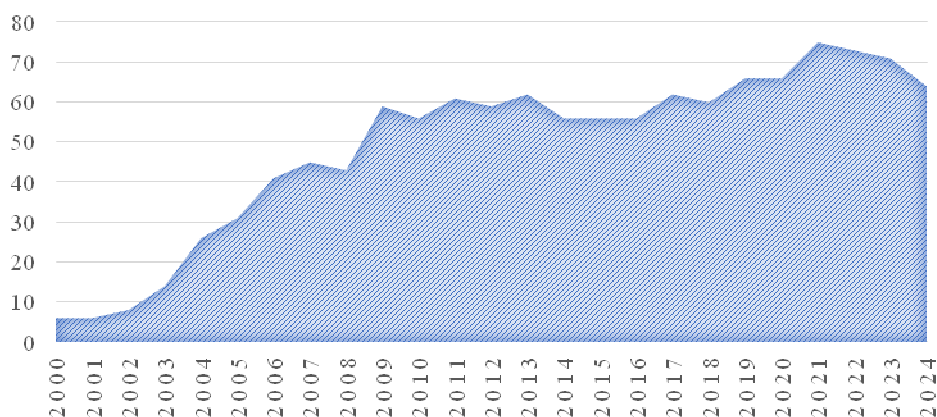

Рис. 1. Количество отчетов по нефинансовой деятельности компаний за период с 2000 по 2024 г.

Источник: сост. автором по [9].

В итоге можно сделать вывод о том, что наблюдается значительный рост количества отчетов с начала 2000-х гг. до пика в 2021 г. Стоит отметить, что развитие системы нефинансовой отчетности можно разделить на периоды:

- начальный период (2000–2005): количество отчетов невелико (от 6 до 31 в год), что свидетельствует о становлении практики нефинансовой отчетности в России;
- период роста (2006–2016): стабильно высокие показатели (в среднем около 50–60 отчетов в год);
- пиковый период (2017–2024): наибольшая активность приходится на 2021 г. (75 отчетов). В последующие годы наблюдается небольшой спад, но уровень остается высоким по сравнению с более ранними периодами.

Данный анализ показал, что практика предоставления нефинансовых отчетов стала стандартом для крупного российского бизнеса, особенно в последнее десятилетие. Следовательно, гипотеза 1 о том, что отчетность компаний по КСО не является растущим трендом и отсутствие компаний определенной сферы не является критичным сигналом, не подтвердилась.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу 2 о влиянии АПК на формирование человеческого капитала в Российской Федерации, проанализируем данные по численности работников, задействованных в секторе (табл. 2).

Таблица 2

Изменение численности занятых по видам деятельности в РФ (2017–2023)

Наименование	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017
Обрабатывающие производства	313 800	29 000	260 900	–249 200	–104 100	–106 400	0
Строительство	262 100	55 600	339 300	–259 300	25 500	71 900	0
Деятельность административная и сопутствующие услуги	162 500	57 000	90 700	–28 400	63 200	14 700	0

Наименование	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017
Деятельность профессиональная, научная и техническая	157 500	68 600	-5100	-90 100	-56 700	-38 300	0
Транспортировка и хранение	148 300	114 100	196 800	67 200	19 800	112 700	0
Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспорта	140 500	14 400	190 600	-451 200	-173 000	-15 800	0
Образование	140 300	-48 800	-10 800	-61 600	-62 500	-69 500	0
Деятельность в области информации и связи	137 800	62 600	60 700	21 200	10 400	17 300	0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	132 500	39 800	87 600	-28 900	41 300	60 300	0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	81 200	-5700	52 700	-4000	-4000	-46 300	0
Предоставление прочих видов услуг	45 500	95 700	9500	-53 400	-17 800	-13 800	0
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга	35 100	16 800	30 600	-22 000	-12 800	-6000	0
Добыча полезных ископаемых	23 100	35 700	15 900	-10 000	11 200	14 900	0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	20 500	-43 100	18 700	-42 100	-3900	-7100	0
Остальные виды деятельности	11 500	-2500	-1300	-7100	-900	-7800	0
Деятельность финансовая и страховая	1800	3800	-17 000	-52 300	-17 300	-37 700	0
Водоснабжение, водоотведение, сбор и утилизация отходов	-4000	-2600	21 800	-14 400	-20 100	-24 500	0
Обеспечение энергией, газом и паром	-6100	-22 800	-5400	-18 300	-15 200	-10 600	0
Государственное управление, социальное и военное обеспечение	-51 200	-43 700	-5600	17 100	-24 700	-51 100	0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство	-57 800	-24 900	-63 000	-227 400	-155 600	-137 900	0

Источник: сост. автором по [10].

Анализ данных о численности занятых в разрезе отраслей экономики позволяет выявить несколько ключевых тенденций. Наиболее значимой из них является масштабный рост занятости, наблюдаемый в 2023 г. после продолжительного периода нестабильности и сокращений, вызванных пандемией и изменением геополитической ситуации. Эта динамика явно указывает на фазу активного восстановления экономики и рынка труда в целом.

В структуре занятости можно выделить явных лидеров, которые стали основными работодателями в 2023 г. Абсолютным лидером являются обрабатывающие производства, за ними следуют строительство, административная и сопутствующая деятельность, профессиональная, научная и техническая деятельность, а также транспортировка и хранение.

Динамика занятости в разных секторах была неравномерной. Такие отрасли, как деятельность в области информации и связи, а также транспортировка и хранение, демонстрируют устойчивый рост на протяжении нескольких лет. В то же время ряд секторов показал резкое восстановление именно в 2023 г. после предыдущих спадов: обрабатывающие производства, строительство, а также гостиницы и предприятия общественного питания, которые оправились после кризиса, вызванного пандемией.

Однако некоторые отрасли продолжают сталкиваться с проблемами. Наиболее значительное и устойчивое сокращение занятости наблюдается в сельском и лесном хозяйстве, охоте и рыболовстве. Стабильно сокращается численность работников в сфере государственного управления, энергетики, а финансовая деятельность показывает лишь минимальный рост после долгого периода спада.

Наблюдаемые процессы свидетельствуют о глубоких структурных изменениях в экономике. Происходит активное перераспределение рабочей силы: традиционные сектора, такие как сельское хозяйство и государственное управление, теряют привлекательность у работников, в то время как обрабатывающая промышленность, строительство и сфера услуг становятся новыми точками роста.

Таким образом, рынок труда в 2023 г. демонстрирует ярко выраженное восстановление с активным созданием рабочих мест, прежде всего в производственных и сервис-ориентированных отраслях. Однако сохранение негативной динамики в ряде секторов подчеркивает, что неравномерное распределение человеческого капитала с оттоком из приоритетных отраслей является новым вызовом.

Следовательно, гипотеза 2 не подтвердилась, и на рынке труда сложилась ситуация, в которой ключевой сектор экономики, определяющий продовольственную безопасность, теряет текущих и потенциальных работников. При этом стоит определить место АПК в системе приоритетов Российской Федерации. Проанализируем ряд сигналов:

– 21 января 2020 г. Президентом РФ была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, в которой закреплена роль продовольственной безопасности как одного из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактор сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшая составляющая социально-экономической политики. При этом в развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации одним из национальных интересов государства в сфере продовольственной безопасности на долгосрочный период является создание в сельском хозяйстве высокопроизводительного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного научными работниками и высококвалифицированными специалистами [11];

– о необходимости создавать условия для масштабного внедрения научно-исследовательских разработок в АПК с целью обеспечения продовольственной безопасности заявил премьер-министр РФ М. Мишустин, выступая на 27-й агропромышленной выставке «Золотая осень» 1 октября 2025 г. [12];

– продовольственная безопасность страны – важный фактор социально-экономического развития, который обеспечивает суверенитет и рост качества жизни граждан. Основа для этого – эффективная работа агропромышленного комплекса. Именно поэтому внедрение инноваций в агросектор – стратегически важная задача, которая активно поддерживается государством. По национальному проекту «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» господдержку получают научные разработки в области селекции и генетики; создаются условия для развития производств новой техники и оборудования, освоения перспективных технологий [13];

– сельхозпроизводство по основным категориям выросло в 7,5 раза, а доля импорта на внутреннем рынке снизилась более чем вдвое – до 10–15 %. Годовая выручка АПК выросла более чем в 20 раз – до 16,6 трлн руб., в том числе благодаря реализации экспортного потенциала страны [14].

Следовательно, становится очевидным разрыв между национальными целями, связанными с сектором АПК, и текущей ситуацией с развитием человеческого капитала, обеспечивающего его функционирование.

Проверим гипотезу 3 о том, что организации АПК имеют разрозненные индивидуальные отчеты по деятельности, которую можно охарактеризовать как КСО. Гипотеза будет подвергнута проверке на основе данных по семи российским компаниям АПК, вошедшим в топ-100 рейтинга Forbes по чистой прибыли по итогам 2024 г. (табл. 3).

Таблица 3

Крупнейшие компании АПК РФ по итогам данных о чистой прибыли в 2024 г.

Название компании	Объем чистой прибыли, млрд руб.
МХК «Еврохим»	111,4
«ФосАгро»	84,5
«Россельхозбанк»	39,8
«Мираторг»	32,5
«Русагро»	31,6
«Акрон»	30,5
«Уралкалий»	29,2

Источник: сост. автором по [15].

В целях установления участия в КСО предприятий АПК автором выполнен анализ топ-компаний АПК РФ на наличие отчетов по деятельности, представленных на официальных сайтах каждой из них (табл. 4).

Таблица 4

Анализ отчетов по КСО крупнейших российских компаний сектора АПК

Название организации	Содержание отчета КСО
МХК «Еврохим»	Отчет не публикуется, сайт содержит информацию о намерениях компании в области устойчивого развития, ESG-деятельности, промышленной безопасности и экологии

Название организации	Содержание отчета КСО
«ФосАгро»	Интегрированный отчет присутствует, социальный отчет присутствует, отчетность ведется с 2011 г.
«Россельхозбанк»	Отчет не публикуется, опубликована общая политика в области социальной и экологической ответственности, корпоративного управления и устойчивого развития
«Мираторг»	Отчет не публикуется, сайт содержит информацию о политике компании в области устойчивого развития и новости о деятельности в сферах благотворительности, заботе о сотрудниках и защите окружающей среды
«Русагро»	Отчет не публикуется, есть информация о видении и миссии компании
«Акрон»	Отчет об устойчивом развитии. Публикуется с 2022 г.
«Уралкалий»	Отчет об устойчивом развитии. Публикуется с 2021 г.

Источник: сост. автором по [16–22].

Заключение

Представленные данные позволяют сделать следующие выводы о состоянии нефинансовой отчетности в крупнейших российских компаниях сектора АПК.

1. Разрозненность подхода к раскрытию информации. Наблюдается значительный разброс в подходах компаний к корпоративной социальной ответственности и ESG-отчетности. Некоторые компании («ФосАгро», «Акрон», «Уралкалий») придерживаются формализованного подхода к публикации регулярных отчетов, в то время как другие ограничиваются декларациями о намерениях. Компания «ФосАгро» является безусловным лидером, демонстрируя не только полную интегрированную и социальную отчетность, но и самый длительный (с 2011 г.) стаж ее ведения. Это указывает на зрелость практик устойчивого развития в ее бизнес-модели. Компании «Акрон» и «Уралкалий» также демонстрируют прогрессивный подход, но стали публиковать отчеты сравнительно недавно.

2. Преобладание декларативного подхода над отчетным. Большинство проанализированных компаний (МХК «Еврохим», «Россельхозбанк», «Мираторг», «Русагро») не публикуют полноценных отчетов, ограничиваясь политиками, заявлениями о намерениях и разрозненной информацией на сайтах. Это может свидетельствовать о начальной стадии внедрения принципов устойчивого развития и об отсутствии системной работы по сбору и верификации нефинансовых показателей.

Несмотря на текущую ситуацию, видна тенденция к формализации отчетности. Компании, которые раньше не публиковали отчеты («Акрон», «Уралкалий»), стали делать это в 2021–2022 гг., что свидетельствует о растущем осознании важности ESG-повестки и прозрачности для бизнеса.

Тем не менее в результате исследования выявлена такая проблема, как слабая структурированность данных. У компаний, не публикующих отчеты, информация часто представлена фрагментарно (новости, общая политика, миссия), что затрудняет ее системный анализ, сравнение с другими игроками и оценку реальных результатов деятельности.

Анализ данных по предоставлению отчетов в области КСО показывает, что компании АПК находятся на разных стадиях внедрения практик устойчивого развития и отчетности, что подтверждает гипотезу 3, в то время как отдельные компании («ФосАгро»)

соответствуют лучшим международным стандартам. Большая часть рассмотренных организаций лишь начинает этот путь, делая акцент на формировании публичного позитивного нарратива, а не на предоставлении проверяемых и структурированных данных. Отсутствие системы мониторинга вовлеченности и отсутствие методической основы для оценки вовлеченности компаний АПК в корпоративную социальную ответственность являются вызовом для устойчивого развития человеческого капитала, задействованного в данном секторе.

Список источников

1. Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. New York: Harper & Row, 1953. 150 p.
2. Davis K. Can Business Afford to Ignore Social Responsibilities? // California Management Review. 1960. Vol. 2, № 3. P. 70–76. URL: <http://cmr.berkeley.edu/> (дата обращения: 11.02.2024).
3. McGuire J. W. Business and Society. New York: McGraw-Hill, 1963.
4. Votaw D., Sethi S.P. The Corporate Dilemma: Traditional Values versus Contemporary Problems. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973.
5. Carroll A.B. A Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Social Performance // Academy of Management Review. 1979. Vol. 4, № 4. P. 497–505.
6. Burton B.K., Goldsby M. The Golden Rule and Business Ethics: An Examination // Journal of Business Ethics. 2005. Vol. 56. P. 371–383.
7. Yadlapalli A., Rahman S., Gunasekaran A. Corporate Social Responsibility Definitions in Supply Chain Research: An Ontological Analysis // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 277. Art. 123265. ISSN 0959-6526. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123265
8. Матвеева Е.В., Латкин А.П. Апробация комплексной методики оценки вовлеченности предпринимательских структур в корпоративную социальную ответственность // Финансы и управление. 2021. № 1. DOI: 10.25136/2409-7802.2021.1.35411
9. Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов // Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 24.03.2025).
10. Регистр нефинансовых отчетов и иной информации в области устойчивого развития // Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения: 24.03.2025).
11. Статистика стран и регионов: Численность занятых по видам экономической деятельности // Statebase. URL: <https://statbase.ru/data/rus-number-of-employed-by-type-of-activity-national-stat/> (дата обращения: 24.06.2025).
12. Федеральный закон от 02.12.2019 № 390-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии сельского хозяйства"» // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения: 27.09.2025).
13. Эксперты оценили перспективы роста производства продуктов в РФ // РИА Новости. 2025. URL: <https://ria.ru/20251101/prodovolstvie-2052185997.html> (дата обращения: 27.09.2025).
14. Двойных А. Лица АПК: кто обеспечивает продовольственную безопасность России // Российская газета. 2025. 19 июня. URL: <https://rg.ru/2025/06/19/aleksandr-dvojnyh-lica-apk.html> (дата обращения: 27.09.2025).
15. Рейтинг крупнейших компаний АПК по чистой прибыли // Agrotrend.ru. URL: <https://agrotrend.ru/news/53715-reyting-krupneyshih-kompaniy-apk-po-chistoy-pribyli-2> (дата обращения: 29.10.2025).
16. ПАО «МХК «Еврохим»: [сайт]. URL: <https://www.eurochem.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
17. Группы компаний «Русагро»: [сайт]. URL: <https://www.rusagrogroup.ru/ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
18. ПАО «Фосагро»: [сайт]. URL: <https://www.phosagro.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
19. АО «Россельхозбанк»: [сайт]. URL: <https://www.rshb.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
20. АПХ «Мираторг»: [сайт]. URL: <https://miratorg.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
21. ПАО «Акрон»: [сайт]. URL: <https://www.acron.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
22. ПАО «Уралкалий»: [сайт]. URL: <https://www.uralkali.com/ru/> (дата обращения: 29.10.2025).

References

1. Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. New York: Harper & Row; 1953. 150 p.
2. Davis K. Can Business Afford to Ignore Social Responsibilities? *California Management Review*. 1960; 2 (3): 70–76. URL: <http://cmr.berkeley.edu/> (accessed date: 11.02.2024).
3. McGuire J.W. Business and Society. New York: McGraw-Hill; 1963.
4. Votaw D., Sethi S.P. The Corporate Dilemma: Traditional Values versus Contemporary Problems. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1973.
5. Carroll A.B. A Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Social Performance. *Academy of Management Review*. 1979; 4 (4): 497–505.
6. Burton B.K., Goldsby M. The Golden Rule and Business Ethics: An Examination. *Journal of Business Ethics*. 2005; (56): 371–383.
7. Yadlapalli A., Rahman S., Gunasekaran A. Corporate Social Responsibility Definitions in Supply Chain Research: An Ontological Analysis. *Journal of Cleaner Production*. 2020; 277 (Art. 123265). ISSN 0959-6526. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123265
8. Matveeva E.V., Latkin A.P. Testing of a Comprehensive Methodology for Assessing the Involvement of Business Structures in Corporate Social Responsibility. *Finance and Management*. 2021; (1). DOI: 10.25136/2409-7802.2021.1.35411
9. Corporate Non-Financial Reports Library. *Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP)*. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (accessed date: 24.03.2025).
10. Register of Non-Financial Reports and Other Information in the Field of Sustainable Development. *Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP)*. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (accessed date: 24.03.2025).
11. Statistics of Countries and Regions: Number of Employed by Type of Economic Activity. *Statebase*. URL: <https://statbase.ru/data/rus-number-of-employed-by-type-of-activity-national-stat/> (accessed date: 24.06.2025).
12. Federal Law No. 390-FZ of December 2, 2019 "On Amendments to the Federal Law "On the Development of Agriculture". *Information and legal portal «Garant»*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (accessed date: 27.09.2025).
13. Experts Assessed the Prospects for Growth in Food Production in the Russian Federation. *RIA Novosti*. 2025. URL: <https://ria.ru/20251101/prodovolstvie-2052185997.html> (accessed date: 27.09.2025).
14. Dvoinykh A. Faces of the Agro-Industrial Complex: Who Ensures Russia's Food Security. *Rossiyskaya Gazeta*. 2025; June 19. URL: <https://rg.ru/2025/06/19/aleksandr-dvojnyh-lica-apk.html> (accessed date: 27.09.2025).
15. Rating of the Largest Agro-Industrial Complex Companies by Net Profit. *Agrotrend.ru*. URL: <https://agrotrend.ru/news/53715-reyting-krupneyshih-kompaniy-apk-po-chistoy-pribyli-2> (accessed date: 29.10.2025).
16. PJSC "MHC Eurochem": [website]. URL: <https://www.eurochem.ru/> (date of access: 10/29/2025).
17. Rusagro Group of Companies: [website]. URL: <https://www.rusagrogroup.ru/ru/> (date of access: 10/29/2025).
18. PJSC Phosagro: [website]. URL: <https://www.phosagro.ru/> (date of reference: 29.10.2025).
19. JSC "Rosselkhoznaadzor": [website]. URL: <https://www.rshb.ru/> (date of access: 10/29/2025).
20. APH "Miratorg": [website]. URL: <https://miratorg.ru/> (date of access: 10/29/2025).
21. PJSC "Akron": [website]. URL: <https://www.acron.ru/> (date of access: 29.10.2025).
22. PJSC Uralkali: [website]. URL: <https://www.uralkali.com/ru/> (date of access: 29.10.2025).

Информация об авторе:

Матвеева Елена Владимировна, канд. экон. наук, доцент, Департамент менеджмента и предпринимательства, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Matveeva.ev@dvfu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/104-114>

EDN: <https://elibrary.ru/DRUTGY>

Дата поступления:
11.11.2025

Одобрена после рецензирования:
24.11.2025

Принята к публикации:
27.11.2025

Научная статья

УДК 331.5.024.5

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/115-125>

EDN: <https://elibrary.ru/FZFLOr>

Управление человеческими ресурсами в условиях трансформации регионального рынка труда

Сайфуллина Лариса Дамировна

Уфимский университет науки и технологий

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа. Россия

Аннотация. Проведен анализ структурных сдвигов на региональном рынке труда на примере Республики Башкортостан – одного из ключевых индустриальных и аграрных регионов страны. Проведена кластеризация отраслей, разработаны системы мер регулирования, соотношенных с фазами воспроизводства трудовых ресурсов. На основе данных о среднесписочной численности работников организаций за 2020–2024 гг. применен метод кластерного анализа, позволивший выделить четыре группы отраслей с однородной динамикой. Использованы методы сравнительного и структурного анализа, а также концепция фаз воспроизводства трудовых ресурсов как теоретическая основа для систематизации мер регулирования. Выявлена глубокая структурная трансформация рынка труда, выразившаяся в сокращении общей численности занятых на 10,6%. Сформирована типология из четырех кластеров. Проанализированы показатели трудodeфицитного рынка на примере отрасли сельского хозяйства. Разработана система мер государственного и корпоративного регулирования, распределенная по фазам воспроизводства трудовых ресурсов. Предметом исследования являются структурные трансформации рынка труда Республики Башкортостан, проявляющиеся в разнонаправленной динамике занятости по видам экономической деятельности, и механизмы его регулирования, синхронизированные с фазами воспроизводства трудовых ресурсов. Областью применения результатов являются органы государственной и муниципальной власти, разрабатывающие региональную политику занятости; кадровые службы и стратегический менеджмент компаний реального сектора; образовательные организации, формирующие программы подготовки и переподготовки кадров. Научная новизна исследования заключается в разработке интегрального подхода, обеспечивающего целевую настройку управленческих воздействий на основе синтеза кластерного анализа и фазовой модели воспроизводства трудовых ресурсов.

Ключевые слова: региональный рынок труда, кластерный анализ, воспроизводство трудовых ресурсов, государственное регулирование, человеческий капитал.

Для цитирования: Сайфуллина Л.Д. Управление человеческими ресурсами в условиях трансформации регионального рынка труда // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 115–125. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/115-125>. EDN: <https://elibrary.ru/FZFLOr>

Original article

Human resources management in the context of regional labor market transformation

Larisa D. Saifullina

Ufa University of Science and Technology

Institute of Socioeconomic Research

Ufa. Russia

© Сайфуллина Л.Д., 2025

Abstract. The paper analyzes the structural changes in the labor market of the Republic of Bashkortostan through the clustering of industries and the development of a system of regulatory measures related to the phases of labor resource reproduction. Materials and methods: Based on data on the average number of employees in organizations for 2020–2024, the paper uses the method of cluster analysis to identify four groups of industries with homogeneous dynamics. The methods of comparative and structural analysis were used, as well as the concept of labor resource reproduction phases as a theoretical basis for systematizing regulatory measures. The results revealed a profound structural transformation of the labor market, resulting in a 10.6% decrease in the total number of employed individuals. A typology of four clusters was formed. The indicators of the labor-deficient market were analyzed using the example of the agricultural sector. A system of state and corporate regulatory measures was developed, divided into phases of labor resource reproduction. The subject of the study is the structural transformations of the labor market in the Republic of Bashkortostan, which manifest themselves in the multidirectional dynamics of employment by economic activity, and the mechanisms of its regulation, which are synchronized with the phases of labor resources reproduction. The results can be applied by state and municipal authorities that develop regional employment policies, by HR departments and strategic management of companies in the real sector, and by educational organizations that develop training and retraining programs. The scientific novelty of the research lies in the development of an integrated approach that provides targeted management interventions based on the synthesis of cluster analysis and a phase model of labor resource reproduction.

Keywords: regional labor market, cluster analysis, labor resource reproduction, state regulation, human capital.

For citation: Saifullina L.D. Human resources management in the context of regional labor market transformation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 115–125. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/115-125>. EDN: <https://elibrary.ru/FZFLOR>

Введение

Актуальность темы исследования. Современные региональные рынки труда Российской Федерации претерпевают глубокие структурные изменения, вызванные как демографическим давлением, изменением структуры трудового потенциала, сменой парадигмы занятости, глобальными технологическими трендами, так и особенностями национальной и региональной социально-экономической политики. В этих условиях традиционные подходы к управлению занятостью, основанные на реактивном реагировании на макроэкономические показатели, оказываются недостаточно эффективными. Возникает объективная потребность в разработке дифференцированных инструментов регулирования, учитывающих разнонаправленную динамику различных секторов экономики и их специфическое влияние на воспроизводство трудового потенциала территории.

Целью исследования является разработка дифференцированного подхода к управлению человеческими ресурсами на региональном уровне на основе кластерного анализа отраслевой динамики занятости и последующей интеграции полученных результатов в систему мер, соотнесенных с фазами воспроизводства рабочей силы. Задачи исследования: провести анализ динамики видов экономической деятельности на региональном рынке Республики Башкортостан по характеру изменения среднесписочной численности работников, выявить драйверы трансформации занятости для каждого кластера, систематизировать меры государственного и корпоративного регулирования рынка труда и разработать матрицу их стратегического позиционирования, провести углубленный анализ конъюнктуры регионального рынка труда на примере агропромышленного комплекса, выявив специфику дисбалансов спроса и предложения рабочей силы.

Методология исследования основана на применении гибридного метода кластерного анализа, сочетающего количественную оценку динамики среднесписочной численности работников и качественную экспертизу доминирующих драйверов изменений. Дополнительно использованы методы сравнительного и структурного анализа, а также анализ рынка труда агропромышленного комплекса региона.

Основная часть

Проблемы трансформации рынка труда и сокращения формальной занятости в российских регионах широко обсуждаются в научной литературе. Исследования, посвя-

щенные российским регионам [1, 2], часто фиксируют общие тренды, однако недостаточно внимания уделяют дифференциации отраслевой динамики и ее связи с системой воспроизводства трудовых ресурсов. Классические работы в области экономики труда, как правило, рассматривают воспроизводство трудовых ресурсов как универсальный макроэкономический процесс, что свидетельствует о необходимости адаптации традиционных моделей и учета специфики отдельных сегментов рынка труда [3–5]. Настоящее исследование предлагает подход, интегрирующий кластерный анализ и фазовую модель воспроизводства для разработки адресного инструментария регулирования, основанного на понимании разнонаправленных отраслевых трендов.

Диагностика регионального рынка труда

Анализ регионального рынка труда выявил основной тренд на сильное снижение общей численности работников, занятых во всех отраслях экономики региона (рис. 1): абсолютное снижение численности составило 112,5 тыс. чел. (с 1061,3 тыс. в 2020 г. до 948,8 тыс. в 2024 г.), относительное – 10,6 %, т.е. за 5 лет регион потерял каждого десятого работника, что свидетельствует о глубоком структурном кризисе и масштабной трансформации рынка труда. Лидеры по масштабу занятости показывают абсолютно разное снижение: от –3,3 % (обрабатывающие производства) до –26,1 % (торговля). Образование также входит в число ведущих сфер по численности работников с меньшими темпами снижения численности (–2,7 %) (см. рис. 1) [6].

Рис. 1. Среднесписочная численность работников организаций по видам экономической деятельности в Республике Башкортостан в период с 2020 по 2024 г., тыс. чел.

Наиболее резкое падение с наивысшим напряжением для региональной экономики произошло в 2022 г. (–5,4 % к уровню 2021 г.). К 2024 г. можно отметить резкое замедление темпов спада до –0,1 %, что может указывать на приближение рынка труда к новой, более низкой точке равновесия. Спад численности не был единовременным, а продолжался четыре года подряд, что свидетельствует о системных, а не циклических причинах. Таким образом, регион переживает период глубокой адаптации и сжатия формального сектора занятости, а замедление спада к 2024 г. не отменяет общего негативного тренда, а, скорее, сигнализирует о его исчерпании. На данном этапе важно оценить, является ли это новое состояние следствием деградации экономики или результатом ее структурной перестройки (например, перетока работников в сектор ИП и самозанятости).

Кластерный анализ: выявление трендов в занятости

В работе проведено распределение отраслей на основе кластерных принципов по показателям как формальной динамики изменения численности работников с учетом причин и характера сжатия занятости, так и структурных сдвигов в региональной экономике, что и стало доминирующим драйвером изменений [5].

Кластер 1 – «Умеренное снижение и стабилизация» с трендом на умеренное снижение после 2020 г. с признаками стабилизации или незначительного восстановления в 2023–2024 гг. Включает в себя адаптивный реальный сектор и социально значимые услуги. Отрасли данного кластера демонстрируют относительную устойчивость благодаря сочетанию рыночного спроса, социальной значимости и технологического развития. Основными факторами изменений в этих отраслях стали фундаментальные экономические законы, востребованность товаров и услуг с учетом степени эластичности базового спроса на них.

Кластер 2 – «Устойчивое сокращение» с тенденцией постоянного и постепенного снижения численности из года в год. Это в основном бюджетно-зависимые или регулируемые сектора, динамика численности в которых в меньшей степени подвержена рыночному регулированию, в большей – административным и политическим решениям о распределении и экономии государственных средств, что свидетельствует о необходимости поддержания стабильности и безопасности.

Кластер 3 – «Резкое (обвальное) снижение»; характеризуется резким падением численности – более чем на 20–40 % за период. Это отрасли, переживающие обвал из-за исчерпания прежней модели роста, высокой зависимости от инвестиций и низкой маржинальности. Например, сложности в конкуренции традиционных магазинов с маркетплейсами, заморозка или сокращение темпов строительства, которые были рассчитаны на ипотеку по низким ставкам, технологическое отставание в сельском хозяйстве, сокращение непрофильных и необязательных расходов, в том числе на аутсорсинговые услуги, зависимость от состояния бизнеса клиентов (B2B).

Показатели кластера 4 «Стабильность» колеблются в очень узком коридоре (± 2 –4 %) без явного тренда. Как правило, это уникальные, высокомаржинальные, экспортоориентированные или высокотехнологичные сектора, стабильность которых обусловлена рыночными факторами (внешний спрос с низкой эластичностью, уникальные компетенции, сырьевая экспортная ориентация, высокая специализация, исключительность на рынке).

Предложенная кластеризация необходима для проведения дифференцированной политики поддержки каждого кластера, формулирования точечных мер усиления и стимулирования инвестиций для локомотивов роста с целью повышения производительности труда и развития компетенций (кластер 1), проведения оптимизации с сопровождающими программами переобучения высвобождаемого персонала (2), развития инфраструктурных проектов, программы поддержки и модернизации, прогнозирования социальных рисков массовых увольнений и социальной напряженности (3), финансового планирования (4).

Интеграция кластерного подхода с фазовой моделью воспроизводства трудовых ресурсов

Для формирования целостной управленческой стратегии предложена фазовая модель воспроизводства трудовых ресурсов, позволяющая увязать специфику отраслевых кластеров и адресные меры регулирования с приоритетными фазами их воздействия в рамках этапов жизненного цикла человеческого капитала – процесса воспроизводства трудовых ресурсов (табл. 1).

Таблица 1

Матрица приоритизации мер регулирования рынка труда на основе соответствия отраслевых кластеров и фаз воспроизводства трудовых ресурсов

Показатели	Низкий приоритет воздействия	Высокий приоритет воздействия
Распределение и использование	Устойчивое сокращение, % Деятельность финансовая и страховая – 21,9. Водоснабжение; водоотведение – 11,7. Государственное управление и обеспечение военной безопасности – 11,2. Обеспечение электрической энергией, газом и паром – 3,1. Образование – 2,7. Деятельность в области культуры, спорта – 0,0	Резкое снижение, % Деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 46,1. Предоставление прочих видов услуг – 45,2. Сельское, лесное хозяйство... – 31,0. Торговля оптовая и розничная – 26,1. Деятельность административная... – 20,3. Строительство – 11,6
Формирование и развитие	Стабильность, % Добыча полезных ископаемых +4,1. Деятельность профессиональная, научная и техническая – 3,4	Умеренное снижение и стабилизация, % Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг – 5,4. Обрабатывающие производства – 3,3. Транспортировка и хранение – 3,1. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – 2,5. Деятельность в области информации и связи +4,0

Предложенная типология отраслей служит эмпирическим индикатором разнонаправленных вызовов, к которым система воспроизводства трудовых ресурсов должна адаптироваться, т.е. кластеры задают систему координат для приоритизации и адресности мер регулирования. Переход к фазовой модели воспроизводства позволяет трансформировать реактивную политику (ответ на статистический спад) в проактивную стратегию, нацеленную на восстановление и развитие человеческого капитала как основы экономического роста.

Например, существенное снижение численности, характеризующее третий кластер, создает негативное влияние для фазы распределения и перераспределения и требует не просто повышения занятости, а развития программ мобильности персонала и опережающей переподготовки. Сокращение численности в кластере социального блока (образование, здравоохранение) создает риски деградации институтов фазы формирования человеческого капитала в долгосрочной перспективе. Относительная стабильность первого

кластера указывает на потенциальные «точки роста» и драйверы для фазы использования человеческого капитала, где необходимы меры по повышению производительности и инвестиции в развитие компетенций.

Синхронизация механизмов регулирования занятости с фазами воспроизводства трудовых ресурсов

Каждая фаза воспроизводства представляет собой отдельное «поле» для приложения усилий, где роль государства и бизнеса различна.

Влияние на процессы, происходящие в фазе формирования трудовых ресурсов, связанной с обеспечением естественного воспроизводства населения, приобретением и развитием способности к труду, характеризующейся демографическими и образовательными процессами, имеет длительный характер и проявляется в долгосрочной перспективе [7]. Для этой фазы наиболее существенное влияние и большую результативность имеют такие меры государственного воздействия, как:

- повышение экономической активности населения через вовлечение женщин, молодежи, лиц с ограниченными возможностями;
- расширение возрастных рамок (подростковая занятость и вовлечение работников пенсионного возраста) для увеличения предложения активных молодых кадров, наращивающих компетенции в отрасли, и работников старшего возраста и более полного использования их опыта;
- развитие инфраструктуры для совмещения работы с уходом за детьми и престарелыми;
- модернизация системы профессионального образования с учетом потребностей экономики;
- развитие системы профессиональных стандартов и независимой оценки квалификаций.

К корпоративным мерам в фазе формирования трудовых ресурсов относятся:

- целевая подготовка специалистов в партнерстве с вузами и колледжами, практики дуального образования;
- разработка комплексных программ корпоративного обучения, сочетающих различные форматы;
- развитие бренда работодателя, повышение престижности работы в компании.

Регулирование процессов фазы распределения и перераспределения трудовых ресурсов по регионам, предприятиям и организациям в соответствии с актуальным спросом на рынке труда является более интенсивным, имеет постоянный характер изменений и требует сбалансированного участия как государственных органов и общественных организаций, так и рыночных регуляторов экономики [8]. На государственном уровне регулирующие меры проявляются в следующем:

- оптимизация миграционной политики для привлечения иностранной рабочей силы и возвращения соотечественников (упрощение процедур привлечения иностранной рабочей силы, особенно высококвалифицированных специалистов; расширение квот на временное трудоустройство мигрантов в трудодефицитных отраслях; целевые программы переселения соотечественников из-за рубежа);
- точечная поддержка трудодефицитных отраслей и регионов и повышение трудовой мобильности через целевые программы развития инфраструктуры и создания рабочих мест (в том числе на депрессивных территориях; налоговые льготы и субсидии для инвестиционных проектов, создающих занятость в приоритетных сферах);
- субсидирование программ переобучения и повышения квалификации безработных и работников, находящихся под риском увольнения.

На корпоративном уровне такими мерами являются гибкие формы занятости и организации труда:

- расширение практик удаленной работы, гибких графиков для привлечения работников, ценящих work-life balance;
- использование аутсорсинга, фриланса, проектной занятости для покрытия временной потребности в специалистах;
- формирование кросс-функциональных команд, развитие взаимозаменяемости и многопрофильности сотрудников.

Фаза использования экономически активного населения требует постоянной корректировки в соответствии с актуальным состоянием рынка труда. К мерам государственного регулирования процесса использования рабочей силы можно отнести налоговые льготы и субсидии для инвестиционных проектов, создающих занятость в приоритетных сферах. Перечень корпоративных мер обусловлен особенностью данной фазы как этапа реализации имеющихся знаний и навыков, накопления практического опыта и наибольшей ее продолжительностью на протяжении всей жизнедеятельности человека:

- оптимизация использования имеющихся трудовых ресурсов (повышение производительности труда за счет автоматизации, цифровизации, оптимизации бизнес-процессов; развитие практик бережливого производства, вовлечения работников в непрерывные улучшения; внедрение систем управления эффективностью, позволяющих точно оценивать и повышать результативность сотрудников);
- повышение привлекательности работы и рабочих мест (пересмотр систем оплаты труда и компенсационных пакетов для обеспечения конкурентоспособности на рынке труда; улучшение условий труда, инвестиции в эргономику рабочих мест и корпоративные социальные программы);
- инвестиции в обучение и развитие персонала (разработка комплексных программ корпоративного обучения, сочетающих различные форматы: очное и дистанционное обучение, стажировки, обмен опытом и т.д.; выстраивание систем управления знаниями и преемственностью, позволяющих сохранять и передавать ключевые компетенции).

Углубленный анализ кадровой ситуации в аграрном секторе

Выявленная кластерная динамика и предложенная типология кластеров задают общую рамку анализа и требуют детальной диагностики по множеству параметров. Наиболее репрезентативным примером, демонстрирующим системные противоречия регионального рынка труда, могут стать отрасли, отнесенные к кластеру резкого снижения. Например, ситуация в агропромышленном комплексе Республики Башкортостан демонстрирует сочетание обвального сокращения формальной занятости с дисбалансом спроса и предложения на рынке труда (рис. 2) [9].

Сложившаяся конъюнктура вынуждает работодателей повышать привлекательность рабочих мест: наблюдается устойчивый рост предлагаемой заработной платы, как следствие, высокой конкуренции между агропредприятиями за ограниченные трудовые ресурсы для их привлечения и удержания (рис. 3) [9]. Несмотря на рост зарплат, предложение труда не демонстрирует значительного роста, что свидетельствует о наличии системных барьеров, препятствующих притоку рабочей силы в отрасль [3]. Например, сезонный и низкопрестижный характер работы, неразвитость социальной инфраструктуры в сельской местности, дефицит конкретных квалификаций у соискателей, демографические проблемы, отток молодежи из села.

Рис. 2. Динамика изменения спроса и предложения труда в отрасли сельского хозяйства в Республике Башкортостан (в процентах к предыдущему году)

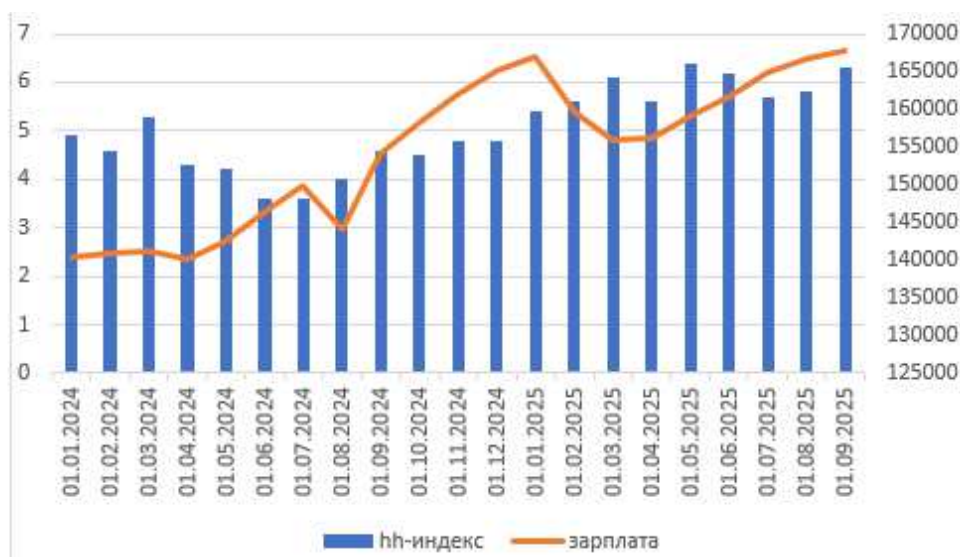

Рис. 3. Динамика предлагаемой заработной платы и hh-индекса на региональном рынке труда в отрасли сельского хозяйства (РБ)

Система мер регулирования конъюнктуры рынка труда

Вследствие недостаточности рыночного саморегулирования региональных рынков труда в таких секторах, как сельское хозяйство, предложена систематизация управленческих инструментов в виде адресного комплекса мер государственной поддержки и корпоративной политики (табл. 2).

Классификация мер регулирования конъюнктуры регионального рынка труда в аграрном секторе

Государственное регулирование	Корпоративное (организационное) регулирование
<p>Законодательное регулирование:</p> <ul style="list-style-type: none"> – регламентация условий найма, увольнения, рабочего времени, охраны труда и т.д. с учетом сезонного характера работ; – регулирование минимального размера оплаты труда, деятельности профсоюзов, содержания коллективных договоров, в том числе регламентирующих труд сезонных работников и мигрантов и пр. 	<p>Кадровая политика организации:</p> <ul style="list-style-type: none"> – планирование потребности в персонале с учетом сезонных пиков и технологических циклов, подбор и адаптация сотрудников; – формирование корпоративной культуры, направленной на закрепление кадров в сельской местности и способствующей вовлеченности и удержанию персонала; – управление карьерными траекториями сотрудников, планирование их профессионального и должностного роста внутри компании
<p>Социально-экономические методы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – финансирование программ механизации и автоматизации сельхозработ; – поддержка развития сельхозкооперации, обеспечивающей занятость мелких производителей; – налоговые льготы и субсидии для агропредприятий, создающих постоянные рабочие места в сельской местности [11], в том числе стимулирующих найм определенных категорий работников (молодежи, инвалидов и т.п.); – государственные инвестиции в инфраструктурные проекты 	<p>Социально-экономические методы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – разработка систем оплаты труда, учитывающих сезонность и результаты работы; – разработка систем компенсации, мотивации и стимулирования работников, привязанных к этапам карьерного роста и приобретению новых компетенций; – реализация корпоративных социальных программ (жилье, питание, компенсация транспортных расходов); – разработка программ поддержки здоровья работников в условиях вредных производственных факторов
<p>Институциональные инструменты:</p> <ul style="list-style-type: none"> – отраслевые центры занятости, специализирующиеся на сельском хозяйстве, осуществляющие посредничество между работодателями и соискателями, профориентацию, построение индивидуальных карьерных траекторий; – организация программ профобучения и переподготовки для безработных по востребованным в АПК специальностям (оператор АПК, агроном-технолог и пр.); – трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений с участием представителей государства, работодателей и профсоюзов; – развитие информационных платформ для сезонного трудоустройства 	<p>Организация труда:</p> <ul style="list-style-type: none"> – оптимизация бизнес-процессов, автоматизация рутинных операций; – внедрение гибких форм занятости (дистанционная работа, неполный рабочий день и т.п.) в периоды снижения нагрузки; – обеспечение безопасных условий труда, профилактика профзаболеваний; – развитие многофункциональных бригад для снижения зависимости от узких специалистов
<p>Государственная кадровая политика:</p> <ul style="list-style-type: none"> – программы поддержки молодых специалистов в АПК (льготная ипотека); – стимулирование развития сельской социальной инфраструктуры (жилье, детсады, связь) для закрепления кадров; – субсидирование профобразования по сельскохозяйственным специальностям [10, 11]; – содействие развитию карьеры и непрерывному образованию: создание национальной системы квалификаций, поддержка программ обучения на протяжении всей жизни, информационные порталы о карьерных возможностях и перспективных профессиях 	<p>Развитие человеческих ресурсов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – создание системы внутрихозяйственного обучения для освоения новых технологий (цифровые платформы, агроботы); – разработка карьерных траекторий от рабочей специальности до управленческой позиции; – формирование кадрового резерва из числа местных жителей

Важным аспектом регулирования рынка труда является разработка карьерных траекторий и профориентация, которые служат мостом между интересами работника в развитии и росте, интересами компании в удержании персонала и повышении производительности труда, интересами государства в снижении безработицы и повышении квалификации рабочей силы [12].

Заключение

Таким образом, региональная занятость в Республике Башкортостан характеризуется сжатием внутреннего рынка, особенно в потребительском секторе и услугах, сохраняющейся сырьевой зависимостью, переходом от традиционной занятости к технологически эффективным моделям (в большей степени в торговле), бюджетной оптимизацией. Трансформация регионального рынка труда носит структурный, а не циклический характер, требуя дифференцированного подхода к регулированию, что актуально для большинства субъектов Российской Федерации. Предложенная интеграция кластерного анализа с фазовой моделью воспроизводства позволяет перейти от унифицированной и реактивной политики на рынке труда к сегментированной системе регулирования и проактивной политике управления человеческими ресурсами, адаптированной к специфике отдельных групп отраслей и этапов развития человеческого капитала. Выявленные закономерности и предложенный методологический подход могут быть адаптированы в качестве тиражируемой модели для диагностики структурных дисбалансов региональных рынков труда и построения адресной стратегии развития человеческого капитала других регионов Российской Федерации со схожей структурой экономики.

Список источников

1. Глаз Ю.А. Воспроизводство трудовых ресурсов организации: теоретический аспект // Российское предпринимательство. 2012. № 13. С. 74–80.
2. Нехода Е.В., Пань Л. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. 2021. № 9. С. 898–918.
3. Скрипник В.В. Формирование системы кадрового обеспечения для инновационной модели аграрного сектора региона // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 3. С. 76–94.
4. Татаркин А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 3 (21). С. 28–36.
5. Тебекин А.В. Прогнозные оценки перспектив решения демографической проблемы в Российской Федерации как основы воспроизводства трудовых ресурсов // Труд и социальные отношения. 2025. Т. 36, № 3 (188). С. 165–173.
6. Республика Башкортостан: статистический справочник / Башкортостанстат. Уфа, 2025. 68 с.
7. Инструментарий моделирования социально-демографического развития экономики регионов: монография / под ред. проф. Д.А. Гайнанова. Уфа, 2023. 174 с.
8. Сайфуллина Л.Д., Гайнанов Д.А. Конъюнктура регионального рынка труда: анализ ценовых и неценовых детерминант // Теория и практика общественного развития. 2025. № 6 (206). С. 130–137.
9. Сервис открытой аналитики рынка труда HeadHunter stats.hh.ru. URL: <https://stats.hh.ru/bashkortostan?salaryDynamicChartProfArea=agriculture>
10. Ахметов В.Я., Янтилина Н.Т. Трансформация российского села: современные тренды, перспективные модели сел и деревень будущего // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 3. С. 28–40.
11. Развитие экономических институтов и форм межпространственного взаимодействия: монография / Р.Ф. Гатауллин, Д.А. Гайнаков, А.Г. Шеломенцев [и др.]. Уфа, 2024. 290 с.
12. Сайфуллина Л.Д. Проектирование карьерной экосистемы как инструмент управления кадровым потенциалом территорий // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2025. Вып. 4.

References

1. Glaz Yu.A. Reproduction of the organization's labor resources: theoretical aspect. *Russian entrepreneurship*. 2012; (13): 74–80.
2. Nekhoda E.V., Pan L. Transformation of the labor market and employment in the digital age. *Labor economics*. 2021; (9): 898–918.
3. Skripnik V.V. Formation of a personnel support system for the innovative model of the agricultural sector of the region. *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2025; 17 (3): 76–94.
4. Tatarkin A.I. Development of the economic space of the regions of Russia on the basis of cluster principles. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2012; 3 (21): 28–36.
5. Tebekin A.V. Predictive assessments of the prospects for solving the demographic problem in the Russian Federation as the basis for the reproduction of labor resources. *Labor and social relations*. 2025; 36 (3 (188)): 165–173.
6. Republic of Bashkortostan: statistical reference / Bashkortostanstat. Ufa; 2025. 68 p.
7. Tools for modeling the socio-demographic development of the regional economy: monograph / ed. Prof. D.A. Gaynanova. Ufa; 2023. 174 p.
8. Saifullina L.D., Gaynanov D.A. Conjuncture of the regional labor market: analysis of price and non-price determinants. *Theory and practice of social development*. 2025; 6 (206): 130–137.
9. Open labor market analytics service HeadHanter stats.hh.ru. URL: <https://stats.hh.ru/bashkortostan?salaryDynamicChartProfArea=agriculture>
10. Akhmetov V.Ya., Yantilina N.T. Transformation of the Russian village: modern trends, promising models of villages and villages of the future. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2025; (3): 28–40.
11. Development of Economic Institutions and Forms of Inter-Spatial Interaction: monograph / R.F. Gataullin, D.A. Gainakov, A.G. Shelomentsev [et al.]. Ufa, 2024. 290 p.
12. Saifullina L.D. Designing a career ecosystem as a tool for managing the personnel potential of territories. *Corporate governance and innovative development of the North economy. Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktvkar State University*. 2025; (4).

Информация об авторе:

Сайфуллина Лариса Дамировна, канд. экон. наук, доцент, доцент каф. стратегического управления Института экономики, управления и бизнеса, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа; ст. науч. сотрудник Сектора экономико-математического моделирования, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, saifLarisa@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/115-125>

EDN: <https://elibrary.ru/XJSVSS>

Дата поступления:
28.11.2025

Одобрена после рецензирования:
11.12.2025

Принята к публикации:
12.12.2025

Научная статья

УДК 37.072

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/126-137>

EDN: <https://elibrary.ru/GPELTJ>

Аксиосфера высшего учебного заведения как культурного института, репрезентирующего ценности современной российской молодежи

Каменная Елена Олеговна

Коноплева Нина Алексеевна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Трансформационные процессы в социуме обуславливают историческую смену и переоценку ценностей, воспринимаемых как резкий скачок или революция в культуре. Данные культурные изменения можно осмыслить на основе исследования ценностных ориентаций современной молодежи, смены ее смысловых установок и преобразований у нее национальных российских ценностей, чему и посвящена данная статья. Проведенное исследование направлено на категориальную дефиницию «молодежь», поскольку именно она является потенциалом развития страны, с одной стороны, и нестабильной возрастной категорией – с другой. В связи с этим обусловлен авторский интерес в аксиосфере культуры, к одному из ее важнейших институтов – образованию. В процессе деятельности высших учебных заведений реализация воспитательной функции образования способствует трансляции культурно-нравственных ценностей и морально-этических норм, обуславливая их историческую преемственность, формирование у молодежи ценностной картины мира. Первая часть статьи посвящена концептуализации понятия «ценность» и осмыслению его трактовок в рамках ряда научных подходов. Во второй части продемонстрирована сущность аксиосферы культуры, актуализируемая в деятельности образовательных учреждений, в процессе обучения и воспитания. Проведен комплексный анализ понятий «образование» и «воспитание». Обоснована взаимосвязь педагогической деятельности в высшем учебном заведении и формирования ценностных установок молодежи. В эмпирической части исследования проанализировано отношение преподавателей к образовательной деятельности и становлению профессиональной компетентности студентов на базе Владивостокского государственного университета (далее – ВВГУ). Исследованы ценности, присущие современной молодежи, и выявлена утрата некоторых традиционных российских ценностей. В заключении приводится авторское определение категории «ценности молодежи», делаются выводы и намечаются перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: ценности, смыслы, образование, воспитание, молодежь, преподаватель.

Для цитирования: Каменная Е.О., Коноплева Н.А. Аксиосфера высшего учебного заведения как культурного института, репрезентирующего ценности современной российской молодежи // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 126–137. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/126-137>. EDN: <https://elibrary.ru/GPELTJ>

Pedagogy

Original article

The axiosphere of a higher educational institution as a cultural institution representing the values of modern Russian youth

Elena O. Kamennaya

Nina A. Konopleva

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. Transformational processes in society lead to a historical change and reassessment of values perceived as a sharp leap or revolution in culture. These cultural changes can be understood on the basis of a study of the value orientations of modern youth, the change of their meaning-based attitudes and transformations of national Russian values, which is what this article is devoted to. The conducted research is aimed at the categorical definition of youth, since it is the potential for the development of the country, on the one hand, and the unstable age category, on the other. The author's interest in one of its most important institutions, education, is conditioned in the axiosphere of culture. In the process of educational activity, the implementation of the educational function contributes to the transmission of cultural and moral values and moral and ethical norms, determining their historical continuity, the formation of a worldview in young people. The first part of the article is devoted to the conceptualization of the notion of value and the understanding of its interpretations within the frameworks of a number of scientific approaches. The second part demonstrates the essence of the axiosphere of culture, actualized in the activities of educational institutions, in the process of education and upbringing. The analysis of the concepts of education and upbringing is carried out. The interrelation of pedagogical activity in higher education institutions and the formation of value attitudes in young people is substantiated. In the empirical part of the study, the attitude of teachers to educational activities and to the formation of professional competence in students of Vladivostok State University (hereinafter – VVSU) is analyzed. The values inherent in modern youth are investigated, and the loss of some traditional Russian values is revealed. In conclusion, the author's definition of the category of youth values is given, conclusions are drawn, and prospects for further research are outlined.

Keywords: values, meanings, education, upbringing, youth, teacher.

For citation: Kamennaya E.O., Konopleva N.A. The axiosphere of a higher educational institution as a cultural institution representing the values of modern Russian youth // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 126–137. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/126-137>. EDN: <https://elibrary.ru/GPELTJ>

Введение

Исследование образовательного учреждения в контексте воспроизводства и трансляции культурно-исторических ценностей молодежи обусловлено не только возрастающим интересом к молодежной культуре в целом, но и к аксиосфере институтов культуры. Поскольку воздействие, оказываемое трансформационными и глобализационными процессами в мире, способно, с одной стороны, активизировать интерес к традициям и обычаям других народов, а с другой – привести к потере ряда проявлений российской самобытности у подрастающего поколения, наше внимание было направлено на интерпретацию цен-

ностного аспекта, жизнедеятельности, присущего современной российской молодежи. В связи с этим деятельность образовательных учреждений приобретает все более возрастающую ценность, не только обеспечивая обучение, но и актуализируя в определенной степени утраченную в перестроечные годы воспитательную функцию образования. Благодаря синергетической связи обучения и воспитания современная молодежь усваивает моральные установки и нравственные принципы, присущие государству, ценностные и смысло-жизненные ориентации в аспекте культурных преобразований, внедренных инноваций, изменчивой информации, а также сохраняет и транслирует традиционные культурно-исторические ценности.

Являясь многокомпонентным пространством, аксиосфера культуры имеет неоднородную структуру, включая в себя: формы и институты, сохраняющие и совершенствующие культурные ценности; мировоззрение, идеалы и установки представителей конкретных наций; исторически сформированные каноны, обычаи, морально-нравственные стандарты; творческие, научные достижения, обеспечивающие стабильность при противоречивых воздействиях глобализационных процессов.

Взаимозависимость аксиосферы образовательного учреждения и культуры обусловливается принципами обучающе-воспитательных процессов, их качеством, так как формирование и становление ценностно-смысловой сферы современной молодежи во многом определяются эффективностью деятельности высших учебных заведений.

В исследовании преобладающими методологическими подходами являются аксиологический и культурно-антропологический, позволившие в опоре на историко-культурные ценности и смыслы бытия российской нации установить общее и единичное в ценностных представлениях современной молодежи, выявить сохранившиеся и обосновать инновационные; информационный, обеспечивший возможность в процессе эмпирического исследования образовательного учреждения, его деятельности установить особенности воспроизводства, хранения и трансляции информации в обучающе-воспитательном процессе; системный и структурно-функциональный, направленные на рассмотрение высшего учебного заведения как системы, как культурного института, имеющего многокомпонентную структуру и реализующего множество функций, обеспечивающих эффективность основных видов деятельности – обучающей, воспитательной, развивающей. Кроме того, в исследовании применены социологический (анкетирование) и метод свободных ассоциаций, ряд психодиагностических методик.

Основная часть

При анализе подходов к трактовке понятия «ценность», его сущностным характеристикам и специфическим особенностям нами установлено, что уже в античной философии высказывались оценочные суждения относительно человека, его поступков, а также природы и ее явлений. Причем понятие ценного связывалось с категорией полезного, в связи с чем его осмысление подразделялось на две категории – эстетическую и утилитарную.

Категориально ценности рассматриваются в контексте этического учения И. Канта (1785); объективно-идеалистических теорий: неокантианство, неотомизм, интуитивизм (А. Бергсон (1927), В. Виндельбанд (1995), Э. Жильсон (1999) и др.); субъективно-идеалистических теорий: логический позитивизм, феноменология, эмотивизм, аффективно-волевые теории и др. (Э. Гуссерль (1954), Р. Карнап, М. Шлик, К. Льюис (2001) и др.); натуралистического подхода (Р. Иеринг (1883), Р. Перри (1909) и др.); трансцендентализма (Г. Риккерт (1911) и В. Виндельбанд (1888)); социологических концепций (М. Вебер (1904), Э. Дюркгейм (1897), Т. Парсонс (1970) и др.); религиозной аксиологии (Р.Г. Лотце (1841), Н.О. Лосский (1939), П.А. Флоренский (1924) и др.); культурологического подхода (А.В. Гулыга (1987), М.С. Каган (1996), А.В. Кирьякова (2011) и др.).

Ценности формируют основу личностной системы молодежи: ценностные ориентации, определяя потребности и мотивы деятельности, способствуют становлению целостного мировоззрения, самоопределения, осмыслению окружающей действительности (А.Н. Астахова [1], А.В. Кирьякова [2], Е.Р. Южанинова [3] и др.).

Аксиосфера культуры – базис духовного мира, характеризующийся созданием общественных и личностных ценностей (А.В. Гулыга [4], В.Н. Сагатовский [5], Л.Н. Столович [6] и др.).

Аксиосфера образовательного учреждения формируется благодаря результатам человеческой деятельности в контексте культурных преобразований, обладающих исторической значимостью; в связи с этим преобразование ценностей преподавателей и обучающихся выступает приоритетным направлением деятельности государства, культурным институтом, формирующимся в результате обучающе-воспитательной деятельности в систему когнитивных способностей, квалифицированных навыков и мировоззренческих взглядов, норм поведения, значимостей и идеалов современной молодежи, выступающих эталонами [7].

Осмысление аксиосферы образовательной деятельности как категории бытия находит отражение в герменевтике (Ф. Шлейермахер [8]), экзистенциализме (Ж.-П. Сартр [9]) и синергетической парадигме (Г. Хакен [10]). В аспекте синергетической концепции методологическая установка направлена на анализ деятельности высшего учебного заведения (А.И. Бочкарев [11], В.Г. Виненко [12], А.А. Ворожбитова [13] и др.), ее практическую составляющую, совокупность идей, понятий и методов самоорганизации.

Значимость высшего образования как института культуры актуализируется в культурно-антропологической концепции, поскольку цель учебных заведений состоит не только в обогащении знаний, формировании умений и навыков обучающихся, но и в приобщении их к национальным традициям, помощи в становлении духовной составляющей юной личности, способной создавать, сохранять и транслировать объекты культурного наследия. В связи с этим роль педагога/преподавателя как проводника в мир культуры возрастает. Благодаря высшему учебному заведению у обучающихся формируются культурно-образовательные основы, обеспечивающие принятие морально-нравственных базисов, присущих социуму, сохранение, трансляцию и воспроизводство культурной самобытности страны, ценностей; взаимодействие с научной, образовательной, воспитательной и духовно-развивающей средой [14].

Обращение к педагогической деятельности позволило выделить ряд методологических подходов: системный (Н.М. Борытко [15], И.А. Колесникова [16] и др.); деятельностный (П.Ф. Каптерев [17], Я.А. Коменский [18], Б.С. Братусь [19] и др.); личностно-ориентированный (В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин [цит. по: 20], В.В. Сериков [21] и др.); диалогический (или полисубъектный) (Т.П. Дикун [22], М.В. Каминская [23], Д.В. Качалов [24] и др.); этнопедагогический (А.С. Макаренко [25], А.П. Садохин [26] и др.). Рассмотрение воспитательного процесса в качестве способа трансляции проявлений культурной самобытности, традиций и ценностей обосновано в работах П.Ф. Каптерева [17], Я.А. Коменского [18], А.С. Макаренко [25], К.Д. Ушинского [27] и др.

Поскольку исторически культура России носит неоднородный характер, целесообразно говорить о ценностях, присущих конкретным историческим эпохам (В.Г. Григорян [28], О.В. Ключевский [29], Ю.М. Лотман [30] и др.).

При анализе историко-культурной динамики ценностей россиян было выявлено разнобразие социокультурного опыта, транслируемого веками и передаваемого от поколения к поколению, становящегося жизненным ориентиром молодежи, формирующего морально-нравственные основы личности. В исторической ретроспективе отражаются такие ценности, как милосердие, сострадание, соборность, гуманизм, коллективизм,

стойкость и мужество, духовность, характеризующие культурно-национальную самобытность россиян.

В контексте современной культуры молодым людям характерна тенденция вариативности ценностно-смысловой сферы к полярным аспектам культурных ценностей. Демонстрируются такие ценности, как отстраненность и индивидуализм, снижение деловой этики в процессе коммуникации, выраженность эгоцентризма, сосредоточенность на материальных аспектах [7]. Таким образом, ценностные ориентации современной молодежи – результат трансформации российской культуры.

Вместе с тем именно аксиосфера образовательного учреждения отражает отношение современной молодежи к миру, регламентирует ее ценности. Деятельность вуза направлена на интериоризацию системы ценностей, включающей образовательные, культурно-исторические, информационные и инновационные ориентиры; способствует принятию и развитию духовного и морально-нравственного наследия страны.

Главными задачами аксиосферы образовательного учреждения нами определены:

- 1) сохранение, использование имеющихся и создание новых форм культуры, трансляция их значимости;
- 2) наполнение юной личности смыслами, целями, формирование ее отношения к явлениям, предметам, себе и миру;
- 3) интеграция молодежи в общество в контексте формирования духовных ценностей;
- 4) актуализация в сознании молодежи проблем современной культуры, требующих решения;
- 5) стабилизация социальных процессов и сохранение традиционных культурно-исторических ценностей, выступающих ориентирами для молодежи.

Важной ключевой задачей деятельности образовательного учреждения выступает популяризация традиционных российских ценностей, составляющих базис национальной культурной самобытности и духовно-нравственных основ. Деятельность направлена на: сохранение национальных традиций России; подготовку высококвалифицированных кадров; не только трансляцию знаний, умений и навыков, но и передачу культурно-исторического наследия; разработку и внедрение эффективных методов обучения, творческого развития молодежи и формирование целостной мировоззренческой системы [2].

Актуализация анализа проблемы отношения к ценностям современной молодежи в культуре обусловлена трансформациями жизнедеятельности социума, широким распространением глобализации, развитием и внедрением информационных технологий во все сферы жизни, необходимым появлением новых видов профессиональной деятельности, обуславливающих особенности культуры. В современной культуре наблюдается ряд негативных тенденций в молодежной среде, снижение интереса к глубокому изучению поступающей информации, распространение девиаций, клипового сознания и доминирование массовой культуры, что приводит к истощению или утрате культурной самобытности страны, актуализируя потребность модернизации организационной структуры университета. Для выявления проблем в структуре ценностей современной студенческой молодежи нами было проведено эмпирическое исследование на базе Владивостокского государственного университета.

Основная часть

Для качественного анализа деятельности аксиосферы образовательного учреждения мы обратились к мнению обучающихся Владивостокского государственного университета (ВВГУ). Проведенное исследование способствовало характеристике заведения. В частности, были определены системность деятельности, многоаспектность функционирования, направленность на удовлетворение потребностей обучающихся в получении новых знаний, а также в обеспечении безопасности, поддержке здорового образа жизни,

оказание помощи в саморазвитии, модернизации коммуникационных навыков, формировании профессиональных компетенций, а самое главное – становлении и развитии ценностно-смысловой сферы в контексте традиционной культуры.

Одной из важнейших задач системы высшего образования выступает трансляция традиционных российских ценностей, выступающих основой духовно-нравственного наследия страны. Осуществленный анализ с использованием ряда психодиагностических методик («Ценностные ориентации» М. Рокича, «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной, «Тест жизнестойкости» С. Мадди, «Смысл-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, «Конструктивность мотивации» Р. Бернса) позволил выявить специфику ценностно-смысловой сферы современной молодежи.

Прежде всего наш научный интерес был направлен на исследование характеристик образа ВВГУ в представлении студенческой молодежи вуза и его преподавателей. В исследовании приняли участие 765 студентов – 5,8 % от общего количества обучающихся и 84 преподавателя – 13,7 % от общего количества профессорско-преподавательского состава. Опрос показал, что в представлении студентов и преподавателей вуз является успешным, узнаваемым, постоянно развивающимся и совершенствующимся. Визуальный образ охарактеризован респондентами как имеющий современный интерьер, красивый внешний и внутренний вид. Ректор вуза воспринимается как успешный и эрудированный руководитель, хороший оратор; культура студентов является современной, динамичной и благоприятной. Кроме того, респондентами отмечен опыт преподавателей, их высокий интеллектуальный потенциал и практическая направленность преподавания. Образовательные услуги вуза оценены как многосторонние, качественные и профильные (табл. 1).

Таблица 1

Ассоциации, выявленные при опросе респондентов относительно имиджа ВВГУ

№ п/п	Стимул	Реакция студентов	Процент встречаемости	Реакция преподавателей	Процент встречаемости
1	Образ ВВГУ	Узнаваемый	40,4	Разносторонний	23,5
		Удобный	34,1	Развивающийся	23,5
		Совершенствующийся	32,2	Узнаваемый	22
2	Образ ректора ВВГУ	Лидер	39,9	Лидер	37
		Стильный	36,1	Хороший оратор	30
		Хороший оратор	33,7	Стильный	27
3	Образовательные услуги ВВГУ	Многосторонние	38	Формирующие проектные технологии	27
		Формирующие проектные технологии	35,6	Профессиональные	22,6
		Профессиональные	30,3	Многосторонние	22,6
4	Корпоративная культура студентов ВВГУ	Современная	38	Современная	21
		Динамичная	31,3	Динамичная	17,6
		Благоприятная	26,4	Благоприятная	17,6
5	Визуальный образ ВВГУ	Современный интерьер	36,5	Уникальное оформление лабораторий и аудиторий	27

Окончание табл. 1

№ п/п	Стимул	Реакция студентов	Процент встречаемости	Реакция преподавателей	Процент встречаемости
		Практичное оборудование	28,4	Современный интерьер	25,2
		Красивый внешний вид	27,9	Практичное оборудование	20
6	Студент ВВГУ	Активный	35,1	Любознательный	21
		Амбициозный	32,7	Активный	20
		Работающий	29,8	с широкими интересами	20
7	Образ преподавателя ВВГУ	Опытный	39,9	Опытный	33,6
		Интеллектуальный	36,1	Разносторонний	26,9
		Разносторонний	35,1	Интеллектуальный	26
8	Корпоративная культура ВВГУ	Структурно-организованная	37,5	Структурно-организованная	35,3
		Творческая	22,1	Развивающаяся	27,7
		Централизованная	22,0	Централизованная	13,4

Рассмотрение одного из ценностных аспектов в деятельности вуза осуществлено посредством анализа отношения преподавателей к образовательному процессу с помощью социологического метода исследования (разработанной автором анкеты-опросника), что показало наличие серьезной внутренней проблемы в аксиосфере вуза: отсутствие понимания у части преподавателей (21,3 %) ценности образовательной деятельности, незаинтересованность в приобретении студентами высокого уровня профессиональных компетенций (25 %).

Анализ предпочитаемых молодежью терминальных ценностей, идеалов личности, выступающих в качестве целей (по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича), показал (рис. 1), что приоритетными являются: здоровье (22,8 %), любовь (19,4 %), дружба (14,4 %).

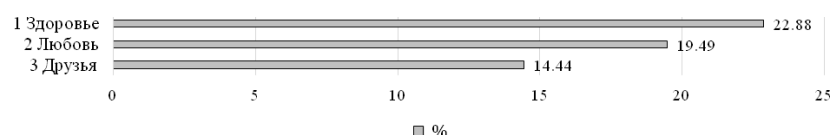

Рис. 1. Терминальные ценности в целом по выборке

Согласно исследованию (по методике «Ценностные ориентации» Ш. Шварца) особо значимой молодежью (104 респондента) указала безопасность (70%); универсализм (58,8%) как проявление понимания, терпимости и защиты благополучия всех людей и природы; доброту (30%) (рис. 2).

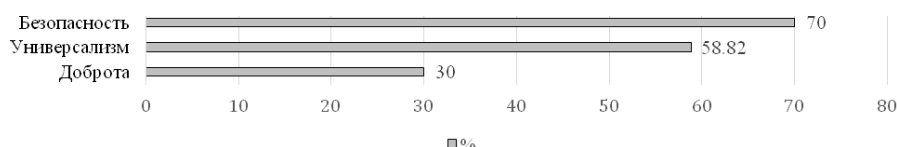

Рис. 2. Приоритетные ценности в целом по выборке

В приоритете (по методике «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной, интерпретация которой подразумевает разделение респондентов на женский (1-я группа) и мужской (2-я группа) пол) 1-я группа респондентов в возрасте 17–25 лет (52 человека) предпочитает сферы «Физической активности» (36,54 %), «Семейной жизни» (32,69 %), «Увлечений» (28,85 %) (рис. 3).

Рис. 3. Преобладающие ценности 1-й группы

Определяющими ценностями среди 2-й группы респондентов в возрасте 17–25 лет (34 человека) оказались «Креативность» (41,18 %), «Социальные контакты» (38,24 %), «Физическая активность» (29,42 %), демонстрирующие как сохранение традиционных российских ценностей, так и приверженность к материальным, индивидуалистским ценностям (рис. 4).

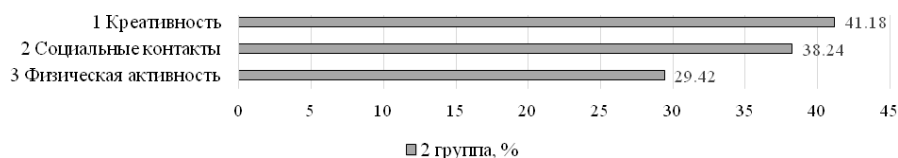

Рис. 4. Преобладающие ценности 2-й группы

В свою очередь, исследование осмысленности жизни (по методике С. Мадди) позволило охарактеризовать представителей современной молодежи как проявляющих интерес в профессиональной деятельности (показатель по выборке – на уровне 30, что выше средних значений по ключу методики), способных брать ответственность за свое поведение и поступки, стремящихся к контролю собственной жизни (по методике Д.А. Леонтьева).

Вместе с тем, согласно результатам исследования по методике «Конструктивность мотивации» (Р. Бернс), 44,8% респондентов демонстрируют поведение, характеризующееся избеганием сложных ситуаций. Так, мотивация к саморазвитию проявляется в выявленной нами амбивалентности в ценностной направленности: склонности, с одной стороны, к духовному единению, а с другой – индивидуализму молодежи (рис. 5).

Рис. 5. Конструктивность мотивации среди респондентов, %

Несмотря на то, что культурные, духовные, традиционные и национальные ценности, присущие исторически российскому обществу, не утратили свое положение в сознании современной молодежи, тем не менее наше исследование демонстрирует их культурную трансформацию. С одной стороны, демонстрируется сохранение сопоставимых с традиционными, характерными для российского менталитета, духовно-нравственных установок: приоритетность традиционных семейных ценностей, любви, жизнерадостности. Но с другой стороны, прослеживается тенденция трансформации ценностных установок, обусловленная западным влиянием, развитием в стране капиталистической идеологии и рыночной культуры, характеризующаяся появлением у молодежи склонности к материальным и гедонистическим устремлениям.

Заключение

Ценности и смыслы, преобладающие в контексте культурного пространства социума, представляют собой базовые убеждения, сформированные личностью. Их формирование происходит через взаимодействие с окружающей действительностью, коммуникацию с другими людьми, характеризуя осмысление человеком морально-нравственных норм, создавая устойчивое поведение, формируя ценностно-смысловую сферу.

Аксиосфера образовательного учреждения является одной из главных структур социума, обеспечивающей формирование, сохранение и трансляцию ценностей культуры, установок человека, сложившихся традиций, обычаев, морально-нравственных принципов, способствующей становлению личностной картины мира и принципов бытия обучающихся. В аксиосфере образовательного учреждения отражаются отношение современной молодежи к миру, их ценности. Благодаря качественному функционированию высшего учебного заведения приобщает подрастающее поколение к фундаментальным, культурно-историческим ценностям, присущим россиянам.

Исследование сущностных характеристик и отличительных особенностей культуры россиян в культурно-исторической ретроспективе позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ традиционной ценностной структуры национальной идентичности и ценностных ориентаций современной молодежи (на примере деятельности высшего учебного заведения г. Владивостока). Современная культура молодежи демонстрирует признаки отрицательной динамики ценностной сферы молодежи, выражающейся в демонстрировании индивидуализма, сосредоточенности на материальных ценностях, в отстраненности, отчужденности молодых людей от социальных интересов, снижении этичности в коммуникациях,

Главное преимущество образовательной деятельности заключается в возможности формирования и корректировки морально-нравственных ценностей, присущих личности. Развитие духовно-нравственной и ценностной сфер современной молодежи зависит от качественной и интенсивной воспитательной деятельности в образовательной организации.

Анализ идентичности обучающихся демонстрирует негативную динамику в ценностном аспекте. Данный процесс может быть обусловлен рядом факторов, такими как влияние рыночных отношений, популяризация ценностей, характерных для западных стран, распространение гедонистических настроений, демонстрируя поверхностное изучение ряда дисциплин. Тем не менее наблюдается сохранение ряда традиционных российских культурно-исторических ценностей, составляющих сущность национальной идентичности страны: вера и соборность, сила духа, мужество, свобода, гуманность и милосердие, стойкость.

Проведенное исследование продемонстрировало непонимание частью профессорско-преподавательского состава ценности получения высшего образования современными студентами, что отражает внутренний разлад в контексте аксиосферы образова-

тельной системы. Незаинтересованность части преподавателей ВВГУ в приобретении студентами высокого уровня профессиональных компетенций может быть одной из причин выявленных нами деформаций в ценностной структуре личности студентов ВВГУ. Выявленная незаинтересованность может выступать опасностью для аксиосферы вуза. В связи с этим актуализируется острая необходимость в проведении подобных исследований с расширенной выборкой, а также во внесении изменений, влияющих на ценностную сферу преподавателей, разработку и внедрение мероприятий, семинаров, тренингов, способствующих рефлексии, сбросу негативных эмоций, переосмыслению значимости собственной профессии. Кроме того, проблемы, связанные с трансформацией ценностной структуры личности современной молодежи, требуют внесения корректив в воспитательную деятельность, ее совершенствования и развития с учетом выявленных проблем и требований государства.

Список источников

1. Асташова А.Н. Аксиологические основы современного образования: монография. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009. 282 с.
2. Кирьякова А.В. Ценностные ориентиры университетского образования // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121). С. 27–33.
3. Южанинова Е.Р. Ценностное самоопределение студента университета в аксиосфере интернета. Москва: Дом педагогики, 2015. 256 с.
4. Гулыга А.В. Принципы эстетики. Москва: Политиздат, 1987. 286 с.
5. Сагатовский В.Н. Экология аксиосферы // Всероссийская научная конференция «Бренное и вечное: экология человека в современном мире»: тез. докладов и выступлений / ред. кол.: Г.П. Выжлецов, И.Ф. Игнатъева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Вып. 4. Великий Новгород, 2001. С. 20–22.
6. Столович Л.Н. Аксиологические течения в современной русской философии // Соловьевские исследования. 2011. № 4. С. 7–27.
7. Каменная Е.О., Коноплева Н.А. Образование как базовая ценность российской культуры: история и современность // Ценности и смыслы. 2022. № 2 (78). С. 146–160.
8. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи / пер. с нем. и пред. С.Л. Франка. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 1994. 334 с.
9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов: сборник / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева. Москва: Политиздат, 1989. С. 319–324.
10. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.
11. Бочкарев А.И. Проектирование синергетической среды в образовании: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва, 2000. 52 с.
12. Виненко В.Г. Системно-синергетическое моделирование в непрерывном образовании педагога: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. Саратов, 2001. 322 с.
13. Ворожбитова А.А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Вестник высшей школы. 1999. № 2. С. 22–26.
14. Каменная Е.О. Ценностные ориентации молодежи в современной культуре (на примере студентов ВГУЭС) // Сервис plus. 2022. Т. 16, № 3. С. 114–123.
15. Борытко М.Н., Моложавенко А.В., Соловцов И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2008. 320 с.
16. Колесникова И.А., Титова Е.В. Педагогическая праксеология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва: Академия, 2005. 256 с.
17. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А.М. Арсеньева. Москва: Педагогика, 1982. 704 с.

18. Педагогическое наследие / Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци; сост.: В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. Москва: Педагогика, 1989. 416 с.
19. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: Новое в жизни, науке, технике (Психологическое исследование). Москва: Знание, 2012. 64 с.
20. Миронов А.В. Подготовка будущего учителя начальных классов к реализации развивающих технологий (на примере подготовки к преподаванию курса «Окружающий мир» в системе Эльконина – Давыдова) // Современные научные исследования. 2012. № 11 (8). С. 18.
21. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование – поиск новой парадигмы: монография. Москва, 1998. 180 с.
22. Дикун Т.П. Учебный диалог как средство формирования личностно ориентированного знания: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Оренбург, 1999. 213 с.
23. Каминская М.В. Природа педагогической деятельности. Рига: Эксперимент, 2002. 72 с.
24. Качалов Д.В. Концепция формирования целостного психолого-педагогического знания студентов педвуза на основе интегративно-функциональной учебной дисциплины «Возрастная педагогика» // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 8. С. 95–103.
25. Макаренко А.С. Сочинение: в 7 т. Т. 5. Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в советской школе. Москва: Изд-во академии педагогических наук, 1958. 557 с.
26. Садохин А.П. Культурология. Словарь терминов, понятий, имен. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 722.
27. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Москва: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1948. 776 с.
28. Григорян В.Г. Царские судьбы. Москва: АСТ, 2008. 528 с.
29. Ключевский О.В. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Москва: Мысль, 1995. Кн. 2. 592 с.
30. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

References

1. Astashova A.N. Axiological foundations of modern education: monograph. Bryansk: Ten Group of Companies; 2009. 282 p.
2. Kiryakova A.V. Value guidelines of university education. *Bulletin of OSU*. 2011; 2 (121): 27–33.
3. Yuzhaninova E.R. Value self-determination of a university student in the Internet axiosphere. Moscow: House of Pedagogy; 2015. 256 p.
4. Gulyga A.V. Principles of aesthetics. Moscow: Politizdat; 1987. 286 p.
5. Sagatovsky V.N. Ecology of the Axiosphere. *All-Russian Scientific Conference "Mortal and Eternal: Human Ecology in the Modern World": tez. reports and speeches/ed. col.: G.P. Vyzhletsov, I.F. Ignatieva; NovSU named after Yaroslav the Wise. No. 4. Veliky Novgorod*; 2001. P. 20–22.
6. Stolovich L.N. Axiological trends in modern Russian philosophy. *Solovyov studies*. 2011; (4): 7–27.
7. Stone E.O., Konopleva N.A. Education as the basic value of Russian culture: history and modernity. *Values and meanings*. 2022; 2 (78): 146–160.
8. Schleiermacher F. Speeches about religion to educated people who despise it. Monologues / trans. With it. And before. S.L. Franca. St. Petersburg: ALETHEIA; 1994. 334 c.
9. Sartre J.-P. Existentialism is humanism. *Twilight of the gods: collection* / F. Nietzsche, Z. Freud, E. Fromm [et al.]; comp., total ed. And foreword. A.A. Yakovleva. Moscow: Politizdat; 1989. P. 319–324.
10. Haken G. Secrets of nature. Synergetics: the doctrine of interaction. Moscow; Izhevsk: Institute of Computer Research; 2003. 320 p.
11. Bochkarev A.I. Designing a synergistic environment in education: author's abstract. dis. ... Dr. ped. Sciences: 13.00.02. Moscow; 2000. 52 p.
12. Vinenko V.G. System-synergistic modeling in the continuous education of a teacher: dis. ... Dr. ped. Sciences: 13.00.08. Saratov; 2001. 322 p.
13. Vorozhbitova A.A. Synergistic aspect of university education in the light of the linguistic approach. *Bulletin of Higher Education*. 1999; (2): 22–26.

14. Stone E.O. Value orientations of youth in modern culture (on the example of VSUES students). *Service plus*. 2022; 16 (3): 114–123.
15. Borytko M.N., Molozhavenko A.V., Solovtsov I.A. Methodology and methods of psychological and pedagogical research: students. manual for students. higher education. institutions. Moscow: Academy; 2008. 320 p.
16. Kolesnikova I.A., Titova E.V. Pedagogical praxeology: study. manual for students. higher ped. educational institutions. Moscow: Academy; 2005. 256 p.
17. Kapterev P.F. Selected pedagogical works / ed. A.M. Arsenyev. Moscow: Pedagogy; 1982. 704 p.
18. Pedagogical heritage / Y.A. Komensky, D. Locke, J.-J. Russo, I.G. Pestalozzi; comp.: V.M. Clarin, A.N. Dzhurinsky. Moscow: Pedagogy; 1989. 416 p.
19. Brother B.S. Moral consciousness of personality: New in life, science, technology (Psychological research). Moscow: Knowledge; 2012. 64 p.
20. Mironov A.V. Preparation of the future primary school teacher for the implementation of developing technologies (using the example of preparation for teaching the course "The World Around" in the Elkonin – Davydov system). *Modern scientific research*. 2012; 11 (8): 18.
21. Serikov V.V. Personality-oriented education – the search for a new paradigm: monograph. Moscow; 1998. 180 p.
22. Dikun T.P. Educational dialogue as a means of forming personally oriented knowledge: dis. ... cand. ped. Sciences: 13.00.01. Orenburg; 1999. 213 p.
23. Kaminskaya M.V. The nature of pedagogical activity. Riga: Experiment; 2002. 72 p.
24. Kachalov D.V. The concept of the formation of holistic psychological and pedagogical knowledge of students of the pedagogical university on the basis of the integrative and functional discipline "Age pedagogy". *Siberian Pedagogical Journal*. 2007; (8): 95–103.
25. Makarenko A.S. Composition: in 7 vols. Vol. 5. General questions of pedagogy theory. Education in a Soviet school. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences; 1958. 557 p.
26. Sadokhin A.P. Cultural studies. Dictionary of terms, concepts, names. Moscow: Direct Media; 2014. P. 722.
27. Ushinsky K.D. Collected works: in 11 vols. Vol. 8. Man as a subject of education. Experience in pedagogical anthropology. Moscow: Publishing House of the Academy of Ped. Sciences of the RSFSR; 1948. 776 p.
28. Grigoryan V.G. Royal fate. Moscow: AST; 2008. 528 p.
29. Klyuchevsky O.V. Russian history. Full course of lectures in three books. Moscow: Thought; 1995. Kn. 2. 592 p.
30. Lotman Yu.M. History and typology of Russian culture. St. Petersburg: Art-SPB; 2002. 768 p.

Информация об авторах:

Каменная Елена Олеговна, доцент, каф. туризма и гостинично-ресторанного бизнеса, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, elena.kamennaya@vvsu.ru.

Коноплева Нина Алексеевна, д-р культурологии, профессор, каф. дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, nika.konopleva@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/126-137>

EDN: <https://elibrary.ru/GPELTJ>

Дата поступления:
21.07.2025

Одобрена после рецензирования:
10.08.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 316.4

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/138-146>

EDN: <https://elibrary.ru/SROIQE>

Искусственный интеллект в высшем образовании: опыт и ожидания преподавателей регионального университета

Абросимова Евгения Евгеньевна

Филипова Александра Геннадьевна

Ярыгина Марина Маратовна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Современное высшее образование активно интегрирует инструменты искусственного интеллекта (ИИ), что открывает новые возможности, но и ставит серьезные вопросы перед академическим сообществом. Исследуются практики использования ИИ преподавателями ВВГУ, их отношение к технологиям, а также факторы, влияющие на восприятие полезности ИИ. Эмпирическую основу составил опрос преподавателей, охвативший различные дисциплины: гуманитарные, социально-экономические, технические, естественные, искусство и другие. Анализ выявил ключевые сферы применения ИИ. ИИ-инструменты оказались наиболее полезными для технических дисциплин (индекс полезности 13,19), наименее – для гуманитарных (11,93). Исследование подчеркивает необходимость развития цифровых компетенций преподавателей и создания методической поддержки для эффективного внедрения ИИ. Статья вносит вклад в дискуссию о роли ИИ в образовании, предлагая данные для адаптации педагогических стратегий к цифровой трансформации, выработки этических норм, цифровой компетентности и критического мышления.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, цифровизация образования, образовательный процесс, высшее образование, преподаватели.*

***Для цитирования:** Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ярыгина М.М. Искусственный интеллект в высшем образовании: опыт и ожидания преподавателей регионального университета // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 138–146. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/138-146>. EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>*

Original article

Artificial Intelligence in higher education: the experiences and expectations of teachers of a regional university

Evgenia E. Abrosimova

Alexandra G. Filipova

Marina M. Yarygina

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Абросимова Е.Е., 2025

© Филипова А.Г., 2025

© Ярыгина М.М., 2025

Abstract. *Modern higher education is actively integrating artificial intelligence (AI) tools, which opens up new opportunities, but also raises serious questions for the academic community. The article examines the practices of using AI by VVSU teachers, their attitude towards technology, as well as factors influencing the perception of the usefulness of AI. The empirical basis was a survey of teachers, covering various disciplines: humanities, socio-economics, engineering, natural sciences, art and others. The analysis revealed the key areas of AI application. AI tools turned out to be most useful for technical disciplines (usefulness index 13.19), the least – for the humanities (11.93). The study emphasizes the need to develop digital competencies of teachers and create methodological support for the effective implementation of AI. The article contributes to the discussion on the role of AI in education, offering data for adapting pedagogical strategies to digital transformation, developing ethical standards, digital competence and critical thinking.*

Keywords: *artificial intelligence, digitalization of education, educational process, higher education, teachers.*

For citation: *Abrosimova E.E., Filipova A.G., Yarygina M.M. Artificial Intelligence in higher education: the experiences and expectations of teachers of a regional university // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 138–146. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/138-146>. EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>*

Введение

Современное высшее образование переживает очередной виток цифровой трансформации, и на этот раз ключевым вектором изменений выступает искусственный интеллект (ИИ). С одной стороны, данные инструменты пугают представителей академической среды своей неизвестностью и возможностями, с другой – преподаватели вузов все чаще интегрируют ИИ-инструменты в свою работу. Активное использование ИИ открывает новые горизонты, но и акцентирует внимание педагогического сообщества на следующих аспектах: этические противоречия, изменение функций преподавателя и важность цифровой грамотности.

Уже смело можно говорить о том, что пройден первый этап, который можно охарактеризовать как этап увлечения и очарования технологиями ИИ, когда человек открывал для себя потенциал данного ресурса, особенно в среде высшего образования.

Самое главное, что на данном этапе уже нельзя игнорировать неизбежность внедрения инструментов ИИ во все сферы образовательного ландшафта. Согласно данным исследования Tyton и Turnitin, проведенного в 2023 г., 49 % студентов уже используют генеративные технологии. 54 % сотрудников университетов уверены в том, что умение использовать генеративные технологии положительно повлияет на карьерное развитие студентов. 47 % студентов отмечают, что текстовые генеративные технологии оказывают положительное влияние на их обучение [1].

Несмотря на то, что некоторые работы акцентируют внимание как на положительных, так и на отрицательных аспектах внедрения ИИ технологий [2–5], ряд исследований демонстрируют положительное отношение педагогических работников вузов к внедрению инструментов ИИ в их работу [6, 7], актуализируя проблему развития у преподавателей цифровых компетенций и повышения квалификации в сфере искусственного интеллекта [8, 9].

На современном этапе уже определены основные вопросы, которые возникли при использовании данных технологий, особенно в педагогическом процессе. В сфере исследований высшего образования, несмотря на относительную новизну технологий ИИ, уже сложился значительный массив научных публикаций, посвященных этому феномену. Авторы отмечают различные проблемы или вопросы, на которые необходимо найти адекватные ответы и решения для дальнейшего эффективного использования данных технологий в высшем образовании. Некоторые авторы останавливают свое внимание

на проблеме плагиата и его выявления; генерации неправдоподобной информации; текстах с ограниченной аналитической глубиной [10–12]; рисках, связанных с академическим мошенничеством, этическими проблемами; перспективах развития ИИ в образовании [13, 14] и трансформации учебных материалов и заданий с учетом возможности применения студентами ИИ для их выполнения; изменении учебных планов [15].

В работе [16] отмечается, что разработки в области ИИ в образовании подразделяются на четыре категории: персонализированный образовательный контент, творческие методы обучения, улучшенная оценка, общение между учениками и учителями.

Помимо педагогических проблем поднимаются и этические вопросы в образовании, что подчеркивает необходимость создания руководящих принципов использования ИИ и внедрения его в сфере образования [17].

Методы исследования. В рамках подготовки к учебному году в ФГБОУ ВО «ВВГУ» был инициирован опрос среди профессорско-преподавательского состава, который был направлен на получение информации о применении искусственного интеллекта в учебном процессе. В качестве инструмента сбора информации была разработана анкета, которая распространялась при помощи сервиса Яндекс.Forms. Анкета включала 10 содержательных вопросов и 2 вопроса – «паспортчики» о стаже работы и направлении преподавания.

В качестве респондентов выступили все преподаватели университета. Всего было опрошено 213 сотрудников из числа ППС, что составило 89,5 % от всего профессорско-преподавательского состава университета. Направления, по которым распределились респонденты, обусловлены образовательными программами университета: гуманитарные науки (история, философия, культурология, педагогика и т.д.) – 46 %; социально-экономические науки (экономика, право, социология, менеджмент и т.д.) – 25,7 %; технические и инженерные науки, ИТ – 13,1 %; естественные науки – 5,5 %; искусство и дизайн – 5,5 %, другое – 4,2 %.

Стаж работы, опрошенных респондентов, представлен следующим образом: до 5 лет – 21,6 %; 5–10 лет – 14,6 %; более 10 лет – 63,8 %.

Целью опроса было выяснение отношения преподавателей к использованию ИИ в образовательном процессе через выяснение практик использования, представления о рисках, полезности ИИ для разных вариантов работы, а также необходимых формах поддержки преподавателей.

Основная часть

Респондентам задавался вопрос относительно вариантов использования ими ИИ в преподавательской деятельности. Это был вопрос со множественным выбором. Для анализа он был перекодирован нами в дамми-переменные.

Распределение вариантов использования ИИ представлено на рис. 1. Как видно из графика, чаще всего инструменты ИИ используются для разработки заданий, тестов и РПД. Примечательно, что на вопрос о предположениях относительно использования ИИ студентами вариант, связанный с прохождением онлайн-тестов, занял вторую позицию (20,8 % выборов), уступив лишь «генерации готовых ответов на задания (эссе, рефераты, код)» (35,1 %). Далее в порядке убывания расположились варианты использования преподавателями ИИ для генерации текстового и мультимедиа учебного контента и пр.

Среди вариантов «другое»: «создание материала для коммуникативных упражнений», «учу студентов использовать ИИ в журналистике», «создание картинок», «арт и прочие медиа».

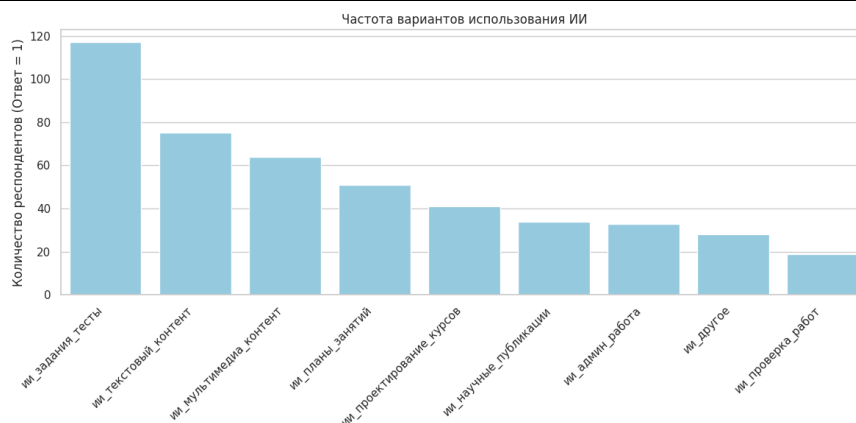

Рис. 1. Варианты использования ИИ преподавателями

Исследователи, отмечая возможность делегирования преподавателями искусственному интеллекту рутинной работы, а также решение задачи генерации учебного и тестового контента, говорят о многочисленных рисках использования ИИ. Очевидно, что инструменты ИИ наследуют не только достижения человечества, но и его же недостатки – субъективность, предвзятость, неточность и просто ошибочность. Результаты работы генеративного ИИ не всегда достоверны и способны давать ложную информацию [3]. Признавая позитивный потенциал развития искусственного интеллекта, академическому сообществу необходимо, прежде всего, установить пределы его применения, включая возможные запретные области, где использование ИИ должно быть полностью исключено [2].

Преподавателям ВВГУ задавался вопрос относительно этических проблем и рисков, связанных с ИИ в образовании. В качестве ведущего риска обозначен риск деградации навыков критического и самостоятельного мышления у студентов. В другом нашем исследовании о подобном риске говорили и сами студенты, выражая опасения по поводу бездумного использования школьниками и студентами технологий ИИ [18].

Практически равное количество выборов у двух других рисков – «академического плагиата и снижения честности студентов» и «ненадежности и фактических ошибок в информации, которую генерирует ИИ». Об отсутствии серьезных опасений говорят лишь 3,1 % респондентов (рис. 2).

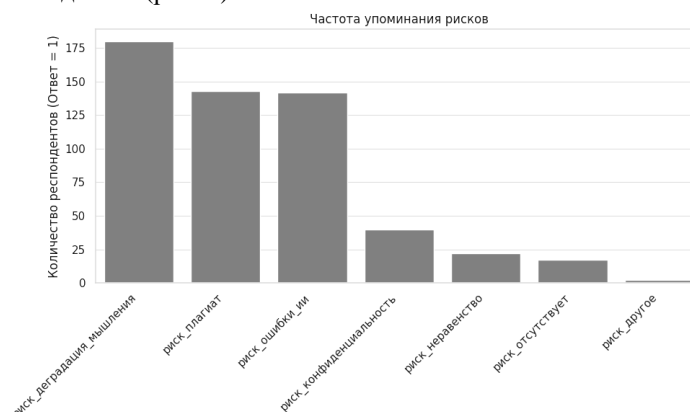

Рис. 2. Риски использования ИИ в обучении

Преподавателям – участникам настоящего исследования задавался вопрос о формах необходимой поддержки со стороны университета для внедрения ИИ в образовательный процесс (рис. 3). Больше всего респонденты нуждаются в обучающих семинарах и мастер-классах по работе с ИИ-инструментами (21,3 %), практических инструкциях по их использованию (19,2 %), предоставлении доступа к платным версиям ИИ (18,4 %) и пр. Среди других вариантов встречаются: «доступ к бесплатным ИИ и перечисление таких платформ для разных задач», «политика и нормы использования».

Рис. 3. Формы поддержки со стороны университета в использовании ИИ-инструментов

Отдельный вопрос анкеты был посвящен оценке преподавателями полезности использования инструментов ИИ для решения разного рода образовательных задач (где 1 – «мало полезен», 2 – «полезен», 3 – «очень полезен»), таких как проектирование учебных курсов (разработка структуры, логики и содержания программы); создание текстового учебного контента (учебники, методички, инструкции); создание мультимедийного контента (презентации, видео, аудио); подготовка заданий, тестов и рабочих программ дисциплин (РПД); проверка и оценка работ студентов, персонализация обучения студентов (индивидуальные траектории, адаптация материалов), подготовка научных публикаций и отчетов. На рисунке 4 приведено распределение разных оценок по 7 группам задач. Наиболее высокие оценки наблюдаются при использовании полезности ИИ-инструментов для разработки заданий и генерации текстового и мультимедиа материалов.

Далее рассчитаем индекс полезности как сумму значений по всем порядковым шкалам. Значения индекса полезности будут лежать в интервале от 7 (если везде «мало полезен») до 21 (если везде «очень полезен») при условии, что все поля заполнены. Значение Альфа Кронбаха для индекса полезности составило 0,814, что свидетельствует о высокой согласованности полученного индекса.

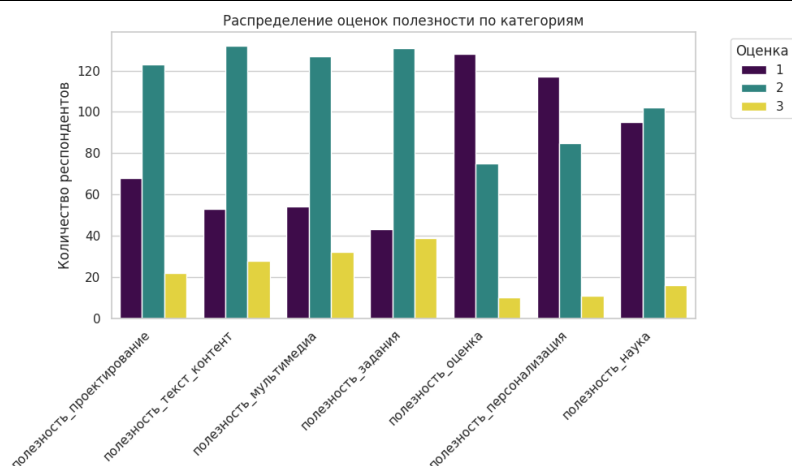

Рис. 4. Распределение оценок полезности ИИ-инструментов по 7 категориям

Статистически значимых отличий между респондентами разных направлений в значениях индекса полезности обнаружено не было. Были получены следующие средние значения индекса полезности для представителей гуманитарных дисциплин – 11,93; естественно-научных – 12,09; социально-экономических – 11,96; технических – 13,19; искусства и дизайна – 12,38; других направлений подготовки – 12,0 (рис. 5).

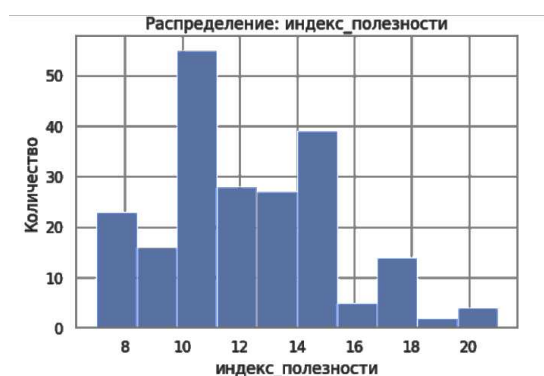

Рис. 5. Частотное распределение индекса полезности

С целью выявления факторов, влияющих на восприятие преподавателями высшей школы полезности инструментов искусственного интеллекта в образовательной деятельности, была построена линейная регрессионная модель, где в качестве зависимой переменной выступал индекс полезности ИИ. В итоговую регрессионную модель были включены следующие независимые переменные:

- бинарные индикаторы использования ИИ для создания текстового контента, разработки заданий и тестов;
- наличие инструкций по применению ИИ;
- наличие риска ошибок ИИ;
- субъективная оценка влияния ИИ на сферу образования.

Построенная регрессионная модель оказалась статистически значимой ($F(5, 207) = 15,06$, $p < 0,001$) при коэффициенте детерминации $R^2 = 0,267$. Иными словами, включенные в анализ факторы объясняют около 27 % вариации в восприятии преподавателями полезности инструментов искусственного интеллекта.

Существенное положительное влияние на индекс полезности оказывают использование ИИ для создания текстового контента ($\beta = 1,81$, $p < 0,001$), применение технологий для разработки заданий и тестов ($\beta = 1,16$, $p = 0,001$), наличие инструкций по их использованию ($\beta = 1,09$, $p = 0,002$), а также субъективно положительная оценка влияния ИИ на сферу образования ($\beta = 1,01$, $p < 0,001$). В то же время восприятие риска ошибок со стороны ИИ снижает показатель полезности ($\beta = -0,88$, $p = 0,022$).

Диагностические тесты модели (Omnibus, Jarque – Bera, Durbin – Watson) подтвердили ее удовлетворительное качество и отсутствие серьезных нарушений предпосылок регрессионного анализа. Полученные результаты позволяют заключить, что восприятие ИИ как полезного инструмента у преподавателей в значительной мере определяется конкретными сценариями его применения, методическим сопровождением, а также субъективными ожиданиями и оценкой последствий для образовательного процесса.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить ключевые факторы, определяющие восприятие преподавателями высшей школы полезности инструментов искусственного интеллекта в образовательной деятельности. Регрессионная модель продемонстрировала, что наибольшее положительное влияние оказывают практические сценарии применения ИИ (создание текстового контента, разработка тестов и заданий), наличие инструкций, облегчающих его использование, и субъективная оценка позитивных последствий внедрения технологий. В то же время восприятие риска ошибок со стороны ИИ снижает индекс полезности.

Результаты показывают, что эффективность внедрения ИИ в образовательную практику во многом зависит от обеспечения преподавателей четкими методическими рекомендациями и демонстрации конкретных преимуществ технологий. При этом важно учитывать и существующие опасения, связанные с возможными ошибками ИИ, что требует развития критического подхода и формирования навыков грамотного использования интеллектуальных систем.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением различий в восприятии ИИ между дисциплинарными областями, уровнями цифровой грамотности и педагогическим опытом преподавателей. Представляет интерес анализ динамики отношения к ИИ по мере накопления практического опыта его использования, а также выявление долгосрочных эффектов внедрения технологий для качества образования и академической культуры.

Список источников

1. Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее. URL: <https://6-sense.pro/resource/tproduct/654803056-779497489372-iskusstvennii-intellekt-i-visshee-obrazo> (дата обращения: 13.08.2025).
2. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 19–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
3. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22

4. Rudolph J., Tan S. ChatGPT: Bullshit spewer or the end of traditional assessments in higher education? // *Journal of Applied Learning & Teaching*. 2023. Vol. 6, № 1. P. 342–363. DOI: 10.37074/jalt.2023.6.1.9
5. Казарина В.В. Барьеры внедрения искусственного интеллекта в образование: мифы и реальность // *Педагогический ИМИДЖ*. 2021. Т. 15, № 4 (53). С. 382–397. DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-382-397
6. The use of artificial intelligence (AI) in the school environment: Implications for the teaching and learning process / L. Lima, J. Fonseca, V. Oliveira [и др.] // *Navigating through the Knowledge of Education*. 2024. P. 643–650. DOI: 10.56238/sevened2024.002-045
7. Эмпирическое изучение практики реализации и использования инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза / В.И. Токтарова, О.В. Ребко, И.И. Хабибрахманова, Р.А. Мусин // *Вестник Марийского государственного университета*. 2024. Т. 18, № 2 (54). С. 188–198. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-2-188-198
8. Елсакова Р.З., Маркусь А.М. Повышение квалификации преподавателей вуза в области искусственного интеллекта: современное состояние // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33, № 11. С. 73–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-73-94
9. Титова С.В., Харламенко И.В. Структура профессиональной компетенции педагога иностранных языков в области использования искусственного интеллекта // *Язык и культура*. 2025. № 69. С. 220–246. DOI: 10.17223/19996195/69/11
10. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education / E. Kasneci, K. Sessler, S. Küchemann [и др.] // *Learning and Individual Differences*. 2023. Vol. 103. Article no. 102274. DOI: 10.1016/j.lindif.2023.102274
11. A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research / M. Farrokhnia, S.K. Banihashem, O. Noroozi, A. Wals // *Innovations in Education and Teaching International*. 2023. DOI: 10.1080/14703297.2023.2195846
12. Sok S., Heng K. ChatGPT for Education and Research: A Review of Benefits and Risk. 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4378735
13. Медведев А.А. Искусственный интеллект в образовании: возможности, риски и перспективы // *Академическая публицистика*. 2025. № 5-1. С. 66–70.
14. Соколов Н.В., Виноградский В.Г. Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 76-2. С. 166–169.
15. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 1. С. 176–183. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183
16. Artificial Intelligence trends in education: A narrative overview / M. Chassignol, A. Khoroshavin, A. Klimova, A. Bilyatdinova // *Procedia Computer Science*. 2018. Vol. 136. P. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.08.233>
17. Borenstein J., Howard A. Emerging challenges in AI and the need for AI ethics education // *AI and Ethics*. 2021. Vol. 1. P. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-020-00002-7>
18. Абросимова Е.Е., Филипова А.Г. Искусственный интеллект: вызовы и возможности использования в образовательном процессе // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*. 2025. Т. 17, № 2. С. 203–211. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211>. EDN: <https://elibrary.ru/WIPFDX>

References

1. Artificial intelligence and higher education: opportunities, practices and the future. URL: <https://6-sense.pro/resource/tproduct/654803056-779497489372-iskusstvennii-intellekt-i-visshee-obrazo> (accessed date: 13.08.2025).
2. Rezaev A.V., Tregubova N.D. ChatGPT and artificial intelligence at universities: what future can we expect? *Higher education in Russia*. 2023; 32 (6): 19-37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
3. Ivakhnenko E.N., Nikolsky V.S. ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource? *Higher education in Russia*. 2023; 32 (4): 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
4. Rudolph J., Tan S. ChatGPT: Bullshit spewer or the end of traditional assessments in higher education? *Journal of Applied Learning & Teaching*. 2023; 6 (1): 342–363. DOI: 10.37074/jalt.2023.6.1.9
5. Kazarina V.V. Barriers to the introduction of artificial intelligence in education: myths and reality. *Pedagogical IMAGE*. 2021; 15 (4 (53)): 382–397. DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-382-397

6. The use of artificial intelligence (AI) in the school environment: Implications for the teaching and learning process / L. Lima, J. Fonseca, V. Oliveira [et al.]. *Navigating through the Knowledge of Education*. 2024: 643–650. DOI: 10.56238/sevned2024.002-045
7. Empirical study of the practice of implementing and using artificial intelligence tools in the educational process of the university / V.I. Toktarova, O.V. Rebko, I.I. Khabibrakhmanova, R.A. Musin. *Bulletin of Mari State University*. 2024; 18 (2 (54)): 188–198. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-2-188-198
8. Elsakova R.Z., Markus A.M. Advanced training of university teachers in the field of artificial intelligence: current state. *Higher education in Russia*. 2024; 33 (11): 73–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-73-94
9. Titova S.V., Kharlamenko I.V. Structure of professional competence of a teacher of foreign languages in the field of using artificial intelligence. *Language and culture*. 2025; (69): 220–246. DOI: 10.17223/19996195/69/11
10. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education / E. Kasneci, K. Sessler, S. Küchemann [et al.]. *Learning and Individual Differences*. 2023; (103). Article No. 102274. DOI: 10.1016/j.lindif.2023.102274
11. A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research / M. Farrokhnia, S.K. Banihashem, O. Noroozi, A. Wals. *Innovations in Education and Teaching International*. 2023. DOI: 10.1080/14703297.2023.2195846
12. Sok S., Heng K. ChatGPT for Education and Research: A Review of Benefits and Risk. 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4378735
13. Medvedev A.A. Artificial intelligence in education: opportunities, risks and prospects. *Academic journalism*. 2025; (№ 5-1): 66–70.
14. Sokolov N.V., Vinogradsky V.G. Artificial intelligence in education: analysis, prospects and risks in the Russian Federation. *Problems of modern pedagogical education*. 2022; (76-2): 166–169.
15. Subbotina M.V. Artificial intelligence and higher education are enemies or allies. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2024; 24 (1): 176–183. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183
16. Artificial Intelligence trends in education: A narrative overview / M. Chassignol, A. Khoroshavin, A. Klimova, A. Bilyatdinova. *Procedia Computer Science*. 2018; (136): 16–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.08.233>
17. Borenstein J., Howard A. Emerging challenges in AI and the need for AI ethics education. *AI and Ethics*. 2021; (1): 61–65. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-020-00002-7>
18. Abrosimova E.E., Filipova A.G. Artificial intelligence: challenges and opportunities for use in the educational process. *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2025; 17 (2): 203–211. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211>. EDN: <https://elibrary.ru/WIPFDX>

Информация об авторах:

Абросимова Евгения Евгеньевна, канд. социол. наук, доцент каф. международных отношений, доцент каф. общей и юридической психологии, начальник отдела организации научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2332-7204>, gaijony@mail.ru

Филипова Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, профессор, заведующий научной лабораторией в подразделении «Лаборатория комплексных исследований детства», ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7475-1961>, alexgen77@list.ru

Ярыгина Марина Маратовна, студентка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, yarygina.MM@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/138-146>

EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>

Дата поступления:
28.08.2025

Одобрена после рецензирования:
29.09.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 372.8

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/147-157>

EDN: <https://elibrary.ru/IRNDXQ>

Роль учебной практики в формировании навыков социального взаимодействия в процессе адаптации иностранных студентов-первокурсников

Борзова Татьяна Александровна

Воронина Олеся Анатольевна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Исследована роль учебной практики в формировании навыков социального взаимодействия у иностранных студентов-первокурсников в процессе их адаптации к новому социокультурному контексту. В условиях глобализации и увеличения потоков студентов на международном уровне проблема эффективной интеграции иностранцев в образовательную среду становится особенно актуальной. Анализируются основные факторы, способствующие успешной адаптации иностранных студентов, а также выявляются эффективные методы и стратегии, позволяющие развить социальные навыки, необходимые для полноценного участия в жизни университета и общества. Исследованы различные подходы к организации практик социального взаимодействия, включая групповые проекты, ролевые игры и волонтерские инициативы, а также их влияние на формирование межличностных отношений и культурной адаптации. Результаты исследования подтверждают, что активные формы совместной деятельности способствуют снижению уровня стресса и тревожности у иностранных студентов, повышают их уровень вовлеченности и содействуют установлению доверительных отношений в новой социальной среде. Представленное исследование выходит за рамки традиционного подхода к изучению адаптации иностранных студентов, который часто ограничивается анализом языковых барьеров или академических трудностей. Его научная новизна заключается в целостном и системном рассмотрении практики по формированию навыков социального взаимодействия как ключевого механизма не только социальной, но и глубокой культурно-духовной интеграции. Практическая новизна исследования состоит в том, что оно представляет конкретную, воспроизводимую модель эффективной адаптации. Авторы не просто констатируют важность социальной активности, а выявляют наиболее действенные методы – групповые проекты, ролевые игры, волонтерские инициативы – и демонстрируют их прямое влияние на повышение вовлеченности и развитие эмпатии. Полученные данные позволяют выстроить практико-ориентированную программу для преподавателей и кураторов, направленную на создание поддерживающей образовательной среды.

Ключевые слова: высшее образование, иностранные студенты, социокультурное взаимодействие, социализация студентов, образовательная среда, социальная и культурная адаптация, общение, социальные практики.

Для цитирования: Борзова Т.А., Воронина О.А. Роль учебной практики в формировании навыков социального взаимодействия в процессе адаптации иностранных студентов-первокурсников // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 147–157. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/147-157>. EDN: <https://elibrary.ru/IRNDXQ>

© Борзова Т.А., 2025

© Воронина О.А., 2025

The role of educational practice in the formation of social interaction skills in the process of adaptation of international first-year students

Tatyana A. Borzova

Olesya A. Voronina

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the role of educational practice in the formation of social interaction skills among international first-year students in the process of their adaptation to a new socio-cultural context. In the context of globalization and increasing student flows at the international level, the problem of effective integration of foreigners into the educational environment is becoming particularly relevant. The paper analyzes the main factors contributing to the successful adaptation of international students, as well as identifies effective methods and strategies for developing the social skills necessary for comfortable interaction with both teachers and local students. The authors explore various approaches to the organization of social interaction practices, including group projects, role-playing games and volunteer initiatives, as well as their impact on the formation of interpersonal relationships and cultural adaptation. The results of the study confirm that active forms of joint activity contribute to reducing stress and anxiety among foreign students, increase their level of engagement and promote the establishment of trusting relationships in a new social environment. The presented research goes beyond the traditional approach to studying the adaptation of international students, which is often limited to analyzing language barriers or academic difficulties. His scientific novelty lies in a holistic and systematic consideration of the practice of developing social interaction skills as a key mechanism not only for social, but also for deep cultural and spiritual integration. The practical novelty of the research is that it provides a specific, reproducible model of effective adaptation. The authors do not just state the importance of social activity, but identify the most effective methods – group projects, role-playing games, volunteer initiatives – and demonstrate their direct impact on increasing engagement and developing empathy. The data obtained allows us to build a practice-oriented program for teachers and supervisors aimed at creating a supportive educational environment.

Keywords: higher education, international students, socio-cultural interaction, student socialization, educational environment, social and cultural adaptation, communication, social practices.

For citation: Borzova T.A., Voronina O.A. The role of educational practice in the formation of social interaction skills in the process of adaptation of international first-year students // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 147–157. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/147-157>. EDN: <https://elibrary.ru/IRNDXQ>

Введение

Становление личности в постиндустриальную эпоху как ключевого ресурса цивилизационного развития закономерно обуславливает рост значимости проблематики социального взаимодействия. Выбор конкретных моделей взаимодействия между социальными субъектами определяет как общую структуру социальной реальности, так и функционирование отдельных социальных систем. В условиях усиления глобализационных процессов особую актуальность приобретает угроза, исходящая от политики исключительности и доминирования одного субъекта над другими, направленной на формирование однополярного мирового порядка. Противоположным монологическому типу взаимодействия является диалог, основанный на принципах равноправия, уважения к позициям и интересам всех участников социального взаимодействия.

В контексте современного российского общества, характеризующегося высокой степенью социальной, экономической, статусно-ролевой и межпоколенческой дифференциации, проблема социальной интеграции приобретает статус одной из наиболее

значимых и актуальных. Процесс интеграции общества и его институциональных структур реализуется через деятельность граждан, обладающих определенным опытом социального взаимодействия, формирование и развитие которого зачастую носят стихийный, неосознанный и нецеленаправленный характер, ограничиваясь поведенческим уровнем.

Несмотря на обширную эмпирическую и теоретическую базу, накопленную в философии, социологии, психологии и педагогике по различным аспектам социального взаимодействия [1–8], вопрос целенаправленного формирования опыта социального взаимодействия у студентов высших учебных заведений – будущих специалистов – остается недостаточно исследованным и представляет собой поле для дальнейших научных изысканий.

Социальный опыт студентов формируется в процессе совместной деятельности и коммуникации, что предполагает активное взаимодействие с социальной средой. Социальные практики выступают в качестве социокультурных ситуаций, в которых студенты приобретают социальный опыт, реализуя свои учебные, профессиональные и личностные интересы, а также удовлетворяя потребности в социальном и профессиональном развитии. Основная функция социальных практик заключается в реализации целенаправленных действий студентов, ориентированных на трансформацию социального пространства, что способствует их эффективной адаптации к современным условиям и подготовке к будущим вызовам.

Данные формы практики играют существенную роль в формировании социального опыта, а также в развитии индивидуальности, самостоятельности и гражданской активности студентов. В системе высшего образования социальные практики понимаются как разнообразные виды учебной и внеучебной деятельности, осуществляемые студентами на самостоятельной основе и ориентированные на их актуальные и перспективные интересы.

Практики, формирующие навыки социального взаимодействия, включающие активное участие студентов, представляют собой совокупность методов поведения и определенных действий, направленных на осуществление их интересов. Эти практики предоставляют студентам возможность для самовыражения, развития лидерских качеств и формирования чувства ответственности за принимаемые решения. К такого рода практикам для студентов можно отнести творческую деятельность, волонтерство, исследовательскую работу, участие в студенческих организациях, проектную деятельность и различные формы экспериментирования.

В условиях усиления международной интеграции и стремления российских вузов к глобальному признанию поток иностранных студентов продолжает расти. Однако их пребывание за рубежом сопряжено с рядом трудностей, наиболее острой из которых является адаптация к новой культурной, социальной и образовательной среде. Процесс адаптации часто сопровождается языковыми барьерами, культурным шоком, чувством одиночества и изоляции, что негативно сказывается на академической успеваемости и общем благополучии студентов.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью разработки эффективных механизмов поддержки иностранных студентов, которые способствовали бы их успешной интеграции. Одним из таких механизмов является учебная практика, которая в представленном исследовании рассматривается не как формальное прохождение, а как целенаправленная программа, направленная на развитие навыков социального взаимодействия.

Целью данной статьи является исследование эффективности учебной практики как инструмента формирования навыков социального взаимодействия у иностранных студентов-первокурсников.

Задачи исследования:

– проанализировать роль практики в формировании навыков социального взаимодействия в процессе адаптации иностранных студентов-первокурсников к новой социокультурной и образовательной среде;

- выявить ключевые факторы, способствующие успешной адаптации иностранных студентов в университете;
- исследовать эффективные методы и стратегии (такие как групповые проекты, ролевые игры, волонтерские инициативы), которые способствуют развитию у иностранных студентов необходимых социальных и межличностных навыков;
- оценить влияние активных форм совместной деятельности на уровень вовлеченности студентов, снижение их стресса и тревожности, а также на процесс их культурной адаптации.

Методологической основой данного исследования стал теоретический метод, который предоставил возможность детально проанализировать научные источники и литературу по таким ключевым темам, как социальное взаимодействие, адаптация студентов, а также практики, способствующие развитию их социального опыта. В рамках исследования авторы применили метод педагогического наблюдения, что позволило отслеживать и анализировать процесс реализации социальных практик в образовательной среде. Это дало возможность не только оценить уровень вовлеченности студентов в социальные активности, но и определить уровень их комфорта и степень адаптации к новым условиям обучения. Кроме того, методология статьи опирается на комплексный подход, который включает в себя различные аспекты, такие как компетентностный, системный, системно-деятельностный и социокультурный подходы. Компетентностный подход сосредоточен на формировании у студентов конкретных практических навыков и умений; системный подход обеспечивает целостное рассмотрение их взаимодействия в рамках всей образовательной среды; системно-деятельностный подход направлен на анализ и оценку активности обучающихся и степени их вовлеченности в учебный процесс. Социокультурный подход, в свою очередь, учитывает влияние культурных факторов на адаптацию студентов и их социальное взаимодействие.

Предметом исследования является процесс адаптации иностранных студентов-первокурсников в российской образовательной среде, практика по формированию навыков социального взаимодействия как средства и инструмента этой адаптации. В центре внимания исследования находятся социальные, психологические и культурные аспекты интеграции иностранных студентов в российскую образовательную среду, а также анализ эффективности конкретных педагогических практик, направленных на формирование и развитие их социальных компетенций.

Основная часть

Обсуждение

В российской научной традиции исследование социального взаимодействия тесно увязано с концептуальным осмыслением категории «общение», которое анализируется не как вспомогательный процесс, а как фундаментальная основа, определяющая его сущность [2–6]. Этот подход имеет глубокие корни в российской психологической и социологической мысли, где взаимодействие рассматривается не как механическое сосуществование людей, а как процесс, опосредованный смыслами, ценностями и коммуникацией. В отличие от западных концепций, в которых социальное взаимодействие часто анализируется через призму рационального выбора или структурных ограничений, российская наука делает акцент на личностно-ориентированной природе общения, подчеркивая его роль как основы формирования личности и социальной реальности.

В работах таких исследователей, как А.А. Бодалев [2], Н.С. Дежникова [3] и другие, термины «общение» и «социальное взаимодействие» зачастую рассматриваются как взаимозаменяемые или тесно взаимодополняющие. Это отражает особенность отечественной методологии – стремление к целостному пониманию социального процесса.

А.А. Бодалев, например, характеризует социальное взаимодействие как аспект общения, подчеркивая, что «любое взаимодействие предполагает обмен информацией, установление контакта, взаимопонимание и эмоциональное сопровождение» [2, с. 29].

Другие ведущие ученые, такие как Б.Ф. Ломов, А.А. Леонтьев, Н.Н. Обозов, также утверждают, что общение играет ключевую роль в обеспечении социального взаимодействия [4, 5, 7]. В рамках деятельностного подхода, разработанного А.Н. Леонтьевым, общение рассматривается как особый вид деятельности, направленный на установление и развитие отношений между людьми. Оно выступает как необходимое условие совместной деятельности, обеспечивая согласование целей, координацию действий и понимание мотивов партнера. Без общения невозможно согласование, а без согласования – продуктивное взаимодействие.

Работы вышеуказанных ученых акцентируют внимание на том, что потребность в общении является одним из ключевых факторов, определяющих личностный смысл самоформирования. Эта потребность не является врожденной в простом биологическом смысле, но формируется в процессе социализации. Именно в общении личность осознает себя как субъект, учится воспринимать себя через взгляд другого, формирует самооценку и идентичность. В данном контексте можно говорить о том, что взаимодействие личности с социокультурной средой служит одновременно источником формирования этой потребности. Ребенок не рождается с потребностью в общении – он ее развивает, вступая в контакт с родителями, воспитателями, сверстниками. Социальная среда, с ее нормами, ценностями и языковыми практиками, конституирует эту потребность как необходимое условие существования в обществе.

В ходе социального взаимодействия происходит ряд фундаментальных процессов. Во-первых, производится согласование целевых установок совместной активности его участников [8]. Это означает, что люди, вступая во взаимодействие, вырабатывают общую цель, договариваются о способах ее достижения, распределяют роли. Без такого согласования совместная деятельность становится невозможной. Во-вторых, в процессе взаимодействия определяются личностные и социальные позиции участников [9]. Каждый человек в группе или паре занимает определенную позицию – лидера, исполнителя, советчика, оппонента. Эти позиции формируются динамично, в процессе коммуникации, и зависят как от личностных качеств, так и от социальных ожиданий. В-третьих, взаимодействие способствует гармонизации отношений [10], снижению напряженности, преодолению конфликтов и укреплению доверия, что особенно важно в условиях культурного, языкового или возрастного разнообразия. Наконец, социальное взаимодействие мобилизует личностные потенциалы – когнитивные, эмоциональные, волевые – для достижения как стратегических, так и тактических целей [11]. Через взаимодействие человек раскрывает свои способности, получает поддержку, учится новому, что способствует его личностному и профессиональному росту.

Таким образом, в отечественной науке социальное взаимодействие понимается как смыслонасыщенный, личностно значимый процесс, в котором общение выступает не просто инструментом, а основной формой бытия личности в обществе.

Проблема адаптации иностранных студентов – вопрос, который достаточно активно изучается в мировой и отечественной науке [1, 2, 5, 7–9, 12, 14]. В научной литературе предложено множество подходов, каждому из которых присущи свои достоинства и недостатки.

Языковые курсы и интенсивы [2, 7–9]. Этот подход фокусируется на преодолении основного барьера – языкового. Достоинством является быстрое повышение коммуникативной компетенции. Однако его главный недостаток в том, что он не решает глубинных проблем межкультурной коммуникации и социализации. Студент может говорить на языке, но все еще чувствовать себя чужим.

Программы наставничества (mentoring) [8, 12]. Данный подход предполагает сопровождение иностранных студентов опытными наставниками – как преподавателями, так и студентами старших курсов. Его сильной стороной является индивидуальный подход и эмоциональная поддержка. Недостатком может быть несистемность и зависимость от личных качеств наставника. Кроме того, как показывают исследования, эффективность наставничества зависит от четкого определения его целей и задач.

Культурные мероприятия и экскурсии [7–9, 12]. Организация поездок, фестивалей и праздников позволяет студентам познакомиться с новой культурой. Это способствует снижению стресса, связанного с культурной адаптацией. Однако такой подход часто носит развлекательный характер и не обеспечивает глубокого погружения в повседневную жизнь и нормы поведения.

Теория социального научения А. Бандуры [1]. Зарубежная научная мысль предлагает теоретические основы для понимания адаптации. В частности, концепция социального научения Альберта Бандуры, которая утверждает, что люди учатся, наблюдая за поведением других (моделирование), является крайне релевантной. Иностранный студент, наблюдая за поведением своих российских сверстников в различных социальных ситуациях (на занятиях, в столовой, на мероприятии), усваивает нормы и правила, не проходя через болезненный опыт собственных ошибок. Этот подход подчеркивает важность создания среды, в которой положительные модели поведения легко доступны для наблюдения.

Теория деятельности А.Н. Леонтьева [6]. В отечественной психологии ключевую роль играет деятельностный подход. А.Н. Леонтьев рассматривал деятельность как основу психического развития личности. Адаптация иностранного студента – это не пассивное принятие новой культуры, а активное включение в различные виды деятельности (учебную, общественную, трудовую). Именно в процессе совместной деятельности формируются новые навыки, устанавливаются социальные связи и формируется чувство принадлежности. Этот подход полностью лежит в основе представленной в статье модели учебной практики.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее эффективными являются интегрированные подходы, которые сочетают языковое обучение, культурное погружение и активное вовлечение в деятельность. Именно предложенная в данной статье модель учебной практики представляет собой такой интегрированный подход, систематизирующий разрозненные усилия и направляющий их на достижение конкретных целей.

Результаты исследования

Целью учебной практики по формированию навыков социального взаимодействия является развитие у студентов комплекса компетенций, необходимых для успешного решения задач в разнообразных социальных и профессиональных контекстах, а также стимулирование их активности в учебной, творческой и общественной сферах. Одной из важнейших компетенций в рамках данной практики является способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде, отработав индивидуальную модель поведения в соответствии с ситуацией.

Задачи практики:

- формирование навыков эффективного межличностного и межкультурного общения;
- развитие способности к сотрудничеству и командной работе;
- повышение уровня вовлеченности в общественную и культурную жизнь вуза;
- формирование чувства принадлежности к университетскому сообществу;
- профилактика стресса, связанного с культурной адаптацией.

По итогам прохождения практики обучающийся должен продемонстрировать результаты обучения (знания, умения, навыки (ЗУН)), соотнесенные с планируемыми результатами освоения ОПОП ВО (табл. 1).

Таблица 1

Планируемые результаты обучения (знания / умения / навыки)

№ п/п	Тип ЗУН	Содержание ЗУН	Критерии оценки результатов обучения
1	Умение	Определять модель поведения внутри организации в соответствии с ее ценностями, нормами, правилами и традициями	Сформированное умение определять модель поведения внутри организации в соответствии с ее ценностями, нормами, правилами и традициями
2	Умение	Определять ресурсы, необходимые для решения поставленных задач в рамках участия в мероприятиях организации	Сформированное умение определять ресурсы, необходимые для решения поставленных задач
3	Навыки	Взаимодействие с другими членами команды для достижения поставленной задачи	Сформированный навык взаимодействия с другими членами команды для достижения поставленной задачи в соответствии с нормами, правилами и традициями организации

Формирование ЗУНов во время практики является основополагающим критерием эффективности образовательного процесса. Умения и навыки, представленные в табл. 1, формируются у студентов в ходе выполнения работ, выполняемых на каждом этапе ее прохождения.

Данные ЗУНы реализуются в процессе прохождения практики по формированию навыков социального взаимодействия комплексно. Уровень сформированности качества знаний, умений и навыков из представленных данных табл. 1 оценивается на основе чек-листа и листа социальной активности, предоставляемых студентом на заключительном этапе прохождения практики.

Программа прохождения практики по формированию навыков социального взаимодействия предполагает освоение данной дисциплины в течение 72 учебных часов на протяжении всего учебного года в рамках трех этапов – подготовительного, практического и заключительного (табл. 2).

Таблица 2

Этапы прохождения практики

№ п/п	Этап	Виды работ на практике, включая контактную и иные формы	Основные действия
1	Подготовительный	Организационное собрание. Инструктаж по ознакомлению с требованиями охраны труда, техники безопасности, пожарной безопасности	Ознакомление с особенностями прохождения практики; согласование рабочего графика (плана) практики; получение индивидуального задания на практику; ознакомление с правилами безопасности при выполнении работ; общее ознакомление с технологическим процессом на данном участке работы; ознакомление с опасными зонами работ

№ п/п	Этап	Виды работ на практике, включая контактную и иные формы	Основные действия
2	Практический	Проект «За чистый университет» (поддержание и улучшение качества социальной среды университета). Участие в реализации социально значимых мероприятий (проектов), выбранных из перечня, размещенного на сайте университета. Участие в мероприятиях по профилактике распространения идеологии терроризма, национализма, экстремизма	Дежурство по университету; участие в поддержании и улучшении санитарного состояния помещений и безопасности территории университета; участие в волонтерском движении различной направленности; участие в конкурсах социальной направленности, инициированных внешней средой; оказание консультативной помощи абитуриентам во время работы приемной комиссии; участие в мероприятиях учреждений культуры и спорта; практическая работа в молодежных общественных объединениях и организациях по реализации их программ и инициатив, имеющих социальную значимость; участие в работе творческих групп, занимающихся социальным проектированием; другие виды работ, не противоречащие задачам практики
3	Заключительный	Написание отчета по практике	Оформление результатов прохождения практики в соответствии с требованиями, представление результатов руководителю, защита отчета

В рамках подготовительного этапа (до 1 октября текущего учебного года) студенты знакомятся с целями, задачами, содержанием и правилами прохождения практики, а также с требованиями к соответствующей отчетной документации, получив от руководителя индивидуальное задание на практику (лист социальной активности) с указанием периода и мест прохождения практики и пройдя инструктаж по ознакомлению с требованиями охраны труда, техники безопасности, пожарной безопасности. Практический этап охватывает период с октября по май; включает участие студентов в различных социально значимых мероприятиях, проводимых в университете в течение всего учебного года.

Среди наиболее значимых мероприятий можно отметить следующие: межвузовский фестиваль иностранных студентов «Я учусь в России» (в рамках которого студенты участвуют в различных конкурсах: вокальном литературном, театральном, инструментальном, хореографическом и фотоконкурсе); мероприятия, приобщенные ко Дню родного языка, Дню толерантности, Дню науки; мероприятия, связанные с празднованием традиционных русских праздников, Нового года по восточному календарю и др.); посещение разговорного клуба «Самовар»; соревнование по гребле на лодках класса «Дракон»; участие в мероприятиях по профилактике распространения идеологии терроризма, национализма и экстремизма в установленном университетом порядке, а также участие в субботнике – уборка территории парковой зоны ВВГУ.

На заключительном этапе (июнь) студенты представляют руководителю результаты прохождения практики в виде отчета.

Данная модель учебной практики основана на синтезе вышеупомянутых подходов. Она включает элементы культурного погружения (экскурсии, фестивали), наставничества (кураторы и наставники-студенты) и, что самое главное, реализует принципы теории деятельности (вовлечение в реальную деятельность) и теории социального научения (наблюдение за моделями поведения). Студент не просто наблюдает за культурой, он активно в ней участвует, что способствует более глубокому и прочному усвоению норм и ценностей.

Представленная модель отличается от существующих тем, что она систематична и целенаправленна. В отличие от разовых культурных мероприятий, она охватывает весь семестр и имеет четкую структуру; в отличие от чисто языковых курсов – решает комплексную задачу социальной интеграции. Она превосходит простое наставничество, так как вовлекает студентов в активную, а не пассивную позицию. Таким образом, новизна и значимость данной модели заключаются в ее интегрированном, деятельностном характере, который напрямую способствует формированию устойчивых навыков социального взаимодействия и глубокой культурной адаптации.

Безусловно, учебная практика по формированию навыков социального взаимодействия является ключевым этапом профессиональной подготовки, обеспечивающим интеграцию не только теоретических знаний и практических навыков, но и социализацию студентов в пространстве университета [1–3]. Происходит постепенное формирование так называемых «мягких навыков», которые, собственно, и есть навыки социального взаимодействия [8].

Чтобы выявить, какие soft skills помогает выработать учебная практика по развитию навыков социального взаимодействия, мы предложили студентам ответить на вопрос «Какие личностные качества помогла мне развить социальная практика?» Среди наиболее значимых навыков были отмечены следующие:

- 1) командная работа – умение работать вместе с другими;
- 2) общение – навык слушать и говорить понятно;
- 3) ответственность – выполнение своих задач вовремя;
- 4) эмпатия – понимание чувств других людей;
- 5) адаптация – умение быстро привыкать к новому;
- 6) лидерство – способность вести за собой команду.

Некоторые ответы были более распространенные. Например, был такой ответ: «В университете я участвовала в мероприятии «Я учусь в России»: танцевала и пела вместе с однокурсниками; в этом году я смотрела выступление как зритель. Думаю, такая практика принесла мне много пользы. Например, я стала увереннее в себе и смелее выступать перед большим количеством людей, что очень положительно повлияло на мой характер, я стала больше узнавать о культуре разных стран, а общение с людьми из разных стран расширило мой кругозор». Такие ответы еще раз подтверждают необходимость прохождения учебной практики по развитию навыков социального взаимодействия студентами-иностранцами на ранних курсах обучения, что позволяет им не только развить свои личностные и профессиональные качества, но и быстрее интегрироваться в учебную среду.

Отчетом по учебной практике по развитию навыков социального взаимодействия является заполненный лист социальной активности, который объединяет рабочий график (план) прохождения практики и индивидуальное задание на практику, а также заполненный чек-лист «Проверь себя». По окончании практики студент представляет отчет руководителю практики от кафедры.

В этом случае учебная практика по формированию навыков социального взаимодействия выступает не просто как формальное учебное задание, а как важный инст-

румент всестороннего развития личности студента. Она способствует не только усвоению профессиональных компетенций, но и формированию гражданской позиции, толерантного сознания, уважения к культурному многообразию и традициям своей страны. Через участие в разнообразных мероприятиях – от народных праздников до межкультурных фестивалей – студенты получают возможность применить теоретические знания в реальной социальной среде, развить коммуникативные и организационные способности, научиться работать в команде и брать на себя ответственность. Учебная практика становится пространством для личностного роста, где формируются такие ключевые «мягкие навыки», как эмпатия, адаптивность, лидерство и самоуверенность [9]. В конечном счете именно такой опыт способствует становлению осознанного, активного и социально ответственного гражданина, готового к участию в жизни общества.

Заключение

Таким образом, учебная практика, спроектированная как программа формирования навыков социального взаимодействия, является высокоэффективным инструментом для адаптации иностранных студентов-первокурсников. Анализ существующих подходов показал, что их сильные стороны (языковое обучение, культурное погружение, наставничество) могут быть объединены в единую системную модель. Представленная модель, основанная на теории деятельности А.Н. Леонтьева и теории социального научения А. Бандуры, предлагает не просто поддержку, а активное вовлечение студента в жизнь университета. Это позволяет преодолеть чувство изоляции, снизить уровень стресса и сформировать у студента чувство принадлежности. Результаты исследования подтверждают, что такой подход способствует не только социальной, но и глубокой личностной трансформации, готовя иностранных студентов к успешной академической и профессиональной деятельности в новой стране.

Список источников

1. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург: Евразия, 2000. 320 с.
2. Бодалев А.А. Личность и общение / А.А. Бодалев. Москва: Международная пед. академия, 1995. 328 с.
3. Дежникова Н.С. Экологическое воспитание в контексте социокультурной динамики // Педагогика. 2012. № 10. С. 51–56.
4. Ломов Б.Ф. Системность в психологии: избранные психологические труды. Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 1996. 384 с.
5. Леонтьев А. А. Психология общения. Москва: Смысл, 1997. 365 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. 2-е изд., стер. Москва: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
7. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990. 192 с.
8. Сайко Э.В. Субъект: созидатель и носитель социального. Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. 424 с.
9. Сергеева Э.А. Социальное взаимодействие как основа построения социальной реальности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 36–41.
10. Белозерцев Е.П., Павленко А.И. Феноменология культурно-образовательной среды: человек как средство и средоточие // Психолого-педагогический поиск. 2011. № 18. С. 42–47.
11. Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования: коллективная монография / под ред. Е.П. Белозерцева. Москва: АИРО-XXI, 2016. 592 с.
12. Роджерс К.Р. Становление личности: взгляд на психотерапию. 2-е изд. (эл.). Москва: Ин-т общегуманитарных исследований, 2018. 241 с.
13. Сериков В.В. Субъективные основания целостности педагогического процесса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 12–18.

14. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. 360 с.

References

1. Bandura A. Social Learning Theory. St. Petersburg: Eurasia; 2000. 320 p.
2. Bodalev A.A. Personality and communication. Moscow: International Pedagogical Academy; 1995. 328 p.
3. Dezhnikova N.S. Environmental education in the context of socio-cultural dynamics. *Pedagogy*. 2012; (10). P. 51–56.
4. Lomov B.F. Systemicity in psychology: selected psychological works. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK; 1996. 384 p.
5. Leontiev A.A. Psychology of communication. Moscow: Smysl; 1997. 365 p.
6. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality: A Textbook. 2nd edition, stereotyped. Moscow: Smysl: Academy; 2005. 352 p.
7. Obozov N.N. Psychology of interpersonal relations. Kiev: Lybid; 1990. 192 p.
8. Saiko E.V. Subject: creator and bearer of the social. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO MODEK; 2006. 424 p.
9. Sergeeva E.A. Social interaction as a basis for building social reality: a socio-philosophical analysis. *Theory and practice of social development*. 2011; (5): 36–41.
10. Belozertsev E.P., Pavlenko A.I. Phenomenology of the cultural and educational environment: man as a means and focus. *Psychological and pedagogical search*. 2011; (18): 42–47.
11. Scientific and pedagogical schools of Russia in the context of the Russian world and education: a collective monograph / Edited by E.P. Belozertsev. Moscow: AIRO-XXI, 2016; 592 p.
12. Rogers K.R. The formation of personality: a look at psychotherapy. 2nd ed. (e-mail). Moscow: Institute of General Humanitarian Research; 2018. 241 p.
13. Serikov V.V. Subjective foundations of the integrity of the pedagogical process. Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2012; 4 (68): 12–18.
14. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Human psychology: An introduction to the psychology of subjectivity. Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University; 2013. 360 p.

Информация об авторах:

Борзова Татьяна Александровна, канд. культурологии, доцент каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: 0000-0002-6203-202X, Tatyana.Borzova@vvsu.ru

Воронина Олеся Анатольевна, ст. преподаватель каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: 0009-0007-6196-7935, Voronina.Olesya@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/147-157>

EDN: <https://elibrary.ru/IRNDXQ>

Дата поступления:
25.08.2025

Одобрена после рецензирования:
18.09.2025

Принята к публикации:
10.11.2025

Научная статья

УДК 378.4

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/158-172>

EDN: <https://elibrary.ru/YGATO>

Психологическая коррекция кризисного состояния у студентов, связанного с учебно-профессиональной деятельностью

Капустина Татьяна Викторовна

Алёшина Ольга Сергеевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет

Владивосток. Россия

Черемискина Ирина Игоревна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Кризисы, связанные с учебно-профессиональной деятельностью, могут возникать на разных курсах обучения, однако ряд исследователей в этом направлении считают, что наиболее уязвимыми считаются первый, третий и пятый курсы. Целью исследования является определение эффективности краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния у студентов в связи с учебно-профессиональной деятельностью. В исследовании применялись: «Опросник смысложизненного кризиса» В.В. Карпинского, тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева в адаптации М.С. Яницкого, А.В. Серого, «Шкала академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина, методика «Диагностика особенностей самоорганизации-39» А.Д. Ишакова и «Шкала самооценки», М. Розенберга. Для определения эффективности краткосрочной программы психологической коррекции был выбран метод статистической обработки – Т-критерий Вилкоксона, при уровне значимости менее 0,05, и медианный тест. На первом этапе исследования выявлены студенты, находящиеся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью (24 человека); они приняли участие в краткосрочной программе психологической коррекции, основанной на принципах, разработанных отечественными психологами. После проведения краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния у студентов в связи с учебно-профессиональной деятельностью можно увидеть снижение выраженности кризисного состояния, однако остается некоторая неустойчивость ценностного компонента. Согласно полученным результатам, несмотря на некоторые аспекты ценностно-смысловой сферы, которые требуют большего количества времени для изменения, можно говорить об эффективности краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния. Полученные эмпирические данные обладают научной новизной, поскольку подобранный перечень методик помогает оценить у студентов наличие или отсутствие кризисного состояния в связи с учебно-профессиональной деятельностью, а авторская краткосрочная программа психологической коррекции способна оказать помощь студентам в данном состоянии.*

***Ключевые слова:** студенты, учебно-профессиональная деятельность, кризисы учебно-профессиональной деятельности, компонентная модель кризисных состояний, краткосрочная программа, групповая работа, коррекция кризисных состояний в учебном процессе.*

© Капустина Т.В., 2025

© Алёшина О.С., 2025

© Черемискина И.И., 2025

Для цитирования: Капустина Т.В., Алёшина О.С., Черемискина И.И. Психологическая коррекция кризисного состояния у студентов, связанного с учебно-профессиональной деятельностью // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/158-172>. EDN: <https://elibrary.ru/YGATO>

Original article

Psychological correction of the crisis state in students associated with educational and professional activities

Tatyana V. Kapustina

Olga S. Alyoshina

Pacific State Medical University

Vladivostok, Russia

Irina I. Cheremiskina

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. Crises related to educational and profession-related activities may arise in different years of study; however, a number of researchers in this direction believe that the first, third and fifth years are the most vulnerable. The purpose of the study was to determine the effectiveness of the short-term program devised by the author for the psychological correction of the crisis state in students in connection with educational and profession-related activities. The following techniques were used in the study: "Questionnaire of the Meaning-Life Crisis" by V.V. Karpinsky, test "Meaning-Life Orientations" by D.A. Leontyev in adaptation by M.S. Yanitsky, A.V. Gray, "Scale of Academic Motivation" by T.O. Gordeeva, O.A. Sycheva, E.N. Osina, methodology "Diagnostics of the features of self-organization-39" A.D. Ishakova and "Self-Esteem Scale", M. Rosenberg. To determine the effectiveness of the short-term psychological correction program, a statistical processing method was chosen: Wilcoxon T-test, with a significance level of less than 0.05, and a median test. At the first stage of the study, students in crisis due to educational and profession-related activities (24 people) were identified. They took part in a short-term psychological correction program based on the principles developed by domestic psychologists. After conducting the short-term program of psychological correction of the crisis state among students in connection with educational and profession-related activities, one can see a decrease in the severity of the crisis state, but there remains some instability of the value component. According to the results obtained, despite some aspects of the value-semantic sphere, which require more time to change, we can assert the effectiveness of the short-term program of psychological correction of the crisis state. The empirical data obtained are scientifically new, since the selected list of methods helps to assess the presence or absence of a crisis state among students in connection with educational and profession-related activities, and the author's short-term psychological correction program helps students in this state.

Keywords: students, educational and profession-related activities, crises of educational and profession-related activities, component model of crisis states, short-term program, group work, correction of crisis states in the educational process.

For citation: Kapustina T.V., Alyoshina O.S., Cheremiskina I.I. Psychological correction of the crisis state in students associated with educational and professional activities // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/158-172>. EDN: <https://elibrary.ru/YGATO>

Введение

Кризисное состояние – не новое явление в мире науки. Данное состояние является наиболее частым запросом для работы психолога в общем, а также в образовательной среде [1]. Что касается психологической помощи обучающимся, много внимания уделено

дошкольному и школьному возрасту, так как он является наиболее уязвимым с точки зрения как психологии, так и юридического аспекта. Однако остается актуальным рассмотрение помощи студентам, обучающимся в высшем учебном заведении [2]. Учебно-профессиональная деятельность студента – это особая форма учебной деятельности, результатом которой является формирование профессиональных знаний, умений и навыков, а также развитие качеств личности профессионала и профессиональных способностей. Процесс освоения учебно-профессиональной деятельности приходится на юношеский возраст, который характеризуется формированием самосознания и собственного мировоззрения, переходом к независимости (на психологическом и социальном уровне). Как указывает Э.Ф. Зеер, все это большой адаптационный этап вхождения во взрослость, который может привести как к личностным кризисам, так и кризисам в профессиональном развитии. Под кризисным состоянием учебно-профессиональной деятельности Э.Ф. Зеер понимает непродолжительные по времени периоды (до года) кардинальной перестройки профессионального сознания, деятельности и поведения личности, изменения вектора ее профессионального развития [3]. Данное определение будет взято за основу для проведения исследования. В настоящей работе мы остановились на психологической теории учебной деятельности (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.К. Маркова), общей теории деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), которая описывает структуру, состоящую из трех компонентов: мотивационно-смыслового, деятельностного и оценочно-контрольного [4]. Важно отметить, что кризисное состояние в учебно-профессиональной деятельности может возникать из-за негативной установки как к себе, так и образовательному процессу. Я.С. Сунцова в кризисном состоянии у студентов считает ключевой ценностно-смысловую сферу, и именно из-за ее изменения наступает кризис, на что авторы настоящей статьи обращают внимание [5].

Кризисы, связанные с учебно-профессиональной деятельностью, могут возникать на разных курсах обучения, однако ряд исследователей в этом направлении считают, что наиболее уязвимыми считаются 1-, 3- и 5-й курсы.

Э.Ф. Зеер, Т.Б. Котлова указывают на то, что первокурсник обязательно сталкивается с кризисом как минимум нормативным ввиду постепенного перехода из юношества во взрослость, в связи с новым жизненным этапом и новым для него процессом учебно-профессиональной деятельности, поэтому он нуждается в психологической поддержке и психологическом сопровождении [3, 6].

И.А. Дружинина провела научное исследование со студентами-психологами, в котором были обнаружены кризисные тенденции в идентичности студентов-психологов 3-го курса. Данные тенденции проявляются во внутренней противоречивости между ожиданиями студентов, их представлениями о профессии и реальностью ее освоения, дополняются утратой определенных жизненных ориентиров на фоне негативного самоотношения, ощущением ограниченности перспектив личностного и профессионального роста [7]. Е.Н. Леонова также отмечает, что на 3-м курсе студенты часто сталкиваются с экзистенциальным кризисом, поскольку именно на данном курсе обучения больше отчислений из вуза, академических отпусков, причем никак не связанных со здоровьем. Автор указывает на то, что даже успешные обучающиеся могут перестать посещать занятия или готовиться к ним; 3-й курс, по ее мнению, является переломным моментом в процессе обучения в вузе [8].

В.П. Мусина, опираясь на результаты своего исследования, делает выводы о том, что большая часть студентов выпускного курса (чаще 5-го) сталкивается с кризисом профессионального выбора, который может сопровождаться неопределенной профессиональной идентичностью, влекущей за собой проявления кризисного состояния.

Поэтому автор рекомендует проведение тренинговых и коррекционных программ для сопровождения студентов в процессе обучения в вузе [9].

Как указывают В.П. Мусина, R. Cerutti, G. Esposito, при должном оказании помощи студентам кризисное состояние может разрешаться более эффективно и не снижать успешность академического обучения, тем самым улучшая их профессиональное и личностное становление [10–12]. В современной литературе имеются исследования помощи студентам на разных направлениях, однако до конца не ясна эффективность данной помощи в рамках групповой работы и с кризисным состоянием в связи с учебно-профессиональной деятельностью [11–15]. Поэтому проведение данного исследования и разработка краткосрочной программы психологической коррекции являются актуальными.

Цель исследования – определение эффективности краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния у студентов в связи с учебно-профессиональной деятельностью.

Для проведения эмпирического исследования были определены методики, направленные на выявление кризиса (неудовлетворенность жизнью, сниженная потребность в реализации, потеря мотивации, экстернальный локус контроля, низкая осмысленность жизни), уровня и типа мотивации к обучению, самоорганизации и самооценки личности, поскольку эти компоненты соответствуют теории о структуре учебно-профессиональной деятельности [4]. Таким образом, в исследовании применялись: «Опросник смысложизненного кризиса» В.В. Карпинского, тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева в адаптации М.С. Яницкого, А.В. Серого, «Шкала академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина, методика «Диагностика особенностей самоорганизации-39» А.Д. Ишакова и «Шкала самооценки», М. Розенберга. Для определения эффективности краткосрочной программы психологической коррекции был выбран метод статистической обработки – Т-критерий Вилкоксона, при уровне значимости менее 0,05, и медианный тест.

В исследовании приняли участие студенты 1-, 3- и 5-го курсов обучения по специальностям «Клиническая психология», «Педиатрия» и «Лечебное дело» в ФГБОУ ВО «ТГМУ» Минздрава России (г. Владивосток). Общую выборку составили 78 обучающихся: 52 девушки и 26 юношей в возрасте 18–23 лет. 1-, 3- и 5-й курсы считаются наиболее чувствительными для возникновения кризиса, связанного с учебно-профессиональной деятельностью.

Основная часть

На первом этапе исследования была проведена диагностика с использованием вышеприведенных методик, которая разделила общую группу исследуемых на две подгруппы: 1) находящиеся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью (24 человека); 2) не находящиеся в таком состоянии (54 человека). Для определения, находится ли студент в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью, все результаты методик были рассмотрены с позиции компонентной модели [3, 4]. Ключевыми факторами, свидетельствующими о том, что у студента имеется кризисное состояние, являются: высокие и средние с тенденцией к высокому показатели выраженности смысложизненного кризиса (результаты по опроснику смысложизненного кризиса В.В. Карпинского); первый тип актуальности смыслового состояния, характеризующийся низкой осмысленностью прошлого, настоящего и будущего (тест «Смысложизненные ориентации»); преобладание внешней учебной мотивации или амотивации; сниженные показатели самооценки и самоорганизации личности. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты исследования кризисного состояния в связи с учебно-профессиональной деятельностью

Показатель	Студенты, находящиеся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью (n = 24)	Студенты, не находящиеся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью (n = 54)
«Опросник смысложизненного кризиса» В.В. Карпинского		
Выраженность кризиса	Количество случаев	Количество случаев
Высокий уровень (8–10 стенов)	12	0
Средний с тенденцией к высокому уровню (7 стенов)	7	0
Средний уровень (5–6 стенов)	5	28
Средний с тенденцией к низкому уровню (4 стена)	0	21
Низкий уровень (1–3 стена)	0	5
Тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева в адаптации М.С. Яницкого и А.В. Серого		
Актуальность смыслового состояния	Количество случаев	Количество случаев
Первый тип	19	0
Второй тип	1	2
Третий тип	2	1
Четвертый тип	2	8
Пятый тип	0	5
Шестой тип	0	2
Седьмой тип	0	7
Восьмой тип	0	29
«Шкала академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина		
Преобладающая мотивация к обучению	Количество случаев	Количество случаев
Познавательная мотивация	17	47
Мотивация достижения	8	28
Мотивация самоуважения	11	33
Мотивация саморазвития	10	25
Интроецированная мотивация	9	12

Показатель	Студенты, находящиеся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью (n = 24)	Студенты, не находящиеся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью (n = 54)
Экстернальная мотивация	6	6
Амотивация	6	1
Методика «Диагностика особенностей самоорганизации-39» А.Д. Ишакова		
Шкала	Уровни: Н/НСр/Ср/ВСр/В	Уровни: Н/НСр/Ср/ВСр/В
Целеполагание	9/7/6/1/1	2/9/19/15/9
Анализ ситуации	10/1/10/2/1	4/5/24/16/5
Планирование	5/5/10/3/1	3/5/15/23/8
Самоконтроль	6/5/12/2/1	3/7/24/13/7
Коррекция	6/8/6/3/1	2/7/18/9/18
Волевые усилия	10/6/6/1/1	2/3/29/17/3
«Шкала самооценки» М. Розенберга		
Уровень самооценки	Количество случаев	Количество случаев
Низкий	6	1
Средний	16	32
Высокий	2	21

У студентов с кризисным состоянием в *деятельностном компоненте* отмечается обесценивание ценностей, которые были значимы в прошлом, вследствие низкой осмысленности жизни в общем, а у некоторых низкой осмысленности прошлого проявляются трудности в постановке целей. Отсутствие значимых ценностей, трудности в постановке целей негативно влияют на реализацию деятельности. В мотивационном компоненте людей с кризисным состоянием характерно проявление познавательной мотивации, но она носит неустойчивый характер в связи с наличием интроецированной мотивации, которая реализуется из чувства вины и стыда. Внутренняя мотивация может снижаться из-за мотивации из чувства вынужденности следования нормам и правилам, а в некоторых случаях приводит к амотивации. *Оценочно-контрольный компонент* выражается в показателях ниже среднего по самоорганизации, однако некоторые респонденты способны скорректировать свое поведение. Самооценка, в свою очередь, характеризуется преобладанием самоуважения, однако иногда студенты могут обесценивать свои достижения. Выделено два респондента, которые склонны акцентироваться на своих недостатках и слабых сторонах, винить себя во всех неудачах. Это мешает ставить цели и добиваться успеха.

Подгруппа, не находящаяся в кризисном состоянии, в *деятельностном компоненте* характеризуется устойчивыми ценностями, способностью реализовывать поставленные задачи. Однако некоторые могут проявлять неустойчивость в определении ценностей и целей. Так, можно сказать о большей эффективности в определении и реализации целей, однако некоторые респонденты, имеющие предкризисное состояние, могут ситуативно

изменять цели, что может снизить эффективность деятельности. Для *мотивационного компонента* характерна выраженность внутренней мотивации: мотивация достижения, познавательная мотивация и мотивация саморазвития, но также самоуважения, которая помогает почувствовать свою значимость в связи с высокими результатами. Однако последняя является наиболее распространенной в учебной деятельности. В *оценочно-контрольном компоненте* показатели самоорганизации имеют средние значения, а результаты самооценки выражены в преобладании самоуважения, но иногда студенты могут обесценить свои достижения. Важно отметить, что полученные результаты указывают на большую устойчивость положительной самооценки, чем у людей с кризисным состоянием.

На втором этапе исследования 13 человек из подгруппы студентов, находящихся в кризисном состоянии в связи с учебно-профессиональной деятельностью, приняли участие в краткосрочной программе психологической коррекции.

Авторская программа базируется на основных принципах психологической и краткосрочной коррекции, которые разработали Л.И. Божович, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и др.: принцип единства методологии, диагностики и коррекционной работы, указывающий на то, что программа психологической коррекции составляет единый комплекс, деятельностный принцип, принцип терминологической адекватности, принцип актуальности, системности, «Сдвиг фокуса», «Здесь-и-сейчас» [15]. Подход, который лег в основу составления данной программы, – когнитивно-поведенческий (КПТ). Отличительными чертами КПТ являются проблемно-ориентированные стратегии и вмешательства, которые основаны на теории научения, а также на принципах когнитивной теории. Так, в анализе учебно-профессиональной деятельности выделены компоненты: деятельностный, мотивационный, оценочно-контрольный, в которых отражаются когнитивные компоненты или особенности мышления (цели индивида, убеждения, самооценка, мотивация). К поведенческому компоненту можно отнести навыки самоорганизации, а также поведения исходя из особенностей когнитивных элементов [16]. Данное описание наглядно показывает актуальность применения когнитивно-поведенческого подхода в программе. На основе вышеуказанных компонентов проводились:

- 1) работа с ценностно-смысловой сферой (упражнение на определение ценностей и мотивов в учебной деятельности) с представлениями о себе и своей студенческой роли (выявление негативных автоматических мыслей, их реструктуризация);
- 2) анализ эмоциональных и телесных реакций в трудных учебных ситуациях и на протяжении коррекционной работы, обучение техникам саморегуляции;
- 3) анализ поведения в трудных учебных ситуациях, основные формы поведения в жизненных ситуациях; обучение навыкам самоорганизации и планирования.

Существует формула КПТ: С-М-Э-Р, где С – событие; М – мысли или оценка данного события; Э – эмоция (радость, гнев, страх, печаль и их производные); Р – телесная и поведенческая реакция (напряжение мышц, отстаивание своей позиции или бегство).

Данная схема послужила основой для анализа автоматических мыслей, телесных и эмоциональных реакций.

Исходя из компонентов учебно-профессиональной деятельности и компонентов КПТ, а также результатов эмпирического исследования *цель проведения краткосрочной программы* заключается в том, чтобы повысить внешнюю мотивацию, самоорганизацию, самооценку, а также укрепить ценностно-смысловую сферу для эффективности учебно-профессиональной деятельности и снижения кризисного состояния.

Коррекционная работа проводилась в групповом формате, поскольку он обеспечивает принятие и понимание нормальности кризисного состояния (несколько студентов столкнулись с данным состоянием или определенными трудностями в учебной деятельности). Продолжительность коррекционной программы – 10 встреч. Занятия прохо-

дили один раз в неделю, продолжительность одного занятия – 1,5–2 ч. Такой формат работы позволяет эффективно поработать с каждым участником, выполнить домашнее задание, которое дается после каждого занятия для рефлексии темы занятия и закрепления навыков. План и темы коррекционных занятий представлены в табл. 2.

Таблица 2

План краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния в связи с учебно-профессиональной деятельностью

Тема	Цель	Время, ч	Содержание занятия
№ 1 Знакомство и понимание кризисного состояния	Создать доверительную атмосферу, познакомить с правилами группы, провести психообразовательную беседу	2	Вводная часть (30 мин) Упражнение «Знакомство» Цель: познакомить участников, снять напряжение. Установка правил поведения в группе. Основная часть (1ч 10 мин) Психообразовательная беседа Цель: рассказать о кризисном состоянии, объяснить основные принципы КПТ. Упражнение № 1 Цель: определить наиболее затруднительные ситуации для студентов в процессе учебы. Заключительная часть (20 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 2 Цели и ценности	Определить, актуализировать цели и ценности, жизненные и учебные	1,5	Вводная часть (30 мин) Шеринг (оценка актуального эмоционального состояния, обсуждение значимых тем) Обсуждение домашнего задания Основная часть (30 мин) Упражнение «Оценка ценностей» Цель: определить важные для человека ценности. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 3 Мотивация	Актуализировать учебную мотивацию	2	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (1 ч) Упражнение № 1 Цель: проанализировать автоматические мысли, эмоции и действия. Упражнение «Расскажи мне свою историю» Цель: поделиться опытом столкновения с различными учебными ситуациями, снизить негативные переживания, связанные с прошлым опытом. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание

Продолжение табл. 2

Тема	Цель	Время, ч	Содержание занятия
№ 4 Саморегуляция	Познакомить с техниками регуляций психоэмоционального состояния	2	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (1 ч) Реструктуризация автоматических мыслей Цель: проанализировать автоматические мысли, определить когнитивные искажения. Упражнение «Виды дыхания» Цель: познакомить с разными видами дыхания. Упражнение «Успокаивающий метод» Цель: познакомить с дыхательной техникой. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 5 Саморегуляция (продолж.)	Познакомить с техникой мышечной релаксации	1,5 ч	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (30 мин) Упражнение «Поиск напряжения» Цель: подготовить к выполнению техники и выявить наиболее напряженные участки. Прогрессивная мышечная релаксация Цель: познакомить с техникой саморегуляции. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 6 Самоорганизация	Проанализировать сферы жизни и определить распределение ресурсов	2	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (1 ч) Упражнение «Квадрат Пезешкиана» Цель: определить основные сферы жизни и найти баланс между ними. Упражнение «Матрица Эйзенхауэра» Цель: распределить текущие задачи с учетом приоритетов. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 7 Самоорганизация (продолж.)	Познакомить с навыками эффективной самоорганизации	1,5	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (30 мин) Упражнение № 1 Цель: попробовать технику постановки цели для повышения эффективности. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание

Тема	Цель	Время, ч	Содержание занятия
№ 8 Самооценка	Актуализировать сильные черты личности, укрепить позитивное отношение к себе	2	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (1 ч) Упражнение № 1 Цель: осознать влияние внутреннего критика. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 9 Самооценка (продолж.)	Актуализировать сильные черты личности, укрепить позитивное отношение к себе	2	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (1 ч) Упражнение № 1 Цель: создать условия для осмысления личной ответственности за свою успешность / неуспешность в профессии. Упражнение «Человек на своем месте» Цель: самостоятельный анализ плюсов и минусов студенческих и профессиональных ролей. Заключительная часть (30 мин) Подведение итогов дня; домашнее задание
№ 10 Завершение	Обобщить все пройденные занятия, подвести итог, провести итоговую диагностику	2	Вводная часть (30 мин) Шеринг Обсуждение домашнего задания Основная часть (1 ч) Тестирование Упражнение «Пожелания» Цель: получить поддержку от участников, получить ресурс для дальнейшей работы. Заключительная часть (30 мин) Заключительный шеринг

На третьем этапе после прохождения программы (спустя 2,5 месяца) была проведена итоговая психологическая диагностика с применением тех же методик и произведена обработка данных с помощью Т-критерия Вилкоксона и медианного теста для определения эффективности краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния у студентов в связи с учебно-профессиональной деятельностью. Результаты диагностики представлены в табл. 3.

Таблица 3

Статистическая обработка показателей кризисного состояния и критериев учебно-профессиональной деятельности до и после проведения программы коррекции (n = 13)

Показатель	Значения критерия Вилкоксона, T	Уровень достоверности (p-level)	Показатель медианы (до/после)
«Опросник смысложизненного кризиса» В.В. Карпинского			
Смысложизненный кризис	1,00	0,011	245/215
Тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева в адаптации М.С. Яницкого и А.В. Серого			
Осмысленность жизни	1,50	0,013	90/102
Цели	0,00	0,008	31/36
Процесс	9,00	0,109	24/29
Результат	5,00	0,038	24/26
Локус контроля – Я	4,00	0,028	20/26
«Шкала академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина			
Локус контроля – Жизнь	0,00	0,017	30/33
Познавательная мотивация	2,00	0,074	16/16
Мотивация достижений	0,00	0,007	11/15
Мотивация саморазвития	2,00	0,025	15/17
Мотивация самоуважения	18,00	1,00	12/14
Интроецированная мотивация	3,50	0,142	13/10
Экстернальная мотивация	5,00	0,128	13/11
Амотивация	12,00	0,400	8/7
Методика «Диагностика особенностей самоорганизации-39» А.Д. Ишакова			
Целеполагание	3,00	0,020	8/15
Анализ ситуации	9,50	0,123	2/10
Планирование	9,00	0,109	3/6
Самоконтроль	12,0	0,457	8/9
Коррекция	9,50	0,123	–3/3
Волевые усилия	3,00	0,035	–3/6
«Шкала самооценки» М. Розенберга			
Самооценка	0,00	0,011	27/32

По «Опроснику смысложизненного кризиса» Т-критерий Вилкоксона показал значимые различия. До программы участники имели выраженное кризисное состояние по медиане (7 стенов), а после программы выраженность кризисного состояния снизилась

(5 стенов), что свидетельствует о повышении повседневной активности, снижении ощущения неудовлетворенности жизнью, однако, вероятно, остается некоторая неустойчивость ценностного компонента. Снижение выраженности кризисного состояния можно объяснить тем, что в коррекционной работе была создана доброжелательная и принимающая атмосфера, а поддержка и нормализация состояния являются основой психологической помощи в ситуации кризиса [14]. При работе с участниками обсуждались ситуации, которые вызывают беспокойство и трудности в учебном процессе; производился анализ негативных автоматических мыслей, возникающих в учебных ситуациях, и их реструктуризация [13]. Данная работа помогла участникам проанализировать трудные ситуации более глубоко (анализ плюсов и минусов, анализ мыслей, эмоций и действий в трудной учебной ситуации), что, в свою очередь, показало, к каким паттернам поведения чаще прибегают участники, какие могут проявляться когнитивные искажения.

Далее рассмотрим изменения с позиции компонентной модели.

Деятельностный компонент учебно-профессиональной деятельности. Для анализа использовались результаты методики «Смысложизненные ориентации», которая иллюстрирует наличие цели в жизни, продуктивность, удовлетворенность своей реализацией и в общем осмысленностью жизни. Т-критерий Вилкоксона показал значимые различия по 5 шкалам из 6. Однако медианный тест выявил, что медианные значения варьируются в диапазоне низких значений. Так, шкала «осмысленность жизни» до программы составляла 2 стена, а после – 4 стена. Оба значения имеют низкий показатель (до 5 стенов – низкие значения). По шкале «цели» нет изменений по медианному тесту. Но, несмотря на это, можно сказать о менее выраженном проявлении негативных характеристик. Более выраженных изменений могло не произойти из-за достаточно устойчивости смысловых ориентаций, которые организуют цели, определяют поведение и отражают отношение личности к объектам, ради которых реализуется деятельность. Поэтому для изменений нужно больше времени. Однако изменения выявились по шкалам «результат», «локус контроля – Я» и «локус контроля – Жизнь»; значения до программы были низкими, а после программы стали средними. Полученные результаты свидетельствуют о повышении ощущения продуктивности и осмысленности пройденного отрезка жизни, о повышении уверенности в себе как личности и способности выстраивать свою деятельность в соответствии с представлением о ее смысле, повышении способности свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Изменения в деятельностном компоненте (повышение продуктивности, уверенность в своих силах, укрепление убеждения о контроле своей жизни) можно объяснить следующей произведенной работой в программе коррекции: во-первых, актуализацией мотивов поступления в университет, которая проводилась методом незаконченных предложений и помогла определить осознанные и неосознанные мотивы; во-вторых, анализом значимых ценностей и отработкой постановки целей исходя из значимых ценностей и имеющихся ресурсов; в-третьих, актуализацией сильных качеств личности, помогающих для реализации в учебно-профессиональной деятельности, которая производилась путем индивидуального анализа каждым участником своих качеств и совместного обсуждения полученных результатов.

Мотивационный компонент учебно-профессиональной деятельности. Для анализа использовались результаты методики «Шкала академической мотивации», которая иллюстрирует внутреннюю, внешнюю мотивацию и амотивацию у студентов. Т-критерий Вилкоксона показал значимые различия по 2 шкалам из 7. Так, показатель мотивации «достижения» изменился с среднего до высокого, что свидетельствует о стремлении получать высокие результаты в учебе и удовольствие от процесса. Показатель мотивации «саморазвитие» имел высокий уровень и на высоком уровне остался, что свидетельствует о стремлении развития своего потенциала в учебной деятельности и достижения компетентности. Такие результаты

можно объяснить тем, что на коррекционных занятиях обсуждались трудные для участников ситуации в учебе; им была оказана поддержка и даны рекомендации. Участники вели дневник успеха, что помогло им замечать свои успехи и настраиваться на восприятие и учет не только ошибок, но и достижений. Важным является то, что в мотивационном компоненте после программы коррекции повысились показатели, относящиеся именно к внутренней мотивации. Данный тип мотивации зарубежными и отечественными авторами определяется условием высоких достижений в учебно-профессиональной деятельности [17].

Оценочно-контрольный компонент учебно-профессиональной деятельности, который в литературе подразделяется авторами на два аспекта: самоорганизация и самооценка. Для анализа данного компонента использовались методики «Диагностика особенностей самоорганизации-39» и «Шкала самооценки». Изменения были выявлены по шкалам «целеполагание» и «волевые усилия» по уровню самооценки; они указывают на развитие способности у студентов анализировать свои сильные и слабые стороны, способности принимать конструктивную критику, ставить перед собой цели и стремиться достигать их. Отсутствие различий по другим шкалам можно объяснить тем, что самоорганизация – многоуровневый процесс, включающий в себя ценностные ориентации студента, цели и мотивы деятельности [18]. В этих явлениях имеются изменения в программе, но не настолько выраженные для изменения самоорганизации, так как эти компоненты достаточно устойчивы, т.е. необходимо больше времени. В целом данные результаты можно объяснить такой проделанной работой в программе, как: работа с внутренним критиком, анализ черт личности, помогающих и препятствующих в учебно-профессиональной деятельности, анализ положительных и отрицательных сторон студенческой и профессиональной роли, обучение навыкам саморегуляции (дыхательные техники, метод прогрессивно-мышечной релаксации) и планирование.

Заключение

Таким образом, после проведения краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния у студентов в связи с учебно-профессиональной деятельностью можно увидеть снижение выраженности кризисного состояния, однако остается некоторая неустойчивость ценностного компонента.

В деятельностном компоненте учебно-профессиональной деятельности наблюдается продуктивность и осмысленность пройденного отрезка жизни; у студентов повысилась уверенность в своих силах, а также укрепилось убеждение о контроле своей жизни и способности свободно принимать решения. Однако остается некоторая неудовлетворенность жизнью и наблюдаются трудности постановки целей на долгосрочную перспективу, имеющие менее яркую выраженность после программы.

В мотивационном компоненте учебно-профессиональной деятельности отмечается стремление достигать высокие результаты в учебной деятельности и получать удовольствие от процесса, а также стремление развивать свой потенциал.

В оценочно-контрольном компоненте отмечается способность ставить цель и ее удерживать, регулировать собственные действия и состояния, наблюдается способность преодолевать трудности в учебной деятельности. После программы повысилась продуктивность анализа сильных и слабых сторон личности и способность принимать конструктивную критику.

Согласно полученным результатам, несмотря на некоторые аспекты ценностно-смысловой сферы, которые требуют большего количества времени для изменения, можно говорить об эффективности краткосрочной программы психологической коррекции кризисного состояния.

Полученные эмпирические данные обладают научной новизной, поскольку подобранный перечень методик помогает оценить у студентов наличие или отсутствие кризисного состояния в связи с учебно-профессиональной деятельностью, а авторская краткосрочная программа психологической коррекции способна оказать помощь студентам в данном состоянии.

Список источников

1. Dafermos M. Discussing the concept of crisis in cultural-historical activity research: A dialectical perspective // *Human Arenas*. 2024. Vol. 7, № 2. P. 273–292.
2. Особенности мотивационной направленности, профессиональной идентичности, эмоционального выгорания в кризисе профессионального становления у студентов 4 курса / Ю.В. Сарычева, И.А. Курусь, И.В. Пономаренко [и др.] // *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 4 (135). С. 132–137.
3. Зеер Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование: теоретико-методологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф-пед. ун-та, 2001. С. 51.
4. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. Москва: Педагогика, 1989. 560 с.
5. Сунцова Я.С. Кризис профессиональной идентичности студентов-психологов в связи с реализуемостью их жизненных ценностей // *Проблемы формирования профессиональной идентичности у лиц помогающих профессий*. 2022. С. 56.
6. Котлова Т.Б. Учет психологических особенностей студента первого курса как преодоление и профилактика его личностного кризиса // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2017. № 7. С. 35–40.
7. Дружинина И.А. Кризис идентичности будущих психологов: особенности развития и пути преодоления // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2011. № 1. С. 29–35.
8. Леонова Е.Н. Экзистенциальная природа кризиса студентов третьего курса // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 70-4. С. 219–223.
9. Мусина В.П. Факторы кризиса профессионального выбора у студентов // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2021. № 2. С. 29–37.
10. Cerutti R. Effectiveness of psychodynamic-oriented counselling intervention in reducing psychological distress in university students seeking help // *British Journal of Guidance & Counselling*. 2023. Vol. 51, № 6. P. 851–864.
11. Esposito G. Mentalizing the University experience: an exploratory study on the relationship between university students' reflective functioning, psychological well-being and academic performance // *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*. 2020. Vol. 8, № 2. P. 52–58.
12. Исмаилова С.С., Капустина Т.В. Эффективность программы психологической коррекции дезадаптивного состояния у студентов // *Человеческий капитал*. 2025. № 7 (199). С. 151–160.
13. Эффективность краткосрочной программы психологической коррекции склонности к экстремизму / Т.В. Капустина, А.С. Эльзесер, Р.В. Кадыров, А.Н. Матиозова // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2023. Т. 29, № 4. С. 66–72.
14. Козлов В.В. Принципы практико-ориентированной социально-психологической работы / Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова // *Всероссийская научная конференция*. 2020. С. 513.
15. Манухина Н.М., Манухина С.Ю. Анализ современных психологических подходов и технологий работы психолога-консультанта в организации // *Вестник ГУУ*. 2014. № 6. С. 279–283.
16. Варавина Л.А., Корнеева Е.Н. Применение когнитивно-поведенческой терапии в работе с ненормативными кризисами личности // *Ярославский педагогический вестник*. 2024. № 4 (139). С. 148–158.
17. Волкова Е.Н., Исаева О.М., Морева А.Н. Внутренняя мотивация деятельности современной молодежи как условие высоких достижений в сфере программирования: к вопросу определения понятия // *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10, № 2 (39). С. 11.
18. Ондар А.О. Сравнение самостоятельности и самоорганизации деятельности студентов российских высших учебных заведений // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2022. № 3 (67). С. 148–154.

References

1. Dafermos M. Discussing the concept of crisis in cultural-historical activity research: A dialectical perspective. *Human Arenas*. 2024; 7 (2): 273–292.
2. Features of motivational orientation, professional identity, emotional burnout in the crisis of professional development of 4th-year students / Yu.A. Sarycheva, I.A. Kurus, I.V. Ponomarenko [et al.]. *Kazan Pedagogical Journal*. 2019; 4 (135): 132–137.
3. Zeer E.F. Personality-oriented professional education: theoretical and methodological aspect. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. state prof-ped. univ.; 2001. P. 51.
4. Elkonin D.B. Selected psychological works. Moscow: Pedagogy; 1989. 560 p.
5. Suntsova Ya.S. Crisis of professional identity of psychology students in connection with the feasibility of their life values. *Problems of formation of professional identity in persons of helping professions*. 2022: 56.
6. Kotlova T.B. Taking into account the psychological characteristics of a first-year student as overcoming and prevention of his personal crisis. *Personality in extreme conditions and crisis situations of life*. 2017; (7): 35–40.
7. Druzhinina I.A. Identity crisis of future psychologists: features of development and ways of overcoming. *Personality in extreme conditions and crisis situations of life*. 2011; (1): 29–35.
8. Leonova E.N. Existential nature of the crisis of third-year students. *Problems of modern pedagogical education*. 2021; (70-4): 219–223.
9. Musina V.P. Factors of the crisis of professional choice in students. *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2021; (2): 29–37.
10. Cerutti R. Effectiveness of psychodynamic-oriented counseling intervention in reducing psychological distress in university students seeking help. *British Journal of Guidance & Counselling*. 2023; 51 (6): 851–864.
11. Esposito G. Mentalizing the University experience: an exploratory study on the relationship between university students' reflective functioning, psychological well-being and academic performance. *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*. 2020; 8 (2): 52–58.
12. Ismaylova S.S., Kapustina T.V. Effectiveness of the program of psychological correction of maladaptive state in students. *Human capital*. 2025; 7 (199): 151–160.
13. Effectiveness of a short-term program of psychological correction of propensity to extremism / T.V. Kapustina, A.S. Elzesser, R.V. Kadyrov, A.N. Matiozova. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2023; 29 (4): 66–72.
14. Kozlov V.V. Principles of practice-oriented social and psychological work. *All-Russian scientific conference Yaroslavl State University named after P. G. Demidov*. 2020: 513.
15. Manukhina N.M., Manukhina S.Yu. Analysis of modern psychological approaches and technologies of a consulting psychologist in an organization. *Bulletin of the State University of Management*. 2014; (6): 279–283.
16. Varavina L.A., Korneeva E.N. Application of cognitive-behavioral therapy in working with non-normative personality crises. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2024; 4 (139): 148–158.
17. Volkova E.N., Isaeva O.M., Moreva A.N. Intrinsic motivation of modern youth activities as a condition for high achievements in programming: on the issue of defining the concept. *Bulletin of Minin University*. 2022; 10 (2 (39)): 11.
18. Ondar A.O. Comparison of independence and self-organization of activities of students of Russian higher educational institutions. *Skif. Issues of student science*. 2022; 3 (67): 148–154.

Информация об авторах:

Капустина Татьяна Викторовна, канд. психол. наук, доцент каф. общепсихологических дисциплин ТГМУ, г. Владивосток, ORCID: 0000-0001-9833-8963, tatunchik48@mail.ru

Алёшина Ольга Сергеевна, студент ТГМУ, г. Владивосток, ORCID: 0009-0001-8410-1292, alyoshina.olga13@yandex.ru

Черемискина Ирина Игоревна, канд. психол. наук, доцент каф. общей и юридической психологии ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID:0000-0003-4201-1990, irina-cheremiski@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/158-172>

EDN: <https://elibrary.ru/IYGATO>

Дата поступления:
25.08.2025

Одобрена после рецензирования:
29.09.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 371.39 (37.015.3)

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/173-187>

EDN: <https://elibrary.ru/LLKFRU>

Образное и знаково-символическое мышление в обучении математике: диагностика предпочтений и педагогические импликации

Чернявская Валентина Станиславовна

Екинцев Владислав Иванович

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Рассмотрен комплексный анализ связей между индивидуальными когнитивными предпочтениями студентов в представлении условий математических задач и их академической успеваемостью. Актуальность работы обусловлена противоречием между традиционной, ориентированной на знаково-символические репрезентации, системой математического образования и современными научными данными, подчеркивающими критическую роль мультимодального подхода и когнитивной гибкости в процессе обучения. В фокусе исследования находится проблема эффективного изучения математики, которая предъявляет уникальные требования к мышлению, предполагая синтез визуально-образной интуиции и строгого формально-логического аппарата. Теоретической основой работы выступили теория семиотических репрезентативных регистров Р. Дюваля, концепция когнитивных стилей М.А. Холодной, а также модель двойного кодирования А. Пайвио. Эмпирическая часть исследования включала проведение опроса среди студентов университета, направленного на выявление доминирующих предпочтений в восприятии учебной информации: образного, знаково-символического или смешанного типа. Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с применением критерия Манна – Уитни для сравнения успеваемости по алгебре и геометрии между выделенными группами. Результаты продемонстрировали, что группа студентов, сознательно предпочитающая смешанный формат представления информации, демонстрирует статистически значимо более высокую успеваемость по геометрии по сравнению с группой, строго ориентированной на знаково-символические репрезентации. При этом аналогичных различий в успеваемости по алгебре между группами выявлено не было. Это позволяет утверждать, что когнитивная гибкость, выражающаяся в способности свободно переключаться между различными семиотическими регистрами, является ключевым компетентностным предиктором успеха в освоении геометрического материала. На основе результатов сформулированы практические рекомендации для педагогической практики, нацеленные на переход от учета статичных когнитивных предпочтений к активному развитию репрезентативной гибкости у всех категорий обучающихся через внедрение мультимодальных и динамических образовательных технологий.

Ключевые слова: когнитивные стили, образное мышление, знаково-символическое мышление, представление математических задач, успеваемость, мультимодальное обучение, геометрия, алгебра.

Для цитирования: Чернявская В.С., Екинцев В.И. Образное и знаково-символическое мышление в обучении математике: диагностика предпочтений и педагогические импликации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 173–187. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/173-187>. EDN: <https://elibrary.ru/LLKFRU>

Figurative and symbolic thinking in teaching mathematics: diagnostics of preferences and pedagogical implications

Valentina S. Chernyavskaya

Vladislav I. Ekintsev

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The present study is devoted to a comprehensive analysis of the relationship between students' individual cognitive preferences in presenting mathematical problem conditions and their academic performance. The relevance of the work is due to the contradiction between the traditional system of mathematical education, focused on symbolic representations, and modern scientific data that emphasize the critical role of a multimodal approach and cognitive flexibility in the learning process. The research focuses on the problem of effective study of geometry, which places unique demands on thinking, assuming a synthesis of visual-imaginative intuition and a strict formal-logical apparatus. The theoretical basis of the work is the theory of semiotic representative registers by Raymond Duval, the concept of cognitive styles by Maria Kholodnaya, as well as the dual coding model by Alan Paivio. The empirical part of the study includes conducting a survey among university students aimed at identifying dominant preferences in the perception of educational information: figurative, symbolic, or mixed types. The data obtained are subjected to statistical analysis using the Mann-Whitney criterion to compare academic performance in algebra and geometry between the selected groups. The results show that the group of students who consciously prefer a mixed format of information presentation demonstrate statistically significantly higher academic performance in geometry compared to the group strictly focused on symbolic representations. At the same time, there are no similar differences in academic performance in algebra between the groups. Besides, the group of students who consciously prefer a mixed format of information presentation demonstrate statistically significantly higher academic performance in geometry compared to the group strictly focused on symbolic representations. At the same time, there are no similar differences in academic performance in algebra between the groups. This suggests that cognitive flexibility, expressed in the ability to freely switch between different semiotic registers, is a key competence predictor.*

Keywords: *cognitive styles, imaginative thinking, sign-symbolic thinking, representation of mathematical problems, academic performance, multimodal learning, geometry, algebra.*

For citation: Chernyavskaya V.S., Ekintsev V.I. Figurative and symbolic thinking in teaching mathematics: diagnostics of preferences and pedagogical implications // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 4 P. 173–187. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/173-187>. EDN: <https://elibrary.ru/LLKFRU>

Введение

Вариативность восприятия информации студентами является условием и показателем их качественного обучения. Преобразование представлений о математических объектах является ключевым аспектом математического мышления и обучения, особенно в высшей математике и математическом анализе. Оно позволяет учащимся видеть один и тот же объект с разных точек зрения, что способствует более глубокому пониманию, развитию интуиции и умению решать задачи. Представим наиболее математически и педагогически значимые примеры таких преобразований:

1. Функция – мультиреференциальная природа понятия.

Понятие функции реализуется в четырех основных семиотических регистрах.

Графический регистр обеспечивает визуальную репрезентацию поведения зависимости, включая монотонность, экстремумы и асимптотику.

Аналитический регистр фиксирует функцию как правило преобразования, заданное вербально или символически.

Операционный (функциональный) регистр трактует функцию как отображение между множествами, подчеркивая ее роль как оператора, сохраняющего структурные свойства.

Табличный регистр представляет функцию как конечное или счетное множество упорядоченных пар, акцентируя внимание на дискретных значениях.

Когнитивная сложность освоения понятия функции обусловлена необходимостью координации этих регистров, поскольку ни один из них в изоляции не исчерпывает содержания понятия.

2. Предел – переход от интуитивной к формальной репрезентации.

Интуитивное представление предела как «значения, к которому стремится функция», относится к «феноменологическому регистру», основанному на непрерывности и движении.

Формальное ε - δ -определение, напротив, принадлежит логико-кванторному регистру, где понятие предела редуцируется к системе вложенных кванторов и импликаций. Этот переход иллюстрирует общую тенденцию математического познания: замещение содержательной интуиции строгой формальной конструкцией. Однако педагогическая эффективность требует сохранения связи между регистрами, поскольку отрыв формального определения от интуитивного образа ведет к процедурному, а не концептуальному усвоению.

3. Производная – полирепрезентативная структура.

Производная функции репрезентируется в трех ключевых регистрах.

Геометрический регистр интерпретирует производную как угловой коэффициент касательной, тем самым связывая анализ с евклидовой геометрией.

Аналитический регистр определяет производную как предел отношения приращений, акцентируя внимание на локальном поведении функции.

Физический (прикладной) регистр трактует производную как мгновенную скорость изменения, что обеспечивает ее интерпретацию в контексте естественно-научных моделей.

Освоение понятия производной предполагает не просто знание этих интерпретаций, а способность к их взаимной трансляции, что является маркером глубокого понимания.

4. Интеграл – иерархия репрезентаций от конкретного к абстрактному.

Интеграл допускает последовательную иерархию репрезентаций. На начальном уровне он представлен в геометрическом регистре как мера площади под кривой; на следующем этапе в аналитическом регистре – как предел интегральных сумм, что формализует процедуру измерения. Далее в рамках фундаментальной теоремы анализа интеграл связывается с антидифференциальным оператором, что создает дуальную связь с дифференцированием. Наконец, в функциональном анализе интеграл репрезентируется в операторном регистре как линейный функционал на пространстве функций. Эта иерархия отражает эволюцию понятия от измерительной процедуры к абстрактному объекту функционального пространства.

5. Ряды – от числовой последовательности к функциональной репрезентации.

Числовой ряд изначально репрезентируется в арифметическом регистре как предел последовательности частичных сумм. При введении зависимости от переменной он переходит в функциональный регистр, где сумма ряда становится новой функцией, определенной на множестве сходимости. Особый статус приобретают степенные ряды, которые в репрезентационном плане выступают как средство аппроксимации гладких функций полиномиальными выражениями. Таким образом, ряды служат семиотическим мостом между дискретной арифметикой и непрерывным анализом, обеспечивая конструктивный метод представления функций.

6. Вектор – обобщение от геометрической модели к абстрактной структуре.

Вектор изначально вводится в геометрическом регистре как направленный отрезок, характеризуемый длиной и направлением. В аналитической геометрии он переходит в алгебраический регистр как упорядоченный набор координат, подчиняющийся операциям линейной алгебры. В функциональном анализе вектор обобщается до элемента абстрактного векторного пространства, что включает в себя функции, сигналы и другие бесконечномерные объекты. Этот процесс обобщения демонстрирует принципиальную особенность математики: переход от конкретной модели к аксиоматически заданной структуре, сохраняющей ключевые операции и отношения.

7. Дифференциал – эволюция от вычислительного инструмента к геометрическому объекту.

В рамках математического анализа дифференциал репрезентируется в вычислительном регистре как линейная часть приращения функции, используемая для локальной аппроксимации. В дифференциальной геометрии он трансформируется в геометрический регистр, где дифференциал функции интерпретируется как ковариантный вектор (1-я форма), действующий на касательные векторы. Этот сдвиг в современной математике от операциональной интерпретации к структурной иллюстрирует переход от аналитической к геометрической парадигме, где объекты рассматриваются не только по их вычислительным свойствам, но и по роли в глобальной структуре пространства.

Представленные примеры демонстрируют, что ключевые понятия математического анализа и линейной алгебры обладают инвариантным содержанием, реализуемым через множественные семиотические регистры. Освоение этих понятий требует не только знания отдельных репрезентаций, но и развития когнитивной способности к их координации и трансляции. Отсутствие такой гибкости ведет к фрагментарному, процедурному усвоению, что ограничивает возможности применения математических знаний в новых контекстах. Следовательно, эффективное математическое образование в вузе должно целенаправленно развивать мультирепрезентальную компетентность как основу концептуального понимания.

Таким образом, математические понятия не существуют в изоляции, каждое из них является «многогранным», грани каждого из них представляют разные способы репрезентации: визуальный, вербальный, операциональный, логический. Подлинное понимание возникает не тогда, когда студент запоминает определение, а когда он свободно перемещается между этими гранями, видя в них отражения одной и той же идеи. Именно эта гибкость репрезентаций является ключом к развитию математического мышления и способности применять абстракции к реальным задачам.

Это позволяет обучающимся понять, что функция не просто «формула», а правило соответствия, которое можно изучать разными способами; показывает, как формализуются интуитивные идеи, происходит формирование математической зрелости. Если студенты видят многогранность понятия, то начинают понимать, что одна и та же математическая конструкция описывает разные явления в геометрии, физике, экономике и других областях. Так открывается путь к приближенным вычислениям, решению дифференциальных уравнений, эволюции понятия от инструмента приближения к абстрактному геометрическому объекту и его практическому применению. Преобразование представлений – не просто смена формы записи, а смена способа мышления. В преподавании высшей математики важно осознанно организовывать переходы между разными представлениями, использовать визуализацию (графики, диаграммы), связывать абстрактные понятия с физическими или геометрическими аналогами, подчеркивать единство математики с помощью разных языков описания одного объекта. Такой подход развивает гибкость мышления, математическую интуицию и способность передавать знания как ключевые компетенции в обучении высшей математике.

Таким образом, теоретический анализ подтверждает, что способность к преобразованию репрезентаций является ключевой для глубокого понимания математики. Однако в практике высшего и общего образования доминирует знаково-символический подход. Это порождает практический вопрос: как индивидуальные когнитивные предпочтения студентов, сложившиеся в такой среде, влияют на их успешность в изучении различных математических дисциплин, особенно тех, которые, как геометрия, требуют синтеза разных способов мышления? Данное исследование направлено на поиск эмпирического ответа на этот вопрос.

Проблемой исследования является проверка различий в академической успеваемости между студентами с разными когнитивными стилями (доминирующими предпочтениями в представлении математических задач) в рамках изучения алгебры и геометрии.

Цель исследования: выявить доминирующие когнитивные предпочтения студентов (образные, знаково-символические, смешанные) и установить их взаимосвязи (корреляции) с успеваемостью по алгебре и геометрии для разработки адресных методических рекомендаций.

Материалы и методы исследования. Проведен анализ научной и научно-методической литературы по проблеме математического мышления, учебной деятельности при изучении математики, когнитивных стилей. Данные получены с помощью опроса, проведенного в 2024–2025 гг. на выборке студентов Владивостокского государственного университета, которые изучают высшую математику.

Объектом исследования являются когнитивные (когнитивно-стилевые) предпочтения студентов в обучении математике.

Предмет исследования – систематизация теоретических и эмпирических данных о когнитивных предпочтениях обучающихся на уровне высшего образования и школьного математическом образовании.

Обзор литературы. Способность владеть преобразованием представлений математических объектов – не просто вспомогательный навык, а фундаментальная компетенция, лежащая в основе глубокого понимания математики, как в школе, так и в вузе. Эффект владения преобразованием представлений в высшей математике (в вузе) позволяет освоить абстрактные понятия. Студент сталкивается с такими объектами, как предел, производная, интеграл, векторное пространство, топология, которые требуют умения «видеть» объект с разных сторон.

Понимание того, как студенты воспринимают и решают математические задачи, является ключевым аспектом когнитивной психологии и педагогики. Одним из центральных вопросов в этой области выступает проблема когнитивных предпочтений, т.е. индивидуальные особенности в обработке информации, проявляющиеся в склонности к использованию образного (визуального, интуитивного) или знаково-символического (логического, вербально-аналитического) способов представления условий задачи. Эти предпочтения тесно связаны с концепцией когнитивных стилей, которая восходит к ранним работам по когнитивной психологии. Значительный вклад в исследование этой области знаний внес А. Пайвио с его теорией двойного кодирования [1], согласно которой информация обрабатывается в двух параллельных системах: вербальной (языковой, символической) и неязыковой (образной, визуальной). Эта теория легла в основу многих исследований когнитивных стилей, включая математическое мышление. Термин «образный-вербальный» («холистический-аналитический» когнитивный стиль (visual-verbal cognitive style)) был систематизирован в 1970–1990-х гг. Важную роль сыграли работы Р. Ридера и И. Чима [2], которые предложили модель когнитивных стилей, включающую измерение «визуализатор-вербализатор»; К. Кирана, исследовавшего, как обучающиеся представляют алгебраические выражения через символы или через геометрические / графические

ческие образы [3, 4]; М. Хегарти и М. Кожевникова, которые выделили два типа визуальных стратегий в решении задач, показали, что успешные ученики чаще используют схематические образы, тогда как неуспешные – символические (графические) стратегии [5].

В 1990–2000-е гг. интерес к когнитивным стилям в математике возрос; начиная с 2010 г. в исследованиях отказываются от жесткой дихотомии «образный-знаковый» в пользу мультимодального подхода. Когнитивный стиль рассматривается как континуум, а не бинарная оппозиция, акцент в понимании результативности смещается на гибкость когнитивных стратегий, когда успешные студенты способны переключаться между образным и символическим представлением в зависимости от типа задачи. Современные подходы подчеркивают динамичность и адаптивность когнитивных стратегий, в которых образное и знаково-символическое представления условий задачи не являются взаимоисключающими, а, скорее, дополняют друг друга. Эффективное математическое мышление требует способности перекодировать информацию между этими модальностями. Таким образом, проблема когнитивных предпочтений студентов остается актуальной, но ее понимание эволюционировало от поиска «лучшего стиля» к исследованию условий и механизмов эффективного сочетания образного и символического мышления.

В изучении высшей математики необходима связь между разделами математики, чтобы переводить задачу из области анализа в геометрии (или алгебре) и находить неожиданные решения, понимать, что математика – это не набор рецептов, а единая система взглядов, в которой одни и те же идеи проявляются в разных формах. Отсутствие этой способности у студентов в вузе может привести к формализму, действиям без понимания, неспособности интерпретировать результаты, совершению ошибок в доказательствах. Поэтому необходимо сознательно варьировать представления при введении любого математического понятия, использовать межпредметные связи для демонстрации различных интерпретаций, развивать метакогнитивные навыки.

Исследование проблемы преобразования представлений о математических объектах в процессе обучения – важное направление в математическом образовании, имеющее как международную, так и отечественную научную базу. Наиболее влиятельной и системной теоретической основой этой области является теория семиотических репрезентативных регистров, разработанная французским исследователем Р. Дювалем, который утверждает, что понимание математического объекта невозможно без способности переключаться между различными способами его представления (например, алгебраическим, графическим, вербальным, табличным). При этом он подчеркивает, что координация способов представления – это не просто вспомогательный навык, а центральный когнитивный процесс в обучении математике, а основные работы Р. Дюваля, такие как «Понимание математического образа мышления – регистры семиотических репрезентаций» [6], стали классикой в области математического образования и широко цитируются (более 390 цитирований). По мнению Р. Дюваля, ошибки обучающихся часто возникают не из-за непонимания самого объекта, а из-за неспособности преобразовать его из одного регистра в другой.

На основе теории Р. Дюваля был проведен ряд эмпирических исследований в работах О. Хатин-Заде, посвященных сравнению воплощенных и абстрактных представлений математических понятий. О. Хатин-Заде с соавторами изучает когнитивные процессы, связанные с трансформацией представлений, в том числе с переходом от «бестелесных» (абстрактных) представлений в «воплощенные представления», что особенно важно для понимания высшей математики. Преобразование абстрактного определения (например, непрерывности через ε - δ) в воплощенное представление (движение точки по графику без отрыва карандаша) значительно улучшает первоначальное понимание у студентов. Такое преобразование активирует сенсомоторные когнитивные ресурсы, что облегчает усвоение сложных концепций.

Однако для достижения математической зрелости необходим и обратный переход: от интуитивного представления к формальному, что позволяет обобщать и доказывать [7–9].

А.П. Бал провел исследование среди будущих учителей математики с помощью авторского «Теста на трансформацию множественных репрезентаций» и выяснил, что их способность работать со множественными представлениями и преобразовывать их напрямую связана с качеством преподавания в будущем [10].

С. Яо показал, что преобразование представлений помогает обучающимся перейти от эмпирического обобщения (на основе примеров) к структурному (на основе понимания закономерностей). С. Яо изучал, как преобразование представлений помогает учащимся переходить от эмпирического обобщения («я вижу закономерность в числах») к структурному («я понимаю, почему это работает»). Обучающиеся, которые активно использовали несколько способов представления (например, рисовали фигуры, составляли таблицы, записывали формулы), в 2–3 раза чаще достигали структурного понимания, чем те, кто работал только с числовыми последовательностями. Ключевым триггером перехода к структурному мышлению стало представление в виде геометрической модели (например, точек или квадратов), что сделало закономерность «видимой» [11].

О. Кузу исследовал, как переходы между различными системами представлений влияют на формирование понятий у будущих учителей математики [12]. А. Соколовский провел метаанализ исследований по использованию представлений в начальном математическом образовании (от подготовительной группы до 5-го класса), который подтвердил положительное влияние многопредставительного подхода на успеваемость и понимание [13]. Исследования также показывают, что цифровые динамические инструменты (например, GeoGebra, Desmos) значительно упрощают преобразование между регистрами, делая его интерактивным и наглядным [14]. Современные подходы, такие как геймификация, также предполагают многостороннюю поддержку для повышения вовлеченности и понимания.

Теоретическая модель Р. Дюваля нашла свое подтверждение в том, что основная трудность в изучении математики заключается не в сложности предмета, а в неспособности переключаться между регистрами (например, переходить от алгебраической формулы к графику). Обучающиеся часто «застывают» на одном представлении и не видят связи с другими. Успешное обучение зависит от частоты и качества координации регистров, а не от количества повторений в одном формате.

В исследовании Д. Рахмавати большинство студентов успешно справились с преобразованием визуальных и числовых форм (например, графика ↔ таблицы). Однако значительно хуже справлялись с вербальными представлениями: им было трудно описать словами математическую связь или преобразовать словесную задачу в формальную модель. Это указывает на разрыв между процедурным и концептуальным пониманием, что особенно опасно для будущих педагогов [15].

Сравнение теории Р. Дюваля с другими когнитивными моделями (например, с онто-семиотическим подходом) показало, что они подтверждают центральную роль координации представлений, но Р. Дюваль делает акцент на когнитивной несводимости регистров. Эти результаты доказывают, что обучение должно быть намеренно многопредставительным. Необходимо:

- вводить понятия через несколько регистров одновременно;
- тренировать явные переходы между ними («переведи график в формулу», «опиши словами, что показывает производная»);
- использовать воплощенные метафоры на ранних этапах, но постепенно формализовать их.

Данный подход не только снижает количество ошибок, но и формирует математическое мышление как таковое; он не является новым для отечественной педагогики и психолого-педагогической науки. Еще Л.М. Фридман в своих работах ввел понятие «психологической структуры задачи» как совокупности условий, требований и способов репрезентации; подчеркивал, что успешное решение задачи зависит от способности учащегося построить адекватную внутреннюю модель, которая может быть: образной (например, мысленный чертеж), символической (алгебраическая запись), словесно-логической (рассуждение в терминах) [16]. Им была разработана методика обучения решению задач через моделирование, включая схематическое моделирование, графическое представление, табличные формы. Л.М. Фридман критиковал как чрезмерную визуализацию («рисование ради рисования»), так и раннюю символизацию без понимания смысла. Он настаивал на осознанном выборе репрезентации, соответствующей структуре задачи и уровню развития учащегося. Таким образом, у Л.М. Фридмана когнитивный стиль не фиксирован, а формируется в процессе обучения, и педагог должен создавать условия для развития гибкости репрезентаций.

В.В. Давыдов, развивая идеи Выготского и Эльконина, предложил теорию развивающего обучения, в которой математическое мышление начинается с анализа общих отношений (например, величин), а не с конкретных чисел; знаково-символические средства (буквенные обозначения, схемы, графики) вводятся с самого начала как инструменты обобщения. Образное мышление не отрицается, но рассматривается как опора для перехода к теоретическому мышлению. В системе Давыдова образ и символ не противостоят, а взаимодополняют друг друга, при этом схема – это не «картинка», а знаковая модель отношения. Это позволяет говорить о знаково-модельном подходе, где «образ» – это не чувственная картинка, а структурная схема, обладающая символическим статусом [17].

Н.Ф. Талызина (ученица П.Я. Гальперина) в исследованиях по формированию геометрических понятий показала, что переход от наглядно-действенного к логико-символическому мышлению требует специально организованной ориентировочной основы, включающей схемы, чертежи и символические обозначения [18]. В отличие от западной традиции российская наука отказывается от фиксированных когнитивных стилей в пользу динамической модели формирования умственных действий, рассматривает образное и знаковое как этапы единого процесса познания, а не как альтернативные стратегии, акцентирует роль учителя, который должен организовать переход от наглядного к абстрактному, а не просто «учитывать стиль» ученика, подчеркивать смысловую нагрузку репрезентаций.

М.А. Холодная рассматривала когнитивные стили не как отдельные черты личности или способности, а как устойчивые индивидуальные особенности организации познавательной деятельности, проявляющиеся в предпочтительных способах обработки, представлении и интерпретации информации. В своей фундаментальной работе «Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта» исследователь предложила системную классификацию когнитивных стилей, объединив западные и отечественные подходы, отказалась от упрощенного понимания стилей как «сильных / слабых сторон», настаивая на их функциональной адаптивности в зависимости от контекста [19]. Таким образом, предпочтение образного или знакового способа представления у М.А. Холодной рассматривается не как изолированный стиль, а как проявление более общей когнитивной стратегии. Автор подчеркивала, что учет когнитивных стилей в обучении позволяет избегать «стилевого диссонанса» между преподавателем и студентом, проектировать дифференцированные учебные задания, развивать когнитивную гибкость как способность переключаться между стилями в зависимости от задачи, критиковала подходы, сводящие обучение к «подстраиванию под стиль», и настаивала на разви-

вающей функции образования, когда школа и вуз должны расширять, а не фиксировать когнитивные предпочтения. М.А. Холодная пишет о психологической неоднородности полюсов когнитивных стилей и необходимости изучения когнитивных стилей: «от анализа выборки в целом к анализу субгрупп, одновременно используя традиционный и дополнительный показатели» [19, с. 44].

Несмотря на то, что термин «образный – знаковый когнитивный стиль» в отечественной литературе используется редко (предпочтение отдается понятиям «ориентировочная основа действия», «моделирование», «репрезентация»), по сути российские ученые исследовали ту же проблему, но в рамках деятельностной и развивающей парадигмы, что делает их вклад уникальным и методологически богатым. Невербальные наглядные компоненты взаимодействия при решении задач вносят особый вклад в результаты.

Основная часть

Анализировались результаты опроса студентов ($N = 82$). Респондентами были студенты – второкурсники вуза, изучающие высшую математику. Они отвечали на ряд вопросов об отношении к математике, их когнитивно-стилевых предпочтениях, были вопросы об успеваемости в школе по предметам математического цикла (алгебра и геометрия), а также анализировались ответы на следующие вопросы:

1. Какое представление условий математических задач Вы предпочитаете: образное (примеры, картинки) или знаково-символическое (знаки, формулы)?

2. Укажите, пожалуйста, Ваши оценки и самооценки по математике за 11-й класс и ЕГЭ по математике.

На вопрос о представлении условий математических задач 37,5 % выбрали знаково-символическое, 28,8 % – образное и еще 22,5 % – оба варианта (образное и символическое), затруднились ответить 11,3 %. Наиболее популярным оказалось знаково-символическое представление (37,5 %), но разрыв с числом предпочтений образного способа был невелик (табл. 1). При этом значительная доля студентов (22,5 %) осознанно выбирает комбинированный подход.

Таблица 1

Распределение ответов по категориям предпочтений представления условий математических задач: образное (примеры, картинки) или знаково-символическое (знаки, формулы)

Категория	Количество ответов	Процент
Знаково-символическое (формулы, знаки)	30	37,5
Образное (примеры, картинки)	23	28,8
Смешанное / Оба варианта	18	22,5
Затрудняюсь ответить / Без разницы	9	11,3

Студенты, предпочитающие знаково-символическое представление условий (формулы, знаки), аргументируют свою позицию так: «привычка и традиция», «трудно ответить, так как все задачи уже долгое время знаково-символические», «четкость и однозначность», «удобство для решения». Предпочитающие образное представление (примеры, картинки) аргументируют свои ответы через лучшее понимание и усвоение: «примеры и картинки лучше усваиваются», «примеры, картинки часто ассоциируются с прикладными, жизненными задачами». Предпочитавшие смешанное представление (оба

варианта) студенты аргументируют это зависимостью от типа задачи: «и то и другое одинаково удобно, зависит от математических задач». Ответы студентов, затруднившихся с выбором, могут свидетельствовать о недостаточной рефлексии собственных когнитивных процессов, например: «честно, сам не знаю. И так, и так, наверное».

Распределение числа студентов с предпочтением знаков (37,5 %) и образов (28,8 %) относительно равномерно. Значительная доля студентов (22,5 %) осознанно выбирает оба типа представления информации, что отражает современный тренд в образовании в виде мультимодальности, а также использование разных каналов восприятия для улучшения понимания. Результаты показывают, что значительная часть студентов готова и хочет работать с разными форматами представления информации, что является хорошим признаком их когнитивной гибкости. Следовательно, в учебном процессе необходим баланс между этими двумя подходами.

Многие выбирают знаково-символический формат, который является традиционным стандартом в математическом образовании и, возможно, отражает инертность системы образования. Студенты, выбирающие примеры и картинки, возможно, ценят этот тип информации за способность делать абстрактные концепции конкретными и понятными, что особенно важно для тех, кто испытывает трудности с абстрагированием, что может быть связано с особенностями восприятия информации современными студентами.

Некоторые студенты справедливо отмечают, что выбор формата «зависит от конкретной задачи»; для одних задач лучше подходят формулы, для других – графики или примеры.

Таким образом, процесс преподавания математики должен быть гибким и мультимодальным, сочетать четкость и строгость знаково-символического языка с наглядностью и доступностью образного представления. Необходимо применять комплексный подход к подготовке занятий, где одно дополняет другое для достижения глубокого и всестороннего понимания материала. Полученные данные свидетельствуют о дифференциации типов учения: для студентов, выбирающих знаково-символическое объяснение условий задач, необходимо углубление работы с формальными системами; для студентов, выбирающих образное объяснение условий задач, необходимо усиление графических и прикладных интерпретаций, а для «универсалов», выбравших оба варианта, необходимы сложные комплексные условия представления заданий. Полученные данные указывают на целесообразность сочетания двух подходов в преподавании при обязательной визуализации, даже при абстрактных объяснениях и учете необходимости поэтапного перехода от образов к символам. Кроме того, данные результаты обостряют проблему диагностики и использования когнитивных стилей студентов. Математическое образование необходимо рассматривать не только как выработку специфических умений оперирования символами и мыслительных способностей, но и как способ развития рефлексии и метанавыков в целом.

Проведем сравнительный анализ и проверим наличие корреляции между предпочитаемым форматом представления математических задач (образный vs. знаково-символический) и академической успеваемостью / самооценкой по алгебре и геометрии. Статистический анализ выполнен в программной среде Python 3.10 с использованием библиотеки SciPy 1.12.

Результаты показали отсутствие статистически значимых различий между группами: образное, знаково-символическое и смешанное предпочтение.

Статистические различия по критерию Манна – Уитни были выявлены между оценками по геометрии между группой «знаково-символические предпочтения» и «смешанные предпочтения»:

U-statistic=320.5000, p-value=0.0151

Conclusion: Statistically significant difference ($p < 0.05$)

Среднее значение оценок по геометрии для кластера «знаково-символические предпочтения» – 3,81.

Среднее значение оценок по геометрии для кластера «смешанные предпочтения» – 4,27.

Установление статистически значимого факта, что студенты, предпочитающие только знаково-символическое представление, хуже успевают по геометрии, чем те, кто использует смешанные (образные + знаковые) формы, имеет множество важных теоретических, педагогических и когнитивных следствий.

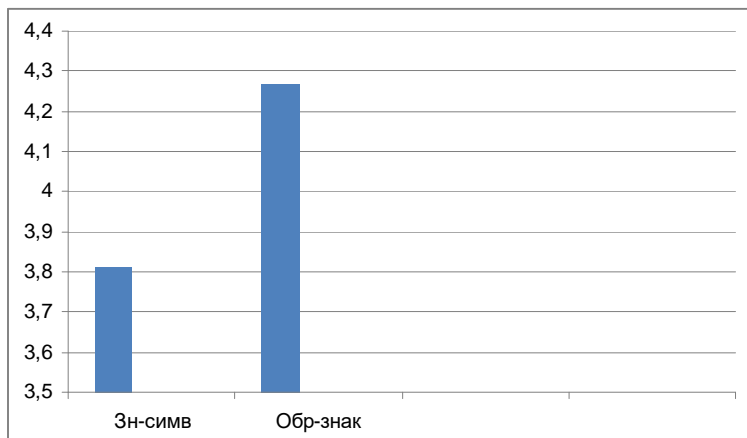

Рис. 1. Средние оценки по геометрии у студентов с предпочтением знаково-символического представления задач и смешанного предпочтения образного и знаково-символического

Геометрия – это не просто «математика с картинками», а особая когнитивная область, требующая синтеза визуального и формального мышления. Результаты позволяют сделать вывод о том, что опора исключительно на знаково-символическое мышление может быть недостаточной для глубокого понимания геометрии. Геометрия включает: пространственное воображение (ментальные вращения, сечения, проекции), визуальную интуицию (распознавание симметрий, топологических свойств), динамическое моделирование (как фигура меняется при преобразованиях).

Студенты с гибкостью репрезентаций (согласно Р. Дювалю) успешно преобразовывают:

- чертёж → определению;
- определение → свойству;
- свойства → доказательству.

Таким образом, геометрическое мышление – не простое подмножество аналитического, а отдельный когнитивный модуль, требующий развития визуально-пространственных навыков. Современное преподавание геометрии часто игнорирует ее визуальную суть, сводя к логическим упражнениям на основе аксиом. В школе и вузе геометрия часто преподается как формальная система («дано – доказать»), что отсекает студентов с сильным визуальным мышлением, создает иллюзию, что «геометрия – для избранных», подавляет интуицию в пользу ригидной логики. Студенты с чисто символическим предпочтением пытаются «заучить доказательства», не видят смысла в чертежах, теряются в задачах на воображение (например, сечения многогранников).

Поэтому необходимо возвращать геометрии ее визуальную, экспериментальную и интуитивную природу через динамическую геометрию (программа GeoGebra), 3D-моделирование, топологические игры).

Низкая геометрическая грамотность является барьером на пути к современным разделам математики и компьютерных наук. Геометрия является фундаментом для топологии (понимание непрерывности, компактности, связности), требует визуального мышления, теории графов (планарность, вложения, укладки), компьютерной графики и машинного обучения (работа с многомерными пространствами, манифолдами, кластерами), дискретной геометрии и вычислительной топологии (алгоритмы триангуляции, построение диаграмм Вороного и т.д.). Вследствие этого студенты с «бедной геометрической интуицией» будут испытывать трудности в понимании многообразий в дифференциальной геометрии, работе с графовыми нейросетями, интерпретации топологического анализа данных.

Предпочтение только символического когнитивного стиля может быть признаком когнитивной ригидности в пространственных задачах. Это особенность когнитивного профиля, проявляющаяся в сильной вербально-логической сфере и слабой визуально-пространственной памяти. Необходима не диагностика «способностей», а развитие гибкости в виде тренировки перевода между регистрами.

Математика – это не только язык логики, но и язык пространства, формы и структуры. Отказ от визуального компонента является «урезанием» самой сути математического познания; без геометрической интуиции нет настоящего математического творчества.

Таким образом, можно заключить, что традиционное преподавание геометрии может недостаточно использовать потенциал образного мышления и создавать трудности для студентов с выраженной визуальной ориентацией. Для повышения общей успеваемости и эффективности обучения необходимо внедрять смешанные методики представления информации и обучения.

Заключение

Статистические факты различий в успеваемости по геометрии в школе между группами студентов, предпочитающих знаково-символическое предпочтение условий задач, и группой студентов, предпочитающих смешанное предпочтение, являются индикатором глубокой когнитивной и педагогической проблемы. Эти данные получены впервые и обладают новизной.

Интерес к геометрии может снижаться при ее излишней формализации и отрыве от визуальной интуиции. Будущее математики и компьютерных наук за теми, кто умеет мыслить одновременно формально и визуально, а целью образования является не выявление «визуалов и логиков», а развитие у всех гибкости репрезентаций. Полученные результаты имеют прямое прикладное значение для педагогической практики. Они демонстрируют, что когнитивная гибкость, а не приверженность одному стилю мышления, является ключевым фактором академического успеха в математике.

Это позволяет сформулировать конкретные рекомендации для педагогической методики преподавания математики:

1. Для студентов с выраженным образным предпочтением и низкой успеваемостью целесообразно не просто увеличивать количество картинок, а разрабатывать глубокие, интерактивные и логически связанные с символическим аппаратом образные модели, которые помогли бы им перейти от поверхностного восприятия к пониманию абстрактных структур.

2. Студентам, ориентированным на знаково-символические репрезентации, может быть полезно периодически вводить образные аналогии и прикладные примеры, чтобы обогатить их абстрактное мышление и повысить мотивацию.

3. Для студентов со смешанным типом предпочтений эффективным будет создать условия для развития их сильной стороны, предлагая задачи, требующие синтеза разных форм представления знаний.

Таким образом, полученные данные позволяют утверждать, что традиционный подход в математическом образовании, делающий акцент почти исключительно на знаково-символическом языке, создает неравные условия для студентов с различными когнитивными профилями и не в полной мере соответствует требованиям современной когнитивной науки. Образовательный процесс, ориентированный на развитие гибкости репрезентаций, не является простым «подстраиванием» под обучающегося, а представляет собой активную педагогическую стратегию, направленную на качественное преобразование его мышления. Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке и апробации конкретных методических инструментов, реализующих данный подход: серии специальных заданий на перевод между регистрами, использование динамических математических сред на регулярной основе, лонгитюдное изучение влияния таких интервенций не только на успеваемость, но и на развитие метакогнитивных навыков и математической креативности студентов. Исследование подчеркивает необходимость перехода от статичных методов обучения к динамическим и адаптивным подходам, которые способствовали бы развитию когнитивной гибкости у всех студентов, независимо от их исходных предпочтений.

Список источников

1. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. Oxford University Press. 1986. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195066661.001.0001>
2. Riding R., Cheema I. Cognitive styles – An overview and integration // Educational Psychology. 1991. № (3–4). P. 193–215. URL: <https://doi.org/10.1080/0144341910110301>
3. Kieran C. (Ed.). Teaching and learning algebraic thinking with 5- to 12-year-olds: The global evolution of an emerging field of research and practice. Springer International Publishing. 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-68351-5>
4. Radford L. The emergence of symbolic algebraic thinking in primary school // In C. Kieran (Ed.). Teaching and learning algebraic thinking with 5- to 12-year-olds (p. 3–25). Springer. 2018. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-68351-5_1
5. Hegarty M., Kozhevnikov M. Types of visual-spatial representations and mathematical problem solving // Journal of Educational Psychology. 1999. № 91 (4). P. 684–689. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.91.4.684>
6. Duval R. Understanding the mathematical way of thinking – The registers of semiotic representations. Springer International Publishing. 2017. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-56910-9>
7. Khatin-Zadeh O., Farsani D., Breda A. How can transforming representation of mathematical entities help us employ more cognitive resources? // Frontiers in Psychology. 2023. № 14. P. 1091678. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1091678>
8. Khatin-Zadeh O., Farsani D., Yazdani-Fazlabadi B. Transforming dis-embodied mathematical representations into embodied representations, and vice versa: A two-way mechanism for understanding mathematics // Cogent Education. 2022. № 9 (1). P. 2154041. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2154041>
9. Khatin-Zadeh O., Farsani D. The role of motion simulation hinge in enhancing inhibition and working memory during mental simulation of motion events // Cogent Education. 2024. № 11 (1). P. 2419700. URL: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2419700>
10. Bal A.P. Skills of using and transforming multiple representations of the prospective teachers // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 197. P. 582–588. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.197>

11. Yao X. Representation transformations in transition from empirical to structural generalization // *The Journal of Mathematical Behavior*. 2022. № 66. P. 100964. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jmathb.2022.100964>
12. Kuzu O. Preservice mathematics teachers' representation transformation competence levels in the process of solving limit problems // *Acta Didactica Napocensia*. 2020. № 13 (2). P. 306–355. URL: <https://doi.org/10.24193/adn.13.2.20>
13. Sokolowski A. The effects of using representations in elementary mathematics: Meta-analysis of research // *IAFOR Journal of Education*. 2018. № 6 (3). P. 129–152. URL: <https://doi.org/10.22492/ije.6.3.08>
14. Clark-Wilson A. Transforming mathematics teaching with digital technologies: A community of practice perspective // In *Mathematics education in the digital era*. 2017. Vol. 9. P. 63–82. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-33808-8_4
15. Rahmawati D. Translation between mathematical representation: How students unpack source representation? // *Jurnal Matematika dan Pembelajaran*. 2019. № 7 (1). P. 50–64.
16. Фридман Л.М. Психолого-педагогические основы обучения математике в школе: Учителю математики о пед. психологии. Москва: Просвещение, 1983. 160 с.
17. Давыдов В.В. Программа развивающего обучения (система Эльконина – Давыдова): I–VI классы: Математика. Москва, 1996.
18. Методика обучения математике. Формирование приемов математического мышления: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Талызиной. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 193 с.
19. Холодная М.А. Об эффекте расщепления полюсов когнитивных стилей: двадцать лет спустя. Вестник Санкт-Петербургского университета // *Психология*. 2025. № 15 (1). С. 35–50. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2025.102>
20. Екинцев В.И. Самораскрытие невербальных компонентов коммуникации в процессе внутреннего диалога при решении наглядных задач // В кн. Самораскрытие способностей как внутренний диалог: когнитивные, метакогнитивные и экзистенциальные ресурсы человека. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2021. С. 59–68.

References

1. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. Oxford University Press; 1986. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195066661.001.0001>
2. Riding R., Cheema I. Cognitive styles – An overview and integration. *Educational Psychology*. 1991; (3–4): 193–215. URL: <https://doi.org/10.1080/0144341910110301>
3. Kieran C. (Ed.). Teaching and learning algebraic thinking with 5- to 12-year-olds: The global evolution of an emerging field of research and practice. Springer International Publishing. 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-68351-5>
4. Radford L. The emergence of symbolic algebraic thinking in primary school. In C. Kieran (Ed.). *Teaching and learning algebraic thinking with 5- to 12-year-olds* (p. 3–25). Springer. 2018. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-68351-5_1
5. Hegarty M., Kozhevnikov M. Types of visual-spatial representations and mathematical problem solving. *Journal of Educational Psychology*. 1999; 91 (4): 684–689. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.91.4.684>
6. Duval R. Understanding the mathematical way of thinking – The registers of semiotic representations. Springer International Publishing; 2017. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-56910-9>
7. Khatin-Zadeh O., Farsani D., Breda A. How can transforming representation of mathematical entities help us employ more cognitive resources? *Frontiers in Psychology*. 2023; (14): 1091678. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1091678>
8. Khatin-Zadeh O., Farsani D., Yazdani-Fazlabadi B. Transforming dis-embodied mathematical representations into embodied representations, and vice versa: A two-way mechanism for understanding mathematics. *Cogent Education*. 2022; 9 (1): 2154041. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2154041>
9. Khatin-Zadeh O., Farsani D. The role of motion simulation hinge in enhancing inhibition and working memory during mental simulation of motion events. *Cogent Education*. 2024; 11 (1): 2419700. URL: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2419700>

10. Bal A.P. Skills of using and transforming multiple representations of the prospective teachers. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015; (197): 582–588. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.197>
11. Yao X. Representation transformations in transition from empirical to structural generalization. *The Journal of Mathematical Behavior*. 2022; (66): 100964. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jmathb.2022.100964>
12. Kuzu O. Preservice mathematics teachers' representation transformation competence levels in the process of solving limit problems. *Acta Didactica Napocensia*. 2020; 13 (2): 306–355. URL: <https://doi.org/10.24193/adn.13.2.20>
13. Sokolowski A. The effects of using representations in elementary mathematics: Meta-analysis of research. *IAFOR Journal of Education*. 2018; 6 (3): 129–152. URL: <https://doi.org/10.22492/ije.6.3.08>
14. Clark-Wilson A. Transforming mathematics teaching with digital technologies: A community of practice perspective. In *Mathematics education in the digital era*. 2017; (9): 63–82. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-33808-8_4
15. Rahmawati D. Translation between mathematical representation: How students unpack source representation? *Jurnal Matematika dan Pembelajaran*. 2019; 7 (1): 50–64.
16. Friedman L.M. Psychological and pedagogical foundations of teaching mathematics at school: A teacher of mathematics about ped. psychology. Moscow: Enlightenment; 1983. 160 p.
17. Davydov V.V. Developmental training program (Elkonin-Davydov system): I–VI classes: Mathematics. Moscow; 1996.
18. Methodology of teaching mathematics. Formation of techniques of mathematical thinking: a textbook for universities / ed. N.F. Talyzina. 2nd ed., Revised and add. Moscow: Yurayt; 2025. 193 p.
19. Holodnaya M.A. On the pole-splitting effect of cognitive styles: twenty years later. Bulletin of St. Petersburg University. *Psychology*. 2025; 15 (1): 35–50. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2025.102>
20. Ekintsev V.I. Self-disclosure of non-verbal communication components in the process of internal dialogue when solving visual problems. In *the book Self-disclosure of abilities as internal dialogue: cognitive, metacognitive and existential human resources*. Vladivostok: Publishing House of VSUES; 2021. P. 59–68.

Информация об авторах:

Чернявская Валентина Станиславовна, д-р пед. наук, профессор каф. общей и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, valstan13@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6674-6305

Екинцев Владислав Иванович, канд. психол. наук, доцент каф. общей и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ekintsev@mail.ru ORCID: ORCID 0000-0001-8079-6982

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/173-187>

EDN: <https://elibrary.ru/LLKFRU>

Дата поступления:
14.10.2025

Одобрена после рецензирования:
10.11.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 372.853

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/188-199>

EDN: <https://elibrary.ru/LNNJQW>

Информационно-коммуникативное сопровождение внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в процессе обучения физике

Данилина Екатерина Константиновна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Клещёва Нелли Александровна

Зачиняева Елена Федоровна

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Обсуждаются вопросы организации самостоятельной работы студентов при обучении физике. Отмечается, что наблюдаемые в высшем образовании тенденции сокращения общей трудоемкости дисциплины в структуре профессиональной подготовки актуализируют проблему поиска педагогических решений, направленных на поддержку внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов, развитие навыков самоорганизации и самообучения. Предложена модель сопровождения внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в процессе изучения физики, построенная на основных идеях теории саморегулируемого обучения и реализующая технологии формирующего оценивания. Предлагаемая модель описывает траекторию самостоятельной деятельности при изучении каждого раздела физики, предполагающую последовательное выполнение следующих видов учебно-познавательной деятельности: планирование результатов, их выполнение и рефлексию на выполненную деятельность. Отмечается целесообразность использования современных информационно-коммуникативных технологий для поддержки предлагаемой схемы организации самостоятельной деятельности студентов. Обосновывается выбор основного инструментального ресурса – чат-бот сценарного типа. Описана структура бота, спроектированного на платформе Ainylogic и интегрированного в образовательную практику на платформе Телеграм. Представлены механизмы взаимодействия по интерактивному каналу «студент-чат-бот» в процессе самостоятельной деятельности. Обсуждаются результаты педагогического эксперимента, оценивающего эффективность предлагаемой схемы организации самостоятельной деятельности студентов. Представлена критериальная база, позволяющая оценивать уровень сформированности навыков самоорганизации на каждом контрольном срезе, определены возможные диапазоны их сформированности, предложена формула для расчета интегрального показателя – индекса самоорганизации, проинтерпретированы результаты статистической проверки выдвинутых в исследовании гипотез. Обсуждаются перспективы внедрения предлагаемой схемы поддержки внеаудиторной самостоятельной деятельности в широкую образовательную практику.

Ключевые слова: физика, внеаудиторная самостоятельная деятельность, самоорганизация и самообучение, персонализация обучения, чат-бот технология.

Для цитирования: Данилина Е.К., Клещёва Н.А., Зачиняева Е.Ф. Информационно-коммуникативное сопровождение внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в процессе обучения физике // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университе-

Original article

Information and communication support for off-sute independent students training in the process of teaching physics

Ekaterina K. Danilina

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Nelly A. Klescheva

Elena F. Zachinyayeva

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article discusses issues related to organization of students' independent work in teaching Physics. It notes that the observed trends in higher education toward reducing the overall workload of the discipline within professional training highlights the need to find pedagogical solutions aimed at supporting students' independent extracurricular activities and developing self-organization and self-study skills. The paper proposes a model for supporting students' extracurricular independent activities in physics. The model is based on the fundamental concepts of self-regulated learning theory, and implements formative assessment technologies. The proposed model describes an independent learning route while studying each unit of curriculum, involving a sequential implementation of the following types of learning and cognitive activities: planning results, achieving them, and reflecting on the completed activity. The need of using modern information and communication technologies to support the proposed framework for organizing students' independent learning is emphasized. The choice of the primary tool (a scenario-based chatbot) is justified. The structure of the bot, designed on the Aimylogic platform and integrated into educational practices on the Telegram platform, is described. Mechanisms for interaction via the interactive "student-chatbot" channel during independent learning are presented. The article also discusses the results of a pedagogical experiment evaluating the effectiveness of the proposed framework for organizing students' independent activities. A criteria framework for assessing the level of self-organization skills development at each point of assessment is presented, possible ranges of development are defined, a formula for calculating an integrated indicator – the self-organization index (SI) – is proposed, and the results of a statistical test of the hypotheses proposed in the study are interpreted. The prospects for implementing the proposed framework for supporting extracurricular independent activities in broader educational practice are discussed.

Keywords: physics, extracurricular independent activities, self-organization and self-study, personalized learning, chatbot technology.

For citation: Danilina E.K., Klescheva N.A., Zachinyayeva E.F. Information and communication support for off-sute independent students training in the process of teaching physics// *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 4 P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/188-199>. EDN: <https://elibrary.ru/LNNJQW>

Введение

Самостоятельная деятельность студентов представляет собой один из самых важных и сложных видов учебно-познавательной деятельности. Педагогическая поддержка данного вида деятельности всегда рассматривалась как необходимая и многоплановая задача обеспечения успешного образовательного взаимодействия. Одним из возможных направлений решения данной задачи является поиск педагогических ресурсов для создания такой образовательной среды, которая будет способствовать развитию личностных качеств обучаемых, в первую очередь, способности к самоорганизации и самообучению, самостоятельному поиску необходимой информации, развитию аналитико-синтетических компонент мышления и ряда других.

Самостоятельная деятельность студентов как образовательный ресурс развития навыков самоорганизации и самообучения достаточно широко освещена в психолого-педагогических исследованиях [1–3]. В последние годы появились различные инновационные технологии для решения данной задачи. Так, в исследовании Н.В. Бужинской и Е.С. Васевой отмечается эффективность развития навыков самоорганизации через привлечение студентов к организации и планированию мероприятий [4]. Технология тайм-менеджмента как инструмент формирования навыков самоорганизации отмечена в исследованиях М.А. Хачатрян и Е.Н. Агранович [5–7]. Большой пласт исследований отводится современным интерактивным и облачным технологиям при формировании навыков самоорганизации [8, 9]. Появляются и авторские разработки сопровождения студентов для развития навыков саморегуляции [10, 11]. Значительный пласт исследований отводится роли современных информационно-коммуникационных технологий при организации самостоятельной работы при совершенствовании надпредметных навыков [12, 13]. Достаточно интересными являются исследования, связанные с использованием искусственного интеллекта [14, 15].

Отмечая безусловную значимость представленных исследований, следует отметить, что в них учебная дисциплина «Физика» не рассматривается как объект исследования. Однако физика как учебный предмет представляет собой уникальный образовательный ресурс для разработки организационных и технологических средств поддержки самостоятельной деятельности студентов, направленных на формирование и развитие навыков самоорганизации и планирования. С одной стороны, само изучение дисциплины предполагает выполнение широкого спектра самостоятельных учебно-познавательных действий, требующих определенного уровня сформированности данных навыков; с другой – физика реализуется на 1-м, 2-м курсах и сформированность навыков самоорганизации и самообучения способствует их развитию на последующих этапах обучения.

К настоящему времени отсутствуют исследования, специально посвященные проблеме формирования навыков самоорганизации и самообучения в процессе внеаудиторной самостоятельной деятельности при обучении физике в вузе. Представляется, что недостаточная решенность данной проблемы, в первую очередь, определяется достаточно объективной причиной: большой объем учебного материала, подлежащий усвоению в процессе изучения дисциплины, латентно обуславливает использование и внеаудиторной деятельности для поддержки процесса формирования и развития предметных знаний и умений. Однако упоминавшаяся уже образовательная значимость сформированности навыков самоорганизации и планирования, представляющих собой «инвариантное ядро» комплекса метапредметных навыков, стимулирует поиск организационных, технологических и инструментальных средств поддержки данного процесса.

Совершенно очевидно, что в условиях ограниченности времени, отводимого на «прямую» коммуникацию между студентом и преподавателем, в качестве опосредованного «коммуникатора» поддержки процесса формирования данных навыков могут рассматриваться современные информационно-коммуникативные технологии (ИКТ). Детальный анализ современных инструментальных средств (нейронные сети, GPT-чаты, чат-боты) позволил определить основной инструментальный ресурс поддержки данного процесса – чат-бот сценарного типа как обладающий значительными преимуществами для практики организации образовательного процесса. Чат-бот технология уже нашла достаточно широкое применение в системе образования, но в основном как справочно-информационная система и инструмент поддержки процесса формирования предметных навыков [16]. Использование чат-бот технологии как информационно-коммуникационного ресурса для поддержки внеаудиторной самостоятельной деятельности в процессе обучения физике не рассматривалось как предмет исследования.

Цель работы состоит в обосновании концептуальных основ модели внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в процессе обучения физике и описании ее реализации средствами чат-бот технологии.

В ходе исследования применялся комплекс методов: теоретический анализ научно-методической литературы; педагогическое проектирование и моделирование. Эмпирические методы включали в себя анкетирование, беседы со студентами, педагогический эксперимент с последующим анализом результатов деятельности обучающихся и статистической обработкой полученных данных.

Основная часть

В качестве концептуальной основы исследования выступили основные идеи теории саморегулируемого обучения, развитые в рамках когнитивной психологии, а конкретно использовалась модель Б. Циммермана, согласно которой любую учебную деятельность можно описать через три циклических процесса: планирование деятельности, ее выполнение и рефлексию на выполненную деятельность [17].

Технологической основой, поддерживающей внеаудиторную самостоятельную деятельность студентов, явились идеи технологий формирующего оценивания, позволяющие развивать такие полезные навыки, как рефлексия, умение работать с информацией, проектировать свое учение, оценивать себя и т.д. Важным элементом формирующего оценивания является организация каналов обратной связи: преподаватель, получая информацию о восприятии каждым студентом учебного материала, имеет возможность сделать процесс обучения более индивидуализированным [18].

На основе данных установок была спроектирована модель внеаудиторной самостоятельной деятельности, ориентированной на развитие навыков самоорганизации и планирования (рис. 1).

Рис. 1. Модель сопровождения внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов

В представленной модели фаза планирования предполагает выполнение как долгосрочного планирования результатов (в рамках изучения раздела курса физики), так и краткосрочного планирования (изучение одной темы внутри раздела). Фаза деятельности также многоэтапна, при этом выполнение заданий может носить как индивидуальный, так и коллаборационный характер. Фаза рефлексии охватывает все предлагаемые виды учебно-познавательной деятельности. После получения результатов изучения каждого раздела курса физики студент вернется к своему планированию, составленному в самом начале работы над учебным разделом, и проведет анализ выполненной работы. Данная модель является циклической: за этапом рефлексии следует этап планирования внеаудиторной самостоятельной деятельности в рамках следующего раздела.

Инструментальная поддержка данной схемы организации внеаудиторной самостоятельной деятельности каждого студента осуществлялась с помощью чат-бот сценарного типа, разработанного на инструментальной платформе – конструктор ботов Aimylogic. Данная платформа представляет собой цифровую среду с низким уровнем программирования. Все сценарии здесь создаются и настраиваются с помощью визуальных блоков и связей между ними, без необходимости писать программный код. Платформа позволяет интегрировать чат-бота в более чем 20 популярных мессенджеров и социальных сетей, таких как Телеграм, VK, а также внедрять на сайты и в мобильные приложения. Подобная многоканальность обеспечивает дальнейшее удобство доступа. В образовательную практику бот был интегрирован на платформе Телеграм.

В ходе исследования были разработаны педагогические сценарии взаимодействия чат-бот-студент, поддерживающие представленную схему организации самостоятельной деятельности студента.

Задания прямого и обратного планирования являются для студентов первым этапом взаимодействия с ботом. В начале каждого учебного раздела студент записывает свои цели, а также конкретные шаги для их достижения в виде аудио- или видеосообщения, которое он «запечатывает» в цифровую тайм-капсулу «digital reminder» (облачное хранилище с отложенным доступом). После завершения работы над учебной темой студент вернется к своему планированию и проведет анализ выполненной работы (рефлексия).

Перед началом учебной темы студент выполняет небольшое прямое планирование, после чего бот предложит проанализировать возможные трудности и пути их преодоления. Таким образом, процедуры планирования, поддерживаемые ботом, содержат элементы геймификации, создавая тем самым положительную мотивационную направленность на изучение предметного материала. Далее бот переводит студента в блок учебной деятельности, который начинается с просьбы от бота оценить свой текущий уровень знаний (хорошо-удовлетворительно-неудовлетворительно).

Пример взаимодействия студент-бот в рамках самооценки «удовлетворительно» представлен на рис. 2.

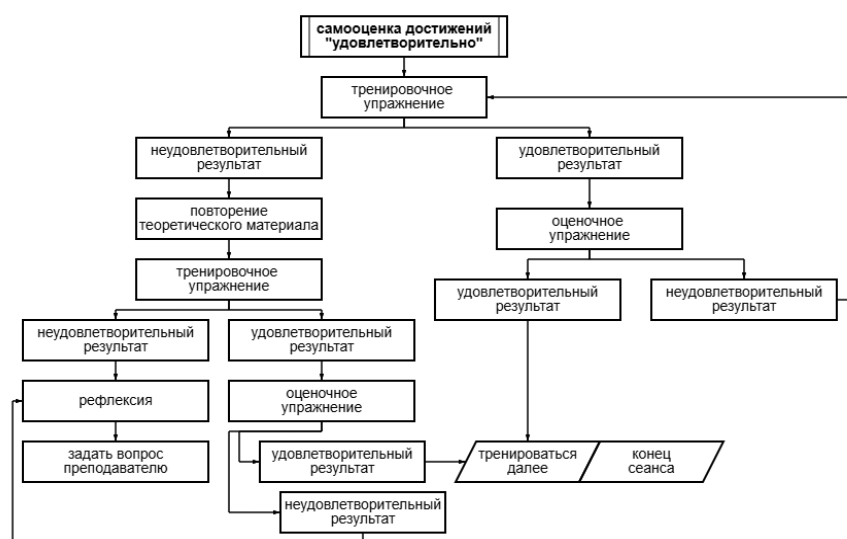

Рис. 2. Пример взаимодействия студент-бот в рамках самооценки «удовлетворительно»

При выборе данной опции студент направляется к решению тренировочного упражнения базового уровня с мгновенной автоматизированной обратной связью. Далее бот переводит студента к выполнению оценочного упражнения. В случае неудовлетворительного результата бот переведет студента в раздел «теория» (внешние ресурсы), затем предложит повторно пройти путь упражнений. В случае повторного неудовлетворительного результата при выполнении оценочного упражнения бот предоставит возможность задать вопрос преподавателю.

Таким образом, основная задача разработанного бота состоит в поддержке процесса формирования навыков целеполагания, планирования и рефлексии через структурированное взаимодействие типа чат-бот-студент. Работа бота основана на таких принципах, как пошаговость (предполагает разбивку сложных задач на микродействия), персонализация (учет дедлайнов и учебных траекторий) и геймификация. Предлагаемая логическая схема работы сценарного чат-бота обеспечивает индивидуальный образовательный маршрут, который адаптируется под уровень знаний и темп усвоения материала каждым студентом.

Следует подчеркнуть, что формирование и совершенствование надпредметных навыков происходят на предметном материале, что играет значительную роль при организации учебного процесса. На любом этапе работы доступна опция «задать вопрос преподавателю». Это не мгновенная обратная связь, но дает возможность корректировать учебный процесс с учетом подготовки всех обучающихся.

Для проверки эффективности разработанной модели был спланирован и проведен педагогический эксперимент на базе Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). Обучающий этап эксперимента проходил в течение одного академического года (двух семестров 2023–2024 гг.). Для его проведения были выбраны группы первого года обучения двух направлений подготовки: 13.03.01 «Теплоэнергетика и теплотехника» (программа бакалавриата «Инжиниринг тепловых электрических станций», учебная группа ИТС) и 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника» (программа бакалавриата «Инжиниринг электроэнергетических систем», учебная группа ИЭЭС). Для подтверждения однородности выборки и возможности «назначения» контрольной и экспериментальной групп был проведен ряд входных контрольных мероприятий (контроль остаточных школьных знаний по физике, оценка уровня сформированности метапредметных навыков, оценка ИК компетенции). Результаты контрольных мероприятий показали, что обе группы сопоставимы: имеют примерно одинаковые показатели предметных и метапредметных результатов (включая ИК компетентность); обучаются по одной рабочей программе у одного и того же преподавателя. Группа ИТС (29 человек) была выбрана контрольной, группа ИЭЭС (36 человек) – экспериментальной.

Аудиторная работа для обеих групп проходила традиционным способом и включала проведение лекционных занятий, практических и лабораторных. Организация внеаудиторной деятельности студентов контрольной и экспериментальной групп имела отличия. В первой выборке она поддерживалась средствами LMS (образовательной платформы, установленной с 2023 г. в ДВФУ), а во второй – посредством LMS и сценарного чат-бота.

За время обучающего этапа педагогического эксперимента было проведено семь контрольных срезов для определения сформированного уровня самоорганизации (после изучения каждого раздела курса физики). Для количественной оценки уровня сформированности данного навыка был введен в рассмотрение интегральный показатель – индекс самоорганизации (ИС), состоящий из пяти критериев: регулярность взаимодействия с программным продуктом, коммуникация, планирование, организация учебной деятельности и рефлексия. Данный показатель рассчитывался по следующей формуле:

$$ИС = \frac{\sum_{i=1}^5 \omega_i S_i}{\sum_{i=1}^5 \omega_i}, \quad (1)$$

где ω_i – весовой коэффициент критерия; S_i – агрегированное значение по i -критерию (взвешенное среднее значение баллов уровней с учетом соответствующих весов). Расчет данного показателя в ходе эксперимента позволил выделить четыре диапазона сформированности данного показателя: низкий, ниже среднего, выше среднего, высокий с абсолютными значениями от 0,1 до 0,4.

Распределение указанного показателя по всем контрольным срезам представлено на рис. 3. Полученные результаты позволяют констатировать более явную положительную динамику у студентов экспериментальной группы. Студенты данной группы, взаимодействующие с обоими программными продуктами, отметили основные преимущества чат-бота перед LMS:

- удобство формата взаимодействия;
- предоставление возможности самооценки собственных результатов;
- возможность неоднократного прохождения по учебному материалу без фиксации отрицательных результатов.

Большинство студентов (76%) отметили, что рассматривали взаимодействие с чат-ботом как игровой момент, что представляется весьма актуальным для организации образовательной практики для такой сложной в освоении дисциплины, как физика. Кроме того, неоднократное выполнение любой познавательной деятельности с возможностью исправления допущенных ошибок всегда способствует достижению успешных результатов.

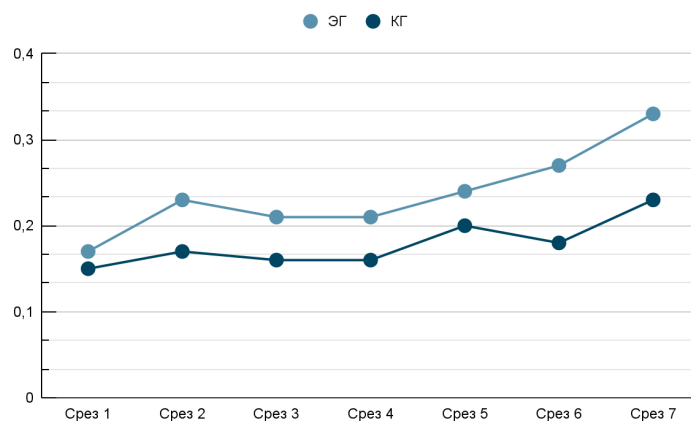

Рис. 3. Результаты значений индекса самоорганизации по контрольным срезам

В ходе педагогического эксперимента была проведена статистическая проверка выдвинутых в исследовании гипотез. Первая гипотеза, состоящая в том, что использование сценарного чат-бота как средства поддержки внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов дает преимущества в процессе формирования навыков самоорганизации по сравнению с традиционной организацией самостоятельной работы студентов, проверялась с помощью критерия χ^2 . В таблице 1 представлены эмпирические данные, необходимые для расчетов и сама расчетная формула критерия. В таблице и формуле

обозначения O_{ii} соответствуют количеству студентов, имеющих значение индекса самоорганизации соответствующей категории:

$$T = \frac{1}{N_1 N_2} \sum_{i=1}^c \frac{(N_1 O_{2i} - N_2 O_{1i})^2}{O_{1i} + O_{2i}}. \quad (2)$$

Таблица 1

Эмпирические данные для расчета Т-критерия

Группа	Подуровни индекса самоорганизации					Т (набл.)	Т (критич.)
	Низкий (0,01–0,15)	Ниже среднего (0,16–0,2)	Выше среднего (0,21–0,3)	Высокий (0,31–0,4)	Всего		
ЭГ (N_1)	$O_{11} = 0$	$O_{12} = 8$	$O_{13} = 17$	$O_{14} = 11$	36	9,42	7,81
КГ (N_2)	$O_{21} = 6$	$O_{22} = 8$	$O_{23} = 10$	$O_{24} = 5$	29		

Как видно из представленных данных, рассчитанное по формуле (2) наблюдаемое значение критерия статистики больше критического значения. Данный факт позволяет констатировать статистическое подтверждение гипотезы о положительном влиянии предлагаемого информационно-коммуникативного сопровождения внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов на развитие навыков самоорганизации и самообучения.

Для проверки второй гипотезы исследования о положительном влиянии сформированности индекса самоорганизации на сформированность предметных знаний по физике, обозначенного в исследовании индексом академической успешности (ИАУ), использовался корреляционный анализ, позволяющий рассчитать между этими двумя показателями коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s):

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d_i^2}{n(n^2 - 1)}, \quad (3)$$

где d_i – разность рангов каждой пары значений; n – количество наблюдений.

Значениями показателя индекса академической успешности выступали результаты коллоквиумов по каждому разделу курса физики (максимальное значение данного показателя – 20 баллов). Эмпирические данные (средние значения показателей по всем срезам), необходимые для расчета коэффициента Спирмена, представлены в табл. 2.

Рассчитанное значение коэффициента Спирмена составило 0,77, что свидетельствует о высокой положительной корреляции между изучаемыми показателями. Интерпретация проводилась по шкале Чеддока (табл. 3), согласно которой такая величина корреляции отражает сильную монотонную связь, при которой рост индекса самоорганизации сопровождается увеличением предметных баллов.

Таблица 2

Эмпирические данные для расчета коэффициента Спирмена

N	ИС(А)	Ранг А	ИАУ(В)	Ранг В	d (ранг А – ранг В)	d ²
1	0,17	1	14,85	3	–2	4
2	0,23	4	15,2	6	–2	4
3	0,21	2,5	14,76	2	0,5	0,25
4	0,21	2,5	14,7	1	1,5	2,25
5	0,24	5	15	4	1	1
6	0,27	6	15,1	5	1	1
7	0,33	7	17	7	0	0
Суммы		28		28	0	12,5

Таблица 3

Шкала Чеддока

Абсолютное значение r_{xy}	Теснота (сила) корреляционной связи
0,1–0,3	Слабая
От 0,3 до 0,5	Умеренная
От 0,5 до 0,7	Заметная
От 0,7 до 0,9	Высокая
Более 0,9	Весьма высокая

Источник: сост. авторами по [19].

Заключение

Сокращение аудиторной составляющей общей трудоемкости фундаментальных дисциплин (в частности, физики) актуализирует педагогические исследования в направлении поиска организационных, технологических и методических средств поддержки самостоятельной работы студентов. Новизна данного исследования заключается в разработке адаптивной циклической модели внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов и разработке инструментальной поддержки данного вида деятельности средствами чат-бот технологии. В исследовании разработаны вариативные механизмы организации образовательных каналов взаимодействия студентов со средством инструментальной поддержки, обеспечивающие «движение» студентов по собственным образовательным траекториям в процессе развития навыков самоорганизации и самообучения.

Пролонгированное наблюдение за студентами позволило констатировать положительную динамику способности к самоорганизации, обучаемости, развитие структурно-функциональных компонент мышления, повышение мотивационной направленности к обучению физике у студентов экспериментальной группы.

Основные дидактические принципы, реализуемые в рамках предлагаемого чат-бот обучения, такие как персонализация, гибкость и адаптивность, обучение в сотрудниче-

стве и взаимодействии и ряд других, соответствуют принципам цифровизации образовательного процесса, необходимость организации которого регламентируется современными нормативными образовательными документами. В связи с этим представляется возможной перспектива использования данного подхода к организации внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в рамках других дисциплинарных сред.

Список источников

1. Байлук В.В. Самостоятельная деятельность студентов как система // Педагогическое образование в России. 2016. № 8. С. 12–27.
2. Уварова Т.А. Самостоятельная работа студентов как развитие и самоорганизация личности // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 3. С. 200–202.
3. Косолапова С.А., Калиновская Т.Г., Косолапов А.И. Самостоятельная работа студентов в реализации компетентного подхода // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 1. С. 78–80. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=492>
4. Бужинская Н.В., Васева Е.С. Развитие навыков самоорганизации студентов в процессе планирования и проведения мероприятий // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 3 (55). С. 57–65. DOI: 10.54509/22203036_2024_3_57
5. Хачатрян М.А. Тайм-менеджмент как успешное средство подготовки студентов к педагогической деятельности в современном мире // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 72–74. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-72-74
6. Агранович Е.Н. Технология тайм-менеджмент как средство самоорганизации учебной деятельности студентов // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2020. № 1 (81). С. 195–200.
7. Агранович Е.Н. Модель самоорганизации учебной деятельности студентов в контексте реализации технологии «тайм-менеджмент» // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2019. № 2. С. 190–196.
8. Клементьева С.В. Использование возможностей интерактивного обучения для формирования и развития умений и навыков самоорганизации деятельности у обучающихся в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 123–127.
9. Николаева М.А., Шрамко Н.В. Онлайн-курс как средство развития навыков самоорганизации студентов педагогического вуза // Педагогическое образование в России. 2024. № 2. С. 259–271.
10. Заиграева Н.В., Логунова К.Г. «Саморегуляция учебной деятельности»: значимость авторского курса в решении распространенных трудностей первокурсников // Педагогический ИМИДЖ. 2019. № 2 (43). С. 101–112.
11. Коновалова Н.А. Технология организации самостоятельной работы обучающихся в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-3. С. 135–140.
12. Толмачева Н.А. Организации самостоятельной работы обучающихся военных вузов с использованием информационных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-1. С. 125–130. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10722
13. Шарова Е.И., Демкина Е.В. Подходы к организации самостоятельной работы обучающихся в виртуальной обучающей среде // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2014. № 4 (146). С. 117–126.
14. Знатдинов В.Р., Кершенгольц А.И., Юдина А.М. Использование нейросетевых технологий для моделирования самостоятельной работы студентов в рамках учебного процесса вуза // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 9 (147). URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.112> (дата обращения: 15.07.2025). DOI: 10.60797/IRJ.2024.147.112
15. Прохорова М.П., Кутепова Л.И. Возможности использования нейросетей для подготовки студентов к проектной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-2. С. 309–312.

16. Богуславская Т.Н., Богуславский М.В., Неборский Е.В. Генезис чат-ботов и их развитие в образовании // Проблемы современного образования. 2025. № 1. С. 67–77. DOI: 10.31862/2218-8711-2025-1-67-77
17. Zimmerman, B.J. (1989). A Social Cognitive View of Self-Regulated Academic Learning // *Journal of Educational Psychology*. 1989. № 81 (3). С. 329–339.
18. Рудакова Ю.А., Бобыкина И. А. Формирующее оценивание как перспективная технология оценочной деятельности в высшей школе // Челябинский гуманитарий. 2021. № 2 (55). С. 79–87.
19. Статистическая обработка экспериментальных данных. Регрессионный анализ в языке R: учебное пособие / В.Ю. Потапова, А.С. Тарасов, Е. С. Геращенко [и др.]. Рязань: ИП Коняхин А.В. (Bookjet), 2018. С. 11.

References

1. Bayluk V.V. Independent Activity of Students as a System. *Pedagogical Education in Russia*. 2016; (8): 12–27.
2. Uvarova T.A. Independent Work of Students as a Development and Self-Organization of the Personality. *Science. Art. Culture*. 2014; (3): 200–202.
3. Kosolapova S.A., Kalinovskaya T.G., Kosolapov A.I. Independent Work of Students in the Implementation of a Competency-Based Approach. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2010; (1): 78–80. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=492>
4. Buzhinskaya N.V., Vaseva E.S. Development of students' self-organization skills in the process of planning and conducting events. *Professional education in Russia and abroad*. 2024; 3 (55): 57–65. DOI: 10.54509/22203036_2024_3_57
5. Khachatryan M.A. Time management as a successful means of preparing students for pedagogical activity in the modern world. *World of science, culture, education*. 2023; 5 (102): 72–74. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-72-74
6. Agramovich E.N. Time management technology as a means of self-organization of students' educational activities. *Bulletin of the Kazakh National Women's Pedagogical University*. 2020; 1 (81): 195–200.
7. Agramovich E.N. Model of self-organization of students' educational activities in the context of the implementation of time management technology. *Bulletin of the Kazakh National Women's Pedagogical University*. 2019; (2): 190–196.
8. Klementyeva S.V. Using interactive learning opportunities to form and develop skills and abilities of self-organization of activities among students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016; 3 (35): 123–127.
9. Nikolaeva M.A., Shramko N.V. Online course as a means of developing self-organization skills of students of a pedagogical university. *Pedagogical education in Russia*. 2024; (2): 259–271.
10. Zaigraeva N.V., Logunova K.G. "Self-regulation of educational activity": the importance of the author's course in solving common difficulties of first-year students. *Pedagogical IMAGE*. 2019; 2 (43): 101–112.
11. Konovalova N.A. Technology of organizing independent work of students at a university. *Problems of modern pedagogical education*. 2019; (64-3): 135–140.
12. Tolmacheva N.A. Organization of independent work of students of military universities using information technologies. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019; (4-1): 125–130. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10722
13. Sharova E.I., Demkina E.V. Approaches to organizing independent work of students in a virtual learning environment. *Bulletin of Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*. 2014; 4 (146): 117–126.
14. Znatdinov V.R., Kershengolts A.I., Yudina A.M. Use of neural network technologies for modeling independent work of students within the framework of the educational process of the university. *International Research Journal*. 2024; 9 (147). URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.112> (accessed date: 15.07.2025). DOI: 10.60797/IRJ.2024.147.112

15. Prokhorova M.P., Kutepova L.I. Possibilities of using neural networks to prepare students for project activities. *Problems of modern pedagogical education*. 2024; (84-2): 309–312.
16. Boguslavskaya T.N., Boguslavsky M.V., Neborsky E.V. Genesis of chatbots and their development in education. *Problems of modern education*. 2025; (1): 67–77. DOI: 10.31862/2218-8711-2025-1-67-77
17. Zimmerman B.J. (1989). A Social Cognitive View of Self-Regulated Academic Learning. *Journal of Educational Psychology*. 1989; 81 (3): 329–339.
18. Rudakova Yu.A., Bobykina I.A. Formative Assessment as a Promising Technology for Assessment Activities in Higher Education. *Chelyabinsk Humanitarian*. 2021; 2 (55): 79–87.
19. Statistical Processing of Experimental Data. Regression Analysis in the R Language. Tutorial / V.Yu. Potapova, A.S. Tarasov, E.S. Gerashchenko [et al.]. Ryazan: IP Konyakhin A.V. (Bookjet); 2018. P. 11.

Информация об авторах:

Данилина Екатерина Константиновна, старший преподаватель каф. межкультурных коммуникаций и переводоведения, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ekaterina.danilina@vvsu.ru

Клещева Нелли Александровна, д-р пед. наук, профессор Департамента общей и экспериментальной физики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, klenel@mail.ru

Зачиняева Елена Федоровна, канд. пед. наук, доцент Департамента педагогики и психологии развития, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Zachinyeva.Ef@dvfy.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/188-199>

EDN: <https://elibrary.ru/LNNJQW>

Дата поступления:
06.11.2025

Одобрена после рецензирования:
24.11.2025

Принята к публикации:
27.11.2025

Научная статья
УДК 37.01, 373.1, 378.147, 372.853
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/200-209>
EDN: <https://elibrary.ru/LYZZNG>

Динамика содержания понятия метапредметности: от античности до наших дней

Гнитецкая Татьяна Николаевна

Заболотский Владимир Сергеевич

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Обсуждается актуальная проблема содержания понятия метапредметности. Вызовы времени определяют целесообразность коррекции образовательной концепции в контексте метапредметности и необходимость методологического и исторического исследований проблемы. Выделены основные идеи метапредметности, возникавшие на разных этапах истории человечества. Выполнена хронологическая классификация этих идей, позволившая выделить две структурные составляющие понятия метапредметности: 1) стремление на протяжении веков обучать с пользой для жизни; 2) отражение целостности и единства окружающего мира. Показана историческая обоснованность современного понимания метапредметности, которое базируется на междисциплинарности, практико-ориентированности и деятельностном подходе к обучению. Указана перспективность исследований метапредметности через установление метапредметных и межпредметных связей.

Ключевые слова: метапредметность, межпредметность, метапредметный результат, метапредметная связь, межпредметная связь, исторический аспект.

Для цитирования: Гнитецкая Т.Н., Заболотский В.С. Динамика содержания понятия метапредметности: от античности до наших дней // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 200–209. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/200-209>. EDN: <https://elibrary.ru/LYZZNG>

Original article

Dynamics of the content of metasubject concepts: from antiquity to the present day

Tatyana N. Gnitetskaya

Vladimir S. Zabolotskiy

Far Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

Abstract. The current problem of the concept of meta-subjectivity is discussed. The challenges of the times determine the advisability of adjusting educational concepts in the context of meta-subjectivity and the obvious need to implement changes in the methodological and historical research of this problem. The main ideas of meta-subjectivity, which emerged at different stages of human history, are highlighted. A chronological classification of these ideas is provided, allowing us to identify two structural components of the concept of meta-subjectivity:

© Гнитецкая Т.Н., 2025

© Заболотский В.С., 2025

1) the desire throughout centuries to teach for the benefit of life; 2) the integrity and unity of the surrounding world. The historical validity of the modern understanding of meta-subjectivity, which is based on interdisciplinarity, practice-orientedness, and an activity-based approach to learning, is demonstrated. The potential for research into meta-subjectivity through the establishment of meta- and interdisciplinary connections is highlighted.

Keywords: meta-subjectivity, inter-subjectivity, meta-subject result, meta-subject connection, inter-subject connection, historical aspect.

For citation: Gnitetskaya, T.N., Zabolotsky, V.S. Dynamics of the concept of meta-subjectivity: from antiquity to the present day // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 4 P. 200–209. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/200-209>. EDN: <https://elibrary.ru/LYZZNG>

Введение

В современных педагогических исследованиях вопросам метапредметности в последнее время уделяется существенное внимание. Особый интерес они вызывают при обсуждении процесса обучения физике. Это обусловлено требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) общего и среднего специального образования по достижению учащимися метапредметных результатов, в том числе на занятиях по физике. Однако в педагогическом сообществе отсутствует единый подход к определению таких понятий, как «метапредметность», «метапредметный результат», «метапредметный подход», «метапредметное содержание». Терминологические дискуссии ведутся и в настоящее время; авторы раскрывают смысл этих понятий в зависимости от объектов и методологии их исследования. В нормативной базе системы российского образования, несмотря на уделение большого значения метапредметному подходу к обучению, содержание понятий, связанных с метапредметностью, раскрыто недостаточно полно. *Целью исследования* является определение структуры и содержания понятия метапредметности в историческом аспекте. Для достижения цели поставлены следующие *задачи*: поиск и анализ идей метапредметности в работах известных мыслителей всех времен, исследовавших вопросы образования; хронологическая классификация идей, связанных с метапредметностью.

Основная часть

Исследования метапредметности

Исторический аспект метапредметности интересует многих исследователей. Эта тема раскрыта в работах А.С. Гаврилюк [1], Р.Д. Дылгыровой [2], А.П. Суходимцева, М.Г. Сергеева, Н.Л. Соколова [3]. Однако ни в одной из них не показана трансформация и преемственность идей метапредметности по историческим этапам развития науки. А.П. Суходимцева, М.Г. Сергеева и Н.Л. Соколова детально исследуют вопросы межпредметности через рассмотрение стратегий реализации межпредметного подхода к обучению, в то время как метапредметность является более широким понятием. Авторы считают, что межпредметность уходит корнями лишь до XVII в. Р.Д. Дылгырова обращается к античности лишь в целях выяснения этимологии приставки «мета», не проводя глубокого анализа трудов античных мыслителей и не выделяя основных идей метапредметности. Стоит отметить широту ее исследования: оно охватывает период с XVII в. по настоящее время, однако, с нашей точки зрения, обобщения, сопоставления и выводы сделаны недостаточно полно. Аналогичный недостаток присущ и работе А.С. Гаврилюк. Вместе с тем содержание приведенных работ оказало значимую помощь в нашем исследовании.

Рассмотрим содержание понятия метапредметности в историческом контексте. Приставка «мета-» происходит от греческого «μετά», означающего «после», «за» или «между» [4]. Ее использование в научной и философской терминологии связано с указа-

нием на семантику понятий, которая находится на более высоком уровне абстракции или анализа по сравнению со смыслом понятий без метасодержания. Появление приставки «мета-» в философии связано с Аристотелевской «Метафизикой». Александрийский философ Андроник Родосский в I в. до н.э. систематизировал работы Аристотеля. Естественнo-научные сочинения древнегреческого мыслителя были объединены под названием «Физика», а труды, выходящие за эти рамки, содержание которых включало обобщение и выводы, позволяющие связать закономерности природы с первопричинами и основами, были названы «Метафизика» [5]. В философии «Метафизика» понимается как «подлинная» философия или «первофилософия» [5].

Гораздо позже появляется термин «метаматематика», который в конце XIX – начале XX в. трактовался исключительно как философия математики [6, 7]; позже стал обозначаться как раздел математической логики, посвященный изучению оснований математики, структуры математических доказательств и математических теорий с помощью формальных методов [8]. Существенный вклад в развитие метаматематики в первой половине XX в. внес Д. Гильберт. Метаматематика, с точки зрения Гильберта, – это теория доказательств, изучающая формальные системы и их свойства. Он писал: «Наряду с собственно математикой, формализованной указанным выше образом, возникает в определенной мере новая математика, метаматематика, необходимая для обеспечения надежности собственно математики, в которой (в отличие от чисто формальных выводов собственно математики) используются содержательные выводы, но только для доказательства непротиворечивости аксиом. В этой метаматематике оперируют доказательствами собственно математики, и эти доказательства и составляют предмет содержательного исследования» [9].

В XX в. появляются такие общие понятия, как «метанаука», понимаемая как универсальная наука, претендующая на обоснование и изучение различных наук на основе особого, общего для них метаязыка [10]; «метатеория», изучающая язык, структуру и свойства некоторой другой теории [5]. Ж.-Л. Лорьер в своих работах, посвященных вопросам искусственного интеллекта, вводит понятие «метазнания» и определяет его как «любое знание о знании». «Оно является фундаментальным понятием для систем, которые не только используют свою базу знаний такой, как она есть, но и умеют на ее основе делать выводы, структурировать ее, абстрагировать...», – разъясняет Ж.-Л. Лорьер применительно к различным системам [11].

В научной лексике приставка «мета-» указывает на переход к более высокому уровню осмысления и анализа. Она обозначает деятельность, направленную не на изучение самого объекта, а на исследование структур, принципов и методов, связанных с этим объектом. Таким образом, «мета-» подчеркивает стремление к систематизации, рефлексии и концептуализации на уровне, выходящем за рамки непосредственного предмета исследования. Понятия типа «метанаука», «метазнание» или «метатеория» отражают способность науки к самопознанию – осмыслению собственных оснований, методологических заключений и ограничений, что играет ключевую роль в ее развитии и совершенствовании.

Хронология динамики содержания метапредметности

Выделим основные хронологические этапы педагогических, психологических и общепедагогических исследований, идеи которых легли в основу современного метапредметного подхода (табл. 1).

Таблица 1

Хронология развития идей метапредметности

Период (век)	Идея	Механизм достижения	Авторы и ссылки
VI–IV до н.э.	Использование наук в целях познания окружающего мира, в том числе с <i>практической</i> точки зрения	Обучение через неформальное общение учителя и ученика, обсуждение жизненных вопросов и ситуаций. «Изучать искусства и науки надо лишь до того предела, пока они <i>полезны для жизни</i> »	Сократ (Ксенофонт) [12], Платон [13]
IV–I до н.э.	Рассуждения о <i>первопричинах бытия</i> с помощью наук. Дана структура причины, которая побуждает следствие	Изучение того, что лежит <i>за пределами</i> физических явлений	Аристотель [14]
V–XII	Формирование <i>универсальных навыков</i> мышления и коммуникации, которые могут быть применены в различных областях знаний	Преподавание двух специальных блоков <i>связанных учебных дисциплин</i>	Буглярелло Г. [15], Таннер Д. [16]
XVII–XVIII	<i>Интеграция</i> знаний и предметов в учебном процессе	Установление <i>межпредметных и внутрипредметных</i> связей	Коменский Я.А. [17], Локк Дж. [18], Песталоцци И.Г. [19]
XIX	Образование через <i>действие</i> , проблему, проект	<i>Деятельностный</i> подход. Проектное и проблемное обучение. Учет <i>межпредметных</i> связей	Дьюи Дж. [20], А. Дистервег [21], Выготский Л.С. [22], Ушинский К.Д. [23]
XX (первая половина)	Выход <i>за рамки</i> дисциплин. Обучение трудом	Организация занятий по блочному типу <i>междисциплинарных</i> уроков	Френе С. [24], Килпатрик В.Х. [25], Крупская Н.К. [26], Макаренко А.С. [27]

Как видно из табл. 1, некоторые истоки метапредметности можно проследить еще в работах античных мыслителей в период VI–I вв. до н.э. Так, Ксенофонт в главе «О необходимости знаний для практической жизни» своего труда «Воспоминания о Сократе» привел следующие слова Сократа: «... геометрию надо изучать ... лишь в таком объеме, чтобы быть в состоянии, в случае надобности, участок земли правильно, согласно с измерением, принять, передать, разделить ...»; «... хоть сам он не был профаном в этой

науке, но говорил, что занятие ею может поглотить у человека всю жизнь и помешать изучению многих других полезных наук»; «Сократ советовал также учиться счету, но подобно тому, как в других науках, он и здесь советовал избегать ненужного занятия им» [12]. Таким образом, идея метапредметности в те времена очерчивалась практико-ориентированным подходом к изучению наук. В трактате «Государство» Платон использовал метод диалектики, который предполагает обсуждение различных точек зрения, поиск противоречий и синтез знаний для достижения более глубокого понимания [13]. Диалектика, по сути, является инструментом для установления связей между различными понятиями и идеями, что также созвучно метапредметному подходу. Современные исследователи в качестве одного из принципов античного обучения выделяют свободное общение учителя и ученика в неформальной обстановке, что подразумевает обучение через обсуждение жизненных вопросов и ситуаций с привлечением научных знаний, – та же практико-ориентированность [1].

Позднее, в IV–I вв. до н.э., Аристотель в «Метафизике» выделяет значимость фундаментальной науки, подчеркивая, что она является основой изучения окружающего мира: «... умозрительные науки предпочтительнее всех остальных ...»; «... неодинаково обстоит дело и в математических науках: геометрия и учение о небесных светилах занимают каждая определенную сущность, а общая математика простирается на все» [14]. Метафизика становится наукой о содержании причин, связях между ними и порождаемых следствиях. Причина и порождаемое ею следствие рассматриваются сугубо в техническом смысле. В наше время трактовать идеи Аристотеля можно следующим образом: природа функционирует в рамках определенных закономерностей, протекающих по принципу причинности. Каждая закономерность в природе отражает причинно-следственную связь, которая присутствует во всех экспериментальных физических законах (закон Ома, 2-й закон Ньютона и т.д.). При изучении того, что лежит за пределами физических явлений, Аристотель приходит к выводу о том, что в основании их философского содержания находятся первопричины: материя (из чего состоит), форма (что представляет), действие (откуда произошло), цель (ради чего создано). Перечисленное входит в метафизическую область исследований Аристотеля

В период раннего Средневековья (V–XII вв.) схоластика опиралась на систему «семи свободных искусств» (грамматика, риторика, диалектика (логика), арифметика, геометрия, музыка, астрономия), первые три из которых представляли низшую ступень познания – «тривиум», а последние четыре – высшую – «квадривиум» [28]. Система семи свободных искусств формировалась в средневековом университете как методологическая основа: тривиум обучал языковому, логическому и риторическому мышлению, квадривиум – математическому, количественному и природному пониманию. Несмотря на оторванность содержания входящих в квадривиум дисциплин от жизни, отсутствие его практико-ориентированности и наполненность догмами, был большой плюс в выделении двух блоков дисциплин. Он заключается в том, что дисциплины объединены в блоки по признакам, а значит, установлена их связность между собой или, согласно современным терминам, установлены межпредметные связи. Эта структура была ключевой не только для образования, но и для формирования методов мышления и познания, что служит прообразом современного метапредметного подхода [15, 16].

В XVII в. педагогика была выделена из системы философских знаний в качестве самостоятельной науки, вместе с этим идеи метапредметности стали прослеживаться более отчетливо. Я.А. Коменский писал в своем труде «Великая дидактика»: «... необходимо ... добиваться того, чтобы всех ... научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить себе хотя бы

скромное суждение и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно...» [17]. основополагающим принципом дидактики Я.А. Коменского является интеграция знаний и предметов в учебном процессе. Этот принцип означает, что при обучении необходимо учитывать взаимосвязи между различными темами, предметами и явлениями, чтобы обучающиеся могли формировать целостное представление о мире и применять знания на практике: «Все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи». Впоследствии принцип лег в основу концепции межпредметных связей. Еще одним принципом обучения является практико-ориентированность: «Вечным законом да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применения на деле».

Вдохновившись идеями английского педагога и философа XVII в. Дж. Локка, отмечавшего важность связи обучения с жизнью [18], И.Г. Песталоцци выделял ключевой принцип обучения, согласно которому необходимо воспринимать каждый объект изучения как единое целое. Он стремился определить фундаментальные элементы познавательной деятельности, отражающие универсальные свойства всех предметов. К базовым элементам, лежащим в основе начального образования, он относил, например, числовые отношения, геометрическую форму и т.п. Он полагал, что учебные дисциплины следует использовать прежде всего как инструмент для целенаправленного развития познавательных способностей обучающихся, а не только как источник для усвоения конкретных знаний. Считая важным связь обучения с жизнью, а также формирование целостного представления об окружающем мире, он предлагал осуществлять развитие мышления через практическую деятельность и наглядность [19]. К одному из величайших в перечне одиннадцати введенных И.Г. Песталоцци законов искусства обучения, названных им «физико-механическими», можно отнести закон связности, который хочется назвать руководством к обучению во все времена. Он звучит так: «Приведи в своем сознании все по существу взаимосвязанные между собой предметы в ту именно связь, в которой они действительно находятся в природе». Несмотря на то, что прямых обсуждений темы метапредметного содержания в работах великих педагогов XVII–XVIII вв. найти не удалось, имеющиеся в них идеи целостности и междисциплинарности знаний внесли существенный вклад в развитие метадисциплинарного подхода к обучению, а приведенные выше идеи уже очертили его два контура – практику и междисциплинарность.

В XIX в. тема практики в обучении стала особо востребованной в связи с психологическими исследованиями в области деятельности [22] и зарождением на их основе деятельностного подхода к обучению. В работах Дж. Дьюи, С. Френе, А. Дистервега описаны методы обучения, основанные на проектно-деятельностной парадигме. Одной из основных идей Дж. Дьюи является образование через опыт и действие; образование – это не передача знаний, а процесс формирования способов мышления и решения проблем в жизненных ситуациях [20]. Обозначенное коррелирует с теорией развития психики Л.С. Выготского, по которой не освоение знаний, а овладение способами действия в культуре и есть обучение [22]. Этому положению соответствуют и идеи А. Дистервега [21], который, подчеркивая важность активной деятельности, а не пассивного запоминания, сформулировал педагогический принцип «*learn to do by doing*» – учиться делать через практику. Деятельностный подход к обучению фактически можно сопоставить метапредметному, если практическую направленность знаний обогатить междисциплинарностью. За это ратовал один из выдающихся педагогов того периода К.Д. Ушинский: «... из такого, где одна наука идет вслед за другой, нигде не сталкиваясь, хоть это и очень стройно в программе, выходит хаос в голове ученика ...» [23]. Особую значимость он придавал интеграции учебных предметов с целью формирования у обучающихся целостной картины мира. Он писал:

«Голова, наполненная отрывочными бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке...», отождествляя такой беспорядок с пустотой.

В XX в. деятельностное обучение получило дальнейшее развитие: в теории труда С. Френе, где результат трудового обучения являлся оценкой обучающихся [24]; в работах А.С. Макаренко [27], который поставил на первое место в обучении труд, дисциплинирующий человека во всех видах его деятельности. Появилось подробное описание метода проектов, которое выполнил В.Х. Килпатрик [25], предлагающий организовать обучение через решение реальных практических задач. Первые образовательные программы, содержащие элементы метапредметности (проблемно-ориентированные учебные планы, укрупненные учебные дисциплины и пр.), появились за рубежом уже в 30–50-х гг. прошлого века. В ранний советский период группой русских педагогов под руководством Н.К. Крупской, в состав которой вошли А.В. Луначарский, С.Т. Шацкий, П.П. Блонский, А.П. Пинкевич, М.Я. Басов и др., была проведена образовательная реформа, одной из основных идей которой стала консолидация знаний через трудовое обучение и коллективную деятельность. Предлагалось объединять учебные предметы на основе трудовой и, как сейчас говорят, проектной деятельности. В работах, посвященных трудовой школе, Н.К. Крупская описывала формы, которые сегодня можно назвать метапредметными: проекты, практико-ориентированные задания, ситуационные задачи [26]. Н.К. Крупская последовательно выступала за преодоление узкопредметного подхода, настаивая на том, что знания должны быть целостными и социально значимыми. В рамках реформы под руководством Н.К. Крупской были созданы новые образовательные программы, которые предусматривали объединение различных областей знаний в рамках конкретных комплексных междисциплинарных тем, таких как «Труд», «Природа» и т.п. Советская школа не долго просуществовала в этой образовательной парадигме; уже в начале 30-х гг. XX в. образовательная система вернулась к узкоспециализированной предметной идеологии. Нововведение, несмотря на свою краткосрочность, позволило приобрести удивительный опыт организации практико-ориентированной системы образования с междисциплинарным содержанием.

Современный этап развития метапредметности (XXI в.) детально исследован нами в работе [29]. Содержание понятия метапредметности раскрыто через связанные с ним термины: метапредметный подход, метапредметное содержание, метапредметные результаты, последний из которых фигурирует в нормативной базе системы общего образования России (в федеральных государственных образовательных стандартах и федеральных образовательных программах). ФГОС общего образования метапредметные результаты рассматривают как совокупность универсальных учебных действий и межпредметных понятий, степень овладения которыми характеризует уровень достижения метапредметного результата. Возвращаясь к табл. 1, с очевидностью находим две составляющие содержания метапредметности: межпредметность и практико-ориентированность в деятельности и знаниях. Однако, как отмечалось в работе [29], вопросы обеспечения овладением универсальными учебными действиями изучены широко, в то время как освоению межпредметных понятий уделяется, с нашей точки зрения, недостаточное внимание. Более того, нет предложений по организации системного междисциплинарного обучения. В наших работах предлагается обеспечивать освоение межпредметных понятий через разработку междисциплинарного содержания на основе связей смежных дисциплин, сеть которых является объектом метапредметной связи; ее модель описана в работе [30].

Заключение

Таким образом, в истории образования в рамках исследования выделено шесть основных (без учета современного) этапов хронологического развития содержания понятия

метапредметности на пути к современному пониманию. На каждом из них определена основная идея (цель), лежащая в основе понятия, и указан механизм ее достижения. Указанные в табл. 1 идеи раскрывают соответствующее времени содержание понятия метапредметности, а именно: в античности образование направлено не столько на знание конкретных фактов, сколько на формирование универсальных способов мышления для познания окружающего мира и причин бытия; в средние века добавляется акцент на формировании универсальных практических навыков, достигаемым связанным содержанием учебных дисциплин; с началом становления педагогической науки в качестве самостоятельной (XVII–XVIII вв.) большое значение уделяется установлению межпредметных связей и проектированию обучения с их учетом; в XIX в. к междисциплинарности добавляется деятельностная основа обучения, а в первой половине XX в. в России осуществляются попытки разработки системы метапредметного обучения, отброшенные и забытые во второй половине века.

Не случайно в XXI в. возник новый виток развития метапредметного подхода к обучению. Опыт, полученный веками, позволяет определить черты метапредметного образования, которые, прежде всего, сводятся к межпредметности, практико-ориентированности содержания и организации деятельности в учебном процессе. Анализ исторического аспекта содержания понятия метапредметности помог установить существенность междисциплинарности в обеспечении достижения обучающимися метапредметных результатов.

Дальнейшие исследования авторов направлены на формирование педагогических условий для достижения метапредметных результатов обучающимися через моделирование метапредметных связей, объектом которых является сеть межпредметных связей.

Список источников

1. Гаврилюк А.С. Метапредметность результатов обучения: исторический аспект // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 1 (47). С. 130–137.
2. Дылгырова Р.Д. Идеи метапредметности в истории педагогики // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 5 (58). С. 6–13.
3. Суходимцева А.П., Сергеева М.Г., Соколова Н.Л. Межпредметность в школьном образовании: исторический аспект и стратегии реализации в настоящем // Научный диалог. 2018. № 20 (3). С. 319–336.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 288 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. Москва: Гардарики, 2004.
6. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Москва, 1865.
7. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Москва, 1910.
8. Словарь по логике. Москва: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997.
9. Гильберт Д. Логические основания математики. Избранные труды: в 2 т. Москва: Факториал, 1998. Т. 2. С. 418–430.
10. Макаренко С.И. Справочник научных терминов и обозначений. Санкт-Петербург: Научные технологии, 2019. 254 с.
11. Лорьер Ж.-Л. Системы искусственного интеллекта: пер. с франц. Москва: Мир, 1991. 568 с.
12. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Москва: Наука, 1993. 379 с.
13. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва: Альфа-книга, 2020. 1311 с.
14. Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. Москва: Юрайт, 2025. 241 с.
15. Bugliarello G.A. New Trivium and Quadrivium // Bulletin of Science, Technology & Society. 2003. Vol. 23. P. 106–113.
16. Tanner D. History of Curriculum Development in Schools // Oxford Research Encyclopedia of Education. 2020. 27 October.

17. Коменский Я.А. Дидактические принципы: отрывки из «Великой дидактики». Москва: Учпедгиз, 1940. 91 с.
18. Локк Дж. Мысли о воспитании // Соч.: в 3 т. Москва: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
19. Песталоцци И.Г. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Москва: Педагогика, 1981. Т. 2. 416 с.
20. Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. Ю.И. Турчаниновой, Э.Н. Гусинского, Н.Н. Михайлова. Москва: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.
21. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. Москва: Учпедгиз, 1956. 374 с.
22. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Педагогика, 1982–1984. Т. 4.
23. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: АПН РСФСР, 1948–1952.
24. Френе С. Избранные педагогические сочинения: пер. с фр. Москва, 1990. С. 31–245.
25. Килпатрик В.Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе / пер. с англ. Е.Н. Янжул. Ленинград: Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с.
26. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1959. Т. 5. 723 с.
27. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Москва, 1983–1986.
28. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. Москва, 2003. 528 с.
29. Гнитецкая Т.Н., Заболотский В.С. Преемственность подходов в образовании: от метапредметного обучения к метадисциплинарному образованию // Непрерывное образование: XXI век. 2024. Вып. 3 (47).
30. Гнитецкая Т.Н. Модель метапредметной связи на примере физики // Университет в эпоху педагогических новаций: сб. ст. по итогам Второго профессорского пед. форума. Москва: Российское профессорское собрание, 2023. С. 113–122.

References

1. Gavriluk A.S. Metasubject nature of learning outcomes: historical aspect. *Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev*. 2019; 1 (47): 130–137.
2. Dylgyrova R.D. Ideas of metasubjectivity in the history of pedagogy. *Scientific Notes of ZabSU. Series: Pedagogy and Psychology*. 2014; 5 (58): 6–13.
3. Sukhodimtseva A.P., Sergeeva M.G., Sokolova N.L. Interdisciplinarity in school education: historical aspect and implementation strategies in the present. *Scientific Dialogue*. 2018; (3): 319–336.
4. Ananiev B.G. Man as an object of cognition. St. Petersburg: Piter; 2001. 288 p.
5. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / ed. by A.A. Ivin. Moscow: Gardariki; 2004.
6. Michelson A.D. Explanation of 25,000 foreign words that came into use in the Russian language, with indication of their roots. Moscow; 1865.
7. Chudinov A.N. Dictionary of foreign words that became part of the Russian language. Moscow; 1910.
8. Dictionary of Logic. Moscow: Humanit. publishing center VLADOS; 1997.
9. Hilbert D. Logical foundations of mathematics. Selected works: in 2 vols. Moscow: Factorial; 1998. Vol. 2. P. 418–430.
10. Makarenko S.I. Handbook of scientific terms and designations. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2019. 254 p.
11. Lorier J.-L. Artificial intelligence systems: Translated from French. Moscow: Mir; 1991. 568 p.
12. Xenophon. Memoirs of Socrates. Moscow: Nauka; 1993. 379 p.
13. Plato. Complete works in one volume. Moscow: Alfa-kniga; 2020. 1311 p.
14. Aristotle. Metaphysics / trans. from ancient Greek by A.V. Kubitsky. Moscow: Yurait; 2025. 241 p.
15. Bugliarello G.A. New Trivium and Quadrivium. *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2003; (23): 106–113.
16. Tanner D. History of Curriculum Development in Schools. *Oxford Research Encyclopedia of Education*. 2020; 27 October.
17. Comenius J.A. Didactic principles: excerpts from "Great Didactics". Moscow: Uchpedgiz; 1940. 91 p.
18. Locke J. Thoughts on education. *Works. In 3 vols*. Moscow: Mysl; 1988. Vol. 3. 668 p.
19. Pestalozzi I.G. Selected pedagogical works: in 2 vols. Moscow: Pedagogika; 1981. Vol. 2. 416 p.

20. Dewey J. Democracy and education / trans. from English by Yu.I. Turchaninova, E.N. Gusinsky, N.N. Mikhailov. Moscow: Pedagogika-Press; 2000. 384 p.
21. Diesterweg A. Selected pedagogical works. Moscow: Uchpedgiz; 1956. 374 p.
22. Vygotsky L.S. Collected works: In 6 vols. Moscow: Pedagogika; 1982–1984. Vol. 4.
23. Ushinsky K.D. Collected works: In 10 vols. Moscow; Leningrad: Acad. of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1948–1952.
24. Freinet S. Selected pedagogical works: Translated from French. Moscow; 1990. P. 31–245.
25. Kilpatrick W.H. The project method. Application of goal setting in the pedagogical process / trans. from 7th English ed. by E.N. Yangul. Leningrad: Brockhaus-Efron; 1925. 43 p.
26. Krupskaya N.K. Pedagogical works. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1959. Vol. 5. 723 p.
27. Makarenko A.S. Pedagogical works: In 8 vols. Moscow; 1983–1986.
28. Pedagogical Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. B.M. Bim-Bad. Moscow; 2003. 528 p.
29. Gnitskaya T.N., Zabolotsky V.S. Continuity of approaches in education: from metasubject learning to metadisciplinary education. *Lifelong Education: XXI Century*. 2024; Iss. 3 (47).
30. Gnitskaya T.N. Model of metasubject connection using physics as an example. *University in the era of pedagogical innovations: collection of articles based on the results of the Second Professorial Pedagogical Forum June 1–4, 2023*. Moscow: Russian Professorial Assembly; 2023. P. 113–122.

Информация об авторах:

Гнитецкая Татьяна Николаевна, д-р пед. наук, профессор, Департамент общей и экспериментальной физики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, gnitskaya.tn@dvfu.ru

Заболотский Владимир Сергеевич, доцент, Департамент математики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, zabolotskiy.vs@dvfu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/200-209>

EDN: <https://elibrary.ru/LYZZNG>

Дата поступления:
25.08.2025

Одобрена после рецензирования:
10.11.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 343.137.5

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/210-222>

EDN: <https://elibrary.ru/MJBAXE>

Заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним: некоторые вопросы регламентации и правоприменения

Верещагина Алла Васильевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации есть самостоятельная глава, посвященная производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Несмотря на это, ряд важных процедур в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) производится в общем порядке. К числу таких процедур относится избрание меры пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего, содержащей только незначительные изъятия из общего порядка. В частности, особенностью избрания меры пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетних является обязательное рассмотрение вопроса о возможности применения специальной меры пресечения присмотр за несовершеннолетним. Предмет исследования – общественные отношения, складывающиеся в связи с применением мер пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и присмотр за несовершеннолетним. Цель исследования – выявление проблемных аспектов регламентации, негативно сказывающихся на решении вопроса об избрании мер пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и присмотр за несовершеннолетним. Новизна работы заключается в двух аспектах: широком привлечении следственной и судебной практики и образцов регламентации проблемных вопросов в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств постсоветского пространства. Полученные результаты позволяют утверждать, что присущая российскому уголовно-процессуальному закону лаконичность и неопределенность формулировок некоторых норм, регулирующих процедуру применения мер пресечения заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним, приводят к доминированию применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) и минимальной востребованности меры пресечения присмотр за несовершеннолетними.*

***Ключевые слова:** российский уголовный процесс, уголовный процесс государств постсоветского пространства, несовершеннолетний подозреваемый, несовершеннолетний обвиняемый, мера пресечения, заключение под стражу, присмотр за несовершеннолетним.*

***Для цитирования:** Верещагина А.В. Заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним: некоторые вопросы регламентации и правоприменения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 210–222. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/210-222>. EDN: <https://elibrary.ru/MJBAXE>*

Original article

Detention and supervision of minors: some issues of regulation and law enforcement

Alla V. Vereshchagina

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The Criminal Procedure Code of the Russian Federation has an independent chapter containing the rules of criminal proceedings against minors. Despite this, a number of extremely important procedures affecting the rights and freedoms of a minor suspect (accused) are regulated in a general manner. Such procedures include the selection of a preventive measure, the detention of a minor, which contains only minor exceptions to the general procedure. In particular, a special feature of the choice of a preventive measure, detention of minors, is the mandatory consideration of the possibility of applying a special preventive measure, supervision of a minor. The subject of the study is the social relations that develop in connection with the choice of preventive measures, the detention of a minor suspect (accused) and the supervision of a minor. The purpose of the study is to identify problematic aspects of regulation that negatively affect the decision on the choice of preventive measures for detention of a minor suspect (accused) and supervision of a minor. The novelty of the work lies in two aspects: the broad involvement of investigative and judicial practice and patterns of regulation of problematic issues in the criminal procedure legislation of some post-Soviet states. The results obtained allow us to assert that the conciseness and ambiguity of the wording of certain norms governing the procedure for the application of preventive measures, detention and supervision of minors, inherent in the Russian criminal procedure law, leads to the dominance of the use of detention in relation to suspected (accused) minors and the minimal demand for a special preventive measure, supervision of minors.*

Keywords: *Russian criminal procedure, criminal procedure of the states of the former Soviet Union, minor suspect, minor accused, preventive measure, detention, supervision of a minor.*

For citation: Vereshchagina A.V. Detention and supervision of minors: some issues of regulation and law enforcement // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 4. P. 210–222. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/210-222>. EDN: <https://elibrary.ru/MJBAXE>

Введение

Актуальность. С 2014 г. в России наметилась тенденция снижения числа выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (рис. 1).

Однако ситуация не столь умиротворяющая, если мы обратимся к другим показателям: динамике выявления и удельному весу несовершеннолетних от общего числа выявленных, совершивших преступления (рис. 2, 3).

График, построенный на основании относительных показателей выявленных несовершеннолетних от общего числа лиц, совершивших преступления (см. рис. 2), в отличие от графика на рис. 1, отражающего динамику в абсолютных цифрах, не однолинеен. График на рис. 2 фиксирует колебания значений в диапазоне от –15,1 % в 2023 г. до +6,1 % за восемь месяцев 2025 г., что свидетельствует о неустойчивости тенденции снижения выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления. Данный вывод подтверждается удельным весом несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления (см. рис. 3).

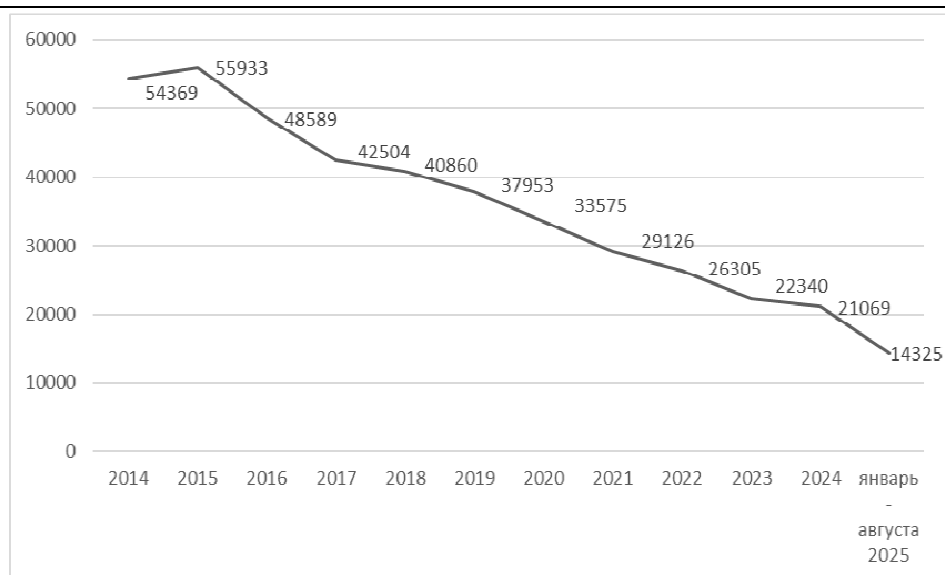

Рис. 1. Выявленные несовершеннолетние, совершившие преступления (2014–2025), тыс. чел.

Источник: сост. автором по [1].

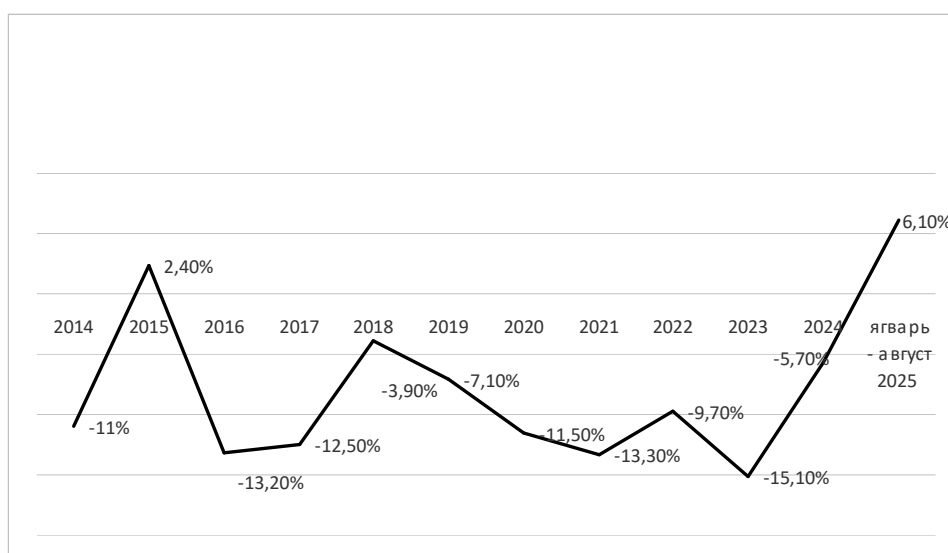

Рис. 2. Динамика выявленных несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления (относительно каждого предыдущего года) (2014–2025), %

Источник: сост. автором по [1].

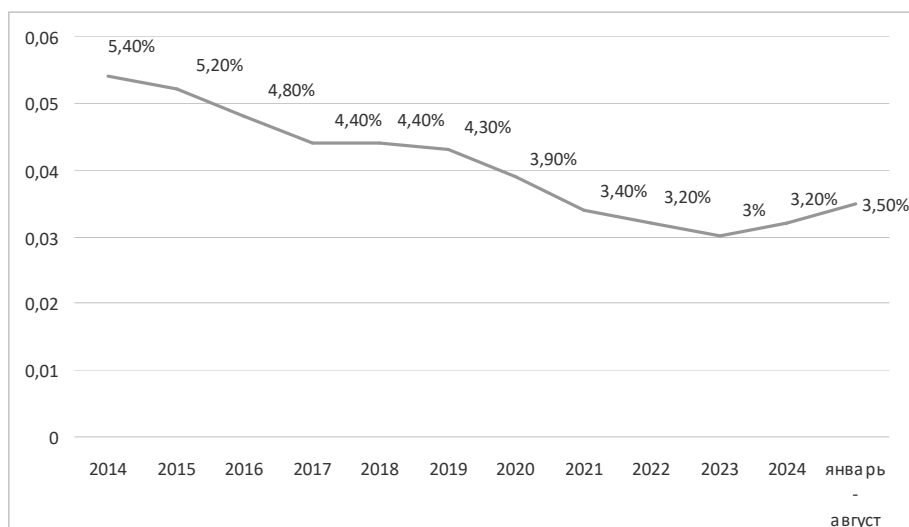

Рис. 3. Удельный вес несовершеннолетних в общем числе лиц, совершивших преступления (2014–2025), %

Источник: сост. автором по [1].

Амплитуда синусоиды (см. рис. 3) более сглажена (минимальные и максимальные значения варьируются от 3 % в 2023 г. до 5,4 % в 2015 г.) и существенно отличается от графиков на рис. 1 и 2 отсутствием последовательного снижения и существенных колебаний выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления.

Приведенные данные подтверждают, что преступность несовершеннолетних снижается, но не столь явно, как это представляется сквозь призму абсолютных значений (см. рис. 1), что подтверждает актуальность изучения различных аспектов как феномена преступности несовершеннолетних, так и отдельных связанных с этим явлением моментов, включая процессуальные аспекты.

В действующем УПК РФ 2001 г. есть самостоятельная глава 50, касающаяся регламентации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [2]. Сопоставление норм УПК РСФСР 1960 г. [3] и УПК РФ 2001 г. позволяет констатировать преимущество в регулировании, хотя некоторые текстуальные и сущностные изменения в УПК РФ 2001 г., скорее, обусловлены введением ряда институтов, в частности института судебного контроля за досудебным производством.

Обновление регламентации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних не искоренило проблемы правоприменения, обусловленной отсутствием специальной ювенальной подготовки у дознавателей, следователей и судей; дефектами регламентации процессуального статуса педагога и игнорированием закрепления статуса психолога (термин «психолог» только упоминается в УПК РФ), участие которого способствует реализации концепции дружественного к ребенку правосудия и т.д. [4, с. 48].

Недостатки регламентации, указанные (и не указанные) выше, длительное время обсуждаются в научной литературе, но, как отмечает Е.В. Марковичева, «...интерес отечественного законодателя к процессуальным проблемам юных правонарушителей значительно снизился» [5, с. 1433].

Гипотеза: имеющиеся в уголовно-процессуальном законе ограничения применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних требуют корректировки.

Предмет исследования: общественные отношения, возникающие в связи с применением к лицам, не достигшим 18 лет, мер пресечения заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним.

Цель исследования: выявить проблемные аспекты регламентации избрания мер пресечения заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним.

Методология: исследование проведено с соблюдением философских принципов познания: всесторонности, объективности, историзма, плюрализма, определяющей роли практики в процессе познания; с использованием статистического анализа (методики статистического наблюдения и рядов динамики), формально-логического и сравнительно-правового методов, а также анализа документов.

Основная часть

Специфика расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних заключается в том числе в особенностях избрания в отношении них мер пресечения (ст. 423 УПК РФ) [2]. Этот вопрос активно обсуждается исследователями [6–9].

Российский уголовно-процессуальный закон закрепляет общий порядок избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ч. 1 ст. 423 УПК РФ). В соответствии с законом заключение под стражу в отношении несовершеннолетних применяется по решению суда по результатам рассмотрения ходатайства дознавателя (следователя), если несовершеннолетнему инкриминируется тяжкое или особо тяжкое преступление или преступление средней тяжести, совершенное с применением насилия или угрозы насилия либо перечисленное в норме ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ (злоупотребление полномочиями; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма; неправомерный доступ к компьютерной информации – соответственно ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 222, ч. 2, 3 ст. 272 УК РФ [10] и др.). Обязательным условием применения к несовершеннолетнему заключения под стражу, помимо вменения совершения предусмотренных законом деяний, является наличие одного из юридических фактов, указанных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ (лицо не имеет места жительства или места пребывания, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения и оно (лицо) скрылось от органов предварительного расследования или суда). Особо в законе оговорены два связанных с принятием решения об избрании меры пресечения заключение под стражу моменты: 1) обоснованность заявляемого правоприменителем ходатайства об избрании меры пресечения заключение под стражу, в котором излагаются мотивы и основания, побудившие испрашивать решение суда, и аргументирование невозможности избрания иной меры пресечения, причем дознаватель (следователь) должен подтвердить эти обстоятельства прилагаемыми к ходатайству материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 108 УПК РФ); 2) изложение в постановлении об избрании меры пресечения заключение под стражу фактических обстоятельств, лежащих в основе принимаемого решения.

Обоснованность принятия решения об избрании меры пресечения. Обосновывая решения об избрании означенной меры пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетних суды приводят различные доводы: совершение преступления средней тяжести, тяжкого, особо тяжкого; отсутствие регистрации; отрицательная характеристика; совершение административных правонарушений; наличие судимости; нарушение ранее избранной меры пресечения; самовольное оставление детского учреждения, в котором содержится подросток; неоднократное объявление в розыск и др. [11–13]. Совершенно очевидно, что не все из перечисленных доводов можно расценивать как фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Так, факт совершения лицом преступления – всего лишь констата-

ция, что есть доказательства, свидетельствующие о причастности к совершению преступления, некая предпосылка, которая позволяет рассуждать на тему о возможности избрания меры пресечения. Иное дело нарушение ранее избранной меры пресечения, побег из специализированного детского учреждения, объявление в розыск и т.п., которые явно указывают на желание несовершеннолетнего скрыться от органов предварительного расследования. Аргументы суда при принятии решения по поводу любой меры пресечения, в том числе заключения под стражу, не должны носить гипотетический, вероятностный характер, поскольку в соответствии с нормативными предписаниями в постановлениях должны указываться «конкретные, фактические обстоятельства» (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Такая же интерпретация обоснованности принимаемого решения дана Верховным Судом РФ [14, п. 3]. В развитие своей позиции Верховный Суд РФ указывает, что даже наличие достаточных данных не обязывает удовлетворять ходатайство органов предварительного расследования и избирать меру пресечения заключение под стражу и подчеркивает необходимость обсуждения вопроса о применении более мягкой меры пресечения (15, п. 3). Но, как следует из процитированных выше судебных актов, несмотря на отмеченную ясность регламентации и позиции Верховного Суда РФ, аргументация в решениях судов дуалистична и представляет собой совокупность фактических обстоятельств и предположений о наличии оснований, необходимых для избрания меры пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), что представляется не совсем верным.

Можно ли применять заключение под стражу в отношении лиц, не достигших 16 лет, совершивших впервые преступление средней тяжести? Вероятно, осознавая нежелательность законодательного допущения, пусть и с некоторыми ограничениями, избрания меры пресечения заключение под стражу в отношении лиц, не достигших 16 лет, совершивших преступления средней тяжести впервые, Верховный Суд РФ, толкуя нормативные предписания, ссылаясь на нормы ч. 6 ст. 88 УК РФ и ч. 1 и 2 ст. 108 УПК РФ, фактически сформулировал норму, запрещающую избирать эту меру пресечения в отношении подростков этой возрастной группы (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1) [15].

Буквальное толкование положений ч. 6 ст. 88 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 108 УПК РФ не позволяет утверждать, что рассматриваемая мера пресечения не может применяться в отношении не достигших 16 лет подозреваемых и обвиняемых, привлекаемых к уголовной ответственности впервые за совершение преступлений средней тяжести. Норма ч. 6 ст. 88 УК РФ содержит запрет на применение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, не достигших 16 лет, совершивших впервые преступления небольшой или средней тяжести. Положения ч. 1 и 2 ст. 108 УПК РФ регулируют избрание меры пресечения заключение под стражу, и в них нет возрастной дифференциации, которая позволяла бы утверждать, что в отношении не достигших 16-летнего возраста заключение под стражу не применимо. Несмотря на сходство режима содержания в воспитательных колониях и следственных изоляторах, которые также при наличии некоторых оснований могут быть местом отбывания наказания (ч. 1 ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [16], речь идет о разных правовых феноменах – *уголовно-правовом институте наказания и уголовно-процессуальном институте меры пресечения*, нормы которых регламентируют разные общественные отношения. Поэтому экстраполяция положений уголовного закона на общественные отношения, регулируемые нормами уголовно-процессуального права, недопустима и противоречит норме ч. 1 ст. 1 УПК РФ, в соответствии с которой порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается нормами уголовно-процессуального закона, основанного на Конституции РФ. Такой позиции придерживается

Конституционный Суд Российской Федерации (п. 2.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П) [17].

Как бы то ни было, мы согласны с позицией Верховного Суда РФ о желательности минимизации применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, особенно в возрасте от 14 до 16 лет. Только способ решения этого вопроса должен быть легальным – посредством обращения Пленума Верховного Суда РФ с законодательной инициативой (подп. 2 п. 3 ст. 5 ФКЗ РФ «О Верховном Суде Российской Федерации») [18], а не фиксации по сути дела нормы права в акте толкования. Используемый Верховным Судом РФ он нивелирует значение закона как источника права.

Учет индивидуальных особенностей несовершеннолетнего при принятии решения об избрании меры пресечения заключение под стражу. «Точечному», индивидуальному применению заключения под стражу должно способствовать предусмотренное законом изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) – «условия жизни и воспитания..., уровень психического развития и иные особенности его личности» (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ). При этом в норме п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ в отличие, например, от УПК Республики Молдовы (ч. 2 ст. 475 УПК Республики Молдовы) отсутствует указание на то, каким образом правоприменитель устанавливает эти обстоятельства. Очевидно, что добросовестный российский правоприменитель должен прибегнуть к предусмотренным законом средствам собирания доказательств: 1) допросам (родителей, опекунов, попечителей, соседей, классного руководителя и т.п.); 2) истребованию документов (характеристик, справок из органов опеки и попечительства, инспекций по делам несовершеннолетних и др.); 3) освидетельствованию. Но, поскольку в п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ нет конкретизации процедуры установления условий жизни, воспитания несовершеннолетнего, уровня его психического развития и иных его особенностей, рассчитывать только на добросовестность правоприменителя неосмотрительно. При этом обязательные специальные исследования психофизиологического состояния подростка, которые в том числе позволили бы более объективно решать вопрос о мере пресечения, законом, за исключением одного основания, не предусмотрены. Медицинское освидетельствование обязательно проводится только для установления заболеваний, не позволяющих содержать и обучать несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа для рассмотрения судом вопроса о его помещении туда (ч. 3 ст. 421 УПК РФ). При наличии данных, указывающих на отставание «в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством», также устанавливается возможность несовершеннолетнего осознавать «фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» (ч. 2 ст. 421 УПК РФ).

Не умаляя значения результатов допросов и содержания документов, следует иметь в виду, что дознаватель (следователь), не имея специальной подготовки в области подростковой физиологии, психологии, психиатрии, во время допроса может упустить какие-либо моменты, которые важны для принятия решения о заключении под стражу. Кроме того, стоит учитывать, что девиантное поведение подростка, первопричиной которого могут быть не только педагогическая запущенность, но и заболевания разного генеза, не всегда имеющие явные внешние проявления, вызывает раздражение, способствующее формированию субъективного негативного отношения к нему, что может отразиться на содержании показаний и предоставляемых по запросам органов предварительного расследования документов [11–13].

В связи с этим закрепление обязанности комплексного изучения личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с участием специалистов в области подростковой физиологии, психологии, психиатрии представляется необходимым для всестороннего, полного и объективного установления предусмотренных ч. 1 ст. 421 УПК РФ

обстоятельств и их учета при принятии решений о применении заключения под стражу. Подобным образом решен вопрос в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, где в зависимости от основания в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) обязательно проводится либо комплексная психолого-психиатрическая, либо психологическая экспертизы (ст. 539 УПК Республики Казахстан). Такой подход позволил бы при избрании меры пресечения учесть возможные последствия негативного влияния на подростков, попадающих в «девиантную» среду следственного изолятора, и способствовать улучшению профилактики деструктивного, включая суицидального, поведения [19, с. 116].

Наряду с изложенным возможны и иные способы снижения негативного воздействия на содержащегося под стражей несовершеннолетнего, например меньшая длительность содержания под стражей (не более 4 месяцев), закрепление гарантий движения уголовного дела в более сжатые сроки (ч. 4 ст. 186, ч. 2 ст. 290, ч. 1 ст. 345, п. 3 ч. 1 ст. 431 УПК Республики Молдовы) [20].

Присмотр за несовершеннолетним как альтернатива заключению под стражу.

Как отмечалось, Верховный Суд РФ тяготеет к минимизации применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), характеризует его как «крайнюю», применяемую в течение «кратчайшего времени» меру и рекомендует при разрешении ходатайств в соответствии с требованиями ст. 423 УПК РФ рассматривать вопрос об отдаче под присмотр за несовершеннолетним (п. 6, 7 Постановления Пленума ВС РФ № 1 [15]; ст. 105 УПК РФ). Данная мера пресечения регламентируется нормами ст. 105 УПК РФ, и ее сущность заключается в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) тремя категориями субъектов: 1) законными представителями (родители, опекуны, попечители); 2) другими заслуживающими доверия лицами; 3) должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он (несовершеннолетний) содержится (ч. 1 ст. 105 УПК РФ). Перечисленные лица дают письменное обязательство, правоприменитель разъясняет им сущность подозрения (обвинения) и ответственность за неисполнение обязанностей по присмотру (денежное взыскание до 10 000 руб.) (ч. 4 ст. 103, ч. 2, 3 ст. 105 УПК РФ).

Некоторые авторы считают, что присмотр за несовершеннолетним – «самая действенная и оптимальная мера пресечения», «обладает нереализованным профилактическим потенциалом» [6, с. 19; 9, с. 65]. Несмотря на специальный характер этой меры пресечения и педалирование в уголовно-процессуальном законе, актах толкования обязательности рассмотрения вопроса о ее применении в отношении несовершеннолетних, она почти не востребованна. По данным разных исследователей присмотр за несовершеннолетним применяется в 5,2 %, 7 % случаев [7, с. 140; 8, с. 133]. Даже при замене ранее избранной меры пресечения заключение под стражу и наличии ходатайства об отдаче под присмотр суды порой избирают иные, более эффективные меры пресечения с точки зрения осуществления контроля за несовершеннолетними [21]. Виной тому отмечаемые исследователями недостатки регламентации применения присмотра за несовершеннолетними [7–9]; некоторые из них изложены ниже.

Во-первых, остается не ясным, сводится ли термин «надлежащее поведение» только к тем обязанностям, которые содержатся в нормах ст. 102 УПК РФ (не покидать место жительства или место пребывания без разрешения правоприменителя; являться по вызовам в органы предварительного расследования или в суд; иным способом не препятствовать производству по уголовному делу), или это все-таки более объемное понятие, предполагающее, например, недопустимость девиантного поведения. В некоторых государствах постсоветского пространства термин «надлежащее поведение» трактуется более широко и не сводится к исполнению трех означенных выше обязанностей, а предполагает:

установление ограничений по пребыванию вне дома (ч. 1 ст. 144 УПК Республики Казахстан); соблюдение общественного порядка (ч. 170.1 ст. 170 УПК Азербайджанской Республики); исполнение процессуальных обязанностей (ч. 170.1 ст. 170 Азербайджанской Республики и ст. 46, 556 УПК Республики Узбекистан); запрет воздействовать на свидетелей и уничтожать, повреждать и фальсифицировать доказательства (ч. 1 ст. 176, ч. 1 ст. 184 УПК Республики Молдовы, ст. 46, 556 УПК Республики Узбекистан) и т.д. [20, 22–24]. Имеющееся в уголовно-процессуальных законах некоторых государств постсоветского пространства легальное содержание «надлежащего поведения», по нашему мнению, в большей степени направлено на преодоление несовершеннолетним его асоциальных установок и моделей поведения и может быть воспринято при корректировке регламентации присмотра за несовершеннолетним.

Во-вторых, в российском уголовно-процессуальном законе игнорируется регламентация исследования вопроса о приемлемости отдачи под присмотр несовершеннолетнего. Сам факт того, что законные представители «не углядели» за подростком и просчеты в его воспитании повлияли на формирование асоциального поведения, ставит под сомнение целесообразность его передачи под их присмотр, на что справедливо указывается в судебных решениях [25]. Что касается иных субъектов, могущих быть по закону лицами, присматривающими за несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми), то закон не закрепляет содержание термина «лицо, заслуживающее доверие» и не содержит требований, которым оно должно соответствовать. Закон не учитывает также тот непреложный факт, что должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится подросток, обремененные множеством обязанностей, вряд ли могут эффективно контролировать поведение подростка, что находит отражение в судебных решениях, когда аргументируется невозможность передачи под присмотр должностного лица по месту содержания или обучения несовершеннолетнего [11]. Иногда представители этих учреждений поддерживают позицию стороны обвинения об избрании и продлении меры пресечения заключение под стражу, что подтверждает обоснованность сформулированного выше суждения о сложности обеспечения надлежащего контроля за поведением подопечного [12].

В некоторых государствах постсоветского пространства закреплена процедура получения информации о лице, на которое планируется возложить обязанности по присмотру за несовершеннолетним. Такая информация должна содержать сведения о личности, характере взаимоотношений с несовершеннолетним и о возможности обеспечить надлежащий присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) (ч. 170.2 ст. 170 УПК Азербайджанской Республики; ч. 2 ст. 184 УПК Республики Молдовы; ст. 556 УПК Республики Узбекистан) [20, 22, 24]. Несмотря на отсутствие такого требования в российском уголовно-процессуальном законе, органы уголовного преследования перед обращением в суд с ходатайством об избрании меры пресечения уточняют эти вопросы, что находит отражение в судебных актах при оценке допустимости передачи несовершеннолетнего под присмотр. На наш взгляд, правильнее было бы придать этой практике легальную форму, включив соответствующие положения в уголовно-процессуальный закон, дополнив также регламентацию присмотра за несовершеннолетним наложением на подростка предусмотренных УПК РФ запретов на определенные действия (ст. 105.1 УПК РФ), как предлагают некоторые исследователи [9, с. 66].

Заключение

Несмотря на наличие специальной главы 50 в УПК РФ, нормы которой закрепляют особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, вопросы применения мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) решаются фактически в общем порядке, на основе положений, сосредоточенных

в главе о мерах пресечения (глава 13 УПК РФ). Такой подход недостаточно учитывает психофизиологические особенности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и не способствует реализации концепции дружественного к ребенку правосудия. Рекомендации Верховного Суда Российской Федерации о непременном обсуждении применения присмотра за несовершеннолетним при разрешении ходатайства об избрании заключения под стражу неукоснительно выполняются судами. Однако суды осторожничают, и если применяют альтернативную заключению под стражу меру пресечения, то почти всегда иные, нежели отдача несовершеннолетнего под присмотр. Это связано в том числе с отсутствием в российском уголовно-процессуальном законе положений, которые конкретизировали бы алгоритм исследования личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), условий его жизни, воспитания, уровня психического развития. Кроме того, нормативная модель меры пресечения присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) весьма лаконична, содержит неопределенные формулировки («надлежащее поведение», «заслуживающее доверие лицо»), а также положения, реализация которых затруднительна (отдача несовершеннолетнего под присмотр законным представителям или должностным лицам учреждения, в котором содержится несовершеннолетний, не обеспечившим надлежащего воспитания и контроля за его поведением).

В научной литературе и уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства есть предложения и приемы регламентации, использование которых, на наш взгляд, оптимизирует избрание мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), учитывает их индивидуальные особенности.

Список источников

1. Состояние преступности в России / МВД России [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 13.10.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.10.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 590.
4. Верещагина А.В. Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 40–50. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-270-40-50
5. Марковичева Е.В. Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного Судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1433–1439.
6. Андроник Н.А. Процессуальные особенности избрания мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 16–20.
7. Гирийчук В.В. Проблемные вопросы соблюдения прав несовершеннолетних при применении мер принуждения // Право и образование. 2019. № 8. С. 138–142.
8. Матвеев С.В., Кулаков П.В. Теоретические и практические проблемы присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 12. С. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.121.12.131-139
9. Михайлова Т.Н., Вастьянова О.Д. Следственное усмотрение при решении вопроса о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетнего // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 62–69. DOI: 10.17223/23088451/25/11
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.10.2025).

11. Апелляционное постановление суда Еврейской автономной области от 29.11.2024 по делу № 22-573/2024. URL: <https://www.судебныерешения.рф/87225736/extended> (дата обращения: 13.10.2025).
12. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 19.08.2022 по делу № 22К-4124/22. URL: <https://www.судебныерешения.рф/71212178/extended> (дата обращения: 13.10.2025).
13. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 16.05.2024 по делу № 22-2635/24. URL: <https://www.судебныерешения.рф/83231447/extended> (дата обращения: 13.10.2025).
14. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025). URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8379/> (дата обращения: 13.10.2025).
15. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8276/> (дата обращения: 13.10.2025).
16. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 13.10.2025).
17. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П. URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_48286/ (дата обращения: 13.10.2025).
18. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения: 13.10.2025).
19. Сочинко О.И. К вопросу о профилактике суицидов у несовершеннолетних в следственном изоляторе // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1 (42). С. 112–116.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV (по сост. на 04.10.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=3113;-21 (дата обращения: 13.10.2025).
21. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 20.03.2022 по делу № 22К-1422/2025. URL: <https://www.судебныерешения.рф/89532563/extended> (дата обращения: 13.10.2025).
22. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ) (по сост. на 29.11.2024). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=2900;-20 (дата обращения: 13.10.2025).
23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 №231-V (по сост. на 16.09.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=3;-53#pos=3;-53 (дата обращения: 13.10.2025).
24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII) (по сост. на 15.08.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101#pos=5350;-20 (дата обращения: 13.10.2025).
25. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 18.08.2022 по делу № 22-4142/2022. URL: <https://www.судебныерешения.рф/71214933/extended> (дата обращения: 13.10.2025).

References

1. The state of crime in Russia [website]. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics> (accessed date: 13.10.2025).

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, № 174-FZ (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 09.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed date: 13.10.2025).
3. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 10.27.1960). *Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1960; 40: Article 590.
4. Vereshchagina A.V. Teacher (Psychologist) in Criminal Proceedings of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024; 2 (70); 40–50. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-270-40-50
5. Markovicheva E.V. Evolution of criminal cases involving juveniles from the charter of criminal proceedings to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Actual Problems of Russian Law*. 2014; 7 (44): 1433–1439.
6. Andronik N.A. Procedural features of choosing preventive measures against minors suspected or accused. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*. 2018; 2: 16–20.
7. Girichuk V.V. Problematic issues of observance of the rights of minors in the application of coercive measures. *Law and Education*. 2019; 6: 130–133.
8. Matveev S.V., Kulakov P.V. Theoretical and Practical Issues of Minor Suspect or Accused Supervision in the Russian Criminal Proceedings. *Actual Problems of Russian Law*. 2020; 15 (12): 131–139. DOI:10.17803/1994-1471.2020.121.12.131-139
9. Mikhailova T.N., Vastyanova O.D. Investigative discretion in selecting pretrial measures for juvenile defendants. *Russian Journal of Criminal Law*. 2025; 25: 62–69. DOI: 10.17223/23088451/25/11.
10. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 09.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed date: 10.13.2025).
11. Appeal decision of the Court of the Jewish Autonomous Region dated 11.29.2024 in case No. 22-573/2024. URL: <https://www.судебныерешения.RF/87225736/extended> (accessed date: 13.10.2025).
12. Appeal decision of the Primorsky Regional Court dated 08.19.2022 in case No. 22K-4124/22. URL: <https://www.судебныерешения.RF/71212178/extended> (accessed date: 10.13.2025).
13. Appeal decision of the Primorsky Regional Court dated 05.16.2024 in case No. 22-2635/24. URL: <https://www.судебныерешения.RF/83231447/extended> (accessed date: 13.10.2025).
14. On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/19/2013 No. 41 (as amended on 05.27.2025). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8379/> (accessed date: 13.10.2025).
15. On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.01.2011 No. 1 (as amended on 10.28.2021) URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8276/> (accessed date: 13.10.2025).
16. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (accessed date: 13.10.2025).
17. In the case of the review of the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06.29.2004 No. 13-Para. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (accessed date: 13.10.2025).
18. About the Supreme Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 05.02.2014 (as amended on 07.14.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (accessed date: 13.10.2025).
19. Sochivko O.I. On the issue of suicide prevention among minors in a pre-trial detention facility. *Applied Legal psychology*. 2018; 1 (42): 112–116.

20. The Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova dated March 14, 2003 No. 122-XV (according to comp. as of 04.10.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=3113;-21 (accessed date: 13.10.2025).
21. Appeal decision of the Primorsky Regional Court dated 20.03.2022 in case No. 22K-1422/2025. URL: <https://www.судебныерешения.RF/89532563/extended> (accessed date: 13.10.2025).
22. The Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated 07.14.2000 No. 907-IQ) (according to comp. as of 11.29.2024). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=2900-20 (accessed date: 13.10.2025).
23. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated 04.07.2014 № 231-V (according to comp. as of 09/16/2025. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=3;-53#pos=3;-53 (accessed date: 13.10.2025).
24. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated 22.09.1994 No. 2013-XII) (according to comp. as of 08.15.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101#pos=5350-20 (accessed date: 13.10.2025).
25. Appeal decision of the Primorsky Regional Court dated 18.08.2022 in case No. 22-4142/2022. URL: <https://www.судебныерешения.RF/71214933/extended> (accessed date: 13.10.2025).

Информация об авторе:

Верещагина Алла Васильевна, канд. юрид. наук, доцент каф. уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, vereschagina_alla@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/210-222>

EDN: <https://elibrary.ru/MJBAXE>

Дата поступления:
21.10.2025

Одобрена после рецензирования:
07.11.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

Научная статья

УДК 347.44

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/223-237>

EDN: <https://elibrary.ru/NVVQFF>

Пределы свободы сторон договора в установлении правил толкования его условий

Варавенко Виктор Евгеньевич

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Ниязова Марина Валентиновна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Проведен анализ вопроса о действии принципа свободы договора в сфере института толкования гражданско-правового договора. Дан краткий обзор современных теоретических положений о методологии толкования и ее закрепления в законодательстве и руководящей судебной практике. На этой основе проведен анализ условий типовых договоров (контрактных проформ), предусматривающих правила толкования, и дана им оценка. По результатам исследования сделан общий вывод о том, что отечественное законодательство признает свободу сторон договора в согласовании и включении в договор правил толкования его условий, ограничивая ее требованием непротиворечия принципиальным положениям о толковании гражданско-правового договора, базовым идеям и целям этого института договорного права.*

***Ключевые слова:** толкование гражданско-правового договора, методология толкования, правила толкования, типовые договоры (контрактные проформы), частное регулирование.*

***Для цитирования:** Варавенко В.Е., Ниязова М.В. Пределы свободы сторон договора в установлении правил толкования его условий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 223–237. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/223-237>. EDN: <https://elibrary.ru/NVVQFF>*

Original article

Limits of freedom of the parties to the contract in establishing rules for interpretation of its terms

Viktor E. Varavenko

Far Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

Marina V. Niyazova

Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the issue of the effect of the principle of freedom of contract in the sphere of the institution of interpretation of a civil contract. The authors conduct a*

© Варавенко В.Е., 2025

© Ниязова М.В., 2025

brief review of modern theoretical provisions on the methodology of interpretation and its consolidation in legislation and guiding judicial practice and, on this basis, conduct an analysis and assessment of the terms of model contracts (templates) that provide for rules of interpretation. Based on the results of the study, a general conclusion was made that domestic legislation recognizes the freedom of the parties to the contract in agreeing on and including in the contract the rules for interpreting its terms, limiting it to the requirement of non-contradiction to the fundamental provisions on the interpretation of a civil contract, the basic ideas and purposes of this institution of contract law.

Keywords: *interpretation of a civil law contract, interpretation methodology, interpretation rules, model contracts (templates), private ordering.*

For citation: Varavenko V.E., Niyazova M.V. Limits of freedom of the parties to the contract in establishing rules for interpreting its terms // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 4. P. 223–237. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-3/223-237>. EDN: <https://elibrary.ru/NVVQFF>

Введение

Как отмечают авторы одного из наиболее влиятельных комментариев к главам 27–29 Гражданского кодекса Российской Федерации, «[о]чень спорным и малоизученным в российском праве является вопрос о том, действует ли принцип свободы договора в отношении правил толкования договора. Могут ли стороны предусмотреть в договоре конкретные правила толкования, отличные от тех, которые вытекают из положений закона или признаются в судебной практике, или дополняющие или уточняющие действующую по умолчанию методологию толкования? Естественно, речь не идет о включении в договор глоссария терминов (абсолютно корректной практике договорной работы), а о согласовании в нем именно методов и правил толкования» [1, с. 559].

С одной стороны, нормы ст. 431 ГК РФ¹, в свете как традиционной методологии квалификации норм договорного и обязательственного права в качестве императивных или диспозитивных, так и методологии, закрепленной в Постановлении Пленума ВАС РФ № 16² и официально признанной Конституционным судом РФ³, являются императивными, поскольку они не содержат явный атрибут диспозитивности, обращены к правоприменительным органам, осуществляющим толкование условий договора и не направлены непосредственно на установление прав и обязанностей сторон договора. С другой стороны, субъекты, наделенные правом создавать условия договора, *a fortiori* должны обладать возможностью устанавливать правила их толкования.

Так или иначе, почти в каждом гражданско-правовом договоре, в особенности в предпринимательских договорах, стороны фиксируют условия, представляющие собой правила толкования. Вместе с тем, какова природа этих «условий о толковании условий»? Как они соотносятся с нормами гражданского законодательства, установившими правила толкования? Правомерна и целесообразна ли практика включения в договор правил толкования его условий и насколько эти правила обязательны для правоприменителя? Для ответов на эти вопросы следует, во-первых, провести краткий обзор современных теоретических положений о толковании гражданско-правового договора, отраженных в трудах российских ([2–5] и др.) исследователей и проявляющихся в законода-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // КонсультантПлюс.

³ См.: п. 3.1 Постановления Конституционного суда РФ от 02.06.2022 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» // КонсультантПлюс.

тельстве и руководящей судебной практике, а во-вторых, на их основе проанализировать условия о толковании, включенные в гражданско-правовые договоры. Поскольку договорная работа на предприятиях и ее результаты в виде согласованных и заключенных договоров не являются общедоступной информацией по мотивам защиты коммерческой тайны, вторая из указанных задач будет выполнена с использованием типовых договоров (контрактных проформ) – открытых источников договорных условий, широко применяемых на практике.

Объектом анализа выступают общие условия следующих типовых договоров: условия договора на поставку оборудования, проектирование и строительство для электро-механических и пусковых работ (издание 2017 г.), публикация Международной федерации инженеров-консультантов (далее – *FIDIC Yellow Book 17*)⁴, договор на проектирование и строительство (издание 2016 г.), публикация Объединенного договорного трибунала (далее – *JCT DB 16*)⁵, типовой договор под ключ для крупных проектов (издание 2007 г.), публикация Международной торговой палаты (далее – *ICC Turnkey 07*)⁶, договор на управление сроками и затратами (издание 2015 г.), публикация Института сертифицированных строителей (далее – *CIOB TCM 15*)⁷, типовой договор на строительство нового судна (издание 2007 г.), публикация Балтийского и международного морского совета (далее – *BIMCO NBC 07*)⁸.

Основная часть

1. Толкование договора: теория и нормативное регулирование. В научной литературе, посвященной толкованию гражданско-правовых договоров, используются различные понятия, посредством которых исследователи анализируют этот процесс: «теории толкования», «принципы толкования», «подходы к толкованию», «модели толкования», «правила толкования» и др. Разобраться в этом, подчас хаотичном словоупотреблении, нам поможет краткое изложение базовых теоретических положений о толковании гражданско-правового договора и их проявлений в законодательстве и руководящей судебной практике, на основе чего в дальнейшем будет возможно перейти к решению второй исследовательской задачи, заявленной в данной работе.

Под толкованием гражданско-правового договора, вслед за А.К. Байрамкуловым, будем понимать «...деятельность суда по установлению значения условий договора с целью определения прав и обязанностей сторон» [3, с. 49]. Данное определение подчеркивает практический аспект толкования: вопрос о толковании условий договора возникает в процессе применения права и имеет целью установление прав и обязанностей

⁴ FIDIC Conditions of Contract for Plant & Design-Build: for Electrical & Mechanical Plant and for Building & Engineering Works Designed by the Contractor. 2nd edition. Geneva. FIDIC. 2017. URL: <https://fidic.org/books/plant-and-design-build-contract-2nd-ed-2017-yellow-book> (дата обращения: 01.07.2025).

⁵ JCT Design and Build Contract. London. JCT. 2016. URL: <https://www.jctld.co.uk/product/design-and-build-contract> (дата обращения: 01.07.2025).

⁶ ICC Model Turnkey Contract for Major Projects. Paris. 2007. URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/model-contracts-clauses/icc-model-turnkey-contract-for-major-projects/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁷ CIOB Time and Cost Management Contract. Berkshire. CIOB. 2015. URL: <https://www.lexisnexis.co.uk/legal/guidance/ciob-time-cost-management-contract> (дата обращения: 01.07.2025).

⁸ BIMCO Standard Building Contract (NEWBUILDCON). Copenhagen. BIMCO. 2007. URL: <https://www.bimco.org/contractual-affairs/bimco-contracts/contracts/newbuildcon/> (дата обращения: 01.07.2025).

сторон конкретного договора. Объектом толкования является «...волеизъявление стороны-заявителя с позиций стороны-адресата» [3, с. 59].

Два базовых подхода⁹ к толкованию условий договора, присутствующих в том или ином сочетании в законодательстве и судебной практике, именуются субъективным и объективным подходами. Первый основан на идее автономии воли и отдает приоритет воле сторон над ее объективным воплощением в условиях договора. Второй базируется на идее защиты разумных ожиданий (доверия) сторон и третьих лиц к волеизъявлению, выраженному в договоре. В рамках последнего из указанных подходов исследователи выделяют три модели толкования – модель «четырех стен», «ограниченно-контекстуальная модель» и «расширенно-контекстуальная модель», различающиеся по объему допустимого использования для целей толкования контекста заключения и исполнения договора, т.е. учета в процессе толкования различных обстоятельств [1, с. 501–516]. В договорном праве разных государств эти подходы представлены в различном сочетании: один из подходов принимается за базовый, а второй дополняет его. В конечном счете в правоприменительной практике всех стран формируется сбалансированное сочетание подходов, в большей степени соответствующее расширенно-контекстуальной модели объективного подхода: когда в ходе установления содержания условий договора принимается во внимание как внешний, так и внутренний контекст (обстоятельства, в условиях которых согласовывался, заключался и исполнялся договор). На подобное сближение и «усреднение» методологии толкования обращается внимание в отечественных и зарубежных публикациях [6, р. 127, 128; 1, с. 510].

В русле подходов и моделей толкования договора применяются методы толкования. Методы буквального и системного толкования соответствуют объективному подходу. Исторический, телеологический методы толкования находятся на стыке объективного и субъективного подходов. Кроме методов выделяют приемы толкования – толкование *favour contractus*, толкование *contra preferentem*, направленные на решение проблемы интерпретационного тупика – ситуации, когда ни один из методов не дает возможность установить содержание условий договора, а также интерпретационные презумпции – «подсказки», обращенные к правоприменителю, локализованные в конкретных институтах договорного права.

Подходы, модели, методы, приемы толкования и интерпретационные презумпции воплощаются в правилах толкования, которые закрепляются в нормах законов и позициях руководящей судебной практики. А.К. Байрамкулов на основе критерия «функция, которую правила выполняют в процессе толкования» выделяет несколько уровней правил толкования:

- 1) правила первого уровня, фиксирующие подходы (принципы) толкования и их соотношение между собой;
- 2) правила второго уровня, представляющие собой стандарты оценки правоприменителем неясных условий договора, в состав которых входят:
 - правила учета обстоятельств, свидетельствующих о содержании воли, принимаемых во внимание при толковании договора;
 - правила, ограничивающие (запрещающие) толкование договора;
 - правила, устанавливающие предпочтение различных версий толкования договора;
- 3) правила третьего уровня – каноны или неюридические правила толкования (логические, лингвистические) [3, с. 97–99].

В российском гражданском законодательстве и руководящей судебной практике проявляются все указанные выше компоненты методологии толкования, выделяемые

⁹ Они же «теории толкования» [2, с. 445], они же «принципы толкования» [3, с. 97].

в теории. Базовым источником правил толкования, фиксирующим правила первого уровня, является ст. 431 ГК РФ. Толкование условий договора стартует с модели «четырех стен» («При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом»), переходя затем к расширенно-контекстуальной модели объективного подхода («Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, ... принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон»).

Руководящая судебная практика устанавливает несколько иное сочетание подходов к толкованию. Согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 49¹⁰ (далее – ПП ВС РФ 49) «[п]ри толковании условий договора в силу абзаца первого статьи 431 ГК РФ судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений (буквальное толкование). Такое значение определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ), *если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела*» (курсив авторов. – В.В., Н.М.). Иными словами, Суд отдает приоритет расширенно-контекстуальной модели над моделью «четырех стен».

Правила второго уровня так же представлены в законодательстве и руководящей судебной практике: необходимость учета переписки сторон, обычаев, последующего поведения сторон (ст. 431 ГК РФ), толкование *favour contractus* (п. 44 ПП ВС РФ 49), толкование *contra preferentem* (п. 45 ПП ВС РФ 49), презумпция неабонентского характера договора (п. 33 ПП ВС РФ 49) и др.

Правила третьего уровня в силу их природы не зафиксированы в законодательстве и руководящей судебной практике. Но их использование в ходе толкования (определение логического объема понятий, обращение к словарям для установления значения слов) можно увидеть в судебной практике по конкретным спорам¹¹.

Таким образом, в отечественном гражданском законодательстве и руководящей судебной практике закреплена методология толкования условий гражданско-правовых договоров, в целом отвечающая потребностям гражданского оборота.

2. Возможность корректировки и дополнения методологии толкования сторонами. Методология толкования гражданско-правового договора базируется на идеях свободы договора и защиты разумных ожиданий (доверия) сторон и третьих лиц к договору. Целями фиксации в законодательстве подходов и методов толкования, последовательности их применения является, с одной стороны, предотвращение подмены воли сторон договора иными смыслами, которые с точки зрения субъекта толкования (правоприменительного органа) в большей степени отвечают требованиям должного, а с другой – внесение правовой определенности в отношения сторон друг с другом и третьими лицами.

В доктрине иногда высказываются критические замечания на предмет необходимости существования такой методологии. И ключевым аргументом такой критики является

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // КонсультантПлюс.

¹¹ Постановление ФАС Уральского округа от 21.10.2010 № Ф09-7731/10-С3 по делу № А60-60495/2009-С2 // КонсультантПлюс.

утверждение об отсутствии иерархии методов толкования законодательства: правоприменитель не связан строгими требованиями к составу и последовательности применения методов толкования закона, так почему же в отношении толкования договора такая связанность присутствует? Это по меньшей мере непоследовательно.

Однако толкование закона существенно отличается от толкования договора. Вот что об этом пишут немецкие авторы: «[п]ри толковании юридических сделок, особенно договоров ... это почти всегда вопрос, касающийся двух сторон. Одна сторона изъявляет волю, другая как бы получает такое волеизъявление. Каждая из сторон может придавать волеизъявлению разный смысл. Из этого может возникать спор, чья интерпретация является верной. В принципе, приоритет должен отдаваться волеизъявителю, если то, что он имел в виду, было достаточно понятно для другой стороны. Получатель должен приложить разумные усилия, чтобы понять мнение волеизъявителя, при необходимости переспросить его. Особенности речевых выражений волеизъявителя должны учитываться второй стороной, если она может и должна их понимать. Однако если волеизъявление при объективном его толковании должно было быть понято второй стороной иначе, чем это имела в виду первая сторона, когда она, например, оговорила, или имела место опечатка, или же выбрано неверное выражение, то действует то значение, которое было понято второй стороной... В отличие от толкования сделок при толковании закона речь идет не о понимании и способности понимания содержания двумя участвующими сторонами, например законодателем и соответствующим адресатом нормы. Здесь внимание уделяется законодателю и использованным им формулировкам. От того, как адресат законодательных норм их понял, толкование закона не зависит» [7, с. 194, 195]. Необходимость учета горизонтов понимания изъявителя воли и адресата волеизъявления требует последовательного применения методов толкования, направленных на установление содержания волеизъявления.

Вместе с тем тотальная «алгоритмизация» процесса толкования договора вряд ли возможна (например, невозможно зафиксировать исчерпывающий перечень обстоятельств, которые правоприменитель должен принимать во внимание, толкуя договор) или целесообразна. Следует согласиться с мнением, выраженным Г.Ф. Пухта (*G.F. Puchta*), по поводу стремления зарегулировать процесс толкования: «[о]т крайности должны охранять юриста здравый юридический такт и разум, внешние же правила полезны слабым головам, избавляя их от самостоятельного мышления, но таким лицам лучше вовсе не браться за толкование» [3, с. 96].

Предшествующий теоретический обзор методологии толкования демонстрирует неоднородность правил толкования: «[е]сли принципы толкования договора устанавливают общие методологические начала, обозначая исходную позицию (содержание воли стороны либо понимание разумного лица), опираясь на которую суд разрешает спор о толковании, то правила толкования договора являются непосредственным руководством для суда при оценке доводов сторон» [3, с. 98]. Поскольку исчерпывающее закрепление правил толкования второго и третьего уровня в законодательстве представляет собой невыполнимую задачу, включение в гражданско-правовые договоры условий, фиксирующих правила толкования, выглядит вполне допустимой практикой. Являясь профессиональными участниками хозяйственных отношений, локализованных в отдельных индустриях, предприниматели или их объединения могут учесть специфику содержания условий соответствующих договоров и зафиксировать ее в договорных правилах толкования. Эта деятельность, именуемая в зарубежной литературе «частное регулирование» (*private ordering*), является одним из трех (наряду с законотворческой деятельностью парламента и правотворческой деятельностью высших судебных инстанций) источников правообразования. Авторы, исследующие феномен *private ordering*, отмечают, что

создание и трансляция правил толкования условий типовых договоров, созданных в рамках соответствующего профессионального сообщества, являются одним из квалифицирующих признаков и компонентов частной регулятивной среды (*private regulatory framework*) [8, р. 391].

Намеки на допустимость дополнения законодательной методологии толкования договоров сторонами можно найти в актах международной унификации частного права. «В Принципах европейского договорного права приводится перечень обстоятельств, в который помимо перечисленного включаются *толкование, которое уже было дано сторонами в отношении аналогичных положений договора*, а также требования добросовестности и честной деловой практики (ст. 5:102). Аналогичный перечень содержится в ст. II-8:102 DCFR» [3, с. 101] (курсив авторов. – В.В., Н.М.). Возможность сторон указать в договоре правила, по которым условия договора должны толковаться правоприменителем, является одной из допустимых интерпретаций приведенного правила.

В отечественном правопорядке также наметился демократичный подход к данному вопросу. Так, Верховный суд РФ исходит из неисчерпывающего характера подходов, моделей и методов толкования. Согласно п. 46 ПП ВС РФ 49 «[п]ри толковании условий договора суд с учетом особенностей конкретного договора вправе применить как приемы толкования, прямо установленные статьей 431 ГК РФ, иным правовым актом, вытекающие из обычаев или деловой практики, так и иные подходы к толкованию. В решении суд указывает основания, по которым в связи с обстоятельствами рассматриваемого дела приоритет был отдан соответствующим приемам толкования условий договора».

Иными словами, суды не ограничены положениями гражданского законодательства и руководящей судебной практики в поиске и использовании правил толкования договора. А где они могут почерпнуть необходимую информацию? Авторы комментария к п. 46 ПП ВС РФ 49 указывают на «непоименованные» правила толкования, содержащиеся в международных актах унификации частного права [9, с. 117, 118.]. Представляется, что это не единственный источник: суды могут обращаться к деловой и, в частности, договорной практике, что вполне допустимо и целесообразно.

Таким образом, развитие гражданско-правового регулирования договорных отношений идет по пути признания за сторонами права включать в договоры правила толкования их условий. Однако возникает вопрос, каким образом «измерить» пригодность этих договорных правил толкования? Есть ли объективные критерии, обратившись к которым субъект толкования может применить или отказаться от применения соответствующего правила? На этот счет можно высказать ряд соображений.

Во-первых, соответствующие правила не должны входить в противоречие с базовыми идеями и целями официально закрепленной методологии толкования, в частности:

* Если правила, вводимые сторонами, способствуют либо не препятствуют суду установить содержание условия договора, способствуют увеличению точности определения воли сторон, то они должны соблюдаться (далее – критерий 1).

* Если правила, установленные сторонами, направлены на обеспечение разумных ожиданий адресата волеизъявления, повышают предсказуемость толкования, защищают доверие сторон и третьих лиц, то они должны соблюдаться (далее – критерий 2).

* Если правила, установленные сторонами, направлены на преодоление явной (например, разные явно выраженные условия в двух разных элементах договорной документации) или скрытой (например, языковое выражение условия допускает разные смыслы) объективной неопределенности, то они должны соблюдаться (далее – критерий 3).

Во-вторых, ряд критериев можно сформулировать с позиции экономического анализа права. В своей работе один из родоначальников экономического анализа права отмечает: «[ц]елью системы, методологии и доктрины толкования договора является

минимизация договорных трансакционных издержек, в общих чертах, понимаемых как затруднения в распределении ресурсов для их более эффективного использования» [5, р. 3]. Эта позиция поддержана отечественными исследователями: «[н]еясность текста договора порождает риск возникновения серьезных издержек в первую очередь в плане дестабилизации отношений сторон. Одна из целей договорного права состоит в том, чтобы такие неоправданные издержки предотвращать, тем самым способствуя росту экономической эффективности частных трансакций... Каким же образом право может обеспечить данный результат? Ответ очевиден: путем создания соответствующих стимулов» [2, с. 451].

К экономико-правовым критериям оценки договорных правил толкования отнесем следующие положения:

* Если правила, установленные сторонами, снижают трансакционные издержки, то они должны соблюдаться (далее – критерий 4).

* Если правила, установленные сторонами, создают стимулы для наиболее полного отражения сторонами смысла условий в формулировках договора, то они должны соблюдаться (далее – критерий 5).

Таким образом, стороны договоров свободны в согласовании и включении в договор правил толкования договора, которые не входят в противоречие с подходами (принципами) толкования и базовыми идеями, лежащими в их основе, а также не усложняют достижение целей толкования. Для проведения оценки соблюдения указанных требований, опираясь на содержание общих условий типовых договоров, являющихся объектом данного исследования, проведем классификацию условий о толковании по уровням правил толкования и оценим их на предмет соответствия / несоответствия / невосприимчивости по критериям, сформулированным выше.

3. Анализ и оценка условий типовых договоров (контрактных проформ) о толковании. Типовые договоры являются результатом «правотворческой» деятельности негосударственных объединений; формой воплощения деловых обыкновений – прогрессивных деловых практик, применяемых в отдельных индустриях. Именно в таком виде (форма выражения деловых обыкновений) типовые договоры существуют до момента выражения сторонами конкретного договора воли на присоединение (инкорпорацию) этих деловых обыкновений в свой договор. После этого природа правил типового договора изменяется: из деловых обыкновений они преобразуются в условия гражданско-правового договора.

Из такой двойственной природы условий типовых договоров следует, что применение к их толкованию субъективного подхода (установление истинной воли, не воплощенной в тексте, и ее приоритет над буквальными формулировками условий) невозможно в принципе¹²: ни одна из сторон не создавала эти условия, не вкладывала в них свой индивидуальный и эксклюзивный смысл, не согласовывала их формулировки с другой стороной. Соответственно, как мы увидим далее, правила толкования, закрепленные в типовых договорах, созданы в русле объективного подхода и предназначены для установления содержания волеизъявления, имеющего объективное выражение в виде условий контрактной проформы.

Анализ текстов типовых договоров, составляющих объект данного исследования, указывает на фиксацию в них правил толкования второго и третьего уровней. Ни в одном

¹² Данный вывод поддерживается в зарубежной литературе: толкование условий предпринимательских договоров, в особенности стандартных проформ, должно основываться на понимании разумным третьим лицом коммерческого контекста заключения договора; разумные ожидания стороны или третьего лица, полагающегося на эти проформы, не должны подрываться толкованием. См.: Kotz H. [4, р. 118].

из типовых договоров нет условий, устанавливающих принципиальные положения толкования, либо меняющих соотношение отдельных подходов или моделей толкования. Таким образом, соответствующие условия контрактных проформ не входят в противоречие со ст. 431 ГК РФ и с положениями руководящей судебной практики.

В структуре всех проанализированных типовых договоров выделяется отдельная статья (или пункт), именуемая «Толкование» (*Interpretation*). Однако условия, квалифицируемые как правила толкования, могут содержаться и в других статьях/ пунктах контрактных проформ. Так, правила определения приоритета между различными языковыми версиями договора, а также приоритета между отдельными документами в составе договорной документации в *FIDIC Yellow Book 17* выделены в отдельные пункты (п. 1.4, 1.5 Общих условий); правила об учете заголовков статей для целей толкования в *ICC Turnkey 07* содержатся не в статье о толковании, а в статье «Сообщения, включая уведомления и согласования» (*Communications, including notices and consents*) (п. 65.4(е) Общих условий).

Правила толкования тесно связаны с глоссариями типовых договоров. Глоссарий (статья/ пункт «Определения» (*Definitions*)) как структурный элемент типового договора содержит определения терминов, используемых в договоре; иными словами, там определяется значение и логический объем понятий. Следовательно, определения понятий представляют собой правила толкования третьего уровня (каноны), а глоссарий является одним из инструментов буквального толкования.

Количественное отношение правил толкования в типовых договорах к видам правил, выделяемым в рамках классификации А.К. Байрамкулова, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Количество отдельных видов правил толкования в типовых договорах

№ п/п	Уровни правил толкования	FIDIC Yellow Book 17	JCT DB 16	ICC Turnkey 07	CIOB TCM 15	BIMCO NBC 07
1	Уровень 2. Правила учета обстоятельств	3	2	2	5	0
2	Уровень 2. Правила, ограничивающие толкование	1	1	1	2	2
3	Уровень 2. Правила предпочтения версий толкования	2	1	3	1	0
4	Уровень 3. Каноны (неюридические правила) толкования	4	4	2	2	1

Источник: сост. авторами.

Качественный (содержательный) анализ и оценку правил толкования в типовых договорах целесообразно предпринять в рамках каждой из выделенных групп правил.

3.1. Уровень 2. Правила учета обстоятельств, свидетельствующих о содержании воли, принимаемых во внимание при толковании договора. К указанной группе правил относятся:

1. Правило о толковании договора с учетом применимого права (п. 1.4 *FIDIC Yellow Book 17*, п. 1.11 *JCT DB 16*, п. 5.1 *ICC Turnkey 07*, п. 2.2 *CIOB TCM 15*). Примечательно, что в трех из указанных четырех проформ в формулировке о выборе применимого права содержится прямое указание на то, что избранное право применяется для толкования договора. Хотя особого практического смысла в этом нет, поскольку толкование договора входит в «договорной статут» избранного права (см. пп. 1 п. 1 ст. 1215 ГК РФ)¹³.

2. Правила толкования ссылок на документы: 2.1) если в договоре содержится указание на «соглашение», то оно толкуется как соглашение сторон, если облечено в письменную форму (п. 1.2(c) *FIDIC Yellow Book 17*, 65.4(c) *ICC Turnkey 07*); 2.2) если в договоре содержится ссылка на документ и если стороны в ходе исполнения договора используют технологии цифрового моделирования (*BIM protocol*), то он толкуется как обязательный для сторон, если соответствует форме, применяемой в рамках такого протокола (п. 1.4.6 *JCT DB 16*).

3. Правила толкования ссылок на действия (мероприятия) в ходе исполнения договора: ссылка на «встречу» проектной команды, на «передачу» или «опубликование» сообщений в ходе исполнения договора толкуются в таком качестве, если соблюдены требования к выполнению этих действий, предусмотренные договором (п. 2.5.4, 2.5.7, 2.5.8 *CIOB TCM 15*). Например, «передача» сообщения должна толковаться в таком качестве, если сообщение направлено адресату с копией в адрес администратора контракта, менеджера по управлению сроками и менеджера по управлению затратами в формате *pdf* по электронной почте (п. 2.5.7 *Общих условий*). При несоблюдении указанных требований отправленное уведомление или письмо не рассматривается как «передача» сообщения и не порождает соответствующие последствия.

4. Правила толкования, ориентирующие на учет иных обстоятельств: 4.1) перечисление в договоре определенных обстоятельств не должно толковаться как исчерпывающий перечень таких обстоятельств (п. 1.2(h) *FIDIC Yellow Book 17*); 4.2) ссылка на нормативный акт в тексте договора должна толковаться как ссылка на такой акт в редакции, существовавшей на базовую дату (дата, на которую определена цена договора), с учетом изменений и дополнений, внесенных в такие акты после заключения договора (п. 2.5.5, Приложение А *CIOB TCM 15*).

Последнее из указанных правил требует пояснений. С точки зрения нашего правового порядка, если воспринимать содержание этого правила буквально, оно вторгается в сферу определения соотношения договора и закона, которая у нас урегулирована на законодательном уровне (напомним, п. 2 ст. 422 ГК РФ устанавливает общее правило о приоритете условий ранее заключенного договора над изменившимися нормами закона).

Однако объектом анализа является контрактная проформа, созданная в условиях общего права, где под ссылкой в договоре на нормативно-правовой акт иногда понимается инкорпорация последнего в договор. Иными словами, положения акта становятся условиями договора. Этот юридико-технический прием используется юристами общего права для того, чтобы распространить меры договорной ответственности на случаи нарушения норм соответствующего акта [10, р. 39–42]. Именно в контексте указанной специфики необходимо понимать анализируемое правило толкования.

Оценка указанной группы правил толкования демонстрирует их соответствие критериям 1–4 и невосприимчивость к критерию 5, поскольку их направленность на стимулирование к наиболее полному и точному формулированию условий договора не прослеживается. Вместе с тем, безусловно, эти правила нацелены на установление точного

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс.
232

значения условий (точность обеспечивается с учетом контекста заключения и исполнения договора), защиту ожиданий договаривающихся сторон, преодоление неопределенности и снижение трансакционных (литогационных) издержек.

3.2. Уровень 2. Правила, ограничивающие (запрещающие) толкование договора. Данная группа правил включает следующие условия:

1. Правила об учете заголовков статей/ пунктов для целей толкования (п. 1.2 *FIDIC Yellow Book 17*, п. 1.4.1 *JCT DB 16*, 65.4(е) *ICC Turnkey 07*, 2.5.6 *CIOB TCM 15*, предварительные разделы *BIMCO NBC 07*¹⁴). Обратим внимание на то, что в четырех из пяти указанных правил заголовки не должны приниматься во внимание для целей толкования. И только в п. 65.4(е) *ICC Turnkey 07* предусмотрено прямо противоположное правило: заголовки должны использоваться для установления содержания условий договора. Случаи учета заголовков при толковании договора известны отечественной судебной практике¹⁵.

Данное правило толкования имеет практическое значение. Как отмечают зарубежные авторы, иногда неудачная краткая формулировка содержания пункта или раздела может ввести в заблуждение в отношении содержания соответствующего пункта/ раздела; для снятия этого риска используется оговорка против учета заголовков при толковании [11, р. 575].

2. Интеграционная оговорка (*entire agreement clause*): заявления, документы, предварительные соглашения между сторонами, имевшие место до заключения договора, не имеют юридической силы (п. 3.1 *CIOB TCM 15*, п. 47 *BIMCO NBC 07*). Следует оговориться, что прямое указание на распространение интеграционной оговорки на толкование договора в формулировках указанных пунктов контрактных проформ отсутствует, что, по мнению исследователей, не влияет на возможность использования преддоговорных материалов при толковании [12, с. 154]. Однако в силу неопределенности формулировок оговорки (например, в п. 47 *BIMCO NBC 07* говорится, что преддоговорные документы и заявления «не влияют» на договор) в случае возникновения спора заинтересованная сторона может попытаться истолковать интеграционную оговорку в нужном ей смысле, распространив ее на область толкования.

Оценка первой подгруппы правил в рамках данной группы указывает на соответствие критериям 1–4, а особое правило в отношении заголовков в п. 65.4(е) *ICC Turnkey 07* еще и критерию 5. Что касается интеграционной оговорки в *CIOB TCM 15* и *BIMCO NBC 07*, то здесь все не так однозначно.

Истолкование этих правил как исключających возможность использования для целей толкования материалов и документов, предшествовавших заключению договора, не способствует защите доверия сторон, однако защищает доверие третьих лиц, которые не имеют возможности получить объективную и достоверную информацию о нюансах преддоговорного взаимодействия сторон. Соответственно, по критериям 1, 4 и 2 (в части защиты доверия сторон) данные правила не являются пригодными для целей толкования. Однако по критериям 3, 5 и 2 (в части защиты доверия третьих лиц) интеграционная оговорка допустима. Представляется, что решение о том, применять или не применять интеграционную оговорку для блокирования возможности предоставления преддоговорных материалов и документов, будет зависеть от субъектного состава спора, на что обращалось внимание в литературе [3, с. 46, 47].

¹⁴ В контрактной проформе *BIMCO NBC 07* пункты «Определения» и «Толкование» не включены в общую нумерацию пунктов, приведены перед первой статьей «Судно» в Общих условиях.

¹⁵ См. напр.: Постановление Президиума ВАС РФ от 18.02.1997 № 1852/96 // КонсультантПлюс.

3.3. Уровень 2. Правила, устанавливающие предпочтение различных версий толкования договора. Данную группу правил составляют следующие условия типовых договоров:

1. Правила о приоритете одной из языковых версий договора, когда договор составлен на нескольких языках (п. 1.4 *FIDIC Yellow Book 17*, п. 4.2 *ICC Turnkey 07*). Отражение данных правил только в двух из пяти проформ объясняется тем, что публикации Международной федерации инженеров-консультантов и Международной торговой палаты ориентированы на применение этих контрактных проформ в международных проектах, где составление договора на двух и более языках является обычной практикой.

2. Правила о приоритете отдельных документов в составе договорной документации (п. 1.5 *FIDIC Yellow Book 17*, п. 1.3 *JCT DB 16*, п. 7.1 *ICC Turnkey 07*, п. 3.3 *CIOB TCM 15*). Значимость этих правил как инструмента системного толкования сложно переоценить. Договоры в сфере инвестиционно-строительной деятельности и судостроения представляют собой сложные, объемные совокупности множества документов. В подобных условиях возникает риск различного урегулирования одних и тех же аспектов проекта в разных элементах договорной документации.

Анализируемые правила различаются содержательно. Наименее удачным является правило в *JCT DB 16*, согласно которому соглашение и общие условия обладают приоритетом над другими документами в составе договора. При помощи этого правила невозможно определить приоритет соглашения и общих условий, а также приоритет между иными документами. В других проформах разработчики включили перечень договорной документации, изложенный в порядке иерархической подчиненности, что с практической точки зрения является более эффективным.

3. Иные правила о приоритете условий: взаимосогласованные условия обладают приоритетом над типовыми; условия, согласованные позднее, обладают приоритетом над ранее согласованными условиями (п. 7.3, 7.3 *ICC Turnkey 07*). Данные правила являются удачным дополнением к предыдущей подгруппе и применяются в рамках одного уровня иерархии договорных документов.

Оценка первой и третьей подгрупп правил в рамках данной группы демонстрирует соответствие по всем пяти критериям. Вторая подгруппа правил так же соответствует всем критериям, за исключением формулировки п. 1.3 *JCT DB 16*, которая вносит неопределенность в иерархические отношения отдельных элементов договорной документации, тем самым подрывая ожидания сторон и третьих лиц и провоцируя литигационные издержки при возникновении спора.

3.4. Уровень 3. Каноны (неюридические правила) толкования. Данная группа правил содержит, на первый взгляд, очевидные положения, которые, тем не менее, играют важную практическую роль. Назначением лексических и логических правил толкования является оптимизация языкового выражения условий, избежание раздутых, неуклюжих формулировок [11, р. 573, 574].

Это правила о применении грамматических родов (п. 1.2(a) *FIDIC Yellow Book 17*, п. 1.4.3 *JCT DB 16*, п. 65.4(a) *ICC Turnkey 07*); правило о единственном и множественном числе терминов (п. 1.2(b) *FIDIC Yellow Book 17*, п. 1.4.2 *JCT DB 16*, 65.4(b) *ICC Turnkey 07*, п. 2.5.1 *CIOB TCM 15*, предварительные разделы *BIMCO NBC 07*); логический объем понятия «лицо» (включает физические, юридические лица) (п. 1.2(i) *FIDIC Yellow Book 17*, п. 1.4.4 *JCT DB 16*, п. 2.5.2 *CIOB TCM 15*); правило ссылки на статью/ пункт как на статью/ пункт данного договора (п. 1.2 *JCT DB 16*, п. 1.1 *ICC Turnkey 07*). В эту же группу правил следует включить все определения терминов, содержащиеся как в глоссариях, так и других статьях/ пунктах контрактных проформ.

Безусловно, указанные правила способствуют лучшему пониманию и установлению точного содержания условий договоров, защищая разумные ожидания сторон и третьих лиц, снижению трансакционных издержек.

Таким образом, за редкими исключениями, на которые обращалось внимание в описании анализа и оценки содержания договорных правил толкования, анализируемые правила не входят в противоречие с официальной методологией толкования условий договоров, закрепленной в законодательстве и руководящей судебной практике, а также соответствуют тем идеям и целям, которые образуют базовое содержание института толкования гражданско-правового договора.

Заключение

Подводя итоги исследования, ответим на вопросы, сформулированные в вводной части данной статьи.

1. Природа договорных правил толкования. Анализ условий типовых договоров о толковании свидетельствует о том, что их разработчики не стремятся ввести новые подходы к толкованию или изменить сочетание подходов и моделей толкования договоров, утвердившееся в законодательстве и руководящей судебной практике. Эти условия представляют собой инструменты толкования, предназначенные для решения конкретных задач, соответствующие правилам толкования второго и третьего уровней, выделенных в классификации А.К. Байрамкулова.

2. Правомерность включения в договоры правил толкования. Поскольку проанализированные правила толкования не вступают в противоречие с методологией толкования договоров, закрепленной в законодательстве и руководящей судебной практике, а также соответствуют современному демократичному подходу к выбору и использованию приемов толкования, отраженному в руководящей судебной практике, их включение в типовые договоры является правомерным.

3. Целесообразность включения в договоры правил толкования. Поскольку современные подходы к толкованию договоров, официально признанные и применяемые в России и за рубежом, ориентируют на учет контекста заключения и исполнения договора, включение в типовые договоры специальных правил толкования, позволяющих учесть специфику соответствующей индустрии, является целесообразным.

4. Обязательность договорных правил толкования для субъекта толкования. Универсальный и однозначный вывод на предмет обязательности договорных правил толкования сделать невозможно, поскольку это зависит от ряда факторов: во-первых, от характера правил и, во-вторых, от статуса субъекта толкования.

Субъектами толкования являются государственные и третейские суды, осуществляющие толкование договорных условий в рамках разрешения споров, иные представители юрисдикционной системы (нотариусы, удостоверяющие сделки, государственные органы, осуществляющие регистрацию сделок), а также частные лица. Последняя категория субъектов требует пояснения.

Ряд контрактных проформ наделяют полномочиями по толкованию договора третьих лиц, не являющихся его сторонами. При этом толкование, изложенное такими лицами, является обязательным для сторон договора. Так, пункт 1.5 общих условий *FIDIC Yellow Book 17* устанавливает, что при выявлении двусмысленности или неопределенности в документе, входящем в состав договорной документации, инженер (третье лицо, привлеченное заказчиком для выполнения функций по управлению исполнением договора) должен дать разъяснение, проясняющее смысл неясного положения в документе; согласно пунктам 3.5, 3.7 общих условий *CIOB TCM 15* при выявлении двусмысленности, неопределенности, противоречий между документами в составе договорной доку-

ментации или документами и применимым правом администратор договора должен в течение 10 дней выдать инструкцию по устранению противоречия.

Очевидно, что правила толкования договора, ориентирующие государственный арбитражный суд на учет определенных обстоятельств при толковании, не будут иметь обязательной силы, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 71 АПК РФ «[н]икакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы». Что касается субъектов толкования, обладающих такими полномочиями в силу условий договора, для них те же самые правила будут носить обязательный характер¹⁶. Таким образом, вопрос об обязательности договорных правил толкования требует *ad hoc* решений, исходя из индивидуальных характеристик конкретной ситуации.

В целом действующее законодательство и руководящая судебная практика признают свободу сторон договора в согласовании и включении в договор правил толкования его условий, ограничивая ее требованием непротиворечия принципиальным положениям о толковании гражданско-правового договора, базовым идеям и целям этого института договорного права.

Список источников

1. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Ред. 2. Москва: М-Логос, 2020. 1072 с.
2. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. Москва: Статут, 2016. 528 с.
3. Байрамкулов А.К. Толкование договора в российском и зарубежном праве. Москва: Статут, 2016. 224 с.
4. Kotz H. European Contract Law. NY. Oxford University Press, 2017. 390 p.
5. Posner R. The Law and Economics of Contract Interpretation // Chicago John M. Olin Law & Economics Working Paper No. 229 (2d Series). URL: <http://www.law.uchicago.edu/Lawecon/index.html> (дата обращения: 01.07.2025).
6. Vogenauer S. Interpretation of Contracts: Concluding Comparative Observations // University of Oxford Faculty of Law Legal Studies Research Paper Series Working Paper No. 7/2007. P. 123–150. URL: <http://papers.ssrn.com/Abstract=984074> (дата обращения: 04.07.2025).
7. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К.В. Нама. Москва: М-Логос, 2024. 357 с.
8. Kornet N. Contract Interpretation and Gap Filling: Comparative and Theoretical Perspectives. Antwerpen. Intersentia Oxford, 2006. 485 p.
9. Автонова Е.Д. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (часть 3) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 71–125. EDN: TRFBII (дата обращения: 01.07.2025).
10. Lupton S., Stellakis M. Which Contract? Choosing the Appropriate Building Contract. 6-th edition. London: RIBA Publishing, 2019. 380 p.
11. Anderson M., Warner V. Boilerplate Clauses. 3rd Edition. Bloomsbury, 2012. 631 p.
12. Мехонцева А.А. Интеграционная оговорка: сравнительно-правовое исследование (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 9. С. 137–171. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-9-137-171 (дата обращения 01.07.2025).

References

1. Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation / rev. ed. A.G. Karapetov. 2nd Edition. Moscow: MLogos; 2020. 1072 p.

¹⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // КонсультантПлюс. 236

2. Karapetov A.G. Economic analysis of law. Moscow: Statute; 2016. 528 p.
3. Bayramkulov A.K. Interpretation of the contract in Russian and foreign law. Moscow: Statute; 2016. 224 p.
4. Kotz H. European Contract Law. NY: Oxford University Press; 2017. 390 p.
5. Posner R. The Law and Economics of Contract Interpretation. *Chicago John M. Olin Law & Economics Working Paper No. 229 (2d Series)*. URL: <http://www.law.uchicago.edu/Lawecon/index.html> (accessed date: 01.07.2025).
6. Vogenauer S. Interpretation of Contracts: Concluding Comparative Observations. *University of Oxford Faculty of Law Legal Studies Research Paper Series Working Paper No. 7/2007*. P. 123–150. URL: <http://papers.ssrn.com/Abstract=984074> (accessed date: 04.07.2025).
7. Larenz K., Canaris K.-V. Methodology of jurisprudence / Per. with German K.V. Nama. Moscow: M-Logos; 2024. 357 p.
8. Kornet N. Contract Interpretation and Gap Filling: Comparative and Theoretical Perspectives. Antwerpen. Intersentia Oxford; 2006. 485 p.
9. Avtonova E.D. Comment on Resolution of the Plenum of Supreme court of the Russian Federation No. 49 dated 25 December 2018 “On some issues of the application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on contract execution and interpretation” (Part 3). *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019; (11): 71–125. EDN: TRFBIJ (accessed date: 01.07.2025).
10. Lupton S., Stellakis M. Which Contract? Choosing the Appropriate Building Contract. 6-th edition. London: RIBA Publishing; 2019. 380 p.
11. Anderson M., Warner V. Boilerplate Clauses. 3rd Edition. Bloomsbury; 2012. 631 p.
12. Mekhontseva A.A. Integration clause: comparative observations (Part 2). *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2023; (9): 137–171. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-9-137-171 (accessed date: 01.07.2025).

Информация об авторах:

Варавенко Виктор Евгеньевич, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. международного публичного и частного права, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, vevaravenko@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6053-0394

Ниязова Марина Валентиновна, канд. экон. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, marina.niazova@vvsu.ru. ORCID: 0000-0001-5638-6959

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/223-237>

EDN: <https://elibrary.ru/NVVQFF>

Дата поступления:
07.07.2025

Одобрена после рецензирования:
21.07.2025

Принята к публикации:
14.11.2025

- Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ярыгина М.М.* Искусственный интеллект в высшем образовании: опыт и ожидания преподавателей регионального университета. Т. 17. № 4. С. 138–146
- Абросимова Е.Е., Филипова А.Г.* Искусственный интеллект: вызовы и возможности использования в образовательном процессе. Т. 17. № 2. С. 203–211
- Артёмьев А.В., Гриняк В.М., Иваненко Ю.С., Шулепина А.В.* Метрики оценки напряженности движения судов на морской акватории с интенсивным трафиком. Т. 17. № 2. С. 212–227
- Банникова Л.В., Морозова В.И.* Организационно-педагогические условия овладения психологическим аспектом педагогического дискурса. Т. 17. № 3. С. 159–169
- Белозерцева Н.П., Латкина А.А.* Перспективы и ограничения в развитии международного транспортного коридора «Северный морской путь». Т. 17. № 4. С. 46–54
- Белошапко А.А., Чернышева А.С.* Прагматическая адаптация текста в художественном ироническом дискурсе. Т. 17. № 1. С. 134–145
- Беседина Е.С., Васильев А.А.* Правовое регулирование исторической политики: зарубежный опыт. Т. 17. № 1. С. 58–70
- Борзова Т.А., Воронина О.А.* Роль учебной практики в формировании навыков социального взаимодействия в процессе адаптации иностранных студентов-первокурсников. Т. 17. № 4. С. 147–157
- Бризицкая А.В.* Оценка инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов России для китайских инвесторов. Т. 17. № 2. С. 32–46.
- Варавенко В.Е., Ниязова М.В.* Пределы свободы сторон договора в установлении правил толкования его условий. Т. 17. № 4. С. 223–237
- Верещагина А.В.* Заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним: некоторые вопросы регламентации и правоприменения. Т. 17. № 4. С. 210–222
- Вронская М.В., Кузнецов А.В.* Цифровизация правосудия и искусственный интеллект: компаративистское исследование. Т. 17. № 2. С. 149–161
- Гавришев А.А.* Нормативное регулирование деятельности управленческих кадров по информационной безопасности в сфере здравоохранения. Т. 17. № 3. С. 95–105
- Гвилия Н.А., Янковский Д.И.* Управление логистикой отходов в мегаполисах на основе методов имитационного моделирования. Т. 17. № 3. С. 7–21
- Гетманцева В.В., Гусева М.А., Хотеева М.И.* Исследование и разработка швейных изделий с функцией мониторинга состояния организма животных. Т. 17. № 3. С. 230–241
- Гнитецкая Т.Н., Заболотский В.С.* Динамика содержания понятия метапредметности: от античности до современности. Т. 17. № 4. С. 200–209
- Гомилевская Г.А.* Актуализация стандартов гостиничного обслуживания в сегменте приема иностранных туристов. Т. 17. № 4. С. 79–91
- Данилина Е.К., Клещева Н.А., Зачиняева Е.Ф.* Информационно-коммуникативное сопровождение внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов в процессе обучения физике. Т. 17. № 4. С. 188–199
- Данилов Е.А.* Совершенствование информационной архитектуры корпоративного управления: системный подход к менеджменту информационных ресурсов. Т. 17. № 2. С. 121–136
- Доронина И.В.* Опыт применения каузометрии в обучении студентов психолого-педагогической направленности. Т. 17. № 2. С. 193–202
- Дун Даомин.* Многокритериальная методика принятия решений для интеграции китайских логистических операторов в транспортную экосистему сельскохозяйственной продукции России. Т. 17. № 2. С. 7–18
- Екинцев В.И.* Подходы к изучению самостоятельной работы студентов в эпоху искусственного интеллекта. Т. 17. № 3. С. 170–182
- Жохова В.В., Степулева Л.Ф.* Современные подходы к разработке стратегии продвижения медицинских услуг на корпоративном уровне. Т. 17. № 2. С. 105–120
- Иванушкина С.А.* Оценка управленческих компетенций при формировании кадрового резерва кандидатов на руководящие должности в системе образования Московской области. Т. 17. № 3. С. 106–119

- Каменная Е.О., Коноплева Н.А. Аксиосфера высшего учебного заведения как культурного института, репрезентирующего ценности современной российской молодежи. Т. 17. № 4. С. 126–137
- Капустина Т.В., Алешина О.С., Черемискина И.И. Психологическая коррекция кризисного состояния у студентов, связанного с учебно-профессиональной деятельностью. Т. 17. № 4. С. 158–172
- Копылова М.Д., Гетманцева В.В. Система измерений сельскохозяйственных животных для разработки «умной» одежды. Т. 17. № 1. С. 124–133
- Котов Е.В. Роботизация производства и социализация экономики: состояние, причины и последствия. Т. 17. № 2. С. 47–62
- Кочурова А.А. Методика оценки логистического потенциала Северного морского пути. Т. 17. № 1. С. 7–16
- Крыжановская О.А. Психолого-педагогические условия развития метакогнитивных способностей у студентов – будущих педагогов-психологов. Т. 17. № 3. С. 183–195
- Лазарев С.Е., Кузнецова Д.В. Государственные преобразования второй половины XIX века в карикатурном жанре. Т. 17. № 1. С. 48–57
- Латкин А.П., Ян Вэйсинь. Теоретические аспекты исследования проблем обеспечения национальной продовольственной безопасности в современных экономических и геополитических условиях. Т. 17. № 2. С. 19–31
- Литвинова С.Ф. Природа международного частного права. Т. 17. № 3. С. 212–229
- Мартынов Д.В., Красько А.А. Структура портового грузооборота как фактор отраслевого и пространственного развития регионов. Т. 17. № 4. С. 65–78
- Масюк Н.Н., Блюдик А.Р. Динамика развития морского транспорта в приграничных регионах России. Т. 17. № 3. С. 44–60
- Матвеева Е.В. Анализ вовлеченности организаций агропромышленного комплекса в корпоративную социальную ответственность на основе данных по нефинансовой отчетности. Т. 17. № 4. С. 104–114
- Маюшкин А.В. Роль государственно-частного партнерства в развитии моногородов. Т. 17. № 4. С. 34–45
- Москвина Н.Б., Машиовец С.П., Калугина Н.А. Технология реализации воспитательного потенциала межпоколенческого взаимодействия в образовательном пространстве вуза. Т. 17. № 3. С. 134–150
- Мягкая А.А., Чебоксаров Б.А. Проблемы терминологического обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья в действующем законодательстве: технико-юридический аспект. Т. 17. № 2. С. 137–148
- Осипов А.В., Конотоп А.А., Васильева А.А. Проблемы организации стратегического менеджмента трансграничных расчетов в современных санкционных условиях. Т. 17. № 2. С. 92–104
- Ослопова М.В., Костюк И.Е. Методический подход к анализу дебиторской задолженности компании при оценке ее платежеспособности. Т. 17. № 3. С. 120–133
- Паришуков Д.В. Фискальная эффективность государственной поддержки сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе. Т. 17. № 4. С. 23–33
- Плахотина Н.А. Формы государственного режима: проблемы дифференциации. Т. 17. № 3. С. 196–211
- Поликарпов К.И., Ветрова Е.Н. Оценка эффективности деятельности организации на основе анализа ее финансового состояния. Т. 17. № 4. С. 7–22
- Проскурякова А.А., Сайчук Д.С., Солодухин К.С. Ранжирование компетенций сотрудников организации при формировании компетентностной модели с учетом интересов стейкхолдеров. Т. 17. № 4. С. 92–103
- Рахманова М.С., Соловьева А.А. Моделирование бизнес-процессов как фактор повышения эффективности деятельности организации, оказывающей консалтинговые услуги. Т. 17. № 3. С. 61–75
- Сайфуллина Л.Д. Управление человеческими ресурсами в условиях трансформации регионального рынка труда. Т. 17. № 4. С. 115–125
- Секретарев Р.В. Споры о распределении обремененного имущества ликвидированного юридического лица в практике Арбитражного суда Дальневосточного округа 2023–2024 гг. Т. 17. № 1. С. 71–78
- Сергиенко М.С., Зубарев А.Е., Красова Е.В. Модели развития экономики в условиях неравной конкуренции на мировом рынке. Т. 17. № 2. С. 77–91
- Сидоренко А.С. Об эффективности включения практических занятий в учебный процесс в рамках изучения истории физической культуры и спорта. Т. 17. № 3. С. 151–158
- Скрипник В.В. Формирование системы кадрового обеспечения для инновационной модели аграрного сектора региона. Т. 17. № 3. С. 76–94

- Сунь Лимэй, Тао Лися, ЧжоуЦюань, Янь Вэйсинь.* Новые векторы развития российско-китайского сотрудничества в продовольственном обеспечении Дальнего Востока. Т. 17. № 1. С. 17–26
- Суший Т.С.* Методическая модель развития социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке средствами виртуального музея. Т. 17. № 2. С. 183–192
- Суй Хун, Хисамутдинова Н.В.* Русское экономическое образование в Китае (1920–1945). Т. 17. № 1. С. 79–92
- Тимошина Л.М.* Юридическая этика юриста как составляющая его профессиональной культуры. Т. 17. № 1. С. 39–47
- Филимонов В.А.* Концепция многодисциплинарного учебника в формате Колубок. Т. 17. № 1. С. 93–100
- Хмызов М.В.* Школьные учебные программы по английскому языку в Индии: сущность, особенности. Т. 17. № 1. С. 101–110
- Чернявская В.С.* Программа развития метакогнитивных качеств пятиклассников для результативности изучения математики. Т. 17. № 1. С. 111–123
- Чернявская В.С., Екинцев В.И.* Образное и знаково-символическое мышление в обучении математике: диагностика предпочтений и педагогические импликации. Т. 17. № 4. С. 173–188
- Чжан Цзэюй* Алгоритмизированное проектирование логистической инфраструктуры трансграничной торговли Россия – Китай: системно-процессный подход. Т. 17. № 3. С. 22–35
- Шакирова Ю.А., Гатауллина А.А., Квашина Д.И.* Региональные особенности безработицы в Республике Татарстан (2010–2023). Т. 17. № 2. С. 63–76
- Шеромова И.А., Комлева М.О.* Качество информационного обслуживания пассажиров как фактор обеспечения транспортной доступности аэропорта. Т. 17. № 1. С. 27–38
- Шичалина В.А., Латкин А.П., Сунь Лимэй.* Восточноазиатский вектор выстраивания экономических границ. Т. 17. № 4. С. 55–64
- Шишкин М.В., Назарова А.Н.* Модель ресурсообмена в управлении транспортно-логистическими системами. Т. 17. № 3. С. 36–43
- Шурыгина О.А.* Лексические инновации и их распространение в сферах социальной жизни англоязычного общества. Т. 17. № 1. С. 146–153
- Яроцкая Л.В., Буденная С.Ю.* Моделирование содержания обучения английскому языку как лингва франка современного юридического общения. Т. 17. № 2. С. 162–182

.....

Правила оформления статей

.....

По рекомендации президиума ВАК распоряжением Минобрнауки России от 19.12.2023 № 453-р журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» включен в Перечень по 5 научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.6. Менеджмент (экономические науки), 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати, в том числе отметку в тексте и сноску в случае упоминания в тексте иностранных агентов («*18+ Иноагент. Настоящая информация произведена иностранным агентом (ФИО) либо касается деятельности иностранного агента (ФИО), включенного в единый реестр иностранных агентов).

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» публикуются бесплатно.

Направление авторских рукописей в адрес редакции научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» рассматривается как передача авторами прав на их публикацию. Публикуя статью в журнале с последующим ее размещением на сайте журнала, автор соглашается с условиями ее распространения в информационной среде на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (подробнее – <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>). Таким образом, автор размещает свою статью для открытого использования с обязательным указанием авторства и полным сохранением всех авторских прав на публикацию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант статьи направляется по адресу электронной почты vestnik@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Требования к структуре научной статьи

Обязательные элементы:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр научной специальности;
- шифр УДК;

- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail), желательно ведомственной, и контактный номер телефона для каждого автора;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова (на русском и английском языках) (не более 12);
- список источников оформляется в виде нумерованного списка источников в конце статьи, располагается по порядку ссылок на них в тексте статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- *Аннотация* (200–250 слов) является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье).
- *Введение* (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- *Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.*
- *Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.*
- *Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости* (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- *Выводы и научная новизна.* Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные в вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов для их дальнейшего использования и т.п.
- *Список источников* включает только использованные в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию, в противном случае статья подлежит ретракции.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 30 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках.
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации.